Библиотека
всемирной литературы

Серия третья ***

Литература XX века

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Сомов В. С.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Чхиквишвили И. И.
Шамота Н. З.

Я. РАЙНИС

СТИХОТВОРЕНИЯ

●

ПЬЕСЫ

ПЕРЕВОД С ЛАТЫШСКОГО

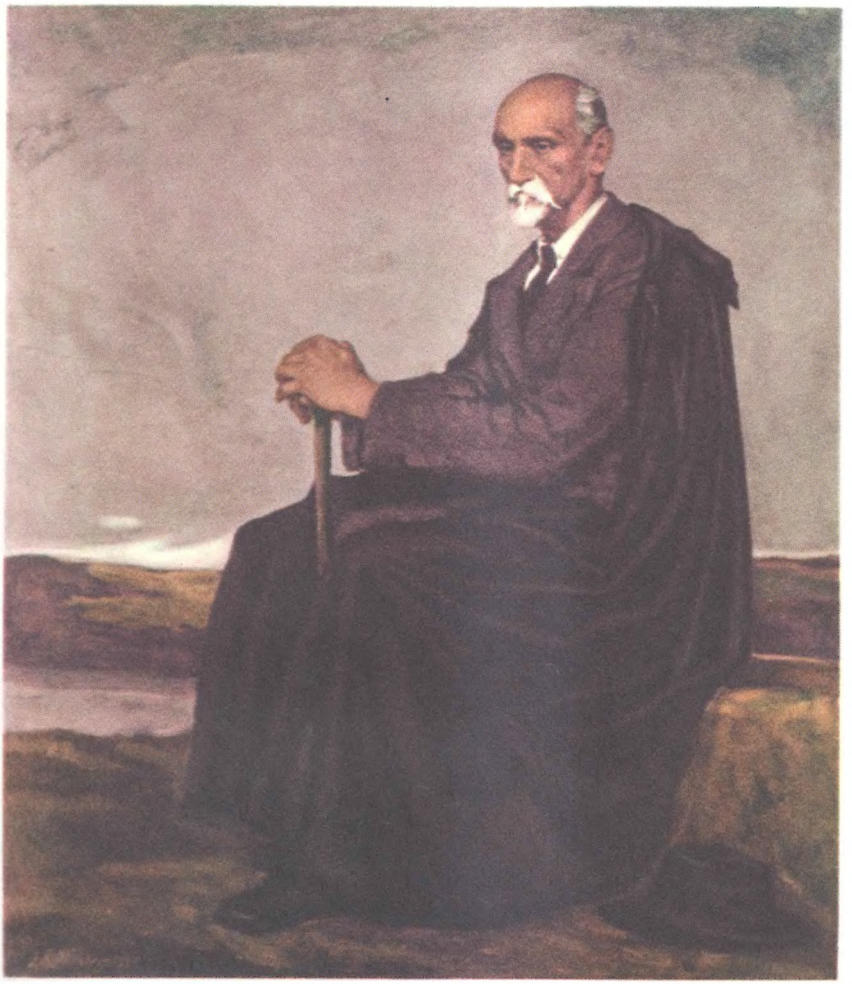
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1976

Вступительная статья, составление и примечания Саулцерите Виесе

С (Латв.)2
Р18

© Издательство «Художественная литература», 1976 г.

Р $\frac{70402\text{-}175}{028\ (01)\text{-}76}$ подписное



ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ЯНА РАЙНИСА

Широким шагом солнце ходит над землей, разгоняет густую тьму, оставляет золотые следы на пашнях. Оно пробуждает реки, взламывает ледяной покров, сзывает к морю воды. На вершине горы, посреди простершегося внизу, возрождающегося к жизни мира, стоит человек. Солнце — в сердце. Солнце — в глазах. На устах — призыв: «Ввысь — к солнцу!»

Поэзия Райниса... Она стала символом возвышенного, овеянного дыханием жизни, исполненного героизма и человечности искусства. Формировалась она в то сложное и богатое событиями время, когда все народы России начали подниматься на борьбу против самодержавия.

Войдя в латышскую литературу в конце XIX века, Райнис вскоре стал провозвестником революции 1905 года и силой своего поэтического таланта воздвиг бессмертный памятник героям-борцам революции, доказав, что Пятый год положил начало новой эпохе, новому обществу, сыграв огромную роль в формировании нового человека. Обладая прозорливостью и мастерством большого художника, Райнис воссоздавал правдивую картину эпохи, вскрывая диалектические закономерности ее развития. Герои его драм и лирики всегда ощущали себя неким связующим звеном между настоящим и будущим. Прошлое и настоящее, миф и реальность в творчестве Райниса соединены в неразрывное целое, дабы полнее и ярче воспроизвести общественный и нравственный идеал будущего и, как основу его, утвердить неисчерпаемые богатства духовных сил человека.

Поэзия Райниса отразила те великие идеи и идеалы, за которые боролись все народы мира в различные исторические эпохи. Борьба угнетенного против угнетателя, самопожертвование во имя победы гуманизма над бесчеловечностью, животворная сила любви, извечная борьба Огня и Ночи — центральные темы поэзии великого латышского поэта.

Янис Плиекшан, таково настоящее имя Райниса, родился 11 сентября 1865 года в самом отдаленном уголке Латвии, там, где она издавна граничит

с белорусскими, русскими и литовскими землями. Ближайшим центром культурной и общественной жизни этих земель являлся Динабург (Даугавпилс), город ремесленников, лавочников, плотников, главным жизненным нервом была река Даугава. Этот торговый путь связывал среднюю часть России с Балтийским морем.

Отец поэта, Кришьян Плиекшан, принадлежал к числу тех немногочисленных латышских крестьян, которые благодаря своей энергии достигли обеспеченного материального положения. С рождением сына Кришьян Плиекшан получил в Таденаве, теперешнем Екабпилсском районе, небольшое арендное поместье. В поисках наиболее выгодных условий существования Плиекшаны неоднократно меняли место жительства. Из Таденавских лесов они ушли на полные кипучей жизни берега Даугавы, в окрестности Динабурга, а затем на живописные холмы и озера Латгалии.

Когда Райниса спрашивали, что особенно запало ему в душу из первых впечатлений детства, он всегда отвечал: солнце. Солнце, лето, зеленые поля, укромные лесные уголки и широкие водные просторы. Эти картины природы завладели памятью на всю жизнь, и Райнис даже говорил, что в пору своего детства совершенно не помнит зимы.

Будущий поэт рос в одиночестве. Старшую сестру Лизе очень рано поглотили хозяйственные заботы, младшая Дора родилась в 1870 году. Предоставленный самому себе мальчик рано научился наблюдать природу. «Солнце меня учило любить, луг и сад — учили видеть прекрасное, Даугава — понимать суть движения и красоту»,— писал Райнис в своих автобиографических заметках в начале 1929 года. Почти всюду у поэта можно встретить поэтический образ Даугавы — реки-судьбы. Картины природы в его творчестве исполнены чувства восхищения чудесами земли. В поэзии Райниса постоянно ощущается «зеленая добрая власть солнца».

Не менее ценным достоянием, которое поэт приобрел в детстве, было знакомство с устным народным творчеством. Множество латышских народных песен знала мать Райниса, Дарта Плиекшан. Белорусские песни пели по вечерам плотовщики, сидя у пылавших на берегах Даугавы костров. Старый помольщик Марцулис познакомил мальчика с грустными литовскими дайнами. Русские, поляки, евреи-коробейники нередко заходили во двор к Плиекшанам. Они делились своими переживаниями и впечатлениями, вынесенными из скитаний. От них будущий поэт нередко слышал сказки и правдивые жизненные истории, которые заставляли трепетать его юное сердце, чуткое к чужому горю и переживаниям. Среди этих людей встречались искусные рассказчики, и уже с детских лет мальчик почувствовал вкус к художественному слову, его поэзию.

Учась в Рижской гимназии (1880—1883), а позже на юридическом факультете Петербургского университета (1883—1888), Райнис познакомился с произведениями выдающихся западноевропейских писателей, которые издавались в русских и немецких переводах. Уже тогда у него родилась идея создания на латышском языке поэтической антологии, в которую бы вошли луч-

шие образцы классической поэзии народов мира. В гимназические годы была начата работа над переводом «Фауста» Гете и «Маленьких трагедий» Пушкина, а после окончания гимназии Райнис перевел драму Пушкина «Борис Годунов». Вместе с другом юности Петером Стучкой Райнис составил и в 1888 году издал книгу «Маленькие оводы», в которой были собраны стихи Гете, Пушкина, Овидия, Бернса, Анакреонта, Сафо, Кольцова, а также сатирические фельетоны и юмористические рассказы.

Таким образом, уже в гимназические годы началась творческая деятельность Райниса. Обращаясь к своим первым сочинениям, поэт говорит о них, лишь как об интимном дневнике, который помогал ему понять себя и окружающую жизнь. Однако несколько стихотворений, написанных в годы учения, в художественном отношении оказались настолько совершенны, что позднее Райнис включил их в свой поэтический сборник «Далекие отзвуки в синем вечере». К ним относятся первые шесть стихотворных строф «Королевны», «Крестьянин», «Зерна под жерновами». В годы учения в гимназии была начата пьеса «Ванем Иманта». Уже тогда Райниса волновала тема героизма и предательства, которую он и задумал воплотить в этой пьесе, взяв за основу историческую борьбу прибалтийских народов с немецкими завоевателями в тринадцатом столетии.

Свой «великий духовный голод» поэт не мог удовлетворить одними литературными интересами. Его увлекали история, лингвистика, естественные науки, философия. Мысли, нашедшие отражение в юношеском дневнике и в стихах этого периода, сводятся к настойчивому поиску целей и смысла жизни, к осуждению своего собственного нецелесообразного времяпрепровождения. Райнис то и дело выражает сожаление по поводу недостатка воли и энергии: «Необходимо жить для других, не для себя!» Но что следует сделать, чтобы постоянно находиться «в гуще жизни, преобразовывать ее, созидать»? И как бы отвечая на этот вопрос, Райнис избирает профессию юриста.

Годы, прожитые в Петербурге, способствовали преодолению внутренних противоречий, сомнений. Университет помог формированию более глубокого и ясного взгляда на социально-политические проблемы. Поэт сходится с революционно настроенными студентами, знакомится с марксистской литературой и русской революционно-демократической мыслью.

В Латвии в это время возникает так называемое «Новое течение». Вокруг газеты «Диенас лапа» («Ежедневный листок») группируется революционно и демократически настроенная интеллигенция, не желавшая примириться с существующим строем и политикой национальной буржуазии. Этих людей горячо интересовали социально-политические, естественнонаучные проблемы, женская эмансипация, а также вопросы, связанные с развитием искусства. Левое крыло новотеченцев осваивало марксизм. Его представители участвовали в рабочих кружках, организовывали ввоз в Латвию нелегальной литературы. И в студенческие годы, и в период службы в Вильнюсской и Елгавской адвокатурах Райнис публикует в газете «Диенас лапа» ряд своих сочинений.

В 1891 году молодого помощника адвоката пригласили на пост редактора этой газеты. До середины 1895 года Янис Плиекшан подписывался как ответственный редактор «Диенас лапа». В этот период газета приобретает все более определенный социально-политический характер. В ней сотрудничают впоследствии ставшие известными деятелями латышской социал-демократической партии — Петер Стучка, Фрицис Розинь. Желая как можно глубже познакомиться с проблемами европейского рабочего движения, Райнис в 1893 году отправился в Цюрих. При содействии своей сестры Доры, которая изучала в Цюрихе медицину и была связана со студенческим революционным движением, Райнис получил возможность прослушать рефераты, читавшиеся в последние дни работы III Конгресса II Интернационала, проходившего в Цюрихе, а также встретиться с Августом Бебелем

Ответственный редактор газеты «Диенас лапа» уделял много внимания художественной литературе, языкознанию, фольклору, вопросам этнографии, но собственное творчество было заброшено. Еще в гимназические годы поэта одолевали чуть ли не болезненные сомнения насчет своего литературного дарования. В 1891 году Райнис составил первый сборник лирических стихотворений, но издатель нашел его никуда не годным. Такая же судьба постигла перевод пушкинского «Бориса Годунова», между тем гораздо позже, в 1898 году, его издали почти без поправок. Чувствительному, легко ранимому поэту было бесконечно тяжело говорить об этих стихах, в которых он так искренне излил свои чувства, поэтому и самые стихи и неудача, их постигшая, остались скрытыми даже от близких.

В 1894 году произошла знаменательная для Райниса встреча с поэтессой Аспазией. Аспазия (настоящее имя Эльза Розенберг, 1865—1943) в ту пору уже успела прославиться не только своей яркой драмой «Вайделоте», исполненной романтического порыва и жажды гармонии, но и другими произведениями, посвященными вопросам женской эмансипации. Спустя примерно год после знакомства, Райнис показал свои стихи Аспазии, которая распознала у него подлинный и уже зрелый поэтический талант и убедила вернуться к литературному творчеству.

Черновики и дневниковые записи середины 90-х годов свидетельствуют о том, что Райнис в этот период серьезно обдумывал давно возникшую у него мысль написать социальный роман, в котором были бы отображены перемены в общественной и экономической жизни Латвии в период, предшествовавший «Новому течению». По замыслу центральное место в романе отводилось Человеку Будущего — некоему нравственному идеалу, к которому стремились искатели новой морали. Готовясь к работе над романом, собирая материалы, Райнис снова и снова обращался к философским, политическим, этическим вопросам. Давая определение идеалу нравственной личности, он говорил о независимости Человека Будущего от всяческих предрассудков, о его самосознании, достоинстве, недюжинных познаниях и образованности, как основных и совершенно необходимых условиях, которые помогают созиданию всего доброго, высокого и правдивого.

С 1895 года в периодической печати все чаще начинают появляться оригинальные стихи и поэтические переводы, подписанные именем Райнис. Свое литературное имя Янис Плиекшан увидел в Латгалии на придорожном столбике, которым определялся отрезок дороги, подлежащий починке. Звучное, давно позабытое диалектное словечко поэт принес в латышскую литературу как псевдоним и позже, рассказывая о своей жизни, объяснял его происхождение:

«Мое имя позаимствовано у дороги, что находится в самом отдаленном уголке Латгалии, тому, кто это имя носит, суждено ходить по таким дорогам». И в самом деле Райнису была уготована судьба путника и скитальца.

В 1897 году начались аресты новотеченцев. Поэта, который работал помощником присяжного поверенного в литовском городишке Паневежас, арестовали в конце мая и обвинили в пропаганде социал-демократических идей. Больше полугода Райнис сидел в разных тюрьмах. Затем его — вплоть до вынесения окончательного приговора — выслали во Псков.

По зимним, снежным
Я шел дорогам
В чужую землю,
К чужим порогам.

(Перевод Ал. Ревича)

Так писал Райнис в «Далеких отзвуках в синем вечере», вспоминая свой отъезд. Поэт был приговорен к пяти годам ссылки. На этот раз ему пришлось отправиться еще дальше — в Вятскую губернию, в небольшой заштатный городок Слободской, из которого письма в Ригу шли целых две недели. Здесь, в Слободском, поэт прожил до весны 1903 года, когда в связи с сокращением срока ссылки ему позволили вернуться на родину.

Ссылку Райнис переносил тяжело. Часто бывал подавлен— мучили заботы о хлебе насущном, болезни. Будущее рисовалось туманным, одолевали сомнения в своих силах. И все-таки его не покидала надежда:

Все эти годы
Я жду свершений,
Жду отголосков
Земли весенней.

(Перевод Ал. Ревича)

Тюрьма и ссылка окончательно довершили формирование поэтического таланта Райниса, укрепили его веру в свое истинное призвание. Еще в 1897 году, в тюрьме, Райнис закончил перевод трагедии Гете «Фауст», весьма нужную и полезную работу, целью которой было не только познакомить латышского читателя с гениальным немецким поэтом, но и содействовать дальнейшему развитию латышского литературного языка и поэзии. В этом году спонтанно, одно за другим, родилось свыше сотни стихотворений, которые Райнис посылал в письмах Аспазии. По своему значению они выходили далеко за пределы

интимной переписки. Среди них были такие шедевры райнисовской лирики, как «Синеватые искры», «Любящие отечество».

Райнис все яснее понимал, что не нравоописательный роман является тем жанром, в котором он может наиболее полно выразить себя как художник. Поэтический темперамент и обилие идей искали для себя необходимые материал и форму, которые позволили бы в художественном произведении создать образ гармоничного и возвышенного героя, позволили бы отобразить жизнь на предельном пафосе и подъеме и призывали бы к преобразованию существующего правопорядка.

В Слободском, куда, кроме Райниса, было выслано около тридцати политических ссыльных из Риги, Петербурга, Москвы, Киева, в 90-е годы, не ослабевая, жил дух борьбы, и в своем творчестве Райнис стремился убедительно доказать неизбежность этой борьбы, подтвердить закономерности диалектического развития жизни.

Воображение поэта рисовало два образа, для воплощения которых он пока еще не нашел нужной художественной формы. Это образы — Солнца (Огня) и Ночи. Два природных элемента, две философских категории, две стороны человеческой сущности. Одна — созидательница радости, символ самоотверженности, материнской ласки, героизма; вторая — символ застоя, эгоизма, фатальной власти тьмы, в которой сконцентрировалась ненависть ко всему живому. В Слободском Райнис интенсивно работал над пьесой «Илинь», сюжет которой основан на предании. Здесь впервые поэт задумал в художественном произведении воплотить диалектическое единство двух противоборствующих начал — Огня и Ночи, двух противоположностей, лежащих в основе развития общества, природы, а также отдельной личности. Но избранный поэтом материал пока еще не поддавался философскому осмыслению.

В Слободском родилось несколько эскизных набросков поэмы «Ave sol!» («Здравствуй, солнце!»), но из произведений крупного жанра в это время было создано только одно — комедия «Полуидеалист» (1901). В ней Райнис выступил как борец с псевдонародностью и буржуазным национализмом. Но пьеса не удовлетворила поэта, ибо она, по его словам, явилась доказательством всего лишь того, что он способен работать.

Еще сравнительно задолго до выхода в свет «Далеких отзвуков в синем вечере» публикации произведений Райниса в периодике стали свидетельством того, что в латышской литературе появились качественно новые произведения как по содержанию, так и по форме. Многокрасочная и многозвучная лирика Райниса ярко эмоциональна и исполнена глубокого, подчас скрытого, внутреннего смысла. За каждой краской или звуковой гаммой всегда стоит нечто более значительное, чем может показаться на первый взгляд. Говоря словами Аспазии (1901) — «там, где мы рассчитываем найти одни лишь прекрасные цветы, внезапно вылезет, подобно змее с зелеными горящими глазами, какой-либо трудный жизненный вопрос».

Во время ссылки Райниса Аспазия одну половину года проводила в Слободском, вторую — зарабатывала на жизнь, сотрудничая в редакции «Дие-

нас лапа». Ежедневно ссыльный поэт посылал письма в Ригу, в которых рассказывал обо всем, что у него происходило, о том, какие сделал переводы (они были основным источником существования); делился новыми замыслами. В своих письмах к мужу Аспазия постоянно выражала нетерпеливое желание увидеть новые стихи Райниса. Она не упускала ни малейшей возможности снова и снова напоминать поэту, как нужны его стихи читателям в Латвии. Так, в письме от 15 мая 1901 года она рассказывала, что к ней в редакцию «Диенас лапа» приходил какой-то бедный человек, чтобы сказать, как нравятся ему стихи Аспазии и особенно Райниса, в которых он находит то, что созвучно его собственным чувствам, что стихи Райниса его будоражат, а стихи Аспазии успокаивают. Одно райнисовское стихотворение «Места нет» он даже прочитал наизусть.

Когда отдельные разрозненные произведения поэта, опубликованные в различных периодических изданиях и в рукописном виде, были собраны воедино и выстроены композиционно — латышские читатели получили книгу, проникнутую предчувствием надвигающейся бури, тесно связанную с социальной борьбой эпохи, ее ведущими идеями. В ней слышался голос пробудившейся души, у которой «тело ржавеет, как старая рухлядь», и которая теперь может посвятить собственное возвышенное искусство освободительной борьбе за человеческое достоинство.

Книга вышла в 1903 году. Ее выход в свет совпал с возвращением Райниса и Аспазии на родину, где он был встречен как провозвестник грядущего, как духовный наставник народа.

Начиналась новая эпоха в развитии общества, ширилось рабочее движение, приближались революционные события Пятого года. В культурной жизни после длительного застоя, последовавшего за разгромом «Нового течения», наметилось некоторое оживление. Это было ярко продемонстрировано на вечере, устроенном в честь Райниса и Аспазии на Рижском взморье. Когда Райнис вышел на сцену вместе с Аспазией, в руках у которой был только что изданный сборник «Далекие отзвуки в синем вечере», и поэтесса прочитала «По зимним, снежным я шел дорогам...», в зале поднялись овации, ибо для всех присутствующих в зале Райнис был как бы живым олицетворением силы, которую не удалось сломить царской тюрьме и ссылке. Как пророчество светлому будущему прозвучали написанные уже по возвращении на родину стихи:

Катится шум времен
К сердцу полей родных.
Скоро и гул и звон
Громом наполнят их!

(Перевод Вс. Рождественского)

Период с весны 1903 до конца 1905 года наполнен общественной и творческой деятельностью. Райнис активно участвует в работе социал-демократической партии, в Конгрессе латышских учителей, посещает Москву в качестве делегата земских и городских представителей, выступает на сходках, ми-

тингах, собраниях. В доме поэта часто собираются представители интеллигенции, учителя, художники, товарищи по партии. «Времени гул» слышится повсюду.

По возвращении на родину у Райниса окончательно созрело решение воплотить идею борьбы Света и Тьмы в конкретном художественном произведении. В канун революционных событий Пятого года он пишет драму «Огонь и Ночь», в которой использует сюжет, взятый у народного поэта Андрея Пумпура из воссозданного им по народным сказаниям эпоса «Лачплесис», повествующего о героической борьбе прибалтийских народов с немецкими завоевателями в XIII столетии.

Однако «Старое сказание в новом звучании» (таков подзаголовок драмы) отнюдь не было задумано как драматизация эпоса. Образы своих героев — Лачплесиса, Спидолу, Лаймдоту, Кангара — Райнис поднял до уровня символов, до олицетворения больших диалектических категорий. Символ в понимании Райниса — обобщение чрезвычайно многообразных жизненных явлений в некий всеобъемлющий живой образ. Этот символ нагляден, выразителен и исполнен внутренней динамики. Райнисовский символ — нечто новое, не имевшее ранее места ни в драме, ни в поэзии.

«Аллегория — только персонификация одного понятия, символ — несколько понятий, взятых вместе, дефиниция классификации, основа, на которую все редуцируется»,— писал Райнис в своих заметках о творчестве в 1907 году.

За символическими образами драматургии Райниса стоят не только определенные индивидуальности (символические персонификации: Лачплесис, Кокнесис, Буртниек), не только определенные общественные группы, взятые из определенной исторической эпохи, а сама жизнь в ее непрерывном движении, в целостном диалектическом единстве, жизнь как процесс борьбы противоречий, которые либо способствуют этому процессу, либо ему препятствуют. Со словами «В ночи грядет свет, из смерти возникает жизнь» герои идут на борьбу с темными силами общества, природы и теми темными силами, которые заключены в них самих. Там, где жизнью овладевает застой, побеждает Ночь, побеждает Черный Слепец (Черный Рыцарь). В драме, не утихая, звучит призыв Спидолы: «Ввысь — к солнцу!»

Накануне революционных событий Пятого года поэт закончил книгу стихотворений «Посевы бури» — «Сказание о мужах и оружии». В лирике Райниса окрепла и утвердилась тема борьбы и героизма. Революция и последовавшая за ней расправа карателей с ее участниками явились факторами, которые способствовали раскрытию во всем героическом величии нового аспекта человеческой личности — ее готовности к самопожертвованию во имя великих идеалов, во имя будущего. В понимании Райниса, готовность к самопожертвованию является признаком самого высокого развития личности, свидетельством ее нравственного превосходства, духовной красоты и благородства.

В 1905 году на митинге, посвященном памяти павших борцов револю-

ции, Райнис говорил, что нет ничего возвышеннее веры героев, способных на жертвы во имя человечества, что веру эту они, как святыню, прячут глубоко в сокровенных тайниках души, эта вера всегда и везде с ними, как драгоценное достояние.

Тема борьбы и героизма доминирует не только в «Посевах бури». Памяти героев Пятого года Райнис посвятил «Тихую книгу» (1909). Борец, который способен отдать всего себя борьбе за высокие идеалы, есть и в пьесе «Золотой конь», написанной для детей «весенней сказке в пяти действиях» (1910).

Стремясь в полной мере раскрыть героические черты, самоотверженность человеческой личности, Райнис в течение долгих лет размышляет над созданием эпоса о 1905 годе, героем которого он избирает народ, а не отдельных его представителей. Всемирное значение задуманного эпоса, по мысли Райниса, должно заключаться в том, что изображенная в нем революция является образцом для всего человечества. Для Райниса самое важное в творчестве — его воспитательная роль, воодушевляющая сила и тот этический идеал, который оно проповедует. Драматические события породили «великого подлинного индивида», а этот индивид в свою очередь выполняет наиблагороднейшую воспитательную задачу и будет ее выполнять от эпохи к эпохе. В примечаниях к эпосу «1905 год» сказано:

«Моя постоянная цель: создавать героического или нормального человека в поэзии, а также и в подлиной действительности, ибо поэтический тип берется из жизни, однако, несомненно, оказывает обратное на нее влияние. Воспитывает в народе героизм» (1907).

В конце 1905 года, когда каратели стали особенно жестоко расправляться с участниками революции и сочувствовавшими ей, Райнис вместе с Аспазией покидает родину и снова отправляется в Швейцарию. За границу эмигрируют многие участники революции. В Цюрихе поэт встретился с профессиональным революционером Фердинандом Гринынем, который вскоре решил вернуться на родину, а спустя несколько месяцев погиб смертью героя в охранке. Впоследствии в книге воспоминаний «Кастаньола» поэт писал об этой короткой встрече. Давая оценку личности Гриныня, Райнис в известной мере раскрывал сущность своего творчества и сущность своих многочисленных исторических и легендарных героев, близких по духу этому стойкому революционеру.

«У этой тонкой артистической натуры была душа героя и мученика во имя великой идеи; она сделала юношу бесстрашным, твердым, как сталь, бойцом за дело социализма, за Латвию. Он был таким типом героя, какого я старался изобразить в своих драмах — тонкая духовная организация, побеждающая в реальной жестокой борьбе... Я счастлив, что живым увидел именно то, что я представлял себе только в мечтах».

В эмиграции в швейцарском местечке Кастаньола, у озера Лугано, Райнис и Аспазия прожили пятнадцать лет. Швейцарию Райнис называл своей второй ссылкой и второй родиной. Сколь не прекрасна была природа этой страны, которая в течение долгих лет последовательно накладывала отпечаток

на лирику Райниса, насыщая ее все новыми образами, сколь не сердечны были жители Кастаньолы, прожитые на чужбине годы дались нелегко.

Письма друзей и газеты приносили известия о расстрелах, арестах, гибели соратников по борьбе. А едва жизнь успела несколько нормализоваться, войти в привычную колею, началась первая мировая война. И снова известия о разоренной и опустошенной земле, о погибших, о скитаниях беженцев, о гибели тысяч людей.

В 1911 году в Риге вышло первое издание книги «Те, которые не забывают». Большая часть ее стихотворений написана в Швейцарии. Писались стихи в период усиливавшейся реакции, когда от революции отошли представители мелкой буржуазии и случайные попутчики. Себя поэт относит к числу «тех, которые не забывают» о целях революционной борьбы и о павших товарищах. В предисловии к изданию он писал:

«Последнее слово принадлежит тем, кому принадлежит будущее: юности и основному классу. Основной класс идет своим неуклонным, неотвратимым путем к великим преобразованиям; перед ним стоят необъятные цели, какие до сих пор еще ни перед кем не стояли... Основной класс не должен забывать ни о прошлом своем, ни о будущем. А юность пусть видит, сколь трудно и сколь далеко предстоит идти нам по пути страданий — к преобразованиям; пусть она увидит и поймет, что благодаря этим страданиям мы завоевали себе право победить. А если это поколение не в состоянии следовать за ними, пусть знает, победа третьего поколения будет блистательной. Взгляните, на небе зарница — там те, кто ушел, и те, кто грядет».

Об этой книге Райнис говорил, что она тихая, тише «Тихой», осенняя песня, навеянная воспоминаниями о прошлом. И если «Тихая книга» прозвучала как траурный марш в честь погибших героев, то сборник «Те, которые не забывают» — это песни об эмигрантах. Грохот боя затих вдали, родина потеряна, битва проиграна, поэтому от книги веет щемящей грустью и болью. И, однако, трагическое звучание — только фон, помогающий с особой резкостью и четкостью сделать выводы, к которым неизбежно приводят утраты и поражения. Много сильнее, чем когда-либо до сих пор, здесь слышна мысль о единстве со всем международным пролетариатом. В полном издании книги рядом с райнисовскими строфами звучат армянские народные песни, стихи Микеланджело, афоризмы Кардуччи, выдержки из речей Джузеппе Мадзини, отнюдь не случайно включенные сюда Райнисом, потому что он считал, если «где-то человек борется за правду и справедливость, этот человек — ваш брат».

«Тем, кто грядет», кто продолжит неоконченную революционную борьбу и труд, посвящается эта книга, писавшаяся в течение всего эмигрантского периода.

«...Были и всегда будут те, которые не забывают. Они — живая история, они закаляют память. Пусть забудет о будущем родина — они не забудут. Они живое грядущее, они закаляют волю...»

В 1910 году вышла поэма «Ave sol!» — гимн солнцу, созидающему, преобразующему жизнь, ведущему вечную борьбу с мраком и холодом. Здесь

полнее всего воплотился замысел Райниса — в одном художественном произведении объединить драму природы, социальную драму и драму индивида. Все они вместе подчинены одним и тем же законам: и жизнь отдельной личности, и исторические эпохи, равно как и времена года. Все подвержены единому процессу — расцвету и увяданию, созиданию и разрушению под действием внутренних и внешних противоречий. Развитие Райнис осмысливал диалектически; новые силы новой революции в ходе дальнейшего развития материи неизбежно прорвутся наружу в каком-то ином месте, иной форме.

Райнис задумал поэму как гимн революции. В своих заметках он писал: «Революция — расцвет в смене исторических эпох; революция — это предельно быстрый и наиболее глубокий процесс развития; высший принцип — вечное движение...»

Поэма завершается впечатляющей картиной: Солнце, своими лучами оберегающее человека, мчится в беспредельном космическом пространстве навстречу матери — Сверхсолнцу, которое так же, как и вся Вселенная, подчиняется великому закону движения и преобразования.

Особое внимание в эти годы поэт уделяет осмыслению человеческой личности, ее общественной значимости, поиску для нее новых этических норм. Райниса привлекает полноценная, жизнеспособная личность, которую ни в коем случае не следует «ломать и гнуть», она «сильнейшее и ценнейшее оружие в борьбе пролетариата»,— такую запись делает поэт в своем дневнике в 1910 году.

В 1912 году в Петербурге вышел сборник «Конец и начало». Круг проблем, в нем затронутых, необычайно широк, однако и здесь не ослабевает внимание автора к проблемам человеческой личности, его стремление понять смысл жизни. Если «Посевы бури» Райнис назвал весенней песней, «Те, которые не забывают» — осенней, то «Конец и начало» — названа зимней песней.

Здесь слышится голос человека, страстно и преданно любящего родину, познавшего красоту и любовь, радость борьбы и творчества, тяжесть и боль поражений. Этот человек постоянно помнит, что он боец основного класса. Но в час затишья после боя или в час, когда жизнь приближается к порогу смерти, все острее встает вопрос о ценности жизни, о смысле борьбы, творчества и о бессмертии. Райнис, который самого себя называл истинным другом жизни, не мог примириться с мыслью о гибели человека, бренности его существования. Бессмертие — в движении, результатах этого труда в мыслях, которыми человек жил,— во всем, что оставляет он после себя.

В швейцарский период жизни Райнис не перестает обращаться к драматургии. У него рождается немало замыслов — в частности, опять-таки связанных с революцией 1905 года, а также с античной историей и историей Латвии. Например, им был задуман целый цикл, состоящий из десяти пьес, в котором предполагалось отобразить весь ход исторического развития латышского народа, притом особенно пристальное внимание, по мнению Райниса, следовало уделить историческим событиям, подчас давно преданным

ным забвению, но тем не менее знаменательным, а также выдающимся личностям, отдельным классам и даже небольшим общественным группам.

Для поэта, который так пылко и самозабвенно вовлекался в жизнь своей эпохи со всеми ее проблемами, поисками, борениями и противоречиями, обращение к истории, изображение далекого прошлого никогда не было самоцелью: «История — сосуд, в который мы вливаем свои представления о будущем». С исторического материала время как бы счищает, осыпает все несущественное, малозначительное, и, таким образом, дает возможность увидеть главные черты, генеральные линии, дает возможность говорить о сложных социальных проблемах. Ко всему прочему исторический материал, так же как и предания, легенды, дает возможность пробудить к жизни все благородное, возвышенное, что сокрыто в человеке, создать образ сильного, мужественного героя, который так необходим в трудный период реакции.

В 1911 году Райнис закончил «трагедию молодости» «Индулис и Ария». В основу ее положен мотив древнего сказания об Индулисе. События этой трагедии развертываются в тринадцатом столетии, когда разрозненные латышские племена, раздираемые междуусобными войнами, боролись против немецких завоевателей.

В атмосфере войны и смертей разгорается любовь между предводителем латышского племени куршей Индулисом и дочерью немецкого комтура (рыцаря) Арией. Их любовь обречена и в силу сознания вины перед собственным народом, и в силу враждебности к ним со стороны их соплеменников. Индулису и Арии суждено погибнуть. Обречена на поражение и борьба небольшого латышского племени с превосходящими силами закованных в латы немецких рыцарей.

И опять-таки события далекого прошлого дают Райнису богатейший материал для воплощения мысли огромной нравственной силы, таящейся в любви. Говоря о событиях прошлого, Райнис не забывает воздать хвалу светлому будущему, которое

ведет, сияя, в царство для народа —
он море белое объемлет хороводом
и руку братства миру подает.

(Перевод Л. Осиповой)

Вторая драма, в которой поэт снова обращается к мысли о том, что человек таит в себе неисчерпаемые духовные силы,— «Вей, ветерок» (1913). Райнис назвал ее «народной песней в пяти действиях». И в самом деле — пьеса основана на старинных песнях, которые распевало не одно поколение латышей. Сюжетно — это пьеса-сказка о родной дочери и сиротке, которую полюбил суженый первой. В сказочный и песенный орнамент Райнис заключил большую жизненную правду. «Вей, ветерок» стала одним из наиболее часто ставящихся на сцене произведений латышского поэта не только у него на родине, но и далеко за ее пределами.

После написания драмы «Вей, ветерок» Райнис приступил к работе над трагедией «Иосиф и его братья» (1914).

В 1925 году поэт писал о возникновении замысла пьесы: «Впервые мысль об Иосифе возникла в 1906 году в Кастаньоле, когда я глядел с высокого балкона на великолепное озеро Чезерино. С того момента мысль об Иосифе больше не покидала меня в течение всей ссылки и по возвращении на родину».

Премьера «Иосифа и его братьев» состоялась в 1920 году, когда поэт вернулся в Латвию. В 1925 году «Иосиф и его братья» были поставлены в Лондоне.

Латышская критика не без оснований называла трагедию «Иосиф и его братья» самой субъективной пьесой Райниса. В ней затронуты многие из тех проблем, которые занимали Райниса в швейцарской эмиграции — начиная от философского осмысления жизни и поиска нового этического идеала и кончая личными переживаниями, выпавшими на долю поэта в его эмигрантском одиночестве, которые были вызваны не только непониманием его произведений, но зачастую направленной против поэта слепой бессмысленной ненавистью.

Райнис использует здесь древнееврейское предание об Иосифе и его конфликте с двенадцатью братьями. Иосиф в творчестве Райниса — образ великого мыслителя, мечтателя, искателя истины, носителя духа нового времени. Он стремится к единению со всем человечеством. С другой стороны — он восстает против толпы, против тех, кто целиком врос в старые формы существования, в старые, отжившие традиции. Родовой конфликт между Иосифом и его братьями перерастает в конфликт «двух правд». В своих заметках от 26 февраля 1913 года Райнис писал, что правда братьев Иосифа основана на эгоизме, правда Иосифа заключена в том, что он считает невозможной жизнь, основанную на эгоизме, такую жизнь следует переделать! Правда заключена в самой судьбе Иосифа — в его жизни и смерти. Далее Райнис замечает, что тот, кто переделывает существующий порядок, должен отдать борьбе со старым свою собственную жизнь. Нельзя только просто прощать, если содеяно зло, как нельзя также за зло платить злом, поэтому все поступки Иосифа пронизывают неразрешимые противоречия. Поэт приходит к окончательному выводу — к необходимости утверждать новую правду и справедливость, которые сломают основы старого мира. Что касается Иосифа, то он, как писал в своих заметках Райнис, хотел «перерасти свою основу», хотел обновления: однако, если в дереве есть трещина, оно не может существовать, как бы ни пыталась возродиться в нем жизнь — основа его попорчена.

В трагедии затронут целый ряд социальных, философских и нравственных проблем. Автор акцентирует внимание на проблеме подлинно гуманных отношений между людьми, выдвигает идею поиска нового гуманизма.

Когда началась первая мировая война, Райнис посвятил несколько пьес теме борьбы с вековым врагом латышского народа — немцами. Народная песня о сестре, которую сваты увозят от братьев на чужбину, положила начало пьесе «Ворон» (в 1917 году написана, издана в 1920-м). Однако в отличие

от народной песни, сдобренной юмором, в произведении Райниса нет ничего забавного, наоборот — это мрачное повествование о девушке, которую похитил и увез с собой на чужбину жестокосердый Чужеземец. В пьесе изображены старинные свадебные обряды — умыкание невесты, попытки ее освобождения, погоня за похитителями. Это динамичная экспрессивная пьеса с весьма сложной символикой.

Страдания трудового народа под игом рабства отображены в пьесе «Играл я да плясал» (1915 год, опубликована в 1919 году). Сюжет ее опять-таки народный. В его основе — сказка о неком Господине, который выходит из могилы, чтобы в брачную ночь отобрать у крестьянина невесту. Он выпивает у девушки три капли крови и вместе с ними отнимает жизнь. Песенник Тот спускается со своей волшебной песней в царство теней, вернуть Лелде к жизни. Тот претерпевает множество испытаний и, наконец, вместо отнятой у девушки крови, отдает собственную. Лелде спасена, однако сам герой погибает, но, погибая, завещает народу беречь Лелде — Латвию. Песня Тота — лишь отзвук песни вечности, из которой его песня вышла и в которую снова возвращается. В образе героя поэт воплотил свои представления об истинно народном певце, мечтателе, борце за справедливость. Тот умирает, но песня его остается людям. У этой песни три жизни:

Та, что была,
Та, что есть,
Та, что пребудет вечно.

(Перевод Л. Осиповой)

В Швейцарии Райнис встретил весть о революционных событиях в России. Райнис был тесно связан с латышскими коммунистами, которые активно участвовали в борьбе за создание молодой советской республики. Среди этих людей было немало бывших участников революционных событий Пятого года. Друг юности поэта, глава первого правительства латышской советской республики (1919) Петер Стучка, сестра поэта и жена Стучки — Дора, Паул Дауге, один из самых проницательных и серьезных исследователей райнисовского творчества. Когда в 1918 году советское правительство обратилось к поэту с просьбой разрешить издание его произведений в молодой советской республике, Райнис искренне обрадовался:

«Это свидетельствует о том, что пролетариат инстинктивно понимает главное: поэзию вообще и особенно жизненные возможности пролетарской поэзии, существующей только в высшей свободе, которую гражданский мир никогда не мог ей предоставить, ибо сам был основан на несвободе. Это свидетельствует и о том, что пролетариат понимает, что душа поэзии заключена в индивидуальности, равно как и в народе, и что содержание поэзии составляет дух времени, который подготавливает через прошлое и настоящее чувства человека будущего. От латышского пролетариата я ожидаю и то, что он сумеет создать для нас Латвию, в которой обретет себя душа моей поэзии».

В тяжелые годы войны и позже, в годы общественных преобразований, надеждой Райниса была «свободная Латвия — в свободной России».

Однако ход истории все повернул иначе.

Когда наконец в 1920 году поэт вместе с женой вернулся на родину, в Латвии установилась буржуазная республика. Возвращаясь на родину, Райнис и Аспазия были полны надежд и творческих замыслов. С собой Райнис вез целый ряд произведений: почти законченный сборник стихотворений «Три круга», в который вошли первые три книги «Пяти эскизных тетрадей Дагды» — «Addio, bella!» «Вещание змеи», «Домой» (1920), наброски трагедий «Илья Муромец», «Стенька Разин», «Иманта», «Кай Гракх», «Александр», «Вечность» и другие.

Девятого апреля Райниса встречали в Даугавпилсе, десятого в Риге. Эти встречи превратились во всенародный праздник. В речи, произнесенной по случаю возвращения, поэт сказал:

«Вот я и вернулся на родину, чтобы почерпнуть новые силы и продолжить работу, которую я делал до сих пор... Латвия должна стать подлинно свободным государством, где не будет никакого угнетения, никаких ограничений свобод, где не будет неволи и рабства».

Он сразу же включился в активную общественную деятельность, отстаивая в рамках буржуазного парламентаризма демократические и социалистические идеалы. Одно время он работал в Департаменте искусств, потом директором Национального театра. Под его руководством в театрах республики был осуществлен целый ряд серьезных и интересных постановок из мировой классической и оригинальной национальной драматургии.

Приблизительно около года поэт был министром просвещения. В его компетенции находились все мероприятия культурной жизни Латвии. Райнис энергично принялся за дело демократизации школы. Он убежденно и последовательно отстаивал права национальных меньшинств, в частности, живших в Латвии белорусов.

В 1926 году поэт был приглашен в Советский Союз для участия в проходившей в Минске конференции, посвященной реформе белорусской орфографии. Он являлся также председателем Общества культурных связей с Советским Союзом. На вечере в честь основания Общества Райнис сказал, что новая Россия уже заявила о себе в литературе, искусстве, науке, что Европа учится у нее и что латыши не должны отставать.

Однако понадобилось совсем не много времени, чтобы поэт начал понимать, что его борьба с реакцией будет гораздо сложней и продолжительней, нежели это казалось поначалу. В 1920 году он делает дневниковую запись: «Сколь, однако, мелка и незначительна наша латышская жизнь».

Трудно давалось ему и собственное творчество. Запись от 2 февраля 1923 года:

«С тех пор, как вернулся на родину, вся прежняя жизнь и налаженный порядок нарушились... Новое содержание для нее еще не найдено. Все записные книжки запущены: ни набросков, ни дневниковых записей, ни раз-

мышлений, ни бесед — ничего записать не удается. Много затрачено труда, впечатлений много, переживаний тоже. И все это потеряно. Три долгих года длилось праздничное угощение по случаю встречи, которое окончилось тяжелым похмельем. А теперь вот болит голова, куда идти, что делать — не ведаю!»

В 1925 году Райнису пришлось покинуть место директора Национального театра из-за интриги правящей партии. Пришлось отказаться также и от деятельности на поприще просвещения, хотя на протяжении всего последнего десятилетия жизни для демократически настроенной части латышских учителей он продолжал оставаться самым близким по духу художником.

Незадолго до возвращения на родину Райнис писал, что его не пускают туда, где он мог бы принести пользу, кое-чего добиться. И тем не менее, несмотря на все трудности и переживания, всегда помогало поэту его несокрушимое, неистребимое «И все-таки». «И все-таки» у Райниса не могли отнять его внутренний духовный мир, свободную исследовательскую мысль, творчество. Этот дух, говорил Райнис, есть то, что изменит старый порядок, этот дух присутствует в самой революции. «Он мое оружие, и мне его еще вполне хватает. Я вынужден отказаться от скорой, незамедлительной победы, однако, поскольку народ и человечество живы, у меня есть время. Я не увижу плодов этой победы, но они несомненно будут. Поэтому стоит работать, созидать и отражать натиск бед».

Первый проведенный на родине год нашел свое отражение в сборнике «Серебристый свет» (1920), который Райнис многозначительно назвал «Фатаморгана года моей родины». «Серебристый свет» вышел как вторая часть «Пяти эскизных тетрадей Дагды», первоначально называвшихся «Романом в стихотворениях». После объединения всех тетрадей и включения в них «Дочери луны», все сборники получили название «Пять эскизных тетрадей Дагды». В единое целое их соединил лирический герой, революционер-эмигрант Дагда. В сборнике «Дочь луны» (1925) Райнис устами своего лирического героя уже прямо говорит о необходимости покинуть родину, о поиске подлинных идеалов гуманности, о необходимости возрождения к новой жизни и новому творчеству.

В трагическом аспекте разработана легендарно-историческая драма «Илья Муромец» (1923), созданная по мотивам русской былины. В трактовке Райниса Илья Муромец — представитель славного героического русского рода, идущий за старейшими и сильнейшими — Святогором и Микулой. Вместе с тем Илья Муромец символизирует поколение, к которому принадлежит сам Райнис. То поколение, которое не сумело до конца разрубить тугой узел социальных противоречий. Это «второе поколение», расколотое внутренними противоречиями, остановилось на полпути, вслед за ним шло третье поколение молодых, и победили они, ибо «сын сильнее отца, утро мудренее ночи».

Неутолимый дух борьбы, упорство слышны и в книге воспоминаний «Кастаньола» (1928). Однако нет-нет на ее страницах возникают мотивы без-

ропотной покорности, смирения. Как и в путевых заметках «На синем берегу» (1926), здесь также звучат грустные мелодии воспоминаний.

«Любимый, но суровый голос поет на новый мотив всю ту же старую песню:

Чего ты жаждешь, расскажи —
иной судьбы и битвы новой?
Или окончились давно
дни битвы старой и суровой?
Неколебимо стой — не дрогни
на прежнем месте боевом.
Твой враг пока еще все тот же,
но только в облике ином!

(Перевод Л. Осиповой)

Слышу, слышу, знаю, знаю. Есть правда в этом древнем голосе, доносящемся из веков. Этот голос слышу не только я один, но все и каждый, кому тесна собственная жизнь, кто хочет расправить онемевшие члены».

Свой последний час Райнис встретил на Рижском взморье, среди водной шири, которую он так любил с ранней юности, среди милых ему сосен, которые он воспел в стихах, возвысив до символического образа человека, сильного духом, не сломленного жизненными бурями.

Девятого сентября к Райнису пришла в гости девочка-школьница, и в ее альбом поэт записал последние поэтические строки:

Что скажет юному старик почтенный?
— Живи достойно, не пеняй на жизнь!

Достичь сего ты должен непременно,—
Есть заповедь — любить. Ее одной держись!

(Перевод Л. Осиповой)

На следующий день Райнис внезапно почувствовал себя плохо. Смерть наступила 12 сентября 1929 года.

На смерть Райниса откликнулась вся Европа. Весть эту моментально узнали в Париже, Берлине, Москве, Женеве, Стокгольме, Осло, Вене, Хельсинки... В Латвии, по словам современников поэта, печаль была в каждом доме.

Со дня смерти Райниса прошло целых полстолетия, однако творчество поэта не потеряло своей первоначальной художественной силы и значимости.

В 1940 году, когда в Латвии снова установилась советская власть, Райнису посмертно было присвоено почетное звание народного поэта. Его лирическое и драматическое творчество оказало колоссальное влияние как на общественную жизнь Латвии, так и на развитие латышской литературы. Его пьесы не сходят со сцены не только латышского национального театра, но и с театральных сцен мира. Поэзия Райниса издается все в новых и новых переводах, приобретая миллионы читателей.

«Гордость латышской поэзии, удивительная лирика Райниса почитаема не только в нашей стране, величие его таланта признает весь мир»,— писал Константин Федин в 1965 году, когда отмечалось столетие со дня рождения великого латышского поэта.

«Есть поэты, чье творчество подобно солнечным лучам: они зажитают в сердцах любовь к родине и народу, утверждают триумф жизни. Такой мне представляется и поэзия великого Райниса, которую с полным основанием называют жемчужиной мировой поэзии»,— говорил Мирзо Турсун-заде.

А латышский народный поэт Янис Судрабкалн писал о том, что Райнис всечасно живет с трудовыми людьми Латвии. Он один из тех латышских писателей, образы творчества и мысли которых живут в народе, его взгляды на призвание человека на земле, призывы к борьбе с тьмой и угнетателями во имя нового, свободного человеческого общества, мысли о непрестанном созидании и возрождении мира хранятся в сознании людей и помогают строить жизнь.

САУЛЦЕРИТЕ ВИЕСЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

... Вдали, за сотни сотен миль,
За топью, за лугом, за лесом,
Лежат поля родной земли,
Укрытые синью небесной,
Пологом солнечно-ясным,
От гроз и от ветров ненастных...

* * *

По зимним, снежным
Я шел дорогам
В чужую землю,
К чужим порогам.

«Мир в этом мире!» —
Мне пели дали,
Колокола мне
Благовещали.

Смеясь в лицо мне,
Ветра свистели,
За полы рвали
И прочь летели.

А снег — то вьюжил,
Слепящ и колок,
То тихо падал
На лапы елок.

Мир в этом мире
И песнь бурана,
И сон глубокий,
А в сердце — рана.

А в сердце весны,
А путь — к чужбине.
Засыплет снег вас,
Покроет иней.

Унес я весны,
Как память, в дали.
Вы презирали их
И отвергали.

Я вам вернул бы,—
Как дар, вручил их,
Но вы от спячки
Восстать не в силах...

Неужто сон свой
Земля не сбросит?
Неужто снегом все
Зима заносит?

Неужто благовест
Стал вечным звоном?
Неужто мир ваш
Стал царством сонным?

Все эти годы
Я жду свершений,
Жду отголосков
Земли весенней.

Иссохшим сердцем
И жадным взором
Тянусь к далеким
Родным просторам.

ЗА ТУМАННЫМ ОКНОМ

ЧЕЛОВЕК И БОЛЬ

Где тебе, жалкой душе человеческой,
Силой равняться с бескрайней природой?
Болью, боями и хищным сомнением
Ты беспредельно истерзана, бедная.

Что ей, природе, боль человека?!
Вся — совершенство, вся — безразличие,
Вечно прекрасная, вечно холодная,
Словно картины загробной жизни.

ЗЕРНА ПОД ЖЕРНОВАМИ

Идеалы, сердцу милые,
Честь, любовь и старые принципы —
Все истерто, словно зерна,
Жерновами серых будней.

ГЛУБОЧАЙШИЕ ДУМЫ

Думы глубокие
Стоном рождаются,
Бредом бесформенным,
Жгучим предчувствием.
Думы безгранные,
Сердце когтящие
Словно железными
Рока ударами.
Нет в думах радости...
Ах, убежал бы я!
Но они ласково
Жгут, мучат, следуют...

САМ

Трудясь для мира, в яростной борьбе
Сам закаляйся, стань сильнее вдвое!
И вечные откроются тебе
Источник сил и поле трудовое.

Но берегись, как тот, кто жалко ропщет,
Себя растратить попусту... Смотри,—
Толпа тебя раздавит и растопчет!

Сам — думай, помогай, борись, гори,
И сам ворота счастья отопри!

СУРОВАЯ ДУША

Рекою слез ты душу затопил,
Она, как луг, впитавший влагу ливней.
Ты эти слезы с детства накопил,
Прилив их все сильней, все неизбывней.

Иной поплакал — душу облегчил,
И люди столько доброго нашли в ней:
«Он так отзывчив, трогателен, мил!»

Не плачешь ты, хоть слез в тебе сверх меры,—
Пролей же их на чернь потоком серы!

БЛУДНЫЙ СЫН

Разбиты ноги, рубище на нем.
Дождь хлещет, ветер в темноте ярится.
Но все ж не думайте, что в отчий дом
Усталым, жалким блудный сын стучится.

Пришел он с гордо поднятым челом,
И осеняет отблеск багряницы
Лохмотья, вымокшие под дождем.

Не преклониться он пришел пред вами,—
Он судия, карающий во храме.

СМРАДНЫЙ ВОЗДУХ

БЛАГОДЕТЕЛЬ

Сей богач добросердечен:
Он, заслышав плач несчастных,
Тащит тотчас из кармана
Чистый носовой платочек.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

1

Приучись копить копейку.
Понемногу скопишь сотни.
Отрывай от рта, у брюха,
Прозябай в сыром подвале.
Если ж не дождешься сотен,
То уж смерти ты дождешься.

2

Приучись копить копейку.
Отрывай от рта, у брюха.
Но пойми меня как надо:
Отрывай от рта чужого,
И не будешь ты внакладе:
Денег тьма, грехов не меньше.

ПОЧТЕННЫЙ ГРАЖДАНИН

Для труда — чужие руки,
Для души — чужие муки.
Свысока на всех взирает,
Жирный — тощих презирает.
Если б ты и в ад попал,
Я б и там тебя узнал.

ПЕСНЯ НИЩИХ

Ползать по миру
Жалким слизнем
И вымаливать
Крохи жизни.

Нет в мире доли
Злей и круче:
Просить у тех,
Кто тебя мучит.

Кто сделал рабство
Твоим уделом,
Кто дух гнетет твой,
Терзает тело.

Лишний миг жизни
Клянчить, как милость,
Только бы нищенства
Тропка продлилась.

Прав первородства
Навеки лишиться
За ложку хлёбова
Из чечевицы.

Нищие духом,
Мрете глупцами,
Жизнь свою губите
Горем-слезами.

Проплакать век свой,
Надежды не зная?
Нет, бейтесь насмерть,
Душой пылая!

БЫВШИЙ ДРУГ

Он в море с жаждой нового поплыл,
Но ветер к мели гнал, кругом — ненастье.
«К чему искать? — устало он решил.—
И там, на берегу, возможно счастье!»

ПЕССИМИСТ

Кто терпит муки, зубы сжав,
От боли стонет честным пессимистом,—
Милей мне, чем филистер и ханжа,
Болтун и лжец, прослывший оптимистом.
Такой легко отшвыривает горе
И мудрецом слывет в житейском море.

ОБЫВАТЕЛЬ

Странно: как быстро!.
Дивное диво:
Стал ты филистером
За два-три года.

Нет больше смеха,
Взволнованной речи.
Чинны сужденья,
Мысли как жвачка.

Рот под усами
Строг, благонравен,
Нос добродушен,
Брюхо солидно.

В складочке каждой,
В блеске штиблетин —
Весь ты, прекрасный
Наш соплеменник.

Нынче твой принцип:
Прочь безрассудство,
Каждый поступок
Надо обдумать.

Глупо об стену
Лбом колотиться,
Рушить устои
Власти священной.

Прочь улетели
Порывы, дерзанья,

Кровь ледяная
Разбавлена пивом...

. . . . . .
. . . . . .

Странно: как быстро
Серые будни
Поступью тяжкой
Тебя растоптали.

ЛЮБЯЩИЕ ОТЕЧЕСТВО

Вы чтите отчий край, у вас есть дом,
Убежище от ливней и от града,
Спокойны вы, дан хлеб вам, как награда,
И нет тревог, пусть мрак ночной кругом.

Но горе тем, кто весь — любовь к отчизне,
Родного края боль их жжет огнем,
В них бьет, как в наковальню, молот жизни.

Их руки связаны, и тяжки дни,
К земле родной прикованы они.

РАВНОДУШНЫЕ

Он душу нес вам из рассветной дали,
Пробив, как солнце, облачный заслон,
И ветерки чело вам овевали.

Лицом вы зарывались в одеяло,
Вас холод пробирал со всех сторон.
Прервать наш сон? Такого не бывало!

Безумец! Наших душ не потревожит,
В неведомую даль нас кличет он.
Но это не дозволено, быть может?

Идти за ним? Но он тропой тревоги
Уводит красоту в простор времен.
Мы ей укажем тихие дороги.

RAINIS —
CĪŅĀ SAUCĒJS

Обложка книги — «Райнис, зовущий к борьбе».
Худ. А. Юнкер.

Покой в сердцах и душах безмятежных,
Дремотой сладкой разум осенен
На ложе из цветов в объятьях нежных.

Сулит нам красоту, а сам в грязище
Рукой жестокой разрушает сон.
Будь проклят он, отверженный и нищий!

Рядят свой страх в блестящие наряды,
Твердят один и тот же свой резон,
Укрыв позор за громкие тирады.

А он ушел в распахнутые дали,
Пробив, как солнце, облачный заслон,
И ветры с ним в просторы улетали.

ПЕРВЫЕ ВЕСТНИКИ

Дол белел в снегах седых,
Но уже слетелись птицы,—
До весны в права вступило
Царство вешнего светила.

Скоро птичий хор затих,
Птицы голос надорвали,
Не могло их щебетанье
Дать земле весны дыханье.

Но узнали мы от них,
Как прекрасен день грядущий,
И, едва умолкло пенье,
Началось весны цветенье.

НА ТРЕХЦВЕТНОМ СОЛНЫШКЕ

БЫЛОЕ

Там сказочным светом наполнены дали,
Там звуки простые созвучьями стали;

Там девы в лесной распевают тени,
Ивановой ночью блуждают огни;

Там бор молчаливый, овеянный тайной,
Там замок подводный с горою хрустальной;

Там всплески русалок в осоке слышны,
Там лаумы пляшут в сиянье луны;

Там после заката, работая в поле,
Поют подневольные песню неволи...

Но мелет муку в океане дракон
Для тех, в чьих руках и обман и закон;

Но скачет воитель, зарею объятый,
Отточен сверкающий меч для расплаты.

Вновь замок подымется из глубины,
Развеяв туман и столетние сны,

И солнце закружится над головою,
Зеленое, красное и голубое.

КОРОЛЕВНА

В этот грозный день
Кровь лилась фонтаном,
И ушел под землю замок с королевной.

В глубине земли
Прелесть-королевна
Все сидит над пряжей, шесть столетий кряду.

Стены там — янтарь,
Пол — зеленой меди,
Свод — из перламутра, балки — синей стали.

Прялка — словно гром
В ручках королевны,
Адамант — катушка, нити — волны молний.

В кресле золотом
Все сидит над пряжей;
Мрачно взор пылает... Черный пес у кресла.

Черный пес порою
Поднимает морду
И рычит, почуя терпкий запах крови.

В некий грозный день
Брызнет кровь фонтаном,—
В этот день восстанет замок с королевной.

К пряже новых дней
Сядет королевна:
Молнии — основа, а уток — сноп радуг.

Тканью новых дней —
Солнечным покровом —
Всех тепло оденет, всех, рожденных в скорби...

КРЕСТЬЯНИН

Тяжело идет по земле крестьянин,
Не спеша идет, весь в поту, по ниве,
Не спеша идет в праздник на прогулку.
Ни к чему ему торопиться в завтра,
Делает он все не спеша, с оглядкой,
Накрепко прирос он к родной землице,
Не летать ему в синем поднебесье,
Но зато его мать-земля вскормила.
Как он неуклюж — отпрыск исполина.
Разозли его — разорвет медведя.

* * *

Легко пророчить и гадать
О счастье, о солнечном свете:
Судьба обязана все это дать,
Но только, увы, на том свете.
Сгниет, истлеет в земле скелет,
Пока вы увидите новый свет.

ПЕСНЯ ФАБРИЧНОЙ ДЕВУШКИ

Не пой у окон, соловей,
Тоскою не тревожь своей!
Мне до зари вставать чуть свет,

Так трудно сердцу, мочи нет,
Так больно сердцу, и печаль
С твоим напевом льется вдаль.

Мне до зари вставать чуть свет,
Брести туда, где солнца нет,
Где чад коптилок, гарь и пыль,
Где жизнь сгорает, как фитиль,
Где ход шестнадцати часов
Медлителен, как бой часов.

Ты будешь грезить до утра,
А мне уже вставать пора,
Тебе заря в росе дана,
А мне гнуть спину дотемна.
Не пой у окон, соловей,
Тоскою не тревожь своей!

ОН ЭТО ЗНАЛ

Он-то знал это,
Он все время
Знал, что хворью
Изъеден тяжкой;

Он-то знал это,
Знал давно уже:
Смерть ждала его
В лютых муках...

И все предвидел он,
Все разумел он,
И то, что было,
И то, что будет...
. . . . . .

Вокруг кровати
Детишки плакали,
Слезы смахивали
Рукавами;

Жена, горюя,
Рукой дрожащей
Поднесла ему
Глоток последний...

Все это видел он,
Все ясно видел,
Что ждало в жизни
Его любимых;

От колыбели
И до могилы
Вся жизнь в мученьях
Была напрасной...

Так и не смог он
Жене и детям
Дать в жизни больше,
Чем богадельню.
. . . . . .

Все это видел,
Да так и умер,
Стиснув зубами
Край подушки...

И ясный разум
В глазах искрился
До последнего
Мига жизни.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В НОЧЬ НАКАНУНЕ НОВОГО ВЕКА

I

Пустыня ссылки. Холод и покой.
Здесь некуда спешить. Из этой дали
Ясней и раньше различить смогу
Я очертанья нового столетья.
Передо мной раскинулась отчизна
Покровом белоснежным, окаймленным
Едва приметной глазу лентой моря.
Под свежим снегом свежие могилы,

От свежей крови пар встает над ними,
И впрямь для века прошлого она
Не в меру пламенною оказалась.
Теперь, быть может, будет по-иному.

II

Неслышными шагами новый век,
Таясь, подкрался, словно тать в ночи.
Дверь хлопает, и, молнии мгновенней,
Быстрей, чем взмах меча, он успевает
Порог переступить и вот уже
Горит, как Севера сполох багряный;
Он, тяжкою громадой навалясь,
Заполнил все, лишь слышен за дверьми
Свист времени, летящего стремглав.
Век новый веет стужей ледяной,
У ног его клубятся испаренья,
А за спиною мгла встает,— и только
Сверкает пламень глаз из-под личины.

III

И длань его железную на шее
Вы чувствуете, даже не успев
Достойно встретить нового владыку,
Что, появившись, прежнего поверг.
Вы, торжествуя, подняли бокалы,
В них, искрясь, пенился эксцельсиор.
Но выбил он из ваших рук хрусталь,
Напиток сладкий вытек, прилипая
К подошвам вашим. Был и у него
В одной руке фиал с багровой влагой,
Студеной, липкой, а другой рукою
Он сеял ветер, вам смеясь в лицо,—
Ведь бурю пожинать придется вам,
Вам, мирным людям. . . . . .
. . . . . .

IV

Но по какому праву мертвой хваткой
Он душит нас? Как взял над нами власть?
Кто он таков? — Бродяга, вот и все.
Откуда он возник? — Из пустоты.

Куда идет? — Во тьму, в небытие.
Откуда он возник, туда и канет.
Пред вечностью, владыкой всемогущим,
Он только миг, число, смиренный раб.
Лишь захотеть — и покорим его,
Пусть тот, кто властвовал, согнется сам.
Согнуть его? Но мы в его руках...
Доколе же? . . . . . .

V

Сын весь в отца; и даже не понять,
Когда пришел он старику на смену.
Кто говорит, что с год назад уже
Он тайно воцарился, и тогда
На двух девятках (словно вал девятый
Унес его) скончался старый век.
Иные спорят: сын отцу дозволил
Год протянуть и кончить жизнь нулем,
Тем доказав, что старое столетье,
Столь много обещавшее, ничем
Окончилось, что нуль дал нуль в итоге.

VI, VII

Кто ж матерью его был, кто отцом?
— Дух, Вечность,— говорят!.. Слова пустые.
Отец его — мещанский затхлый век,
А мать звалась Свободой. К ней стремился
Юнец, покуда жаркой кровь была.
Он Воли не добился, хоть подчас
Судачат — не осталась без последствий
Запретная любовь, но в жены все ж,
Как бюргеру почтенному пристало,
Взял Обыденность — тучную мещанку,
И сам стал постепенно торгашом,
Забыв порывы юности мятежной.

VIII, IX

Отец под старость вас стегал бичом,
Сын будет скорпионами язвить.
В крови по самый локоть, как мясник,—
Век входит к вам.

Витийствуя о мире, в то же время
Во имя просвещенья и культуры
Уничтожает целые народы,
А жертве, застонавшей под ножом,
Он зажимает рот: резня — ведь это
Обычные, домашние дела.
Так что ж кричать? А если кто кричит —
Тот бунтовщик...

X

Громами войн он путь свой начинает,
Вдали раскаты первые гремят,
И грубым басом «длинного Фомы»,
Как плетью, хлещет он. Снаряды воют,
И сыплются свинцовые бобы.
«Концерт Европы» этот гул зовется:
В нем пушек гром, в нем тонкий визг «дум-дум»,
Зубов железный скрежет, стон глухой
И лязг брони... Зато над этим всем,
То вкрадчиво, то словно издеваясь,
Небесный голос флейт поет, поет
О счастье, безмятежной тишине,
Добытых острым лезвием... Оно
Зовется дипломатией...

XI

Век хочет, чтоб царила тишь да гладь!
Чтоб не разила сталь, не били пушки
(Иль в крайнем случае пусть бьют беззвучно),
Чтоб смолкли крики, стихли стоны,— если ж
Кому невмоготу,— пусть за зубами
Язык свой держит. Сладу нет с болтливым,
Держи его под страхом, чтобы он
Не смел грешить... И крикуны тогда
Притихнут живо, изрыгать проклятья
На новый век не будут. Мир настанет —
Благоволение во человецех;
Тогда лишь при движенье резком могут
Оковы звякнуть, да и то чуть слышно,
Как бубенцы, обернутые в войлок;
Ведь так мягкосердечен судия,

Так сокрушается палач, рубя
Нам головы . . . . . .
. . . . . .

XII

Так какова ж Лейпутрия — страна,
Где век минувший (в сновиденьях, что ли?)
Нам райское блаженство уготовил?
Мала она была... Не многим в ней
Попиршествовать вдосталь довелось.
Растаяла гора из каши быстро,
Исчезли чудом — озеро вина,
Заборы из колбас, мясные стены.
Пошло хозяйство прахом, и остались
От вожделенных издавна богатств
Лишь вытоптанные поля да кости
Обглоданные.

XIII, XIV

Попасть бы нам в Лейпутрию, в которой
Для всех нашлось бы место, а не только
Для избранных, для сотни объедал:
В страну, где все мечтанья стали б явью,
Где спину мог бы каждый распрямить,
Где б каждый мог на хлеб намазать масло
И мясо в супе что ни день найти,
Да к этому всему еще имел
Табак для трубки, сапоги, костюм
И по воскресным дням билет в театр;
Где досыта все пили бы и ели,
Как на толоке, поровну трудясь.

XV, XVI, XVII

Измучены тоской непреходящей,
Мы, люди, испокон веков томимся
По счастью, солнцу, воле и по хлебу,
Особенно по хлебу, да, по хлебу
Пшеничному — грош ломаный за фунт.
Ведь вместе с ним придет все остальное,
Что делает прекрасным Дух и Разум.
Пойми одно — нам имя Легион!

Мы поколенье молодости вечной,
И мы тебя, Владыка-Век, согнем,
Рабом ты будешь нашим. Nos vincemus! [1]
И дети Солнца будут жить тогда
На белоснежной праздничной земле,
Жить, неизбывным счастьем наслаждаться,
Тем счастьем, что для них в кровавых муках
Мы добыли по тюрьмам и по ссылкам.
Поры не выжидаем,— смело мы
Вцепились в космы Времени седые.

СЛОВА

Все печали и радости света,
Чувства, что рвутся из сердца поэта —
Вряд ли бег вечности сдержат намного.
Нет уже слов, которые могут
Время перемещать
Ближе к цели хотя бы на пядь.

ПОД ТЕМНО-ЗЕЛЕНЫМИ КРЫЛЬЯМИ ОДИНОЧЕСТВА

ЛИК ЗЕМЛИ РОСА ПОКРЫЛА

В дальних рощах солнце село —
Лик земли роса покрыла,
А на нем заря горела;

И всю ночь роса копилась,
Лик земли сверкал, и зелень
Бисером росы искрилась;

А наутро солнце всплыло —
Лик земли, росой блиставший,
Пеленою слез покрыло.

[1] Мы победим! *(лат.)*

СВЕТЛОЕ СЧАСТЬЕ

Река безмерно длится
До горных облаков,
Небо к земле клонится
За далью ее веков;

Где небу с землею слиться,
У самой далекой черты,
Там светлое счастье мне снится,
Там тонут невзгоды, там — ты.

ВЕЧЕРНИЙ ПОКОЙ

На горизонте,
Тучами сжат,
Ало-багровый
Гаснет закат.
Где-то, мигая,
Тлеет костер.
Перепел крикнул.
В сердце — укор.
Тьма набегает.
Где же светло?
Холодом веет,
Никнет чело.

ВЕЧНОСТЬ

Смотрел я долго
С нагорных высей
За дали далей,
В хаос надзвездный,

Покуда взор мой
Не мог уж видеть
Тех гор, что скрыты
За далью горной,

Тех звезд, что скрыты
За высью звездной,—
Покуда разум
Не впал в смятенье...

В КОЛЬЦЕ ТУМАНА

Зачем, былое,
Так неустанно
Ты мучишь душу
В кольце тумана?

Живешь, скитаясь
На белом свете,
Так ловко ловишь
Ты душу в сети.

Сквозь сеть я вижу
Берез раздолье,
Но так томится
Душа в неволе.

Ко дням минувшим
Дороге виться,
Плывут виденья,
Мелькают лица.

СЕРДЦУ ТЯЖКО

Грустно дышит,
Тяжко дышит
Мать-землица.

Над осенними
Лугами
Пар клубится.

В шелк тумана,
В серый шелк
Земля рядится.

Жемчугами
И цветами
Вся искрится...

Астры вянут,
Ох, как тяжко
Сердцу биться.

СТОНЫ МОРЯ

Из прошлых дней мне слышен
Угрюмого моря вой.
Швыряя пену, дышит
Разгневанно прибой.

Чем дальше, тем мрачнее
На дюнах стонет он...
О, если бы скорее
Окончился вечный стон!

ПЕРЕД БУРЕЙ

То синь, то серость — моря даль
Блестит, блестит под небосклоном,
Который нем и тверд, как сталь,
В однообразье монотонном.

Она зеркальна, моря гладь,
Лишь по краям раздолий длинных,
Где ветру трудно дрожь унять,
Как пашня, море все в морщинах.

И чайка, сея стон и страх,
Над глубью мечется морскою,
И кажется, что на волнах
Душа, лишенная покоя.

ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Мерцает свод зеленовато-синий,
В огне закатном золотится мгла,
Блестит роса на мокрой луговине,
И растеклось дыхание тепла.

Час бледных красок, полустертых линий.
На долы тьма, как тяжкий сноп, легла,
И ветерки крадутся по низине...

Где все мерила?.. В сердце острие...
Шум ветра, пустота, небытие.

ПРЕДГРОЗЬЕ

1

На небе туча залегла вразброс,
Покрыла солнце черными клубами;
А ведь недавно рассыпалось пламя,
Совсем как пряди золотых волос.

Мрак наползает, душу устрашает,
Полнеба взял в полон, к душе прирос
И давит, угнетает, окружает.

И грудь переполняется тоской
По солнечной земле в дали морской.

2

А туча — ближе, ближе. Тьма растет,
Весь белый свет сдавила в мертвой хватке,
К земле в полете тянутся касатки,
Поля молчат, но стонет небосвод.

Вихрь налетел негаданным порывом,
Деревья рвет, лакает пену вод
И рушится, хлеща дождем по нивам,

Чтоб жизнь топтать безжалостной пятой,
Чтоб землю сечь струею проливной.

3

Все кончено. Во мраке мир уснул.
Как пусто, лишь вдали сверкнет зарница,
Все свершено. Слезами дождь струится
И смерть несет, как стража — караул.

Душа устала, онемели руки,
Пыланье сердца пепел затянул.
К чему мечтать? Ведь это — снова муки.

Продрогла плоть, и дрожь такая бьет,
Как будто стонет кто среди болот.

НОЧНЫЕ ТЕНИ

МЕСТА НЕТ

Жилы застывшие
Некуда вытянуть,
Мысли горящие
Тоже погасли:
Тело ржавеет,
Как старая рухлядь,—
Машина, которой
Со всем ее визгом,
Воем и скрежетом
Место на свалке...

ГРЕЗЫ ВЕСНЫ

Что мне — жизнь ненавидеть,
Скрыться в пустыне
Потому, что не каждый цветок надежды
Плод принесет мне?

Г е т е. «*Прометей*»

Все пало, все в землю зарыто, мертво,
Вокруг тебя тайны и мглы торжество...
. . . . . .
Зубами сожми, чтобы жизнь нести,
Пока еще можешь дышать в пути,—
Зубами сожми, подави свой стон,
Пусть ты последней надежды лишен,
Пусть даже сломан, иссох, как скелет:
В недрах ночи родится свет!

ТЕПЛИТСЯ ЖИЗНЬ

Птицей ли мысли вспорхнут,—
Крылья повиснут, падут,
Скованы тяжкою мрачною мглою.

Если любовь даст росток,—
Гибнет она, как цветок,
В землю затоптанный грубой пятою.

Если протянешь друзьям
Руку спасенья,— и сам
Вязнешь в трясине, спознавшись с бедою.

Мгла пред тобою, но все ж
В горе утешить идешь,
Веря,— все скоро проснется с весною...
Теплится жизнь под корой ледяною.

В ГОРНУЮ ВЫСЬ

Все горше одиночество с годами,
За другом вслед уходит друг,— и вот
Все реже спутник, реже меж камнями
Цветок нежданной радостью блеснет.

Потом и их не станет в выси горной,
Лишь тишины неумолимый гнет
Бессонницей тревожить будет черной;

Снега смыкаться будут впереди
И вся земная боль пылать в груди.

НАШИ ДНИ

Тягучие пустые дни,
То зори, то сумрак багряный...
Без сил они, без дум они,
Кровоточат, как раны...

НА ПОРОГЕ ВЕЧНОСТИ

Грядет смертный час!
Бессилия волн в жизни не знал я,
В пламени боли всегда закалял я
Душу, что стала тверда, как алмаз.
Грядет смертный час!

И все же... противны мне приступы дрожи,
И гнусный вид смерти противен мне тоже,
Волосы дыбом, взор мой ничтожен...
Чтоб нитью гнилой жизнь моя расползлась?
Грядет смертный час!

Грядет смертный час?
А жизнь льется песней широкой,
стозвонной,
Труд, ты мой, начатый, но не завершенный,—
Снова распасться мне, в прах превратясь?
Грядет смертный час!

ЗОЛОТАЯ ДЫМКА

ВЕЧНОЕ ОЖИДАНИЕ

Ни ненависти, ни любви,—
Он, неподвижный, замер.
Лежит и ждет, оцепенев,
С закрытыми глазами.

Он ждет, чтоб грудь его была
Теплом слезы согрета,—
Он ждет, он вечно ждет весны,
Ждет ликованья света.

ПОД ЗЕЛЕНОЮ СЕНЬЮ

Зияла годы в сердце рана,
Затягивается слегка.
Тянулись долго эти годы...

Мне на сердце твоя рука
Легла, так ласкова, легка.
Мне так тепло, забыта рана.
Спи, сердце, просыпаться рано!
Спи. Далека
Перед тобой лежащая дорога.
Дремли пока.

ТЕПЛАЯ ВОЛНА ДЫХАНЬЯ

Искрится бескрайнее море;
Избушка, лес кругом:
На землю, на зимнюю землю,
Повеяло теплом.

Волна твоего дыханья
Вливается в душу мне.
И жизнь, наливаясь силой,
Воспрянула на волне;

Искрится она, как море,
Не знающее конца,
И лето излучает
На стынущие сердца.

ИЗМЯТЫЙ ЦВЕТОК

Словно любви твоей,
Ласки дыханье,
Скрытой печали
Пыл и страданье:

Измятый цветок,
Мне близкий такой,
Нежность его
Осязаю рукой;

Измятый, он в шелковый
Спрятан платок,
Был в твоих косах
Милый цветок.

СИНЕВАТЫЕ ИСКРЫ

Глаза твои слепнут в рыданьях,
В них мечутся ужас и страх?
А кажется, свет ликованья
Искрится в твоих глазах;

Летят синеватые искры
Из сердца, в котором весна,
И в воздухе ясном и чистом
Пьянящего хмеля волна.

В душе твоей света безбрежность
И вечное утро любви,
Таят первозданную нежность
Те жгучие искры твои.

Зачем же не молкнут рыданья,
К чему и кошмары и страх,—
Когда этот свет ликованья
Искрится в твоих глазах.

ЗА МАТОВОЙ ВУАЛЬЮ

Что бродишь, мысль,
Весь день-деньской?
Вот милый лик
Перед тобой,
Тончайший стан...

В вуаль-туман
Облачены,
Но так светлы
И так нежны
И милый лик,
И тонкий стан...

Раскройся далям
Ты, вуаль,
Чтоб синевой
На миг, на миг
Мне в душу проник
Свет ликующих глаз твоих;
Твой милый лик,
Твой тонкий стан
Судьбой мне дан.

ЗОЛОТАЯ ДЫМКА

Любви, любви я полон,
Как яблоневый сад
Пыльцой благоуханной
И зеленью богат:

Средь свежести росистой
Цветет в саду заря,
Сквозь дымку золотую
Мерцая и горя.

Среди травы стройна ты,
Тонка ты, как цветок,
Пыльца над садом вьется,
Как золотой дымок.

Цветочные пылинки
К тебе, ласкаясь, льнут,
И для души любимой
Вуаль из шелка ткут.

Их множество — но если
В глазах твоих печаль,
Она мгновенно меркнет,
Волшебная вуаль.

МИР БЫЛ ПУСТЫНЕЙ

Мир был пустыней —
Ты мир заселила,
Мир был бесцветным —
Цветы посадила,

Мир был холодным —
Согрела дыханьем,
Мир был во тьме —
Озарила сияньем.

И славить солнце
Я снова в силах,
Будить надежду
В сердцах унылых.

МОЯ ТОСКА

Живет во мне тоска — мой крест,
Как птица из клетки рвется,
И ненасытно сердце ест,
О стенки груди бьется.

Как зверь в капкане, сладу нет
С тоской ни днем ни ночью,
Души моей любовь и свет
Она разрывает в клочья...

Единственный цветочек мой,
Что цвел под солнцем алым,
Лежит поникший, неживой,
Толпа его растоптала.

Ты в сердце, алый мой цветок,
Воспрянул ясным светом,
Мой дом и темен и жесток,
Ты пленник в доме этом.

Цветам ни света среди мглы,
Ни свежести напиться,
Как пар, готовый взорвать котлы,
Тоска в груди теснится.

Вперед, вперед! Там сила, труд,
Свистящий ветер мимо...
Там свет и радость тоску взорвут,
И землю к солнцу двинут!

КАНУН ВЕСНЫ

ЗВУЧАЩЕЕ ПЛАМЯ

На нить нанизанные звуки
Плывут и реют в вышине:
Моей души мечты и муки
Горят и плавятся в огне!

Душа горит, сгорает ярко,
В огне расплавлена она.
Пусть сердце полно кровью жаркой,—
Душа огнем претворена!

В ней все тяжелое сгорело,
Она свободна и легка;
Все плавится, что тяготело:
Томленья, ужасы, тоска!

Огонь! Пройди до глуби темной,
Где крылись муки, страхи, гнев,
Развей по ниве подъяремной
Свой пламенеющий посев!

Огонь, звенящий без предела,
Сжигай все думы,— чтоб разнес
Потом их пеплом, пылью белой,
Свободный ветер новых грез!

Но всё плывут и реют звуки,
И думы нижутся на нить:
Моей души мечты и муки
Горят, чтоб белым пеплом стыть!

ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ

Глаза пылают, и губы сжаты,
Тревога мечется в сердце.
Какой-то слышится плач в глубине,
В самом глухом тайнике.
Не надо, душа моя, успокойся,
Ведь все в порядке.

Последний солнечный луч заблудился,
Он мимо скользил, ускользал, убегая,
То вспыхивал ярко, то снова гас,
Он убегал по осенним далям
Пугливо, как лань от погони.
Искал он своих полуденных братьев
И теплый солнечный бок своей матери.
Но, душа моя, ты-то при чем?
Все в порядке.
О чем же ты, одинокая, плачешь?

Он мимо прошел, мы остались в тени,
Тень прохладней, чем бой.
Это еще древние греки знали,
Погибшие воины царя Леонида,—
Битва — горячее дело.
Слезы наши осушит
И разогреет тело...

«Душу?» — ты хочешь сказать?
Да. Ты смягчишься, душа,
Будешь чуткой в любви, в состраданье,
Столько горя на свете,
Столько сердец измученных!
Будь же прекрасной, душа,
Приди к ним на помощь.
Ну не плачь же, не надо.
Ты только борись.
Все ведь в порядке!

Этот луч — он пришел издалека. Он сам по себе.
Мы не можем его ни прельстить, ни поймать...
Слушай, все ведь в порядке.
Он ускользает,
Он скоро растает,
А душа не растает — она нарастает,
Она ведь сама вроде солнца,
Горит неизменно, спокойно,
Ровным белым огнем.
Она не растает.
Ну не плачь же, не надо.
Все ведь в порядке.

Душу не скроют тучи,
И осень ее не погасит.
Она нас греет зимой и в могиле.
Светит она в глубине,
Куда ни за что не проникнуть
Золотому, багряному солнцу,
Семицветному солнцу вселенной.
Она сияет в глубинах земных
И в одиноких сердцах,
И эти сердца растут,

Поднимаются, тянутся к свету...
Послушай, ведь все в порядке,
Все, все в порядке.

Ты еще плачешь, душа?
Да, я вижу, ты плачешь,
Утираешь слезы тайком.
Не надо, не плачь.
Сердце слезами полно до краев,
Стало таким тяжелым...
Замолчи, перестань! Больше я не могу!
Иди. Побеждай.
Иль погибни!

ЕДИНСТВЕННАЯ ЗВЕЗДА

...Так знай же, в чем высшей идеи суть:
Она безжалостна,— не обессудь.

Тот, кто ее загорелся огнем,
О страхе, о смерти забыл — обо всем.

Он не щадит ни себя, ни друзей,
Он все дорогое пожертвует ей.

Он к цели идет, хоть пути тяжелы,
Не слышит насмешек, хулы и хвалы.

Тьма окружает его, но всегда
Пред ним сверкает одна звезда.

ЮНОСТИ

Юность должна быть
Дерзкой, могучей,
Вечно кипучей,—
Людям на диво.

Факелом, юность,
Будь среди боя,
Чтоб за тобою
Шел и трусливый.

Вестником правды
Стань, чтобы снова
Вспыхнуло слово,—
Пламень призыва.

Сдерни повязку
С глаз ослепленных,
Сонных, плененных
Выдумкой лживой.

Ринься в сраженье,
Знамя вздымая,
Всех увлекая
В бой справедливый.

ЗОЛОТИСТЫЕ ЛИСТЬЯ

Как будто в туфлях
Свинцовых, долго
Шла ночь-старуха.
Все притаилось.
Пульс сонной жизни
Был слышен глухо...
К земле приникли
Цветы и травы
И утра ждали,
И солнца ждали
Леса и птицы,
Река и дали.
. . . . . .
Что ж вы грустите,
Вы, молодые,
При ярком свете?
Ведь после ночи
Вас первых тронул
Бодрящий ветер.
Как золотые,
Сияют листья.

Не вы ли это,
Сверкая счастьем,
Плывете гордо
В лучах рассвета?
Встречая утро,
Трепещут листья
В веселом звоне,
В беседе с солнцем
Весь день ликуя
На горном склоне...

СТАРЫЕ НЕДУГИ

Снова пошлость вековая
Из норы своей выходит...

Горе! Будни заглушили
Солнца смех в душе твоей,
И заботы тусклых дней
Сердце обручем сдавили.

Победи заботы те:
Им, что гадам, крыться в норы,
Не взнестись за нами в горы,
Не подняться к высоте!

СЛОМАННЫЕ СОСНЫ

Приморские сосны сломал ураган,
К песчаным припали они берегам,—
Тянулись к просторам, стремились к воде,
Не стали скрываться и гнуться в беде:

«Мы сломаны, грозная сила, тобой,
Но рано ликуешь, не кончен бой,
Еще мы вздыхаем о далях в тоске,
Гневные ветви шумят на песке...»

И, мачтами став, над раскатом волны
Взмыли поверженных сосен стволы,
Грудь — против бури, парус крылат,
Бой против бури, мачты гудят:

«Грозная сила, швыряй нас на дно,—
В счастливую даль доплывем все равно!
Ломай, сокрушай нас — идем напролом,
К солнцу, к восходу плывем. Доплывем!»

ВПЕРЕД!

Ты мост разрушил, и на самом деле
К родному дому не придешь ты вспять,
Где руки бы тебе дыханьем грели,
Где сердце бы тебе сумели заласкать...

Челны и мост проглочены пучиной,
Ревет прибой, кроша скалу в песок,
Рыдают чайки над косой пустынной.

В крови ладони, камни — из-под ног...
Вперед! Навстречу солнцу. Мир широк.

ЭЛЕГИЯ

Памяти юноши

I

Мне этого не вынести, отец.
Все видеть — и спокойно, молчаливо,
Как будто сердце у тебя вконец
Окаменело,— улыбаться криво;

Взирать, как правду топчут сапогом,
Как палачи глумятся нечестиво
Над тем, что мы святынею зовем...

Трепещет плоть, и кровь моя как пламя,
И руки тянутся к оружью сами.

II

Как мог тебя я удержать!.. И ты
Ушел, мой сын. И вот передо мною
Лежишь теперь. Глаза твои пусты,
Покрыты щеки смертной белизною.

А как они пылали в час, когда ты
Нас вещим словом окрылял своим.
Ты мертв! И лишь чело еще объято
Грозы недавней отблеском живым...

О сердце! Мы сильны, мы победим!..

ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ...

Заходит солнце, ночь пришла,
Приносит страх густая мгла,
Заходит солнце, но взойдет,
Чтоб тьму хлестать лучом с высот.

ВЕСЕННИЕ ДНИ

Прочь жалобы и стон тоски!
Сбивай оковы и замки́!
Круши ограды и — вперед! —
Река взбухает, взломан лед.

Все выше солнце, даль синей,
Все тоньше лед весенних дней,
Все тоньше — тает под лучом,
Ручей сливается с ручьем.

Ревет разбухшая вода,
Уносит прочь обломки льда
И заливает все и вся,
Устои ветхие снося.

Воды восставшей круговерть
Крушит стены столетней твердь,
Ломает тысячи преград,
И бастион, и каземат.

Все, что давило, гибнет враз,
Вокруг, насколько видит глаз,
Вода. Течет через края
Огромной чаши бытия.

FIAT JUSTITIA! [1]

Одна на свете справедливость есть,
Сама собой, одна и та ж навеки —
Она была началом всех начал:
Она несла порядок в этот мир,
И если б мир однажды канул в Лету,
Она б еще царила надо всем.
Fiat justitia, ruat mundus! [2]

*

Она над миром трон свой вознесла,
Прикрыв свое величье облаками,
И ясный взор свой ослепив повязкой,
Опорой служит ей металл и камень,
Холмы костей и пирамиды трупов,
Стволы орудий и столбы победы,
Сиденье трона свито из цепей,
В которых вечно трудятся народы,
Виновные лишь в том, что так малы.
В руке ее весы: две чаши. Кровью правды
Полна одна, вторая чаша вечно
Мечом тяжелым клонится к земле.
Одежд багровых, золотом расшитых,
Тяжелый шелк шуршащий виснет с плеч;
И стан широким поясом охвачен,
А обувь из железа и свинца;
За поясом закон, топор и плети.
Сжимает губы тонкие она,
И если слово сквозь уста проникнет,
Оно разит, как лезвие ножа.
Одна лишь речь — приказ и приговор,

[1] Да будет справедливость! *(лат.)*
[2] Да будет справедливость, да разрушится мир! *(лат.)*

Они тяжки, как топоров удары,
Что б ни сказала — все свершится вмиг,
Покуда кровью залита земля
И в небе кровь, как зарево, алеет.
Fiat justitia, ruat mundus!

*

Покинув трон, она ступает в мир,
Чтоб власть свою распространить по свету,
Уравнивая всех перед собой;
Закрыв глаза, идет она слепая,
Идет не глядя, кто хорош, кто плох,
Вершит свой суд, не видя ни причин,
Ни слез не видя, ни бескровных лиц,
Ни рук костлявых, ломанных бедою,
Пока они не сжались в кулаки.
Да, Справедливость, видно, за века
Состарилась и навсегда ослепла
От вековой повязки на глазах.
И кажется мне, что она глуха,
Или заткнула уши мягкой шерстью,—
Когда проходит с ледяным лицом
И вопиющих голосов не слышит:
Пусть, пусть вопят, она за все века
Ни разу не прислушивалась к воплям —
Fiat justitia, ruat mundus!

*

...И стан ее не тот, каким казался,
Ленивая, она едва бредет,
Виновных не догнать ей, но легко
Хватать невинных жесткою рукой.
И лишь чутье ее, как прежде, остро:
Дым хижин она чует издалёка
И хижины обходит стороною.
Но если в них приходится бывать,
Она всегда с покорными покорна
И вежлива, спокойна и робка;
И никогда в глаза не лезет нагло;
И вовсе не горда, какой казалась.
Она при звоне золота молчит!
С ней можно пошутить, поторговаться,
К любой нужде приспособляться может,

Со смелыми смела и выступает
Неумолимой. Жалости тогда
Она не даст сидеть с собою рядом,
И суд ее тогда неоспорим:
И пусть хоть в пекло катится весь мир,
Пусть стоны сотрясают все вокруг,
Скрежещут зубы, кулаки хрустят.
Когда ж она вдруг снизойдет к земле,—
Врагов растопчет, вырвет сорняки,
Одних благословит последним словом,
Других последним словом проклянет —
Fiat justitia, ruat mundus!

*

Да, Справедливость, дряхлая старуха,
Становится все старше, все дряхлей,
И дни ее судьбою сочтены.
За часом час все убывают силы,
И только злоба возрастает бурно,
Уста увечит зависти излом,
Глумливая усмешка скалит рот,
Не держат ноги, и в костях иссохших
Мозг чахнет, только лишь костыль
Поддерживает немощный скелет,
И все ж костыль упавшего растопчет,
Нога ее все под собой сомнет.
Fiat justitia, ruat mundus!

*

Час старой Справедливости пробил,
И жизнь ее висит на волоске.
И скоро рухнет это божество,
Гремя костьми и черепом пустым,
И черная затмит просторы пыль,
То будет крови высохшей поток,
Что был во имя божества пролит,—
Пыль ядовитой высохшей слюны,
Пыль от руин и тлена старых зданий,
Тысячелетней черной швали пыль,
Что скапливалась, превращаясь в гниль,
И все живое на земле душила
Невыносимым смрадом испарений,
Лишала жизни молодой росток,

Но все-таки росток растет сквозь тлен,
И новый мир над старым миром всходит —
Ruat justitia, fiat mundus! [1]

ДЕНЬ СТРАШНОГО СУДА

Dies irae, dies illa,
Solvet urbem in favilla [2].

Немало жизней
Прервет свой бег,
И многих юных
Сломает век;

Во мгле исчезнет
Идущих след,
Пока из искры
Родится свет;

Истлеть им,
Крови истечь рекой,
Пока на землю
Придет покой;

Немало смелых
Сквозь ад пройдут
И вновь воспрянут,
И вновь падут;

Отхлынет множество
Волн морских,
Но ветер снова
Подымет их.

Смерть многих сотен
Не есть конец.
Их сменят сонмы
Живых сердец.

---

[1] Да разрушится справедливость, да будет мир! *(лат.)*
[2] День гнева, этот день,
Превратит город в пепел *(лат.)*.

«Далёкие отзвуки в синем вечере».
Худ. А. Апинис.

Один умолкнет,—
На первый зов
Ответят
Тысячи голосов.

Покуда злобой
Мир потрясен,
Песчинка каждая
Исторгнет стон.

Землетрясенье
Сметет дома,
Опоры рухнут,
И хлынет тьма.

Приют ваш каменный
В судный час
На вас же рухнет,
Схоронит вас.

Утес дворцы ваши
С плеч стряхнет,
Открыто взглянет
На небосвод.

Какие горы
Спасут вас? — Нет,
И горы местью
Грозят вам вслед.

Какое море
Вам даст причал? —
Сметет вас грозный
Расплаты вал.

Хотите скрыться
В болота мглы? —
В сравненье с вами
Они белы.

Немые недра
Разверзнут ад,—
От вас останется
Серный чад.

ЭПИЛОГ

ДЛИННЫЙ ПУТЬ

. . . . . .
Но выше, выше все ведет мой путь,
Как утром тень, все тает сном бесплодным,
А воздух стал прозрачным и холодным,
Но выше, выше все ведет мой путь.
. . . . . .

Земных оков упали с тела звенья:
Зло, ненависть, волненья и мученья.
Без прошлого, без страсти, без греха,
Гляжу, как даль, вся в золоте, тиха,
И, крылья пробуя в эфире чистом,
Душа — как белый снег на склоне льдистом;
И, сбросив все, что тяжело, она,
Как звезд мерцаньем, нежностью полна...
Но выше, выше все ведет мой путь.

. . . . . .
Как утром тень, все тает сном бесплодным,
А воздух стал прозрачным и холодным,
Но выше, к солнцу, тянется мой путь:
Нет мига в вечности, чтоб отдохнуть...
. . . . . .

* * *

Жребий брошен:
Мчитесь вперед, вихри!

* * *

Солнце землю пахало,
Медным плугом заправляло,
Слой за слоем поднимало к свету,
Вдавливало в землю старые наветы.
Буря семена ссевала,
Ливнем всходы поливала.
Время собирать посевы бури,
Яростной борьбы приспели будни.

ПОД ВЕСЕННИМ ГРОМОМ

ВОЮЩИЙ ВЕТЕР

Хлещущий ветер и снег,
С воем летящие в поле,
Кто ограничить бы мог
Ваше сейчас своеволье?

С дерева буйной рукой
Кудри зеленые рвете,
Узкой дороги края
Топите в снежном омете.

Буйно врываетесь вы
В каждый покой пропыленный.
Стены трясете дворцов,
Рушите древние троны.

Нет, вас ничем не прогнать,
Страже не справиться с вами.
Воины тщетно спешат
Стан опоясать мечами.

Вас не посадишь в тюрьму,
Не уничтожишь, сжигая!
Реете вы над землей,
Гниль и сырье разрушая.

С ветром крутящийся снег
Многих пугает, тревожит.
Это предвестье весны,—
Кто задержать ее может?

ЛЕДЯНАЯ КРЕПОСТЬ СЕВЕРА

Наша победа — славная,
Быстрая, неизбежная!
Дрогнула, подалась глыба льда,
Оползла медленно!
Мы грызли ее, точили — года!
Теперь начинается
Гор ледяных крушение!

Над ледяной крепостью
Небо уже синее —
Свежий ветер разогнал облака,
Распогодилось!
Ноздреватый лед лишь толкни слегка —
И не выдержат
Стены дряхлые —
Небывалая победа близка!

Множатся в стенах трещины,
Темные щели ширятся,
Наземь осколки падают —
Не надейся, крепость, не устоять!
Стены твои рыхлые
Теплым паром окутаны,
Урагана весеннего
Не обернуть вспять,
Хое-хо-о, хое-хо-о — слышится!
Как тебе, крепость, дышится?
Наша не дрогнет рать.
Эта победа — первая,
Это первая оттепель.
Мы еще только начали
Ледяные крепости брать!

МЕХИ ВЕТРА

Раздули мы мехи большие ветра,
Ногами нажимая в нетерпенье,
И раскалилось пламя добела
В горниле солнца.
Клубился жар, и зной пылал слепящий,
Кругом вилось дыхание огня.
И вот — растоплен снег, и взломан лед,
Освобожденные текут потоки.

Вихрь, знойно дышащий, валит с разбегу
Громады туч, сшибает лбами их
И увлекает за собою вдаль
Все веянья, все грозы, всё ненастье.
Вытягивает всходы из земли,
Зверей из нор и с силой нас самих
Могучими руками поднимает.
Ногам не удержаться,— их с собой
Теченье увлекает
Вперед, вперед.

Шум будит все живое.
Вот голову торопится подснежник
Просунуть из-под снежного покрова,
Вот лопаются почки
От буйного броженья соков,

И стаи птиц из дальних стран сюда
Слетелись, любознательные, снова.
Пришла весна, конец поре суровой,
Синеют небеса,
Вверх замок света поднялся.

ПОСЛЕ ДОЛГОГО СНА

Дым лениво тает
Над высокой кровлей,
Разомлев на воздухе весеннем.

Горизонт в тумане,
И снега осели,
И березы ветви расправляют.

Люди жадно дышат,
Как от сна очнувшись,
Точно пережив недуг тяжелый.

На щеках — румянец.
Улыбнулись губы
С удивленьем или недоверьем.

А глаза стыдливо
Щурятся от света,
К радости весенней привыкая...

ТАК НЕ ОСТАНЕТСЯ!

Так не останется, так оставаться не может,
Глупо надеяться, что пронесется вода,
Реки спадут, иссякая, и день будет прожит
Так же, как прежде... О нет, никогда, никогда!

Лед, как ни крепок, упорства уже не умножит.
Сердце, что рвется к свободе и жизни,— сильней!
Так не останется, так оставаться не может,
Все переменится в мире до самых корней!

ЗЕЛЕНАЯ ВЛАСТЬ ВЕСНЫ

Даже старые березы
Молодо зазеленели.
Даже вороны на ели
Нежные роняют слезы,—

Вороны, что любят падаль
И со смертью неразлучны,—
И они ликуют звучно
И приходу мая рады.

Только срока ожидают
Захватить получше долю,
Поклевать живого вволю,
И весну благословляют.

А кривые те березы
В вешних платьях красоваться
Не посмеют, застыдятся,
Желтые роняя косы.

Но сейчас, шумя листвою,
И они помолодели.
Ждут, притихли, поскучнели
Вороны, смирясь с весною.

ПРИЗЫВ

ВЕСТНИЦА-СИНИЧКА

На столбе ворот синичка
Заливается-звенит...

Крошка-синичка — чуть потеплело —
Вестницей солнца к нам прилетела
И, заливаясь, поет:
Все расцветет!
Все расцветет!
Против зимы все восстает!

Поет синичка, на ветке качаясь:
Уходят морозы, с зимой кончаясь!
С ветки на ветку синичка снует
И только одно и то же поет:
Все восстанет, все восстанет!
Все воспрянет, все воспрянет!
Всё и вся, всё и вся, всё и вся!

ВЫХОДИТЕ!

Вы, крошки-вербочки,
Вы, листья нежные,
Выходите! Выходите!

Тонких веток ростки,
Иголки хвои,
Ландыши белые —
Майская поросль,
Птицы-скворушки,
Светлячки,
Люди из недр земных,
Из немых глубин,
Выходите! Выходите!

Вереск, вставай!
Листвою, береза,
Тихо шуми,
Мглу развевай.
Зажгитесь, глазки,
Пламенем ярким!
Выходите! Выходите!

Из праха ада,
Из черного дыма,
Из недр подземных
Черные люди
Гордо выходят,
Зовут с собой.
Багровый пламень
Их путь освещает.

Все, что мечталось,
Свершается ныне.
Муки, терзанья

Уснут в покое.
Ярче радостный день,
Скрылась темная туча,—
Выходите! Выходите!

ДЕТИ СУМЕРЕК

Луч глянул из-за сосен,
Скользнул на землю он;
Сквозь ветки смотрит солнце,
Полей недвижен сон.

Мороз и снег повсюду,
На всем тумана след,
Но вскоре заискрится
Во мгле сокрытый свет.

Приди скорее, солнце,
Спеши подняться ввысь,
Больные дети мрака
Рассвета заждались.

Ах, полно, маловеры!
Лес золотом горит,
Пусть солнце ваши лица
Весельем озарит!

ГРУСТНАЯ БЕРЕЗА

Мгла белая клонится
Над нивами черными,
Полянами стелется,
Лугами зелеными.
Мгла медленно стелется:
Исчезнет, покажется,
Росинка светлится,
Словно солнышко-саженец.
Туманы над заводью.
Одна-одинешенька,
В даль дальнюю глядя,
Грустит березонька.

ДРОЖАЩЕЕ СЕРДЦЕ

Мокрое облако
Ливень полощет —
Мокрые простыни
Хлещет и рвет.

Леса и поляны
Тонут в тумане,
И бесконечный
Дождь моросит.

Зябкие птицы
Спрятались в гнезда,
Сердце дрожащее
Ищет тепла.

ОПУСТОШЕННАЯ ДУША

Кипел жемчужной пеною
Любви хмельной настой,
И испарялся долго он
В горячей тьме ночной.

Так оторвись и чару
Переверни теперь.
Уж в дом стучится утро,
Раскрой скорее дверь.

БОЛЬШИЕ ГЛАЗА

Марии Р.

Страшно мне встречаться с вами,—
Столько в вас тоски-тумана,
Голубые и пустые
Два родные океана!

А они: «Душа — как море,
Но она пуста, бесплодна...
Ах, когда б на дне открылся
Ключ воды живой, свободный!

Ветра, брызг и волн хочу я,
Чтоб рассеялась истома,
Чтоб вошла мне в душу буря
В буйстве грянувшего грома!»

ЕДИНЫМ ПУТЕМ

Идемте вместе — одним путем,
Зарю свободы разожжем!

Коль вместе путь направим мы,
То разобьем ворота тьмы.

Пусть мы расколемся потом
И вновь своим путем пойдем,

Пусть вы решитесь отдыхать,
А мы вперед пойдем опять,
Чтоб вновь победу одержать,—

Все пути пускай в один сольются,
Угнетенные всех стран
Соединятся!

К МОРЮ!

Про себя тихонько
Речушки смеются,
Все в одну сторонку
Льются, льются.

Нивами росистыми,
Травкой вытканными,
Вьются серебристою
Пряжей-нитками.

Перепрыгивают речушки
Тропки лесные в гонке,
Жмутся друг к дружке,
Как девчонки.

Лепечут, резвясь,
Нет конца их шуткам,
Сон стряхнули с глаз
Незабудкам.

К Даугаве родной
По лугам и нивам,
Воды несет весной
Бурным порывом.

В море мчит река
Груз драгоценный,
Белит ему берега
Мутной пеной.

А над ширью морской —
Туч громада
Чашу влаги дождевой
Вылить рада.

НАСТЕЖЬ ВОРОТА!

КЛЕЙМЕННЫЕ СМЕРТЬЮ

Кругом застыли в ненависти лица,
На всех неумолимой смерти след —
Так маска зубы скалит и кривится —
Ни проблеска, ни искры жизни нет.

Не сотворить огня в крови их пресной,
Как изо льда не выкресать огня,
Как зиму не избыть весенней песней;

И солнцу не подвластна их броня:
Лишь в новых ветках жар его воскреснет.

ЧЕСТНЫЙ ЛИБЕРАЛ

Он был когда-то с нами заодно,
Но убоялся трудностей дороги.
И семенил он мелко и смешно
В толпе подобных большаком убогим.

Теперь привычно жизнь его течет:
Из-под большого жёрнова мучица
Ему на радость весело струится —

Покой и мир он славит горячо...
Но по ночам бедняге скверно спится.

ДАЛЕКИЕ ОТЗВУКИ

Отзвуки далекие
В мраке синеющем
Плыли печальные
С ветром, чуть веющим.

Плыли и таяли
В смутном блуждании...
Ночь, не внимая им,
Длила молчание.

«Все ли вы слышали
Тихое пение?» —
«Как же!» Но в души им
Кралось сомнение.

*

Вечер покров теней
Стелет среди полян.
Парни пасти коней
Едут в ночной туман.

Утро придет в свой срок,
Росы сверкнут вокруг.
Выгонит пастушок
Стадо с зарей на луг.

И босиком к реке
Люди пойдут тропой,
Отзвуки вдалеке
Слушая всей душой.

Звуки, что, так грустны,
Плыли вдали от нас,
Радостно в дни весны
Льются вблизи сейчас.

Катится шум времен
К сердцу полей родных.
Скоро и гул и звон
Громом наполнят их!

ЧТО Ж СЕЯТЕЛЬ ТУЖИТ?

Которые сутки
Разверзлись хляби.
В полях — болото
Наместо зяби.

Которые сутки
Ветра гуляют,
Ростки молодые
Из недр вырывают.

Что ж сеятель тужит?
Пусть снег здесь ляжет,
Все заморозит,
В сон вгонит даже.

А сон — не гибель,
Не смерти бремя:
Ростки окрепнут
За это время.

Чуть зубы солнца
Льды раскрошат,—
Побеги к солнцу
Свой путь продолжат.

ЗИМНЕЕ ПОДВЕЧЕРЬЕ

В желтоватом и неярком свете
Солнце день за днем одной дорогой
В зимнее уходит подвечерье;
Ночи долго тянутся, зевая...
И не мне ускорить их движенье,
Солнце удержать к земле поближе,
Землю обратить лицом на солнце.
Я могу тоской по солнцу мучить,

Разжигать в груди горенье гнева,
Бередить немолкнущие боли,
Чтобы вы сопротивлялись ночи
И не верили господству мрака.

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

«Так уныло
Нынче длится
Дней печальных
Вереница.
И мрак ночной теснит нам грудь.

Грустных песен
Звук щемящий,
Ужас вечный,
Леденящий —
Как трудно их с души стряхнуть.

Только будни
Всюду в силе,
В божество их
Превратили,
Чтоб спину перед ними гнуть!»

— Как ничтожны
Вы сердцами!
Скоро грянет
Гром над вами:
Героев время вышло в путь!

МЕЛЬКАЮЩИЕ ОГНИ

МЕЛЬКАЮЩИЕ ОГНИ

По улицам там и тут
Вдруг пробегает свет,
Сверкнет полоса огня,
Померкнет и вспыхнет вновь.
Во тьме колеса гремят,

На лицах застыл испуг:
— Случилось? Когда и как?
Неужто сюда идут?

Зарево в небе, крик
Чей-то возник вдали,
Мимо бежит толпа.
Снова тихо вокруг.
Ужас сковал сердца,
Души наполнил страх.

Ближе и ближе огни,
Стало светло, как днем,
Уже горит небосвод,
Там, у края земли,
Светятся в темноте
Пламени языки.

Всюду, везде, кругом
Уже занялась земля.

Искры взлетают ввысь
И падают вниз дождем;
Огни бегут и бегут,
Призрачный хоровод
Движется, как во сне,
Что-то сулят они...

Смотри, далеко вдали
Блуждающие огни.

КИТАЙСКИЕ ЖРЕЦЫ

На синий, ясный небосклон
Восходит солнце. «То злой дракон
Уж показался, всем на страх...» —
Вещают жрецы. Народ в слезах
О солнце, о милом солнце.

«Драконы поглотят солнца свет.
Земля во тьме. Спасенья нет!
Спешите укрыться к себе домой
И там молитесь во тьме глухой
О солнце, о милом солнце!

Молясь, подымите жалостный плач —
Авось смягчится лютый палач:
Готовы, мол, гнуться под тяжким ярмом —
А солнце? Да мы и забудем о нем,
О солнце, о милом солнце».

Но лживым уже мы не верим жрецам,
И злые драконы не страшны нам!
Они исчезнут при свете зари...
Вечно в душе у народа гори,
Солнце, милое солнце!

НАРЫВ

В сердцах страданья
Напев возник,
Вражды и злобы
Набух гнойник;

Любовь ли, нежность —
Кромешный ад,
В источник жизни
Подмешан яд.

Эй, вы! Дрожите
До той поры,
Когда прорвется,
Как взрыв, нарыв!

ЧТО БЫ НИ БЫЛО

Величие этих дней — залог,
Что ты уже в поле не одинок.

Где только одна березка была,—
Там роща зеленая подросла.

На вырубках снова поднялся лес,
Дыханьем свежим веет окрест.

И видно сверху березе той,
Что все окрест — в листве густой.

Нет, не солгали тебе мечты!
Недаром страдал и томился ты!

Полной грудью можешь дышать
И что бы ни было — не отступать!

НОВОЕ ВРЕМЯ

Огни грядущего видны —
Его приблизить мы должны.

Нас ждет великая страда —
Достанет каждому труда.

Костер огромный мы зажгли,
Он озаряет лик земли,

Мы строим счастье — этот дом
Лишь общим возведем трудом,

Никто не будет в стороне —
Всем света хватит по весне.

Огни грядущего видны —
Его приблизить мы должны.

ЧЕРЕЗ КРАЙ

Пусть сердце пылает,
Пусть кровь закипает,
И чувства, как волны
Прибоя, играют —
Что их успокоит,
Смирит, обуздает?

И мечется слово,
И сердце готово
Привычной неволи
Разрушить оковы,
Обнять беспредельность
Простора земного —

На улицу, к людям
С отверстою грудью
Спеши — и не бойся:
Поймут, не осудят,
И сердце горящее
Счастливо будет!

ИДЕТ МОЛОДОЕ ПЛЕМЯ...

Небо, и солнце,
И моря дали,
Песок, и сосны,
И плеск воды,

И стойкое сердце
Тебе даровали;
Грядущего лета
Всюду следы.

Так пой о тех,
Что на битву встали:
Открыты дали
Для молодых.

В ВЕЧНОМ СОЗВУЧИИ

На все смотрю без страха,
Тверда душа моя.
О нет, я не исчезну,
Хотя бы умер я!

С широким шумом моря,
Когда леса гудят,
С медноголосой бурей
Всегда пою я в лад.

Я с тучами, с грозою
Звучу одной струной,
С потоком, что о берег
Бьет пеной снеговой.

Когда с востока ветер
Встает — заре вослед,
Я вам с его дыханьем
Шлю утренний привет.

Когда же гаснет солнце
И затихает дом,
Заря меня скрывает
Померкнувшим плащом.

На все смотрю без страха.
Тверда душа моя.
О нет, я не исчезну,
Хотя бы умер я!

В КРАСНОМ СВЕТЕ

ТЮРЕМНЫЕ СТЕНЫ

Лица скрылись в сумраке,— значит,
Не кивнет никто, не заплачет,
Не улыбнется приветливо впредь.
Тумана все затянула сеть.

Как будто поезд промчался мимо,
Махнули платочком сквозь клубы дыма...
Слышно — шум затихает, далек...
Сердце пора замкнуть на замок.

«Но разве это не ветра шум,
Не листьями ропщут ветки?..»
Гул долетел, короток, угрюм...
Захлопнулись двери клетки.

Нет, ты не в лесу, то не ветра шум,
Не ропщут дрожащие ветки...
Тюремные стены, каменный свод,—
Тебе прозябать тут за годом год.

СТАНЬ ТВЕРДОЙ, МЫСЛЬ!

Стань твердой, мысль!
Стань зычным, слово!
Стань наковальней, мысль!
Стань колоколом, слово!
Тьмы кузнецов тебя куют века:
Ковач великий, беспощадный голод,
Всей тяжестью обрушивает молот,
И скромным сонмом бьют исподтишка
Со стороны, и сгорблены и седы,
Старухи-сестры — маленькие беды.

Стань твердой, мысль!
Стань зычным, слово!
В горниле мук белей раскалено,
Закалено огнем и сожжено!
Мехи вздувают пламя неуклонно,
Тебя палят неистовым огнем,
Толкают в самый жар, сжимают в нем
Давленьем атмосферы раскаленной.
Стань рассекающим мечом!

Стань острой, мысль!
Стань грозным, слово!
Стань чуждым ржавчине клинком из стали,
Чтоб гражданин мог смело взять тебя,
Чтоб ты сверкало, камни стен дробя,
Чтоб цепи пред тобой и брони пали!
Стань острой, мысль!
Стань грозным, слово!

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

Как эту боль сдержать и перенесть!
Как душу горько разрывает жалость!
Так много павших! Их не счесть, не счесть,
И раны их еще зияют ало.

У нас в душе одно желанье есть —
Собрать ту кровь, что землю напитала
И призывает молчаливо месть.
Глаза глядят, как будто угрожая,
Дрожишь невольно, мертвый взор встречая.

МОГИЛЫ НАШИХ ГЕРОЕВ

Их имена векам дано беречь.
Их в землю бросили и в грудь вонзили меч,
Но сжаты кулаки, но сердце не остыло,
И взгляд, как острие, разит противосилу.

Их бросили без слов, и тишина легла,
Потом топтали землю, как врага,
Запрятать тщились глубже в песок,
Чтоб ни один восстать уже не мог.

Но властию бессмертья не восстать!
Коснись могил, вберешь свободы страсть!
Поднимешься с колен и вскинешь взгляд горящий,
Когда свой рост узнаешь настоящий.

И пусть те имена века хранят.
Но помните могилы, где герои спят.
Когда померкнет ум и руки захотят отдохновенья,
Пусть нашей силой станут их мученья!

ОТРЯД СМЕРТИ

Лунная ночь нема,
Бледно лучи блеснули.
Тайна бродит. На карауле
Безликая бодрствует тьма.

Голос неведомый из темноты,
Окрик гнева и боли:
«Что блуждаешь так поздно ты?..»
Гибель грозит мне, что ли?

С постели вскочил, лихорадка бьет.
Не было ночи тише...
Приговор ли мне вынесли?.. Слышишь?..
Пролитая ли кровь вопиет?

Страшно! Ночь молчанье хранит.
Бледно сиянье луны печальной.
Чьи там шаги? Кто говорит?
«Месть... Мы — молот, ты — наковальня».

Шествует смерти отряд... Так, значит,
Это он с собою несет
Мести угрозы, холодный пот —
Приговора немой передатчик?

За многие жизни возьмут одну...
Это ночью или днем случится?
Лицу обреченного не проясниться...
Лежу ли, хожу ли,— иду ко дну.

Пчелу не преследует месть и страх,—
Она умирает тотчас, ужалив.
Меня же тиски смертоносные сжали.
Я — ржавый брошенный нож, я — прах.

И днем мне жутко... Как ночь нема!
Бледно лучи блеснули.
Тайна бродит. На карауле
Безликая бодрствует тьма.

ВСЕ-ТАКИ

Присловье «все-таки»
Помните в час,
Когда сочтете
Мертвыми нас.

Нет, не дождетесь
Во веки веков,
Чтоб нас задавила
Тяжесть оков.

Нет, руки бессильно
Не упадут,
Хоть жажда и голод
Утробу жгут.

Сердца наши стойки —
Дави их, тесни,
И все-таки дышат,
Живут они.

Заветное «все-таки»
Есть у нас,
Оно омрачит вам
Торжественный час.

Пусть молния блещет,
Грохочет гром,
Но мы на колени
Не упадем.

Не склоним плечи
Под вашу власть,
Хоть горы грозили б
На нас упасть!

Помните «все-таки»
Даже в тот час,
Когда мертвецами
Сочтете нас.

* * *

Перед новым боем
Тихо вспомните былое.

* * *

На черных страницах книги
Мы пишем стихи потаенно,
Чтоб наши рыданья и стоны,
Как в черной ночи, затаились...

На черных страницах книги,
Как в черной земле зарыты
Тысячи, что убиты
В ночи, наступившей снова.

На черных страницах книги
Да светят буквы смелее,
Павших борцов жалея,
Живым даруя отвагу!..

На черных страницах книги —
Все то, что ношу, как бремя,
Пока не придет время,
Не вспыхнет черная книга!..

ДЕНЬ УСОПШИХ

Медленно плывет их черный челн...

ПЕСНЯ СЕСТРИЦЫ

Спряталось солнце
За тучи угрюмые.
Пламя погасло:
Очаг наш не теплится!

Солнце проглянет,
Очаг разожгу я,
Да не согреть им
Братца родимого!..

Братцу не нужно
Веселого пламени,
Братцу не нужно
Весеннего солнышка,

Братцу не нужно
Заботы сестрицыной:
Мраком все застлано,
Тьмой занавешено...

Братцу постель
Разостлали песчаную;
Полог дерновый
Над нею повесили...

Братцу не нужно
Слезы моей горестной,
Братцу не нужно
Ни стона, ни жалобы.

Слезы постель размывают
Песчаную,
Полог дерновый от жалоб
Колышется...

Брату безмолвная
Клятва нужна —
Клятва, что дело
В верных руках!

РЖАВАЯ ЦВЕЛЬ

Где с песнями люди
Косили травы,
Все цвелью подернулось
Рдяной, ржавой.

Мальчонка приходит туда
К рассвету...
Слоняется, плачет он:
— Тятя, где ты?..

Расстрелян твой тятя,
И след кровавый
Стал цвелью, стал порослью
Рдяной, ржавой.

БЕДНЫЙ БРАТ

Романс

Мать, и отца, и друзей, и семью —
Всю они отняли радость мою!..
Что ж остается мне, брат мой?

— Бедный мой брат, они в этом вольны.
Но застонать не заставят они...
В этом ты волен, брат мой!

*

Ах, они руки скрутили мне вновь!
Брызнет сейчас из-под пальцев кровь,
Брат мой, о брат мой!

— Бедный мой брат, они в этом вольны,
Но застонать не заставят они!

*

Ах, они бросят в темницу меня,
Больше не видеть мне светлого дня,
Брат мой, о брат мой!

— Бедный мой брат, они в этом вольны,
Но застонать не заставят они!

*

Ах, меня гонят в глухие края,
Там холод и голод изведаю я,
Брат мой, о брат мой!

— Бедный мой брат, они в этом вольны,
Но застонать не заставят они!

*

Ах, расстрелять меня дали приказ,
Сердце мое растерзают сейчас,
Брат мой, о брат мой, о брат мой!

— Брат мой любимый, они в том вольны.
Но застонать не заставят они:
Радостью взор загорится твой,
Пусть ты умрешь — братья ринутся в бой,—
И в этом ты волен, брат мой!

НЕВЫРАЗИМАЯ

Кровь, что выжата
Из нашей плоти:
Образ твой выразить
Песня бессильна.

В мире витаешь
Кровавым духом,
Сердце судорогой
Потрясая.

Земля! Верни себе
Ужас века:
Кровь, что выжата
Из нашей плоти!

КРАСНАЯ НИТЬ

Каждый наш вздох и чувство,
Дела, что дано свершить,
Пронизывает трепет,
Как красная нить:

За то, что нам в страданьях,
В жестоких муках жить,
За нашу кровь, что льется,
Как красная нить.

За то, что даже вечность
Не сможет в нас убить,
Что в светлый мир ведет нас,
Как красная нить.

ЧЕЛН УСОПШИХ

Баркарола Даугавы

Черный челн усопших душ плывет,
Весла их звенят на глади вод:
Нет, нет конца...

Тихо плещет вечности волна,
Пена красно-черная мутна —
Нет, нет конца...

До краев ладья нагружена,
Нива жизни смерти отдана —
Нет, нет конца...

Чьи-то стоны потрясли покой,
Волчий вой не молкнет над рекой —
Нет, нет конца...

В Даугаву стекаются челны,
Павших душ они полным-полны —
Нет, нет конца...

Черный челн их медленно плывет,
Весла их звенят на глади вод:
Нет, нет конца...
Нет, нет конца...

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Струились росы —
Пот рассвета...

РАННИЙ ПУТЬ

Памяти товарища

Так рано пела птица! Ранней ранью,
Едва рассвет в лесной забрезжил сени...
Ночную грусть баюкало молчанье,
И по лугам еще блуждали тени.

Так рано вышел он на поле брани!..
Бежала тьма и пряталась в смятенье,
Увидев на челе его сиянье.

Часов закатных не дождались оба:
Убили рано их — мороз и злоба!..

ПЫЛИНКА И ВРЕМЯ

Пылинкой кажется нам звезда,
Приблизься к ней — тогда виднее:
Пылинка эта — огромный мир,
Земля — пылинка рядом с нею.

Вот так и чья-нибудь душа
В безвестной мелкоте томится,
Но время подвига придет —
Она звездой воспламенится.

ВЕЛИКИЙ ПОКОЙ

Лишь в самой горячей битве
Покой я обрету,
Боль сгинет, счастье снова
Зажжет мою звезду.

Плыву в потоке вешнем
С толпой таких, как я;
Меня, как ветвь, уносит
Весенняя струя.

Куда? Зачем плыву я? —
Свой знает путь вода.
От мук былых, от боли,
От горя — ни следа:

Во тьме пробить дорогу
Один бы я не смог!
Летит к свободе сердце,
И к морю мчит поток.

Как в праздничное утро
Душа в покой плывет,
И облачком лучистым
Сквозь синь я рвусь вперед.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК

Что беспокоит вас?..
Вам представляется странным, нелепым,
Когда звучит языком фанфары,
Золотом речи,
Лучами слова,
Огнем дыханья,
Рокотом мысли, восторга полным,
Серебряным колокольным звоном
Высокая речь о высоком деле!

Пошлость не терпит высокого лада,
Гром обыденщине не сподручен,
Гордое слово режет вам уши!..
...Как вы сказали: «Оно — фальшиво,
И лицемерно, и смеха достойно?..»
Правду сказали вы!

Громкое слово — у вас на устах —
Вправду фальшиво и лицемерно,
Вправду достойно едкого смеха!..
Ибо великое слово

Делом должно венчаться — великим —
Не по плечу — вам!..

Тот же, кто мал и унижен,
Тот — из толпы, не охватной глазом,
Из презираемой вами толпы,
Тот, чей жестокий удел —
Труд и насмешек бремя,—
Тот удивительной речью давно овладел
И породнился с ней, ибо пришло его время.

Внятны толпе раскаты фанфары,
Лучистое слово, звон колокольный...
Огнем дыханья она согревает
Высокий язык, тот, что был доступен
Только героям.

Толпа творит великое дело,
Единственное, что делать сто́ит.
Толпа творит, миры созидая,—
Дело, которое было под силу
Только героям!..

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ЛЮДИ

Нам надобно только,
Воспрянув, восстать,
И нас не сможет
Ничто удержать.

Не устрашат нас
Ни пламя, ни зной,
Свободы дворец
Нам сверкнет белизной.

Через трясины
Мы пробредем,
Но в обетованную
Землю войдем.

Нас тысячи,
Миллионы нас,
Но мы разрастаемся
Каждый час.

Цепляясь за скалы,
Тянемся ввысь,
Переползаем
Ущелья и рвы.

Из наших костей
Пусть мостят мосты,
Пусть плоть наша ляжет
В безднах пустых.

Плечами обрушим мы
Тяжесть стен;
Пусть крепости сложат
Из наших тел.

Пусть вырвут
Пылающие сердца,
Чтоб вражий стан
Спалить до конца

А вихрь наших вздохов
То пламя взметнет,
И вдаль разгонит,
И вширь разнесет.

И, как ледяные,
Преграды растают.
И вот он — Свободы
Дворец вырастает!..

*

Нам надобно только,
Зажегшись, восстать —
И нас не сможет
Ничто удержать!
И через хляби
Мы пробредем,
Но в обетованную
Землю войдем.

СОЛНЕЧНЫЕ СУМЕРКИ

Море тихо плещет, угасая.

* * *

Трудно было после битвы солнцу
Обессиленному подниматься
И тащить на крутизну зенита
Огненную колесницу света.

*

Воздуха пучины все густеют:
Пар, угар, седые космы дыма,
Пыль дорог, болотные туманы,
Смрадное дыханье мелких будней,
Черное земных глубин дыханье,
Из которого всплывает солнце.

Солнце за день устает от битвы:
Вечный пламень в бесконечном море,
Вечная душа в бескрайней массе,
Сходит с высоты в глубины моря
Обрести свой первозданный облик.
Но из далей движутся туманы,
Спрятав лица в серые завесы;
Тучи, скапливаясь, виснут в небе;
Мрак подкарауливает дали.

Солнце в фиолетовом тумане
Катится каленой колесницей,
Алый дым вокруг нее дымится,
Тянутся над нею, чередуясь,
Полосы багрово-голубые —
Клочья туч, оторванные зноем.
Вынырнуло солнце из пучины,
Ярко на стекле волны пылает,
Тускнет желто-серое в тумане.

Что ни миг, густой туман все гуще;
Словно жернова сжимают солнце
В каравай бесформенный и плоский,
Топят каравай в алмазном море.

Море тихо плещет, угасая;
По стеклу волны проходит трепет,
Далеко вокруг алмазных стружек
Блеск искрит в подоле моря черном.

На мгновенье вспыхивает небо,
Черных туч вершины розовеют,
Синь желтеет, зеленеет, блекнет,
Иссякает небосвод и, рыхлый,
Тает в синей предрассветной стуже.
Молча смотрит, красотой взволнован,
Род людской — в груди звезда рассвета.

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ

Восторг оружьем
Быть перестал,
Пусть грозным станет
Сатиры шквал!

НАШИ ДНИ

Сущее пусто,
Грядущее немо,
Прошлое кануло
В омут заката.

В голом поле
Гуляют вихри:
Не задевают
Листвы печальной.

Жизнь мелка,—
Песок сыпучий,—
Что ж урвешь здесь?
Что развеешь?

Только что Прошлое
Щедрой рукою
Бросило зерна
В грозную пору.

Редкая зелень
К солнцу пробилась:
Смотрит рабочий
Алчет хозяин.

Прошлое кануло
В омут заката,—
Светят с Востока
Новые зори.

Вихри промчатся,
Нива созреет —
Народа счастье
В борьбе куется.

ПАРТИЯ ПОРЯДКА

Мы лозунгами сыты,
Для нас пора пришла
Спокойно и открыто
Обстряпывать дела.

Мы добрались до цели
Заветнейшей своей:
Прибрать к рукам сумели
Местечки потеплей.

В почете мы как будто...
А там еще, глядишь,—
Поклонишься тому-то,
А этому — польстишь...

Убрать бы для порядка
Зовущих на борьбу,—
И жизнь пошла бы гладко
И тихо... как в гробу!

СОГЛАШАТЕЛИ

При виде волка матерого
Отара бросилась в сторону.

— Бараны, овцы! Куда вы?!
Сейчас не до вас мне, право!

Глядят, а волк-то — израненный.
Такому — не надо баранины!

Бормочет серый проклятья:
— Все черти, «лесные братья»!..

Отара пошла помедленней,
Заблеяли овцы: — Бедненький!

Барапы мекают хором:
— Мерзавцы!.. Мы их!.. Позор-ом!..

А волк за отарой тянется:
— И вам, дуракам, достанется!

Порежут они все стадо!..
Держаться нам вместе надо!

Носами бараны зашмыгали,
Кругами овечки запрыгали,

На волка смотрят умильно:
— Ах, волк!.. Ах, мудрый!.. Ах, сильный!

А волк вкруг отары кружится:
— Пора нам вступать в содружество!

Овечки блеют невинно:
— Мы — плоть и душа едина!

У волка глаза как свечечки:
— Доверьтесь волкам, овечки!

За нами ступайте в чащобы!..
Согласны?..— О, да!.. Еще бы!..

Но волк ответа не слушает,
Овцу он выбрал и кушает:

— Вот так, баранье отродье,
Мы станем единой плотью!

ПЛЯСКА СМЕРТИ

Спешат на пир богатые и праздные.
Кареты, экипажей вереницы...
Выходят дамы, и народ дивится,
Как блещет шелк и серьги их алмазные...

Литавры загремели в пышном зале,
И пляшут сытые, победу празднуя...
— Не бойтесь призрака,— его изгнали!..

Но кто-то шепчет: «Он придет опять,
Едва на улице начнут плясать!»

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

По свету, словно листья,
Ветер кружит вас.
А где опора ваша? —
Связь с ней оборвалась.

Едва ничтожный ветер
Появится в тиши —
Вы на волнах, как щепки,
Плывете без души.

Так много вас кружило,
Что стал не мил вам свет,
И ни в одно теченье
У вас уж веры нет:

Тех идолов, что сами
Творили вы вчера,
Сегодня вы забыли,
Как кукол детвора,

Вы разумом иссякли,
В тупом застое душ
Не отличить вам моря
От мелководных луж.

Но сильный ветер дует
Быстрей из часа в час,
Он кружит вас по свету,
Он в землю гонит вас.

УМЕРЕННОМУ

Ты чтишь свободу, виселицу — тоже;
Народу служишь, служишь и вельможе;
Всегда быть хочешь осторожней, строже,
Меж крайних — ищешь средний путь без гнева,—
Зато и бьют тебя как справа, так и слева.

БЛАГОДЕТЕЛЬ НАРОДА

Ты хочешь одарить народ
Тем, что пожертвуешь собою.
Позволь же на тебя взглянуть,
Каков ты сам, чего ты стоишь?
Что может получить народ
От этаких щедрот?

ТВЕРДОЕ УБЕЖДЕНИЕ

Я знаю — дух твой тверд, как сталь,
И убежденье ясно, смело,
Ты б оскорблять его не стал
Своим участьем в сути дела.

СТАРЫЕ ИСТИНЫ

Зачем тебе копить их? Это ж
Прапрадедов гнилая ветошь:
Чем больше их, из праха взятых,
Тем больше моль и ржа едят их;
Погибли истины святые,
Не то, что слитки золотые.

СЛОВА

Не можешь делом —
Бей словом вещим!
Пред словом смелым
Враги трепещут.

ПУТЬ К НОВОМУ

Тщетно лелеять надежду,
Что все изменится мирно,
Что старое день за днем
В новое перерастет.

Старое чуждо росту,
Его лишь могила исправит,
Лишь уничтожив его,
Откроешь новому путь.

О ГОРЕЧИ

К чему примиряться с горечью,
Грустить о величии прошлом:
Движется вечно жизнь,
Грядущее победит.

Вырвите горечь из сердца,
Запрячьте вглубь отвращенье,
Чтоб с жизнью быть заодно,
Чтоб возвеличить жизнь.

О ТИШИНЕ

Скройте в сердцах вместе с кровью
Всю ненависть вашу с любовью;
Боль пусть таится на дне,
Мысли горят в глубине.

Слух любопытных пусть глохнет,
Глаза стерегущих пусть слепнут.
Уголь грядущего, тлей! —
Вспыхнет заря новых дней.

О БУДУЩЕМ

Грядущее, побеждая,
Порою позор приносит:
Героя свергает пигмей,
Вспять скользит колесо.

Грядущее вырастить надо,
Чтобы его не стыдиться —
И корни оно пустит вглубь,
И ветви раскинет вширь.

О МЕЛОЧАХ

В будничных мелких делах
Да не забудем о звездах!
В копоти мы и в пыли,
Светел зато небосвод!

Мелочи для мелочей
Душу мельчат человеку.
Только великая цель
Смысл мелочам придает.

О ВЕЛИЧЬЕ

Сто́ит боренья борьба,
Если величие цели
Многих смогло вдохновить,
Вывело многих на путь...

Там, где всевластен один,
Все остальные — во прахе.
Души возвысив, сумей
В массы величье вдохнуть!

«НО» И «ВСЕ ЖЕ!»

Страхов полны и сомнений
И будничных смутных желаний,
Вы все начинаете с «ах!»,
И все кончаете — «но...».

Отдавшись сомнениям этим,
Свободы не обретете,—
Здесь возглас нужен один:
«И все же!» — и в этом залог.

ИСТОЧНИКИ СИЛЫ

Слабости серая плесень
Не осквернит моих песен,
Мужества чистый родник
В каждое слово проник.

— Всюду — кресты и могилы...
Где же ты черпаешь силы?..
— Братьев отважных семья —
Сила, опора моя!

ВОЛЯ МИРА

Жить без лжи мир не может,
Жаждет власти построже.
Что делать? — Вот мудреца ответ:
Ты властвуй и лги — покоришь белый свет.
А я говорю: ложь и рабство — рази!
Волю мира преобрази!

PATET JANUA, EXI! [1]

Ты жить устал? Устал от муки века?
Что ж, путь свободен, двери широки.
Но презри те, что указал Сенека,
Где примешь смерть от собственной руки.

Иди в другие, чужд привычки ложной,
Где жизнь свою отдать за братьев можно,
Где миги смерти — светлы и легки!

СЛЕВА

Сердце, полное тепла,
Меч, хранящий нас от зла,
Находиться вы должны
Где,— с которой стороны?..

Сердце, меч, скажите: где вы?..
— Там, где ваше дело,— слева!

ГРЕЗЫ ЗЕМЛИ

Разве вещий вестник к нам явился?
Разве близок века звон весенний?

* * *

Мать Земля потрясена виденьем,
Странный сон ей в забытьи приснился;
Задрожав от радости и жути,
Хочет сбросить цепи сна, очнуться;
Рот немой напрасно ловит слово.

Долго в недрах корневищ таилась
Юность жизни, вырвалась вдруг к свету,
Лик земли ветвями покрывая,
Излучая свет зеленый листьев,

[1] «Двери открыты, выходи!» — изречение Сенеки, указывающее, что человеку всегда остается возможность избежать страдания путем самоубийства.

Сладкий аромат надежд дарила,
Подымалась с утренней зарею,
Вешним чудом зацвела над миром.

Скоро еще ярче свет заблещет,
Утро станет жарким полднем солнца.
Почка розой золотистой станет:
Ликованье света беспредельно.

Все живое ощущеньем счастья
Обнимает аромат пьянящий.
Новое предсказанное солнце
Вышло, как цветок, из недр глубоких.
Скоро еще жарче запылает
Пламя дня лучами золотыми,
Пламенем златой цветок алеет.
Каплет пот багровый с лепесточков,
Листья корчатся, горят и гибнут,
Мирный свет и черный мрак приходит,
Ужас вскрикивает над планетой
В судорогах и в поту холодном.

Мать Земля от радости и жути
Задрожала в забытьи глубоком,
Хочет сбросить цепи сна, очнуться,
Рот немой напрасно ловит слово.

— Кто покой мой дерзко нарушает?
Ночью — сном кошмарным, днем — томленьем?
Небывало сладким чувством мая?
Разве вещий вестник появился?
Разве близок века звон весенний?
Что поется мне в извечных песнях,
Что предсказано в седых сказаньях?
Возрожденье и другое солнце?
— Что так сразу все кошмары взвились,
Словно ночь, к рассвету прилипая?

Задрожав от радости и жути
Мать Земля в раздумье погрузилась.
Разве, Мать Земля, ты не познала:
Цвет с плодом не встретятся на ветви,
Должен цвет опасть, чтоб плод налился,
Вещий сон твой весь еще не сбылся,

Сон, воспетый в допотопных песнях.
Годы ждать пока еще ты можешь
Возрожденья и другого солнца,—
Для тебя наш год короче часа,
А столетье наше дня короче.
Только нам ждать некогда, мы жаждем
Возрожденья и другого солнца.

ДЕНЬ ТРУДОВОЙ

Праздник кончен. В будний день
Для работы пояс силы
На себя скорей надень.

* * *

Время — прочь в закат!
Солнце старое — в могилу!
Сколько ты в крови бродило!
По утрам пары кипят:
Новое, родись, светило!

ВОСХОД

Нет, я не верю древнему сказанью,
Что счастье к нам вовеки не придет.
Нет, нет, неправда!.. Близится восход.
Мы окна открываем в ожиданье...

И день — хоть кровью брызнет, может быть,—
Он все же — день... Нет, мы не смеем ныть!

НОВОЕ ЗДАНЬЕ

При каждом новом громовом ударе
Мы убеждались: труд наш — нерушим.
То зданье, что построил пролетарий,
Не дрогнуло под шквалом грозовым.

Горят деревья. Вся земля разрыта.
Вкруг здания клубится сизый дым...
И жертвы, жертвы... Сколько здесь убито!..

Но зданье — как незыблемый гранит.
Его младое племя отстоит.

КОЛЮЧКА

Горы и долы,
И грохот стремнины,
Рек раздолье,
Песок зыбучий,—
Все, все препоны
Враги воздвигли,
Чтоб нашу поступь
Остановить.

Через преграды
Идем вперед,
Так же как ветры,
Что над горами
Свободно мчатся.

И ты, колючка,
Сдержать нас дерзаешь?!
И, зацепившись
За край штанины,
Ты вспять нас тащишь!

СТАЛЬ

Сталь боевая,
Вскрикнув, сломалась,
Гневаясь, мечет
Синие искры:

— Жизнь моя — битва,
Смерть моя — пламя,
Вспышками молний
Душа моя

Полчища вражьи
Испепелит.

Мы — это сталь!

КАМЕННЫЙ ДОМ

Наш дом на граните стоит,
И вечен гранит.
Отлит фундамент из стали,—
Твердо мы на ноги встали.

ОПЯТЬ НОЧЬ

Кругом лежала ночь.
Дремали все недвижно, одиноко,
Объяты страхом; тягостный, глубокий
Сон охраняла ночь.

И если где звенел
Вдруг голос, он звучал так бесприютно...
Лишь тени белые вздыхали смутно:
«О ночь! Где ж твой предел?»

Вновь, как когда-то, ночь...
Кровавый дождь, и буря в бездне черной...
Но молотами бьют бойцы упорно
И не отпустят прочь.

«Нам новый голос прозвенел,—
Поет их молот,— день сиял, хоть краток.
Не дрогнем мы, наш шаг не будет шаток,
Мы видим тьмы предел».

БЕРЕГА ДАУГАВЫ

Берега омой, ты, Даугава,
Ты должна омыть их, реченька;
Вековечная волна твоя
Не очистила от пятен их;
Как бы в бурю ты ни пенилась,

Не заблещет пена белая:
В самый светлый полдень солнечный
Бьется в ней заката полымя.

Так омой скорей их, Даугава,
Смой следы жестокой памяти,
Пору рабства, время мерзости,
Муки, детям причиненные
На обоих берегах твоих.
Если мало твоих синих волн,—
Собери все слезы детские.

Берега скорей омой свои,
Пусть свободно волны плещутся
Вместе с думами свободными.

СЕРДЦЕ ЖЕНЩИНЫ

Живет ли мать
В забытьи невинном,
Когда топор
Занесен над сыном?

Невеста будет
Сиять в улыбке,
Когда любимый
Идет на пытки?

И не бледна ли,
Как мел, сестра, ты,
Когда навеки
Уводят брата?

Кто сердцем женщины
В битву поднят,—
Пусть хил и слаб,
Он свершит свой подвиг.

Восторгом женской души
Согрета
Вся сила правды,
Вся мудрость света.

Пускай казнят нас,
Пусть в бездну камнем,
Из сердца женщины
Живыми встанем.

ДЕТСКИЕ УСТА

Устами детскими
Грядущее поет,
Угрозу старому
Та песнь с собой несет.

Наивным лепетом
И пухом на щеках
Всему отжившему
Она внушает страх.

Путь старый кончится,
Начнется новый путь,
Свершатся детские
Мечты когда-нибудь.

Пусть невелик певец
И песня чуть слышна,—
Но завтра прозвучит
На улицах она.

Устами детскими
Грядущее поет.
Из искры пламя
Ветер разовьет!

РУКИ

Рука моя груба,
И нечувствительны кончики пальцев.
Взор мой неласков,
Не гладко лицо, черты не прекрасны.
Цветисто я говорить не умею.
Не изощрен я в таком, в изящном —
Не было в том нужды!
Мало имел я дела с искусством...
Врагам, однако,
Прямо смотрел я в глаза,—

Видел в их лицах последнюю низость,
Глубочайший позор человека,
Непостижимую злобу зверя,
Жестокость веков первобытных —
Давно позабытую,— хитрость и жажду крови,
Подлость, что волку и то омерзительна,
И ко всему высокому зависть.

Я не видел в них человечности,
Способной жалеть и сочувствовать,
Не видал лица человеческого,
Где не прочел бы в складках глубоких морщин:
«Я — зверь!»

Вот когда огрубела рука моя,
Стали нечуткими кончики пальцев...
Зверя ли гладить рукой в шелковистой перчатке?
Как ласкать его нежными взорами,
Если терзает он жертвы свои
И сородичей
Трупы сжирает?
Мне надо еще всмотреться в людей,
Я должен людей уважать,
Чтоб полюбить их снова.
А ныне лишь братьев своих люблю,
Что в отчаянье рвутся на волю
И в яростной жажде освобожденья
Из когтей своих злобных тиранов
Обагренные кровью встают
Для решительной битвы.
Кто может быть ласков,
Кто может петь прекрасные песни,
Следуя мимо и роз аромат разливая,
Когда на глазах его зверь
Жертву когтит?
Кто тут не бросится в первом порыве на помощь!
И пусть оборвется песня, осыплются розы! —
Кто, человеческим чувством вконец
обездоленный?
Есть такие?.. Так это вы!
В стороне стоите испуганно,
Насмешка в вашем вопросе:
«Кто прав? Кто ссору затеял?»
Да где же тут ссора? Не ссора терзать беззащитного!

Время ли тут разбирать, кто прав!
Мне надо еще всмотреться в людей...
Но зверь останется зверем,
Лишь когти еще заострятся.
Человек человеком не станет,
И проповедь мягких сердец не впрок,
Пока существуют рабы, под бременем гнущие спину,
И те, кто бременем спину им гнет;
Пока существует власть,
Которой опора — богатство.
Нежность одну лишь знаю: братьев жалеть,
На ноги ставить упавших, скорбь успокаивать,
Утешать утомленных сердца,
Исцелять, утолять красотою
И в мечте открывать им грядущего блеск.

Когда же настанет то время!
Люди сами его приведут.
Низость тогда отойдет от людей,
В жертву не будут вонзаться острые когти,
Пальцы чутки станут и ласковы,
Нежно-сочувственны будут глаза,
Лица — прекрасны и чисты,
Душевно-вкрадчива речь.
Буду я петь вам тогда свои нежные песни,—
Когда настанет срок.

К БУДУЩЕМУ

В цепях окаменели руки,
Тюрьма лишила их труда.
Но в жилах кровь, пусть терпим муки,
Над ней не властна никогда
Веков гряда.

Не устрашить народа грому,
Тем более народов цвет.
Страшней грозы нам тихий омут,
Покой, в котором жизни нет,—
Страшней всех бед.

Опять руками придет отрада,
Ведь новый труд свершений ждет.

Она близка — удачи радость,
И Завтра юношей зовет
Вперед, вперед!

КРОВАВАЯ БАНЯ

Двери, народ, спеши распахнуть!
Воздухом свежим наполни грудь!

Жарко тебя пропарили в бане!
Подняли на полок страданий,
Пар поддавали то и дело,
Прутьями хлестали тело,
Кожу сдирала шипами лоза,
Паром тебе разъедало глаза...

Шпарил тебя кипяток шипящий,
Пот прошибал тебя леденящий.
Не перечесть всех истязаний,—
В смертной тебя пропарили бане!

И понемногу с тебя сходили
Страх застарелый, сомненья, бессилье...
Все растворилось в парно́м тумане,—
Крепко тебя пропарили в бане!..

Встань, выходи на свет — обновленный,
Сильный, надеждами окрыленный!
Сброшена тяжесть былых обид,
Тело чисто, дух омыт.
Нет и в помине ветхой дряни!..
Крепко тебя пропарили в бане!

Вольно расправь могучую грудь,
Все преграды сумей свернуть.
Новый тебя ожидает путь!

СЧАСТЛИВЫЕ ЮНОШИ

Должны быть вы счастливы, павшие,
В расцвете лет вы ушли из жизни;
В глаза последней своей минуте

Смотрели с улыбкою победителей
И свою молодую, яркую жизнь
Достойным концом завершили;
Испытали свою безмерную силу
И последние капли ее из кубка
Смерти в лицо плеснули с презреньем.

Вы, хотя б на мгновенье, увидели
Наяву великую вашу идею,
Которую мы лишь в расплывчатых образах
Воспринимаем духовным взором,
Хотя и стремимся к ней постоянно,
Одним неизбывным желаньем томимы.

Должны быть вы счастливы, павшие,
Вы ушли, изведав счастье любви,
Величайшее счастье, данное человеку.
Женская дарит нам счастье любовь,
Но тут же хитрит и жалит,
И чем полнее себя отдаешь,
Чем сильнее и ярче любишь,
Тем сильнее и глубже себя презираешь
За эту влюбленность.

Но бесхитростна и светла счастливая,
Увлекающая все наши чувства,
Возвышенная любовь к человечеству.
Не может она ни хитрить, ни жалить,
От нее для себя не требуешь ты
Ни жарких объятий,
Ни блеска глаз, ни страстных лобзаний,
Ни любовной поддержки в долгой жизни,
Ни платы, ни славы, ни памяти даже,—
Ей в жертву приносишь себя, безыменный
Свершая свой подвиг.

Волны восторга, все выше вздымаясь,
Вольной весенней рекой разливаются;
Бескрайний вдали открылся простор,
Благодать половодья льется и льется,
Волны восторга неся свободно.
Свежесть и радость идут по земле,
А гром, сотрясающий поднебесье,—

Лишь смех счастливых юношей,
И молнии, в тучах сверкающие,—
Счастливых юношей мысли.

Первыми эту любовь всеобъемлющую
Познали вы и раскрыли пред нами
Во всем богатстве ее обличий:
В образе бурной весенней реки,
В образе молний, пронзающих тучи,
В образе первых ласточек и соловьев,
В образе грозных опасностей, мира и вечного солнца.

Вы увлекли нас своей стремительной поступью
И, падая, подняли нас до вершин героизма.
«Человек в героизме лишь начинается» —
Истину эту горящими знаками
Ваши пальцы запечатлели у нас на груди,—
Так, что до сердца прожгло.
Те жгучие знаки вовек не померкнут,
И даже обыденность мягкой своей рукой
Не сгладит ее, не засыплет пылью,
И в обыденности зародится
Новый подвиг в наших сердцах.

Должны быть вы счастливы, павшие,
Свой подвиг свершая, открыли вы
Новую эру,— гремит ее огненная колесница;
Свой подвиг свершая, исполнили вы
Завещанный долг и ушли со спокойной душою,
Но ваша жизнь продолжается в наших;
Свершая свой подвиг, вы подняли нас —
Творить великое дело жизни.

Должны быть вы счастливы, павшие,
Но мы со слабыми силами
Остались свершить небывалое.
Одна лишь мысль поддержать нас может:
Эти труды не одни лишь герои свершат,
Но весь народ.

ГОТОВНОСТЬ

Точный срок неведом никому,
Но шаги грядущего слышны...
Чтоб дорогу проложить ему,
Буднями заняться мы должны.

Мы готовы,— пыл не оскудел,
Но пока, идя путем своим,
Познаём величье малых дел,
Волю для свершения растим!..

ВЕЛИКИЙ СВЕТ

I

Еще на небе рдеет отблеск чудный —
Великий свет тех незабвенных дней,
И от него по черным стенам будней
Тревожно бродит зарево огней.

Оно бледнеет, меркнет — словно вскоре
Совсем исчезнет в сумраке ночном.
Но вспыхивают утренние зори,

Ночь проржавевшим рушится старьем,
Сполохами охвачен окоем.

II

И мой народ стряхнул оцепененье,
Когда в ночи великий вспыхнул свет.
Был тяжким сон и долгим пробужденье,
Но ясный день пришел ему вослед.

Жить сызнова народ мой начинает.
Его, сгибавшегося под ярмом,
Свободный круг народов приглашает,

Чтоб брата обрести отныне в нем
И счастье общим созидать трудом.

III

На свет великий устремляя взоры,
Народы ждут, и мукам нет конца.
И трепет ожиданий: «Скоро ль, скоро?!» —
Пронизывает ныне все сердца.

Хоть будням кажется, что стихли бури,—
Приблизился и нарастает гром,
Таинственный сполох сверкнул в лазури;

Падет он наземь огненным дождем,
Оковы плавя в пламени своем.

ПАВШИЙ В БИТВЕ

Светлых дней и наш народ дождется.

* * *

На́ гору теперь меня снесите,
Уложите под корнями сосен
В белую песчаную могилу.
Корни заскорузлыми руками
Пусть меня обнимут, обогреют.
Пусть меня укроет дерн зеленый,
Так легко под ним дышать мне будет,
Встать легко, трубы заслышав звуки.

На крутой горе лежать хочу я,
Чтобы издали мне было видно,
Как в горячей, дымной бане братья
Обливаются кровавым по́том,
Ветры горные туман развеют,
И победу братьев я увижу.
В чистом поле соберите части
Моего изрубленного тела,
Чтоб со мною в час отмщенья были:
У плеча — рука, меж ребер — сердце,
И во рту чтобы сверкали зубы.

Так несите вы меня повыше,
Больше мне служить не хочет тело;
Значит, надо отдохнуть немного.
Сосны осенят меня ветвями,
Тихим шелестом навеют дрему,
Раны исцелят, для новой битвы
Плотью новою меня оденут:
В прежних битвах старая сносилась,
Словно обветшалая одежда.
Вытекшие очи будут видеть,
Вырванный язык — греметь словами,
Двигаться — отрубленные руки,
Грудь простреленная — подниматься,
Сердце — словно пламя ввысь взметнется.

Бережно несите по тропинкам
На́ гору истерзанное тело.
Где росы кровавой капнет капля —
Огненные там цветы пробьются,
Путь укажут до моей могилы.
Девушки по ним меня отыщут:
На ресницах — горькие слезинки,
На устах — слова любви к герою —
Те, которых в жизни он не слышал.

Дорогие девушки, не плачьте!
Сладко спит сраженный в битве воин.
Плачьте лучше, девушки, о слабых,
Тем, кто в бой идет, цветы отдайте,
Тем, кто бьется,— ласковые речи.

А слова погибшего героя
В глубине души своей запрячьте,
Чтобы враг не вырвал их оттуда,
Чтобы соглядатай не подслушал.
В памяти мое храните имя,
Вздохами легчайшими окутав,
Пусть оно там почивает мирно
До поры, пока зальются трубы.

А душа сраженного героя
Будет спать под холмиком песчаным,
Осененная ветвями сосен.
В теплый полдень, солнцем осиянный,

Из могилы выпорхнет на волю,
На песке усядется погреться;
Вон пастух, в лесу оставив стадо,
Видит сны с открытыми глазами;
Вон смеются батраки на ниве —
Те, что век смеяться не умели;
Вон домой идут на отдых ранний
В белоснежных праздничных одеждах
Те, что отдыха вовек не знали,
Те, что век скитались безнадежно,
По миру гонимые судьбою,
А теперь нашли покой желанный.

Сосны, вскинув гордые вершины,
Взоры устремят в простор широкий
Через нивы, и леса, и горы
До полоски голубой тумана.
Вместе с горною сосной высокой
И душа моя, в ветвях качаясь,
Взоры устремит в простор бескрайний
До полоски голубого моря,
О котором мне без слез не вспомнить.
Теплый воздух будет подниматься,
И, на маковку сосны высокой
Вместе с ним взлетев, душа увидит
Даль, которую не видят сосны.
В полночь солнце сказочное встанет,
Разольется над моим народом
Нерушимое сиянье счастья;
За него боролись мы отважно,
За него легли в могилу рано;
И душа сквозь время и пространство
Яркий свет грядущего увидит.

ВЕСЕЛЬЯ

Веселья,
В какой затерялись вы дальней дали́?
Куда забрели?

Веселья,—
Где жаворонок? Вся окрестность черна.
Туман, тишина.

Веселья,—
Где солнце? Зачем выпал град на поля
И плачет земля?

Веселья,—
Где зелень травы? Голо все, как плитняк,
Кругом полумрак.

Ах, веселья,
Где летние дни?
В телеге из спелых колосьев
Умчались они!

Солнце в колесах;
Дышла в колосьях;
Стебли пшеничные — песнь земледелья.

Сверкают колеса, и ярко ложится
Их отсвет на лица,
Скользя, скользя!

ПРОЩАНИЕ

ОДНА НОЧЬ

Как странно: за ночь они исчезли
Настало утро — и их не стало:
Так тихо, тихо, нет больше звезд
Замолкла сойка, не слышен дрозд.

Все те же травы, лес так же молод,
Взгляд солнца в листьях все так же золот,
А сердцу страшно: лишь при разлуке
Так умирают слова и звуки.

ПТИЦА, ЛИСТЬЯ И ДОЖДЬ

Падает птица —
Сломаны крылья,
Больше ей в небо не взмыть.

Падают листья,
Желтые листья,
Им уж на ветке не быть.

Смоет волною
Листья и птицу.
Станет над ними, прощаясь,
Дождь слезы тихие лить.

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Холмы, поля привольные,
Высокие стога,
Березки белостовольные,
Зеленые луга.

Метелки в поле темные,
Дома среди равнины,
И маки неуемные,
И астры, георгины.

Здесь редко-редко длинные
Спешат, шумят составы,
И нити паутинные
Скользят, ложась на травы.

Что схватит глаз,— накопится
Для сердца и ума.
Пусть лето прочь торопится,—
Я жду, приди, зима.

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

На тропинки красные
Падает листва.
Слышишь ли слова?
«Будет что ногам топтать,
Будет что ногам топтать,
Будет ветру что взметать.

А однажды вить венок
В ясный солнечный денек
Сможешь ты опять».

ЗАКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Запылав, заходит солнце
Красным огнем.
С ним уходит все, что светит, блещет
В мире земном.

С ним и мы пойдем!
С ним и мы пойдем!
За собой оно закроет двери
В небе ночном.

ОСЕННИЙ ЗАКАТ

Багровый светится закат,
И тучи низкие лежат,
Как крепостные бастионы,
Грозя светило взять в полон;
А выше бледен небосклон,
И угасают лес, поля и склоны.

По поймам разлился поток
Воды спокойной, нетекучей.
И вдруг, обрушивая тучи,
Как будто рухнул потолок,
На землю хлынула заря,
Холмы и лица озаря.

И разлилось сиянье золотое
Над ширью вод.
И синий небосвод
Как будто выкован из стали.
И хворая душа объята красотою,
И тени черных туч уходят, как беда.
Пусть будет ночь долга, пускай полна печали—
Над головой мерцает первая звезда.

А МОЖЕТ БЫТЬ?

UNA BARCA

Море у ног шумит, набегая,
Мокрый песок лежит тяжело.
И ветер как весть из отчего края,
И сердцу тепло, сердцу тепло.

— Le piace una barca, signore? [1]
— О да. Но где я? И где мне быть?
Порыв бесплоден, безмерно горе.
Напрасно плыть.

---

[1] Не угодно ли синьору лодку? *(итал.)*

ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В МИРЕ

Песня деревенского мальчика на чужбине

Ах, где я, где я?
Вокруг меня чужие лица,
От глаз насмешливых не скрыться,
Чужую речь не понимаю,
И никого-то здесь не знаю!
Ах, где я, где я?

Что дальше будет?
Кто путь-дорогу мне укажет,
Кто слово ласковое скажет?
Дома, дома — что лес высокий!
Бреду бездомный, одинокий,
Что дальше будет?

Где край мой милый?
В моем краю далеком осень,
Листву березы скоро сбросят,
Я знаю, будущей весною
Не шелестеть им надо мною,
Ах, край мой милый!

ЧУЖАЯ ДЕВУШКА

Чем, скажи, ты, милый, опечален?
Что глаза туманит голубые,
Что так тусклы золотые кудри?
— Девушка, молчи...

Может быть, устал ты от дороги?
Кров убогий разделю с тобою,
Ешь и пей — пусть сердце веселится!
— Девушка, молчи...

Ты здоров ли, юный чужеземец?
Дай-ка я взобью тебе перину,
От недуга злого дам лекарство?
— Девушка, молчи...

Сторону родную ты покинул —
Что за вихрь прогнал тебя, беднягу?

Хороша ль, скажи, твоя сторонка?
— Девушка, молчи...

Там, должно быть, девушки красивы,
Раз печаль твоя неодолима...
Мать с отцом, друзей ты там оставил?
— Девушка, молчи!

Здесь найдешь ты родину не хуже,
Обретешь друзей навеки верных,
О своей красавице забудешь...
— Девушка, молчи!

Что ж, тогда... оденься и обуйся,
Может быть, вдвоем в лесной чащобе
Сыщем путь к родной твоей сторонке...
— Милая, скорей!

ДАЛЕКИЕ ОКНА

Вдали виднеются окна,
Они пылают в огне.
Вечернее алое солнце
Сверкает в каждом окне.

Они далеко за рекою,
Идти до них — чуть не год,—
И любо глядеть в них солнцу,
Когда рассвет и заход.

И любо вдали их видеть
В часы угасанья дня:
Вокруг лишь скорбные тени,
А там — сиянье огня.

ПЫЛЬ

* * *

Горы, поля и долины
Пыль покрывала седая.
Красное солнце пылало,
Тучные нивы сжигая.

«Далекие отзвуки в синем вечере».
Худ. А. Апинис.

Пламенем солнце могучим
Душу мою иссушило.
Пыль задушила дыханье —
Все мне на свете немило.

Спи, мое сердце больное,
Ты уже так исстрадалось.
Здесь, средь камней, твое место.
Что тебе в жизни осталось?

* * *

Солнце так сверкает,
Что в глазах темно,—
Различить оттенки света
Слабым не дано.

Шум такой, что уши
Вдруг оглушены,—
Реют попусту созвучья
Поздней тишины.

Отдохнуть вам надо,
Уши и глаза,
И покой узнают сердце,
Сумерки, леса.

* * *

Берег озера седого.
Облака над ним пустые.
Скалы синие, смыкаясь,
Закрывают выход в дали.

Напоен недвижный воздух
Тихой скорбью и туманом
От подножья скал сплоченных
До бесплодных туч багровых.

Скалы выход закрывают.

ФАТА-МОРГАНА

ГВОЗДИКА

Вот гвоздика милая,
Головка алая,
Венчик — пять лепестков,
Посреди — колечко.

Вкруг цветка — поляна,
На поляне — серый мох.
И сухая травка
Роется в песочке.

Стройная гвоздика
На ветру качается,
Стала — и руки в боки:
— Вот я какова!

Для чего мне венчик?
Для чего колечко?
Все пущу я по ветру,
Пусть летит на счастье
По лугу да по полю,
По зеленой чаще.

ПАСТУШОНОК

«Светит солнце над полями,
Травка мягкая в тени».

Полденечка я проспал,
Полденечка промечтал:
Я овец небесных пас —
Овцы те белым-белы.

КАПЕЛЬКИ РОСЫ

*

Там озера — в камышах,
Там восход — из-за лесов,
Счастье новое мое
Из печалей там встает,
Согревает, веселит.

*

Тяжела вода в лугах,
Тяжела в сердцах беда.
Солнце воду высушит,
Путь народу высветит.

*

Осень — долгие дожди,
Зимы — резкие ветра.
Не горюй, моя земля,
Все с тобой переживем.

*

Туча черная висит,
Господа судьбу вершат;
Эх, подул бы ветерок
Да развеял бы туман.

ЛИТОВСКАЯ ПЕСНЯ

Литва малая,
Волюшка милая,
Только где ты в небесах затерялась?
Где тебя сыскать?
Не на том ли свете?

А куда ни глянешь — везде одно:
Глянешь на восход,
Глянешь на закат —
Только пот да кровь,
Нищета да ярмо —
Вся земля до краев переполнена.

Литва милая,
Волюшка милая,
Сойди с небес, помилуй нас.

ИЗ ЭСТОНСКИХ ПЕСЕН

Эй, буртниек, хранитель рун,
Направь веслом кораблик песен,
Былин крылатую ладью;
Направь к тем самым берегам,
Где слово — золотой орел,
Где руна — серебристый ворон
И где былина — медный лебедь,
Где пращуры свой древний клад,
Свое богатство рассыпали.
. . . . . .
Вещуньи птицы, пойте нам,
Далеко откликайтесь, волны!
Скажите, милые ветра:
Где возросли сыны героев?
Где гордых витязей обитель?
. . . . . .
Что мне вещать, печальной птице?
В краю печальном вянет юность,
Печалится на горьком поле,
Грустит под скорбною березой.
. . . . . .
А было время — дул я в дудку,
Под солнцем весело мне пелось
Замысловатые узоры
Я плел из золотых мелодий.
Тогда я помнил все былины
И пел о подвигах высоких.

ЮНЫХ ДНЕЙ МОИХ ЗЕМЛЯ

Юных дней моих земля,
Я давно тебя утратил,—
Ночью лишь придешь виденьем
В час, когда лежу бессонно,
В час, когда лежу бессонно,
Уронив устало руки.

Юных снов моих земля,
Где еще мечтать так сладко?
Где еще под солнцем утра

Тишина с благоуханьем,
Тишина с благоуханьем
За руки всю боль уводят?

Юной горечи земля,
Так же ль ты еще прекрасна?
В легкой дымке средь долины
Тихо спящая царевна,
Тихо спящая царевна,
Кто, когда тебя разбудит?

Юной горести земля,
Всё ль травой поля покрыты?
Всё ль по лесу волчьи тропы?
Всё ль в озера и болота,
Всё ль в озера и болота
Только солнце смотрит с неба?

Юных дум моих земля,
Спят ли пахари на межах,—
Ноги на соседнем поле?
Что ты спишь? Проснись скорее!
Что ты спишь? Проснись скорее,
Юных дней моих земля!
. . . . . .
Юных дней твоих земля
Встала, ото сна воспрянув,
Братья разбудили спящих,—
Настежь дверь под грохот грома,
Настежь дверь под грохот грома.
Вместе все идем на битву!

МИНУТНОЕ ВИДЕНИЕ

Фата-моргана рисует картины:
Стали просторней отчизны долины.
Вижу, в наряде сверкающе-пестром
Руку она подает своим сестрам...

. . . . . .
Миг — и виденье минутное скрылось,
Снова надвинулась будней унылость.
Сердце лишь знает, что с давней мечтою
Жизнь не будет пустою.

ПУТЬ БЕЗ ДОРОГИ

* * *

Мчался, мчался и умчался ветерок,
Таял, таял — улетучился дымок,
Веял запах — и отвеял в краткий срок.

Все уйдут, уйдут, не ведая дорог —
Легкий запах, и дымок, и ветерок,
И душа,
Что домашний свой оставила порог.

ПЕСНЯ УХОДЯЩЕЙ ДЕВУШКИ

Оглянусь назад,
Отвернусь я прочь.
На родимый сад
Мне глядеть невмочь.

Крапива растет,
Взошла лебеда,
Тропа заросла —
Беда мне, беда.

Ах, сохнут цветы,
Гаснут лепестки.
Куда деться мне
От моей тоски?

РУКАМИ ЖЕСТКИМИ ЛАСКАТЬ...

Руками жесткими ласкать
Тебя — мне суждено судьбой.
Платить за счастья благодать
Мучений горькою ценой.

Зачем мученье нам дано?
И что зовется счастьем?
Познать его я не спешу —

Да полно, в мире ль есть оно?
Не знал его я власти...
И ласки нежной не прошу.

У ЯБЛОНИ

Там яблонька склонилась,
Опершись на плетень.
Над ним плоды свисают,
Ветвей трепещет сень.

Склони на плечо мне головку,
Чтоб выдержать гнет беды.
Дерево, вытерпев бурю,
Все же приносит плоды.

ПЕСНЯ ПОКИНУТОЙ ДЕВУШКИ

Кто скажет мне,
Ах, кто?
Кому страданья
Сердце вверит?
О, кто умерит
Скорбь ожиданья?
Кто?

Кто скажет мне,
Ах, кто?
Хоть зелье б дали
Мне для покоя...
Но зелье такое
Найдешь едва ли,—
И где?

Кто скажет мне,
Ах, кто?
Он жив?.. Скажите!
Томлюсь, сгораю,
В разлуке теряю
Надежды нити...
Увы!..

ТАЕТ С ЗАПАХОМ ЦВЕТОВ

Жар сердечный, что дарит
Счастьем,
Словно свечка на ветру
Гаснет.

Песнь любовная твоя
Поутру
Тает с запахом цветов
Ввечеру.

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

*

Его любил я:
В пути, усталый, погруженный в сон,
Он был на остров счастья унесен.

*

Его любил я:
Он нам сиял, пылал — и вот погас...
Лишь сотни искр еще горят для нас.

*

Его любил я:
В могильной яме он лежит и ждет:
Его зерно через года взойдет.

ПРОЩАНИЕ С ТОВАРИЩЕМ, КОТОРОГО ПОХОРОНИЛИ НА ЧУЖБИНЕ

Спи под травами, в тиши...
Ледяной земля не будет
Для того, кто жар души
Без остатка отдал людям.

Пусть назначено судьбой —
Быть зарытым на чужбине,
Знай, что в небе над тобой
Солнце вечное не стынет.

НЕТ СИЛ ТЕРПЕТЬ

Кто услышит наши стоны?
И кому нести нам скорби?
С дрожью ветер их минует,
С болью долу ниспадая.

Деть куда страданья эти?
Грудь моя от них сгорает.
На траву ли я прилягу,—
И трава от них чернеет.
Над ручьем ли наклонюсь я,—
И ручей пересыхает.

Встал с земли: «Послушай, солнце,
Пусть к тебе летят страданья,—
Разгорись, сожги все горе...»
Солнце путь свой продолжает.

НАШ ВОПРОС

Достигнем ли завтра той цели,
Где будет нам радость дана?
Мы столько страдали, мы столько терпели,
Ужели и эту горчайшую чашу
Испить нам придется до дна?

Идти, чтоб концы и истоки
Найти не могли мы опять?
А цель заповедная — остров далекий,
Такой, что его человеческий разум
Не в силах понять.

ТРИ ДНЯ

Вновь старая мысль явилась,
Печальна, неодолима.
Окошко мое замутилось,
И наполнилась комната дымом.

*

Усталая мысль! Уныло
Опять стоишь на пороге,
Ты по дальним странам бродила,
Тебя утомили дороги.

Тревожная мысль! Наверно,
У дверей моих будешь топтаться
И снова долго и мерно
Стучаться, стучаться, стучаться.

Я знаю тебя: пришла ты
Опять стоять у постели,
Дыханьем своим проклятым
Все губить без смысла и цели.

*

Но заперты двери эти,
Тебе не открыть засова,—
И здесь я в волшебном свете,
Тебя он не пустит снова.

Я новую мысль лелею,—
Уходи отсюда скорее!
Я счастлив, я полон ею,
А ты, что ни день, бледнее.

Ступай себе в мрак бездонный,
В ту ночь, что за мной маячит,
Покуда звон похоронный,
Гудя, меня не оплачет.

ТЕКУЧАЯ ВОДА

Я растекаюсь, как вода,
Из края в край иду я.

Армянская народная песня

Мы, как текучая вода,
Из края в край стремимся,
Животворящей влагою струимся,
Любые дали приближаем,

И нивы дарим урожаем,
И дальше вновь стремимся
Текучею водой.

Мы, как текучая вода,
Что, изгибаясь, вьется,
Как будто вспять вот-вот вернется;
Но не течет к истокам старым,
Лишь исчезает легким паром...
— К вам тучей грозовой вернется
Текучая вода!

ВЬЮНОК

I

Ты, вьюнок-вьюночек,
Беленький цветок,
Я тебя встречаю
Возле всех дорог.

Где б ни проходил я,—
По земле отцов,
На Литве, в России,
Посреди лугов,

Всюду у дороги
В душный летний зной
Ты белеешь скромно,
Цветик мой родной.

II

И теперь далеко,
В чуждой стороне,
Вновь ты у дороги
Улыбнулся мне.

Что же ты, вьюночек,
Дома не сидишь?
Кто тебя обидел?
Почему молчишь?

Оба мы скитальцы,
Старые друзья,
И таим обиду
Вместе — ты и я.

III

Сожжены селенья,
И в крови лежат,
Пулею убиты,
И отец и брат.

А кто жив остался,
Тот в тюрьме сырой
Иль в далекой тундре
С нищенской сумой.

IV

Путь — отец. Он водит
По чужбине нас.
Мать — трава обочин,
Отдых в трудный час.

С нами вместе — братец,
Маленький вьюнок,
Стали мне друзьями
Все, чей путь далек.

ДЫМ МАШИНЫ

Воспоминания мальчика

Из машины валил черный дым,
Все душил и валил, не кончаясь.
Как мы долго стояли под ним,
Мы стояли, прощаясь, прощаясь.

А когда загудел паровоз,
Он мне душу разрезал на части,
С миром связь разорвал и унес
Тот гудок мое детское счастье.

Только вспомню тот день,— и гудок
Душу режет мне в копоти, в дыме,
И мне кажется: путь мой далек,
Дым и копоть меж мной и родными.

НОЧНЫЕ ВИДЕНИЯ

Слова, объятья —
Изнемогали под заклятьем,
Не слушался язык.
В прощальный миг
К порогу я губами не приник.

Теперь, ночами,
Мне чудятся слова прощанья,
Невнятные, как сон —
Со всех сторон
Видений странных сонм.

Причуды ночи!
Но ясным днем покой мой прочен:
Те, кто любил, кто знал меня,
Со мной — незримы — в свете дня
Не расстаются, разум мой храня.

ЗАОБЛАЧНЫЕ ЦЕЛИ

РОДИНЕ

...За тысячи верст, в глухой дали,
За холмами, за лесами
Полуденный сон родной земли
Дневными прикрыт небесами,
Он солнечно-синей прикрыт простыней
От ветра, от гроз, от струи ледяной.

...Так начал я песнь на заре моих дней,
Когда-то, в первом изгнанье;
И стала она все бледней и бледней,
Утратилось воспоминанье.

Когда я вернулся в родные места,
Все было иное и песня не та.

Когда я вернулся в родные места,
Там все уже было иное.
Уже не прикрыта была высота
Сияющею простынею;
Иная у нас начиналась пора,—
Гроза бушевала, и пели ветра.

Изгнанники, как после тяжкого сна,
На крыльях мы взреяли гордо,
Когда по стране прокатилась волна
Надежды, любви и восторга.
То было наградой за наши дела,
Когда эта новая жизнь расцвела.

А нас, когда новая жизнь расцвела,
Изгнали из отчего края,
И снова над нами злые крыла
Простерла воронья стая.
Живем на чужбине, с бедою борясь,
И родина крепко закрыта от нас.

Без гнева уходим, уходим любя,
И наша любовь будет длиться.
О матушка, мы ведь виним не тебя,—
Тех, кто над тобою глумится.
А новую жизнь еще надо добыть
И слабые искры в огонь превратить.

Расти, созревай, стань сильна и крепка,
Как нива, что бурю стерпела;
Пусть нежность детей твоих, как облака,
Летит из чужого предела.
Ведь узы с тобою нам не разорвать,
Мы те, кто не создан, чтоб забывать.

Мы помним, мы знаем начало начал
И верим в грядущее свято.
Мы знаем судьбу твою, твой идеал
И все, что свершится когда-то.
И вера в нас не убывает.
Мы те, кто не забывает.

СИЛЬНОЕ ПОКОЛЕНИЕ

«Поведай правду всю!» —
«Борясь за счастие народа,
Мы гибли, пылкие умы,
Наш клич «Да здравствует свобода!»
Сверкал звездою в царстве тьмы!» —
«Звездою в царстве тьмы!

Но дальше, дальше!» —
«Другие с пылкими сердцами
Пойдут по нашему пути.
Да, будут тысячи за нами
По хвое настланной идти».—
«По хвое им идти.

Но дальше что ж?» —
«И хвойный ветр благоухает
Над грустным шествием людей,
И долго сердце сохраняет
Печальный запах тех ветвей».—
«Печальных тех ветвей.

Но дальше, дальше!» —
«Мы будем хвоей похоронной,
Пока народ не победит,
Тогда толпа с листвой зеленой,
О хвое вспомнив, загрустит».—
«И вас почтит!»

ПЕРВЫЕ ПЛОТНИКИ

Покуда сил хватало нам,
Мы плотничали тут.
Теперь пора и по домам,
Закончили мы труд.

По нашим бревнам, по венцам
Вам ясен план работ.
Мы начертали дома план,—
Работать — ваш черед!

Мы в дело первыми впряглись,
Лиха беда — начать.
Вы стены ввысь ведите, ввысь,
Чтоб дело увенчать!

Смелей достраивайте дом,
Как совесть вам велит.
Наш честный труд заложен в нем —
Он долго простоит!

ЧУТЬ ВСПОМНИМ О ПРОШЛОМ

Мы молотом били —
Искры летели.
Мы с помолом спешили,
Жернова наши пели.

Где тишь, бывало,—
Все гулом гудело.
Где искра взлетала,—
Там пламя рдело.

Все смолкло ныне,
Радость уснула.
Все паутиной
Тишь затянула.

Пусть мокнут долы,
И пусть все прожито,—
В нас пламень веселый,
Чуть вспомним прошлое!

НЕСУЩИЕ ГРОБ

Смерч великий всю планету,
Всех и все потряс,
После бурь кто-то где-то
Уцелел из нас.

Мысль разорванную вяжем
Тихо в стороне,
Выдуманным прошлым нашим
Счастливы вполне:

«Счастье горше и весомей
Хвори, маеты —
Гроб печали, гроб свинцовый,
Мертвые мечты;

Гроб подняв, лелеять станем
Мир, что нем и тих,—
Жизнь даря воспоминаньям,
Воскрешая их».

ПЕРВОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Я знаю слово, что тверже всех руд:
Коль духом ты надломился в борьбе,
Коль сам себе в тягость, коль оробел,
Тогда одно лишь поможет тебе —
Труд.

ЗНАЮЩИЕ

Тебя Веселье скоро оттолкнет,
В беде оставит.
Тебя рукою тощей Мать Забот
Обнимет, сдавит.

«Пусть так. Мы знали, труд свой начиная,
Что ждет нас доля злая».

ПУТЬ ГЕРОЯ

Предо мною — неведенье,
За мною — забвенье.
Но неудержимо
Кидаюсь в сраженье.

Судьба, красота —
Какое мне дело?!
Так горный ручей
Низвергается смело.

ЖИВОТВОРНЫЙ СВЕТ

Солнце животворный свет
Посылает всей природе:
Поколенья с давних лет
В мир приходят и уходят,
Но стремление к свободе
В них горит, как солнца свет.

ОДИНОЧКА

Падет одиночка,
Чтоб встали миллионы,
Чтоб хлынули волны,
Ломая препоны.

Герой пролагает
Дорогу один,
Чтоб вольные воды
Не знали плотин.

НА СТАРОМ МЕСТЕ

Я вновь на старом месте, будто
Всю ночь блуждал я по полям,
Чтоб поводырь привел беспутный
Меня все к тем же рубежам.

И только утром на рассвете
Увидел, бедный путник, ты
Обманные тропинки эти
И вытоптанные следы.

Что ж! Я об этом не жалею!
Пусть сделан только шаг вперед,—
Величественней и яснее
Дворец грядущего встает.

ЧТО Я ЗНАЮ

Я знаю голод, знаю и хлад,
Бессилие, слабость, усталость.
Всего не расскажешь, что знаю я, брат.
Все отдано, мало осталось.

Но это не все, что я изучил,
Здесь только лишь сказа начало,
Пусть голос страданья силен и уныл —
Душа его перекричала.

Она еще помнит солнце, весну,
Цветы, соловьиную россыпь,
Просторы лугов и лесов тишину,
Плывущий серебряный остров.

И знает, что есть человеческий дух,
Есть разум и пламень еще не потух.
И я с ними вместе воспряну
И это твердить не устану.

СМЕРТЬ НАРОДА

Мы знаем все, что наш народ умрет,
И мыслью этой мы себя не раним,
Она в сердцах звучит за годом год,
И каждый свыкся с этим тайным знаньем.

Но и большим народам, в свой черед,
Бессмысленно с погибелью бороться,
И колокол по ним могильный бьет:

Как и другим, погибнуть им придется,
Чтоб вновь восстать в объятьях благородства.

«Там будет видно,— говорят они,—
Но мы сначала вас поглотим, малых,—
Вот и встречайте благостные дни!
А мы сразимся в битвах небывалых!»

Вам — пламя битв, нам — разума огни,
Мы — семена, мы — духа первородство,
Мы воскресим вас, мы дрожжам сродни;

И все, кому погибнуть, пасть придется,
Восстанут вновь в объятьях благородства.

БОЛЬ И НАДЕЖДА

У нас одна надежда,
И боль у всех одна.
Моя тоска вам внятна,
И ваша мне видна.

У всех, кто на чужие
Заброшен берега —
В пески, в болота, в степи.
В суровые снега,—

У всех одна надежда
И в этот горький час —
Что родина воспрянет
И снова примет нас.

Что родина воспрянет,
Что беды отомрут.
И это все — награда
За наш суровый труд.

* * *

То ль под осень жаворонки
Там поют?
То ли рано труженики
Там идут?

Иль опять надежды рухнут
И опять мечты обманут?
Очи не смыкай!
Идут!

РЫБАРИ

Мы над родным, над отчим краем
Все чаще шелк сетей кидаем,
И сетью мыслей обвиты
Ее и тайны, и мечты.
Все заключаем в сердце так,
Как свой улов в сетях — рыбак.

ИСКАТЕЛИ

Всю жизнь мы шли, мы вечно шли,
Конец дороги не нашли,
Но позабыли мы вдали
Свою отчизну.

Мы исходили все пути,
Нам счастье удалось найти,
Но не смогли мы обрести
Свою отчизну.

Теперь, когда уже видны
Нам берега родной страны,
Мы к человечеству должны
Идти без жалоб.

БОЛЬШАЯ РОДИНА

От кровного, близкого мы ушли
Медленно, тихо, безвольно, покорно,
Как мертвые водоросли уплывают;
Больше не в силах они ухватиться
Вялыми щупальцами своими
Ни за кусты, ни за острую гальку,
Ни за песок побережья родного —
Они по теченью плывут.

Так нас от русла родного уносит,
Нет у нас, нет у нас больше отчизны,
Что ж нам еще остается?
В путь мы идем и пристанища ищем,
Ищем, где корни пустить и работать —
Но это не родина наша.
Больше ее мы нигде не находим —
Пусть совершеннее было бы где-то,
Ярче светила, земля зеленее,
Люди спокойнее и человечней —
Это не родина, нет.

И никакой нам другой не хватит —
Но горе, если бы нам хватило
Родины новой, чужой!

И дважды горе, если бы нынче
Мы старой отчизной были б довольны,
Той самой, прежней, своей.
Клочок земли, освещенный солнцем,
Отнят у нас,
Но вместо него мы
Мир, весь мир отберем, отнимем —
Весь, целиком, до конца.

Наша отчизна должна быть просторной —
Слишком узка наша родина стала:
Мысли необщей там не вместиться,
Чувству большому раскинуться негде,
Всюду ограды давят дыханье,
Сердца бы треснули и раскололись,
Когда б хоть одну вместить захотели
Мысль, набухающую, как почка.
Ах, родина, как ты узка!

Вместо отчизны отнятой, старой,
Мы выстроим новую — лучше, красивей,
Больше всех стран и отчизн.
Мы ее выстроим из величья —
В рост человечеству, в рост его духу,
Из высоты, глубины и охвата —
В рост человечеству, в рост его чувствам,
Мы ее выстроим из братства,
Из всех языков и из всех народов,
Видов, пород, категорий и классов,
Свободными мускулами и умами,
Общим и слитным трудом.

Только изгнанники, только изгои,
Выбитые из привычных рамок,
Те, у кого отечества нету,—
Они лишь способны подняться над миром:
Только разбросанные могут сеять
В борозды жизни идеи большие;
В мыслях и в муках изгнанники духа
Будущее постигают, с которым
Слиться потомкам будет дано.

Только в изгнанье, вразброс, прорастают
Мысли о родине, большей и лучшей,
Новой — которой дано появиться
От златотканого воображенья,
От синих мечтаний, надежд зеленых,
От красной, бунтующей влаги сердца
И от прозрачных, белых рыданий...
После глубоких и черных стенаний
Вскинулся радужный пояс неба,
Мир обвязавший, объединивший
Счастьем одним.

ЖИЗНЬ В ПЕРЕПЛАВКУ

Что ж мы уселись
И руки сложили,
Потерянно бродим
Вокруг да около,
Только вздыхая
Да причитая?

А там, за рекою,
Равнина дымится
И воздух наполнен
Клубами пара:
Копотью дышит
Машина грядущего,
Печи громадные
Жаром пышут,
В котлах громадных
Жизнь в переплавке.
Искры, снежинки —
В одно там смесились.

Пламя и влага
Живут борьбою,—
Той самой борьбой,
От которой в сторонке
Сидим и вздыхаем.
А там вихри бушуют,

А там пламя взлетает,
Там та же любовь
И ненависть та же.

А ну-ка, всмотритесь
Сквозь дымные клубы:
Там ваши же братья,
Такие же люди,
Стоят в самом пекле
И кличут к себе.

Что ж мы уселись
И руки сложили,
Потерянно бродим
Вокруг да около?
А чем же мы хуже!
Поднимемся дружно!
И встанем все вместе
В гуще огня!

Такое же пламя
И мы раздуем,
Чтоб старую жизнь
В переделку пустить.
Где бы мы ни были —
Вместе ли, порознь ли,
Живем ли на Западе
Иль на Востоке,
На Юге, на Севере,—
Не все ли равно:
Добьемся того,
Чтобы жизнь забурлила!

Юг и Север,
Восток и Запад
Слиться заставим,
Бурлить в переплавке.
Пара столбы
Пусть к небу взмывают,
Вершинами
Клубы туч задевая
И нависая
Кроной густою.

Пусть в этой тени
Старый мир скрывается,
Пусть новый мир
Сквозь нее прозревается.

ПЕРЕКЛИЧКА

С хмурого севера,
С юга блаженного,
Из Азии — отечества
Племен, народов, человечества,
Из крестоносно-панцирной Европы,
Из юной Африки,
Из-за безбрежья океана —
Клич в громах гроз и урагана:

«Братья, братья,
Ближний, дальний — без изъятья!»
Зов: «Братья, вы на страже?»
Зов: «Братья, отвечайте!»

Отовсюду гневный клич несется,
В целом мире эхом отдается,
Несется из дали такой,
Что месяцы, годы пройдут над землей,
Пока донесется сюда.
Несется сквозь землю, гранит и года,—
Слышишь: кричат камни, земля, вода:
Мы с вами, братья!

И есть голоса,
Что слабы, как вздох или шепот,
И есть голоса:
Сокрушителен грозный их ропот.
И те, кто на молчанье были обречены,
И те, что были тише тишины,—
Как корни, вросшие в скалу,
Окрепли и могущественны стали.

Клич: «Братья, мы бодрствуем с вами —
В далях, в недрах, в глубинах!»
Клич: «Братья, мы вашему зову внимаем,

Вам братский привет посылаем!»
Как будто ветров перекличка,
Друг друга слышим ближе и ближе,
Родину слышим, вселенную слышим!

«Братья, вы на страже?»
Мы на страже, на страже!
Мы внимаем, братья, мы слышим!
Мы внимаем, братья, мы видим!
Мы на страже!

ВСЕ И ОДИН

А одинок ли я из-за того,
Что в одиночестве пребываю,
Что оторвали меня от отчизны?
И только поэтому должен грустить я,
Предаваться отчаянью?

Ведь только плоть мою оторвали,—
Так сорванный лист устремляется вдаль,
Песок его хлещет и воды полощут,
И гонит его невесть куда.
Но плоть — ведь это еще не я.
Ведь это лишь моя оболочка,—
Пусть ветры гонят и треплют ее,
Я становлюсь лишь бодрее, свежее.

Смеха достойна вера сломить меня,
Мою оболочку сокрушая;
Так что ж мне грустить, что я одинок?

Но вот моя сущность — это мой дух:
Он этих страданий не ощущает,—
Глянь, среди туч, застилающих небо,
Гонимых в осенней ночи вереницей.
Спокойно и гордо месяц сияет
И твердо свершает обычный путь —
Один, но с сонмом звезд в окруженье.
Так что ж, одинок он?

Вон оно, это величье бескрайнее,
Что мир наполняет, объемля.
Та масса, что служит всему основой;
Те тысячелетия напряженного
И непрестанного борения;
Вот оно небо — и звезд мириады,—
И в их числе пребываю и я.
Так что ж мне грустить, что я одинок?

И чувства мои — это общие чувства,
И думы мои — это общие думы,
И с общим ростом я вырастаю
И — как бы я ни был хил — расцветаю,
И в глубочайшем своем одиночестве
Я увлекаюсь потока движеньем,
Меня он несет.

И пусть все рухнет на одиночку:
Мысль и терпенье все превозмогут;
Пусть почву вырвать грозят из-под ног,—
Народ уничтожить, с которым ты рос:
Не отвратить воскресенья из мертвых;
Пусть скрытно поток подо льдом струится,
Время настанет — он вырвется к свету;
А время это — не за горами,—
Так что ж мне грустить, что я одинок?

Исчез одиночка — поток остался,
А тот одиночка в нем растворился,
И стал поток еще полноводней;
Один живет в массе, а масса — в одном,
И тело и дух, слиясь воедино,
Творят.
Один — это все.
Так что ж мне грустить, что я одинок?

НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

ГОРЫ И ДУША

Горы, головы свесив,
Думают думу немую.
Внизу — непогода и ветер
Озера гладь волнуют.

Душа, не кричи от страха,—
Обретешь ты покой свободный,
Коль не в тихой нагорной выси,
Так в тишине подводной.

СКИТАЛЕЦ И ГОРА

Так быстролетна, так легка
Тень облака скользит вдоль склона.
Сокрылось солнце в облака
И вновь сияет с небосклона.

Что ж помрачнела ты, гора?
Что стала сумрака чернее?
Какая темная пора!
В кустах как будто ночь и змеи!

«Но сам ты мрачен что ни день?
Не бойся ужаса и боли.
Пусть жизнь твоя мелькнет, как тень,
Мир все равно добьется воли!»

ДУМА ГОРЫ

Вкруг горы тяжелоглавой
Тучи — черным платом,
На лице мохнатом —
Резкие морщины.

И гора рокочет громом,
Молниями блещет,
Словно вся трепещет
От тяжелой думы.

Испокон веков терзает
Гору эта дума,
И ручьи угрюмо,
Словно пот, струятся.

Не поймет, не одолеет —
Что ж ее тревожит?
И уйти не может
От своей тревоги.

БРАТ МОЙ

Свесившись через плечо вершины,
В озеро долго глядится облак.
Видит, как в зеркале, грустный облик,
Видит тоски своей отображенье.

Мчаться, скитаться над морем и сушей,
По небу плавать зиму и лето,
Видеть красу белого света
И никогда не сыскать себе места.

Мчаться, нигде следа не оставив,
Плавать, нигде не являясь дважды...
И, на земле утоляя жажду,
В жгучих слезах самому растаять.

ДВА ЗАЛЕТНЫХ ГОЛУБКА

Лес на горном склоне
Чуть покрыт туманом,
Там слетелись, повстречались
Двое голубей.

Путь большой свершили
И на ветке сели,
Из краев своих далеких
Песни принесли.

Голубь белоснежный
Вдаль глядит с надеждой,
Голубь синий, сизокрылый
Все глядит назад.

Стонет он: «Ах, горе,
Вековое горе —
Люди в сердце прячут горе,
В глубине — земля».

Белый гулит: «Вскоре,
Радость будет вскоре,
Сердцем чую — на востоке
Солнышко встает!»

Белый слух ласкает
Сладостным напевом,
Сизый жалобно воркует
В зелени ветвей...

КУКУШКА

Нет у тебя отчизны милой,
А ты, кукушечка, кукуешь.
Ужель так жить достанет силы?

Судьба сулит тебе напасти,
А ты, кукушечка, кукуешь,
Другим предсказывая счастье.

Вот снова ты вдали колдуешь —
Дружка, наверно, потеряла?
И все гадаешь, все тоскуешь...

ЛЕСНОЙ ГОЛУБЬ

«Как трудно! Трудно!» — голубь стонет.
А поле в теплом солнце тонет.
«Как трудно! Трудно!»

Всех радует весны цветенье,
Лишь у него тоски смятенье.
«Как трудно! Трудно!»

Да есть ли у тебя печали?
Не верю. Кажется, едва ли!
«Как трудно! Трудно!»

Тоска совсем тебя замучит.
Скажи, быть может, муки лучше?
«Как трудно! Трудно!»
«Как трудно! Трудно!»

ПУТИ ПЕСЕНКИ

1

Для чего ты, дикий голубь,
Песню грустную поешь?
Пропадет она в траве,
С высоты упав на землю.

2

Ветер тянет ленты дыма
Над макушками лесов —
С ними песенка летит,
Щебеча в порывах ветра.

3

Эта маленькая песня
Притаилась на лугу:
«Жаворонок ввысь взлетел —
Я за ноги ухватилась;
Жаворонок песню кончил,
Опустился вниз, к земле —
Звуки быстро оседлав,
Я в далекий край умчалась».

4

Плавно ласточка летела,
Чуя близкую весну;
«Птица, песенку мою
Забери в полет с собою!»

«Что ж, садись ко мне на крылья,
Все, кто в воздухе живет:
Песня, аромат, роса —
Вы легки, садитесь тут,
Завтра все мы будем дома!»

СКВОЗЬ ЛЕС

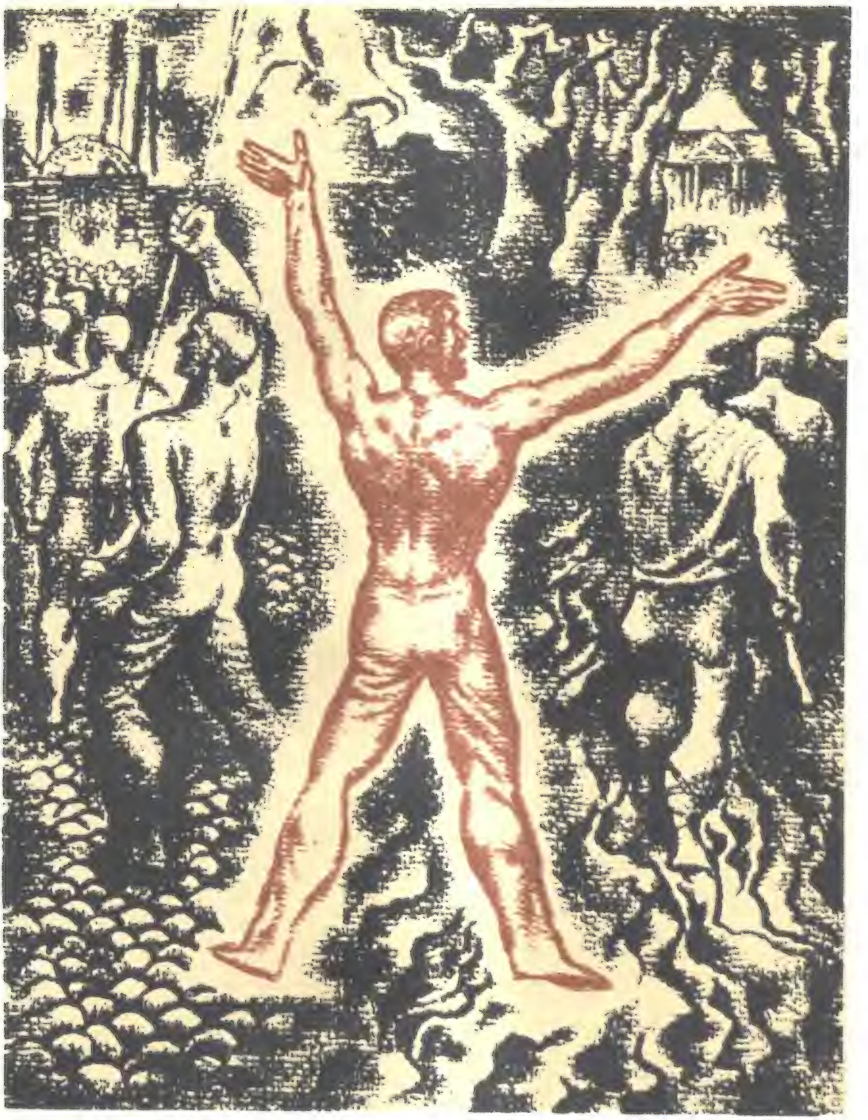
Передо мной — лесистый склон горы,
Но через лес ведет зеленый просек,
А по нему — дорога до вершины.
Она идет по темной чаще — к солнцу.
Ступай по ней, все выше, выше, выше...

НИКОГДА

Тебя не видеть никогда,
Не чувствовать твоей прохлады,
И — пахота или страда —
Тебя не видеть никогда,
Родное поле.

И не порадует меня
Рассвета нежное дыханье,
Зной не обнимет среди дня,
И не порадует меня
Родное поле.

Уже тебя не обниму
В дни осени и увяданья,
Когда готовят серп в дому,—
Уже тебя не обниму,
Родное поле.



"Ave sol!" Худ. А. Станкевич.

ТЕБЕ, КЛАСС ОСНОВНОЙ!

Тебе, класс основной —
Кто мыслит, чувствует, растет, творит
И кто сердца людей от боли исцелит;

Тебе, класс основной —
Кто победит, всеобщностью силен,
Те классы, кем народ разбит и разобщен;

Тебе, класс основной —
Нет чести выше, чем тебе служить:
И человечеству, и солнцу путь открыть.

* * *

Проснувшись, я узнал себя в движенье,—
Так птенчик радуется окрыленью.
...Расту.

* * *

Я слышу издалека: буря примолкает...
Подземные толчки еще ломают что-то
И бьют в окно. Но гулы убывают
И, сталкиваясь, падают в пустоты.

Вокруг меня покой пространства простирает,
На солнце расчищаются высоты,
И в голубом уделе небо замирает.

И сердце вмиг отозвалось, лучась,—
Встречай себя, о сердце, в добрый час.

* * *

За черными рядами строк
Сияют белые картины,
Над черными рядами строк
Проходят образов лавины.

В обыденности мелких слов
Есть много тайн неисследимых,
В обыденности мелких слов
Мечты и боль растут незримо.

Откинь тумана черный плащ
И посмотри, как нам живется,
Откинь тумана черный плащ,—
И мы пойдем сквозь ночи к солнцу.

* * *

От снов несбыточных, от пустозвонных дел
Я чувствовал глубокой раны боль —
Вгрызаются тиски железные в запястье;
Я жил в стремленьях,— так огонь земли
Неизвлеченный испокон горит.

Где я? Что я? Никак не разберу,
Чего хотят стремленье, боль и мир?
Они меня послали во вселенство
Извлечь себя и мир, покой — в себе.
Я бросился на круг семи ветров.

Приходит все, идет, уходит вспять.
Едва достигну сути,— нет ее!
А успокоюсь — нет ни в чем поддержки;
Все стонет, изменяясь, и течет.
Уж не в самих ли этих болях суть?

До самой смерти унимал я боль:
Синели губы, светлый взор тускнел.
Нет в болях сути! — зло не знает сути,
И даже в смерти нет! — бледнеет миг
Пред черным одиночества лицом.

Мир, превращенье, зло и даже смерть —
Гигантских образов круговорот.
Но в жизни было, есть и вечно будет
Сама душа, алкающая дух,
Сам дух, алкающий пути пространств.

Две сущности великие — одно:
Растет душа — неведомую даль
В себя вбирает, вызывая к жизни;
И на земле, и там, в одно сойдясь,
Они ведут конец к началу вновь.

* * *

Поет негромко ветра траурная кокле,
Венок росы мерцает в отдаленье.
...Расту и устремляюсь в дали.

КРИК НЫРКА

Спозаранку, до полудня,
На лугах роса большая.
Пчелы, мед не собирая,
Ждут, когда подсохнут росы.

В бледном солнце гаснет поле,
В поймах рек туман крадется,
За болотом вдруг взметнется
Крик нырка и вдруг заглохнет.

Следуя невнятным зовам,
Я бреду в поля немые:
— Вас не узнаю, родные,
Здесь ли праздновалось лето?

РОСА И ЯГОДЫ

Осенний голый кустик при дороге,
В прозрачных каплях, в красных каплях он.
Цвет слез и крови. И душа в тревоге:
Не путник ли здесь плакал, утомлен?

Нет,— то роса и пламень спелых ягод
Самою осенью для птиц зажжен:
Пусть сердце не узнает зимних тягот.

Живительной природы дар прими.
Забудь былое. Будущим живи.

ОДИНОКАЯ СОСНА

Воздух недвижен, дремотный,
Лег на травиночки;
Озера лик незаботный:
Нет ни морщиночки.

Сосны темны, и таится
Ельник в молчании.
Лес будто в страхе томится
И в ожидании.

Только одна одиноко
Крона качается,
А по соседним далёко
Дрожь пробирается.

ЗАЧИНЩИК НЕПОКОЯ

Кто там ворчит и кто рычит?
Теперь я различаю въявь:
Когда б лесам в горах шуметь,
То громче бы звучал их шум.
Когда б травинкам шелестеть,
Их шелест тише бы звучал.

Я это озеро узнал,
В нем первом непокой восстал.

Леса и травы уж молчат,
А волны долго говорят:
Им непогоду предвещать
И после бури колебать
Глубины, где сквозь стон глухой
Зачинщик непокоя сам
Себя уводит в непокой.

КОКЛЕ ВЕТРА

Мир заключить с миром,
Если в груди смута?
Страсти и алчущий дух,
Грезы и горькое сердце?

Глаза покоя и счастья,
Как звезды, в людей проникнут:
В себе разрешится дух,
В себе — исцелится сердце.

ДОЛГ ПРОШЛОГО

Когда тетради я листал,
Внезапно я увидел строки
Поблекшие; я их узнал,
Они из прошлого далёка.

Откуда здесь они? Зачем?
Я думал, все давно забыто;
Мы разминулись. Между тем
Прошедшему душа открыта.

Желаемое не сбылось
И пожелтело, как страница;
Нам встретиться не привелось
С тех пор, как отцвела денница.

Пусть строки дремлют просто так,
Мне ничего от них не надо,
Они — моей победы знак
И больше не пугают взгляда.

И не удержат при себе.
Я сам в своих решеньях волен,
Как волен сам в своей судьбе,
И потому душой спокоен.

Покрытый долг прошедших дней
Ум гонит от себя сурово.
А сердце между двух огней
Все ждет чего-то от былого.

БИЕНИЕ СЕРДЦА

Сердца биение —
Мера для времени,—
Блещет ли радостно
Взор на мгновенье,
Или так тягостно
В жизненном бремени!

Сердца биения, слышишь, твердят:
«Есть время еще, но спеши,— говорят,—
Спеши, наблюдая, как уходят мгновения,
И скоро — увы! — хотя и не верится,
Станут все медленней сердца биения,
Которыми время недолгое мерится».

ТЯЖЕСТЬ

В темной груди носишь
Тяжесть глубже всего,
Она тебя книзу тянет
Самого.

Она твой шаг сбивает,
Сердце теснит:
Сердце твое трепещет,
В страхе стучит.

Что ищешь вслепую?
Всякому свой черед:
Тяжесть и есть вечность,
Жизнь из нее растет.

* * *

Расту, ища лесов прикосновенья:
Над головой венок из листьев желто-красных.
...Расту и устремляюсь в выси.

ЛЕТО

Ты вновь идешь, мой долгожданный срок,
Когда с лугов теплынь и день высок;
И дух мой им вослед струится, как дымок,
Скорей же, лета срок!

SALVE![1]

Неба полдневного
Глубь голубая,
Севера серого
Муть неживая...

С юга сияющий
Свет первозданный,
С севера движутся
Мгла и туманы.

Юг — это веянье
Веток душистых,
Сосны на севере
Чахлы и мшисты.

Сила отрадная
Юга родного,
Дай мне спасенье
От севера злого!
Salve!

Юг и солнце —
Наши родители,
Лето, веди меня
К светлой обители!
Salve! Salve!

[1] Привет, здравствуй! *(лат.)*

QUI SI SANA[1]

Я погружаюсь, я иду
В зеленый океан природы.
Быть может, здесь покой найду?
Иль жизни теплую звезду
В жемчужных кладях водосвода?

А может,— может, не найду...
И жемчуг, может, зря блестит,
И страждущему — даль обманна,
Но сердце тихо говорит:
— Qui si sana!

СЛОВА ОВРАГА

Cave di gandria

Спускаясь с гор, овраг окрест звенит,
В переднике несет зеленые леса,
Несет охапкой шелесты ветров,
И смешивает их с журчанием ручьев,
И солнечными обдает лучами.

А мне овраг зеленый говорит:
— Прими широким сердцем всю округу,
И утолишь свои печали тут,
И дни твои в покое потекут,
И, одинокий, встретишься с друзьями.

ИГРАЮЩЕЕ НА СТРУНАХ

Уже природа обещала
Руками нежными принять
Последних болей покрывала
С души моей. И сердце стало
Уже расслабленно звучать.

Но солнца каждый взор живой
Еще поет на тихой кокле;

---

[1] Здесь: оздоровление *(итал.)*.

И боли сами приумолкли,
А сердце ветхою струной
Еще доносит трепет мой.

МОРОСИТ...

Дождь моросит, не виден он,
Лишь слышен шум незвонкий.
Я грустью сладкой истомлен,
Чуть уловимой, точно сон,—
Такой же тонкой, тонкой...

ЧАША С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ

Когда встающий день просторы золотит,
Ночь утру дивные сокровища дарит,
И те сокровища готовятся в тиши,
Когда неспящих нет на свете ни души.

Но утро тот сосуд разбило второпях,
Алмазы сыпятся, блистая на полях...
Пусть люди это все росою называют! —
Ребенок и поэт их радостно сбирают.

ПОЛДЕНЬ

Сияет солнце, летний день
Взошел на небосклон.
Полдневная косая тень
Вплелась в мой тихий сон.

И дремлют дерево и луг,
И замер звон косы.
Остановилось время вдруг,
Не движутся часы.

И небо надо мной кругом
Раскинулось, томясь...
Как перед вечностью, лицом
Светлею в этот час.

МОЕ ОЗЕРО

Как солнце греет,
Как травы душисты!
Облако млеет,
Туманы чисты.

Озеро искрится,
Зыбь играет:
Волна веселится,
Челнок качает.

Но в глуби дремлет
Мое сердце,
И озеро внемлет:
Бьется и светится.

ДЕТЕНЫШУ СОЛНЦА

П. Г.

Дитя мое, свет,
Не люби меня!
И солнце запрет
Сошлет на тебя,
И звезды, как снег,
Сгорят для тебя,
Дитя мое, свет,
Не люби меня.

ДОЛИНА СОЛНЦА

Доре

Здесь зиму напролет
На скалах мурава растет,—
Здесь солнца моего владенье.

Здесь испокон цветы цветут.
Надежду здесь ли обрету
На обновленье:
Увядшему не здесь ли возрожденье?

VAL ORBA[1]

Всей роскошью цветов полна долина,—
Акации, пурпуровый гранат,
Фиалки, цикламены, георгины,
Зеленый плющ, свисающий с аркад.

Луг в желто-синих, алых переливах,
То, заморозкам вопреки, пестрят
Цветы от изобилья сил счастливых.

Как мне такую сохранить красу?
Ее в свой дом печальный унесу.

В ЛОДКЕ

Блестит меж берегов озерной глади круг
И преломляется лишь у домов прибрежных.
А сердце омута дрожит. И слышен звук
Журчащих волн, что жалуются нежно.

Бросает небо синий отблеск вниз.
Но вот вскипает черный вал мятежно —
И зелень, чернота и синева слились...

А волны сетуют, бегут, сияют ясно,—
Лишь сердце знает, как они прекрасны!

ЧУДО ТИХОГО ДНЯ

Полудень в синей яснится оправе,
На листьях пальмы солнышко лежит,
В низинах сохнут скошенные травы,
И дух земли в спокойствии разлит.

Истоме существо твое внимает:
О день, он словно щедрое творит,
А сердце это слово повторяет!

До боли полнится душа, ломает ход
И в восходящем творчестве течет.

---

[1] Слепая долина *(итал.)*.

ЖАЖДА

Томимый жаждой неизбывной, жгучей,
Чем больше пью, тем больше жажда мучит —
Душа моя не знает утоленья
Быстротекущей жизни красотой.

Цветы и травы пахнут нестерпимо,
Луч солнечный в златом песке играет,
И ветер, теплою рекой омытый,
Несет прохладу в космах своих влажных.

Счастливый, я дышу легко и вольно.
Мой взор скользит по серебристой дымке
Вдоль снежных гор, ввысь, к светлым небесам,
И душу услаждает красотою.

В полуденной тени я сон вкушаю.
Здесь свежестью сияют олеандры,
Звенят цикады средь нарциссов желтых,
Колючки кактусов стоят на страже.

Ко мне на ложе сыплются цветы.
И, как пчела копит во чреве мед,
Копи, душа, в себе щедроты мира,
Величье обретай, чтоб все объять.

Томимый жаждой неизбывной, жгучей,
Чем больше пью, тем больше жажда мучит.
Душа моя не знает утоленья
Быстротекущей жизни красотой.

В ПОЗДНИЙ ПОЛДЕНЬ

Смотрим в реку, как в оконце,
Небо, я и травы в солнце.
Поздний полдень.

Сердце солнцу открывает
Давние свои секреты,
Пузырьками искры света
С глубины реки всплывают.
Поздний полдень.

ОЗЕРО НОЧЬЮ

Улыбки эти знаю я:
По озеру бежит струя —
На солнце радость серебрится.

Но я увидел ночью их,
Когда луна бросала блик,—
Что, озеро, с тобой творится?

Теснятся тени глубоки,
Черны, угрюмы, коротки! —
Вот что́ на солнце серебрится?

* * *

И соловей зовет меня в долине,
Там, где венок из роз протягивает солнце.
...Расту, расту еще быстрее.

ВИШНЯ И ЛУГ

Нагибая бусы ягод,
Вишня к лугу гнется кроной,
Соблазнительно, с улыбкой
Зыбля сладкий дар склоненный;
Луг поймать его стремится
В фартук шелково-зеленый.

ЩЕДРАЯ РУКА

Мне щедрая судьба дала, любя,
Блеск солнца и зеленые просторы.
И за рекой синеющие горы,
И ночью черной звездные узоры,—
Но не дала лишь дома, моря и тебя.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДРУГ

Когда устал, в природу удались,
Но слабости не покорись.

Твоих природа не разделит мук,
Ты сам себе один и верный друг.

ВЕСЕННИМ УТРОМ

Моя любовь блистала,
Бывало;
В покоях сердца лилия благоухала.

Но лилия завяла вскоре
С зарею,
Раннею зарею,
И лето сердца умерло еще весною.

ДАВНЯЯ ЗНАКОМАЯ

Мне кажется, я знаю
Давно тебя такой,
Как будто по соседству
Я рос и жил с тобой.

Как голову откинешь,
Как ходишь, знаю я,
Как говоришь с усмешкой
И притихаешь вся.

Тебе, прямой и смелой,
Дарованы стезя
И колесница счастья.
Догнать тебя нельзя.

Душе твоей счастливой
И просто, и светло,
Моей — стократ слоеной —
Темно и тяжело.

Мне кажется, я знаю
Давным-давно тебя,
Хотя сейчас впервые
Тебя увидел я.

ДУШИСТАЯ МЕЧТА

Как маленький вьюнок
В моей руке увял!
Как быстро нежный дух
Растенье покидал!

Душистые цветы
Еще придется рвать,
Но об одном вьюнке
Я буду горевать.

В нем — запахи мечты:
Листочек на стене
Вплетенный в счастье миг
Напоминает мне.

ДЕНЬ-ДЕНЬСКОЙ

Нельзя ли хоть мгновенье
побыть с тобой?

Из письма

День-деньской я в глазах носил
Картину: краса-красой —
Что сталось с ней? Кто ее смутил?
Кто взял? Кто не возвратил? —
День-деньской...

Куда ни глядел — в луга ль, на жнивье,
В озера иль рощи — видел ее
День-деньской.

Картина-краса все равно сбылась,
В душе моей от забвенья спаслась
На веки веков.

БЕДНАЯ БАБОЧКА

Бедная, роса блестит
В пасмурных твоих глазенках
И на крылышках лежит.
Осень землю холодит.

Крылышки надорвались,
Екает сердечко кротко:
Кто твою заметит жизнь?
Лето красное, вернись...

В золотое не рядись!
Видят ли тебя, вглядись,
Синие глаза родные?
А наряд, как ни кружись,
Скроют капли росяные.
Кто твою заметит жизнь?

Что твой огненный наряд,
Если крылышки болят,
Мой усталый мотылечек?
Не кружись, остановись,
В сети осени вернись,
В это сердце, в уголочек!
...Кто заметит нашу жизнь?

ВМЕСТЕ

Мы вместе поднимались к людям:
Я в люльке ветра вырастал,
Тебя морской баюкал вал
И зыбку легкую качал,—
Друзьями будем.

СВЕТ

Теперь любим тобою —
Я знаю за что:
А было мне судьбою
Молчанье твое.

Из всех, кто причащался
Любовью к тебе,
Лишь я в тени остался
И в стороне.

В долгу передо мною
За прошлое ты:
Теперь любим тобою —
Я знаю за что.

ОТСВЕТ

Еще я что-то знаю,—
Сказать тебе все?
Я намекну, пожалуй,
Словечко мое!

Как в зеркало, гляжу я
В душу твою
И чувствую родную,
Единственную.

В долгу я пред тобою
За то, что вошло;
И будешь ты со мною —
Я знаю за что.

Я ВСЕ РЕШИЛ ЗАРАНЕЕ

Я все решил заранее:
Не стану трогать розу я,—
Шип унесу занозою
Да след благоуханья.

Цветок бы сорванным увял,
А шип — он долго ранит...
Я все решил заранее.

Лишь раз тебя поцеловал...
Не упрекай меня! Я знал,
Я все решил заранее.

С УТРА

Крохотную радость
С утра дожидаюсь.
Уже вечор она была
И по ночи меня вела.

Когда во сне укрылся я,
Мечту из серебра ткала
Она до самого утра.
А утром забыла,
Что в ночь сулила.
И день мой завял,
Как не бывал.

ДОЛГОЖДАННОЕ ПИСЬМО

Я долго ждал письма —
И вот оно!
Горячими руками трогаю страницы,
Но буквы расплылись, в глазах темно.
Боюсь, рассыпаться тем строкам суждено,
В горячих пальцах в пепел обратиться.

Но пальцы жгучие письмо не жгут:
О сердце, в этом — ты!
Холодные листы белеют.
...А если и слова такие, как листы,
Пронижут душу? Руки устают:
Горячие, они все больше леденеют.

РОЗОЧКА

Песня девушки

Розы мои — диво,
На диво!
В моем саду красиво,
Красиво,
В садике моем красиво!

Но сорняк случился,
Случился.

Кто бы с ним сразился,
Сразился?
А тому бы, кто с ним сразился,

Отдала б награду
В отраду:
Розочку из сада,
Из сада —
Отдала б себя я в награду.

FIAMMETTA

Нет, не повинен ты в моей
Несчастной доле...
Но сердце разуму внимать
Не хочет боле!

Впервые на меня взглянув
С нежданным жаром,
Мое ты сердце роковым
Пронзил ударом.

И мучится оно, ту боль
Узнав однажды,
И сохнут губы, истомясь
От тайной жажды.

Раз, помню, уморились мы,
Резвясь по зною,—
Водой напиться не могли
Мы ледяною.

Пила я сладкую струю
С такой отрадой!
Но чем теперь я утолюсь,
Какой прохладой?

Ты все ж, невинный, виноват:
Ах, как случилось,
Что все в младенческих мечтах
Переменилось?

Я смирной девочкой жила —
Где ж я былая?
Куда я по ветру лечу,
Лечу, пылая?

О, только б на тебя взглянуть!
Не будь суровым:
Чем излечить могу ожог? —
Ожогом новым!

Как сладко счастье! Детства дни —
Весенним садом!..
Но счастье с горем — как в ларце —
Две стенки рядом.

Как непонятлив ты, в глазах
Смешок веселый.—
Ах! приливает к сердцу кровь
Волной тяжелой!

Терпенья нет, нет сил моих,
Я изнываю.
Пытаюсь потушить костер,—
Лишь раздуваю!

Что будет? Ждет ли счастье нас
Иль скорбь до гроба?
А вдруг... а вдруг погибнем мы,
Погибнем оба?

МАЛЬЧИК И СОЛНЦЕ

По черной пашне далеко
Луч солнышка скользит легко,—
Спешит мальчонка вслед за ним:
«Достану солнце, поглядим,—
Погоди!»

Торопится он много лет
За солнцем вслед, за солнцем вслед:
То в мыслях, то в глазах светло...
И в сердце солнышко вошло:
«Теперь жди!»

ЕЩЕ ВЕСНА БЫЛА ВНАЧАЛЕ

Еще весна была вначале,
Еще снежок хрустел,
И лес еще чернел,
И ливни не звучали.

Еще на заре морозной
С любимою вдвоем
Покинули мы наш дом...
И возвратились поздно.

Ты окна растворила:
— Скорей, мой друг, гляди,
Нет снега, идут дожди,—
Весны проснулась сила.
— Нет, милая, все это ты свершила.

КОЛЮЧКИ СМЕХА

На смешки мои попались,
Ох, каштановые прядки —
Что они играют в прятки
Из-под шелковой накидки?

От смешков не отцепиться,
Лучше сдаться им на милость!
Как бы ты в сердцах ни билась,
Вырвешься, — и будешь плакать.

ТАНЕЦ БЕЗ ШАГОВ

Зачем ты прибилась
К моим кругам?
Тебя я поймал
И не отдам.

Пойдем по солнцу,
По горным лугам,
Где вниз посмотреть —
Оступиться нам.

Где крошится след,
Не встать ногой,
Где негде присесть,
Пойдешь со мной.

Вот мои руки,
Танцуй, кружись!
А выси боишься,—
Потянет вниз.

ПОЛУДЕННЫЙ ОТДЫХ КОСАРЯ

О, солнышко мое,
Твой лучик в сердце вник,
И светел миг,
И светел каждый миг.

Он щек моих достал;
Как будто с ветки лист,
Твой лучик шелковист,
Твой пальчик шелковист.

А мне ль в траве не спать?
Два солнышка со мной:
Одно — над головой,
Другое — взор родной.

ПОДРУГА И ДРУГ

Подруга:

— За окнами дожди висят,
Просвета не дождаться—
Его уже не помнит взгляд;
Здесь тени бледные скользят —
То дни мои влачатся.

Откликнись, друг мой дорогой,
Где твой приют скитальца?
Не там, где вечер в час ночной
Садится с розой золотой,
Чтоб к солнцу приласкаться?

Друг:

— Да, милая, я словно там,
Но дух мой в высшей власти:
Мой дух с тобой, и по стопам
Дождливых дней влачится сам,
Как сирота, без счастья.

СТО ПОЖЕЛАНИЙ

Сто пожеланий без конца
Сменяются в свой срок;
Но сердце ждет тебя всегда,
Как никого, как никогда,
Как ждет пчелу цветок.

ЭТО СЧАСТЬЕ

У счастья этого нет слов,
Оно глаза приоткрывает,
Улыбка благостится на его губах:
Сестрицу-солнце ожидает
В горах.

ТВОИ ГЛАЗА

Файхилле

А твои глаза — две искры
От холодного огнива,—
Словно в зеркало, в них смотрят
Солнце, и луна, и звезды,
Файхилла.

А твои глаза — две капли,
Капельки живой водицы,—
Словно в зеркало, в них смотрят
Ручеек, река и море,
Файхилла.

А твоя душа — дыханье,
В сладости любви не сякнет,

Потому в себя приемлет
И меня, и мирозданье,
Файхилла.

ПЛАМЯ ПРИВЕТА

В ночь лунную к тебе несусь мечтою.
Прядут безмолвно дочери луны.
Природу рядят руки тишины
В печаль, и я — сливаюсь с темнотою.

Заветное боюсь поведать дню,—
Любовь, дарованную мне тобою,
Всесильную, я в глубине храню.

Она не просит пламени привета,
Она сама — луна и песня эта.

ВОПРОСЫ ДЕВУШКИ

— Скажи мне, милый,
Где взял ты пестрые слова такие?
— В толпу людскую долго я глядел.

— Где взял блестящие слова такие?
— На солнце долго-долго я глядел.

— Где взял огромные слова такие?
— В морские дали долго я глядел.

— Милый,
Где взял негромкие слова такие?
— В душе: я долго сам в себя глядел.

— Где взял ты нежные слова такие?
— В твоих глазах: я долго в них глядел.

— Где взял глубокие слова такие?
— В глазницы смерти долго я глядел.

— Ах, милый, милый...

СПУТНИЦА

Пей воду: как сумел, я зачерпнул немножко:
Твое увяло сердце, но долга дорожка,
А у самой, чтоб зачерпнуть, мала ладошка.

У ОКНА

— Смотри, по дороге ездит осень,
В крутых колеях оседают оси!
— Где? Где?
— Дай пальчик, я буду его целовать.
Хочу тебе этот путь показать.
— Ну, где?
Ах, я не о том говорил...
Твой пальчик на лбу моем прочертил:
Вот она где!

СОЛНЦЕ НА ЛАДОНЯХ

К твоим ладоням солнце снова льнет.
Я их беру в свои. И слезы через край:
«О солнышко, ласкай же их, ласкай!
Их линии суровые пускай
Луч милый и разгладит, и сотрет».

СИРОТЛИВАЯ СКАЛА

Моя любовь и средь высот,
И меж корнями обитает;
Но громовержец рушит свод
И берег жизни размывает.

Лишь ты одна грозы сильней
Да сирота-скала над бездной,
Но все грозней поток, грозней —
Нас всех уносит в путь совместный.

ЗАЛОГ ВЕЧНОСТИ

Тебе отдал я последнее,
Что мне завещало детство:
Существа затаенную радость,
Зимостойкий росток жизни.

Да будет росток зеленый
Твоей и моей радостью,—
Пусть один из двоих останется,
Одиноким ему не остаться.

* * *

И буря мне трубит начало битвы,
Зеленый свищет вихрь в венке листов дубовых.
Гей! Тороплюсь за вихрем следом.

ЦЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я плакал немало,
Много смеялся,
Мой кубок гневом
Переполнялся.

Стонал, если ранен,
Но чуть легчало,
Бунтовал
И дрался сначала.

Кричал, сокрушаясь,
Клял в непокое,
Но верил и помнил:
Минет худое.

Дух возрастал
И в душе крепился.
От милых сердцу
Я не таился.

Я ненависть знал,
Но любил — сильнее.
Мгновения взлета
Жаждал в себе я.

Любил человека
Вечно и верно.
Ненавидел
Зверство и скверну.

МОИ ВРАГИ

Не враги мои, гордясь по праву,
Победят когда-нибудь меня.
Победить меня,— такую славу
Вы получите, мои друзья:
Вы пойдете далее, чем я!

МОИ ДРУЗЬЯ

Кто мои друзья? При вешнем снеге —
Юные зеленые побеги;
Поколений будущих семья —
Вот мои друзья, мои родные!
Здесь же дышат вкруг меня чужие,
И где родина — не знаю я!

ЛУЧШАЯ ШКОЛА

Лучшей школой жизнь считают,—
Но какая это школа?
Новый день забудет снова,
Что назавтра обещает.

ДАЮЩЕМУ

Стой на своем, но не забудь при том —
Ты ничего не дал,
Когда берущий человек потом
Благотворителем тебя назвал.

НЕЛЮБИМЫЙ

Что ты, нелюбимый,
Со счастливцами рядом садишься?
Унеси свою скамеечку
В тень, да подальше.

Не засти света!
Пусть они на солнце греются,
В золоте и алмазах сверкают,
Пусть смеются себе на здоровье.

Стесни дыханье свое! —
Дыханье стонов отягощает воздух.
Их серебристые голосочки
Пусть ликующие заливаются.

ОСТАВЛЕННЫЙ В БОЛОТЕ

Да, я остался один совсем,
Но вам не жалуюсь меж тем;
Лучше век одному быть,
Чем с вами эту слякоть месить.
Я — муж. И я пойду одинок.
Ясен мой путь, чист порог.

АКТЕОН

Обыденность тебе невмочь?
А спину гнуть пред ней непрочь?—
Она ж тебя съедает.

Встань в полный рост и будь собой!
Упорствуй, если за спиной
К смиренью подстрекают.

САМ

Сам помощник

Что делаешь, то делай сам,
Все доверяй своим рукам:
Помощник дело не спасет,
Но сам себе воздаст почет.

Сам утешитель

Крепись в страдании своем,
Не донимай весь свет нытьем:
Ведь утешитель приобщит
К твоей беде еще и стыд.

Сам знающий

Знай, чем ты окружен
И чем в себе от мира отделен:
От окружающего силы поступают
И волею твоей работать начинают.

Сам видящий

К себе присмотрись:
Где можешь, трудись;
Смотри, кто ты есть,—
Будь для блага весь.

Сам ведущий

Ты сам в своих делах
И там, и тут;
Как руль, держи в руках
Себя и труд.

ПЕСКИ МОРЯ

Кому тебя сопровождать?
Ты должен сам свой путь держать.

Гуляет солнце в небесах,
И ветер властвует в морях,

Песчинки ветру разметать....
Ты должен сам свой путь держать.

ПЛЕСКИ МОРЯ

Где все осталось? — Сам не знаю
Не спрашиваю, не пытаю.

Да было ль что во мне, со мною?—
Не стоит ворошить былое.

Что есть? Что будет? — Не отвечу.
Об этом море шепчет вечно.

НОЧИ МОРЯ

Ни объяснить, ни примирить,
Ни взять, ни дать, ни возместить!

Все лишне — неподатлив тот,
Кто сам с собой в ладу живет.

Ни слова не сказал — суров,
Ушел он в ночь, вдоль берегов.

ГОЛОС И ОТГОЛОСОК

— Где та любовь, что для тебя светила?
— Изменила.

— Где все, что дорого тебе и свято было?
— Немило.

— Где звонкие сады твои живые?
— Стоят немые.

— Где сыновья твои, те, что в огне отлиты?
— Убиты.

Погонщик времени всех переправил,—
Меня оставил.

Всё колесница сбила и подмяла,—
Построю жизнь сначала.

ТРУД И РАДОСТЬ

Победил — радуйся:
Себя освобождает твой громадный труд.

Проиграл — радуйся:
В груди твоей назреет вновь явленный труд.

Серо все вокруг — радуйся:
Останется в душе гореть твой ярко-красный труд.

Любовь нашел — радуйся:
Согретый ею — будет жарче труд.

Ненависть нашел — радуйся:
Себя в тебе решительнее осознает труд.

Будь что будет — радуйся:
Движение твое в тебе едино — труд.

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ

Влейся весь в людскую лаву,
Бейся и трудись на славу!
Гнись, гонись, гони, сгоняй,
Жизнь живую принимай!

Бодрость пей в уединенье,
Торопясь в толпу, в движенье!
Жизнь ничем не придержать.
От нее лишь в смерть бежать.

РАЗБИТАЯ ЧАША

Вы спросите, где силу взять?
В себе себя не расплескать.

Вы сами чашу обронили,—
И жизнь течет, не удержать:
Немного поле окропили,
И вскоре полю засыхать.

Что спрашивать, где силу взять?
Что от разбитой чаши ждать?

ВЗАЙМЫ

Вам силы хочется занять
От Всевеликой Силы.
А кто сумел ее собрать,
Откуда этакая рать?—
Вы сами, ваша сила
Ее взрастила.

ЮНОМУ ДРУГУ

Не жди к трудам своим особого вниманья;
Плоды их, если будут, соберет народ,
Тебе же в трудный час само сознанье
Полезности усилий радость принесет.

Когда согласен ты с наградой этой,
Дай руку, друг,— мой путь с твоим совпал;
Но прежде одари людей сердечным светом,

Всем лучезарием, которым сам сиял.
И ты свободен. Ты сильнее стал.

АЛМАЗ

Прекрасен в перстне твой алмаз!
Погасший уголь, из тысячелетней
Подземной тьмы он блеск донес до нас.
Еще прекрасней, тверже, многоцветней
Все претерпевшее, изведавшее все
Сердце твое!

ПРОЛЕТАРИЙ-АТЛАНТ

говорит:

Ты мне оставила свои мученья,
Мне их нести еще из года в год,
Дышать дырявой грудью и в черед
У матери судеб сыскать отдохновенья.

Ты узами связала туго
Меня с собой; я побреду вперед,
На плечи положив твои недуги.

Найдешь ли ты опору совершенней,
Которая прямится в миг крушений?

ВОПРОС

Я ценил человечество
Больше, чем человека.
Оно мне всегда казалось
И целостней, и весомей.

И люди тем же платили:
Шли мимо меня — и только,
Мой труд ядром полагая,
Меня — его скорлупою.

Но разве мы справедливы,
Когда обходим друг друга?—
Рабочим труд создается,
Человечество — человеком.

* * *

Но близок мне голубки голос грустный,
И бледность моря, и венок терновый —
Они мой путь сопровождают.

ПОСТОЯНСТВО ДНЕЙ

Неторопливою рекой
Дней постоянство протекает,
Стрекозы легкие порхают,
Я по волнам плыву, безвольный.

Я по волнам плыву, безвольный,
Цветам прибрежным улыбаюсь,
К стрекозам взором устремляюсь,
И в даль небесную гляжу.

И в даль небесную гляжу.
Меня влекут мечты послушно,
Но травы клонит ветер душный,
И волны вдруг стеной встают.

И волны вдруг стеной встают,
На спины мощные вздымают,
И вот уж на берег швыряют,
И убегают прочь, смеясь.

И убегают прочь, смеясь,
Туда, где синяя безбрежность,
А я один и безнадежность —
Бесплодный, неживой песок.

Бесплодный, неживой песок.
Но небо светит надо мною,
К нему стремлюсь я всей душою,
Бессилен неживой песок.

ПОД КИПАРИСОМ

Кипарис мне застит солнце,
К небу поднял ветви-руки.
Я сижу в тени прохладной,
В воду камешки бросаю.

Есть, как стеклышки, цветные,
Мраморные, золотые.
В них кристаллики сверкают.
Чуть ударишь — искра брызнет.

Озеро, как блюдо, гладко.
По краям стоят утесы.
Брызги яркие взлетают
Там, где камешки ныряют.

А на глади синеватой
Серебрятся, как монетки,
Ряби быстрые кружочки.
И бегут — до края неба.

Рябь внезапно угасает,
И мерцает гладь спокойно.
А все камешки цветные
Проглотила бездна злая.

И в стеклянной той пучине
След их робкий затерялся.
Вместе с камешками теми
В бездну взор мой погрузился.

СУХАЯ СОСНА

Мысль уйдет, вернется
И опять уйдет:
Так сосну сухую
Дятел бьет и бьет.

Мысль в себе замкнется
И себя гнетет:
Так сосну сухую
Червь грызет, грызет.

Мысль легко свернется
Или отболит:
Так сухая хвоя
Вниз летит, летит.

СТЕБЕЛЬКИ ТРАВЫ

Стебельки травы под утро
Сонно припадают к ветру,—
Сердце ничего не жаждет,
Спит, не разумея боли.

Просыпается травинка,
Выпрямляясь против ветра,—
Сердце, что ж не распрямилось?
Вновь тебя склоняют боли.

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Обида эта с детских дней
Не улеглась в душе моей;

И не пришлось мне жизнью всей
Своей
Тот груз столкнуть.

Судьбу благословляю впредь:
Пусть до того, как умереть,
Мне справедливость возыметь
Успеть
И с тем уснуть.

МОЛОДЫЕ СЕСТРЫ

И снова к сердцу боли подступают,
Они за юностью моей ухаживали прежде,—
Старатели души, как прежде, донимают
Стремленьем к вечности, пока душа в надежде.

Они еще мне кажутся чужими,
Те сестры молодые в старческой одежде;
Но их шаги уж сходятся с моими.

Пусть будет так. Пускай одно из двух:
Иль отступить, или закончить круг.

GENOVEVA

Ах, если б ты была такой,
Возле кого детеныш лани,
Гонимый, находил покой!

Да, если б ты была такой...

Но сердце говорит с тоской:
— О, не ищи, детеныш лани,
Не бегай за своей мечтой.

Да, если б ты была такой!

ОХАПКА ЗЕЛЕНИ

Под липами

О липы,— где они?
Я вспоминаю, как мечталось сладко
Под их ветвями в молодые дни!

Колокольчик

Мой колокольчик синий!
Едва ты синий возвестишь рассвет,
Уж пастушок босой — на луговине.

Клен

Широколистый клен!
На листьях золотом о счастье солнце пишет...
Жужжит пчела. Пастуший сладок сон.

Алые цветы

Вы, алые цветы,—
Мечтаний страстных образы живые,
Изменчивость и роскошь красоты!

Вишневый цвет

Вишневый цвет!
Склонились ветви в неге белоснежной...
Но не погнется ствол от бурь и бед!

Осенний сад

Осенний сад!
От первого мороза стал ты жалок,
Как мальчуган, которого бранят.

Рута

О вечно зеленеющая рута!
Не гибнешь ты, свежа, как мой народ,
Хоть и скромна и нет тебе приюта.

Дубовый лист

Зеленый лист дубовый,
На гроб героя ты лишь вправе лечь:
В тебе героев мощь и дух суровый.

Барвинок

Мороз — а зелень все цела!
Перенесла такую злую зиму —
И знамя жизни к солнцу подняла!

Подснежник

Подснежник юный, милый мне!
Хоть снег еще лежит, уже цвести ты жаждешь,
Ты — жертва первая весне!

Плющ

О плющ густой!
Ты для руин плетешь покров зеленый,
Ты одеваешь древность — красотой.

СО ВРЕМЕНЕМ

Все боли время заживит,
Но вслушайся: душа кричит,—
Остановись.

И раны отпылают в срок,
Но вянет сломленный росток,—
Вглядись.

Угомонится сердце в срок,
Когда утратишь все, что мог,—
Крепись.

ПОГОСТ СЕРДЦА

От болей никуда не деться:
Все тлеют на погосте сердца
До конца.

Там с детства до сего мгновенья
Лежат они без искупленья
До конца.

Никто от болей не избавит:
Тяжелой ношей сердце давят
До конца.

А вспомнить: будто не бывали...
Но сердце быстрое связали
До конца.

СТРАДАНИЕ

Всякое страданье — низко,
Оскорбительно, обидно,
Пусть оно в печаль рядится,—
Малодушный с ним сживется,
Уповающий на слезы.

Всякое страданье немо,
Но оно, как резкий выкрик,
Как призыв ростка живого
Не мириться, но бороться:
Обрывать гнилые корни!

Всякое — от слабосилья.
Одному не побороть их.
Только влив свое страданье
В море общее страданий,
Их в себе поборет каждый.

МОРЕ СТРАДАНИЙ

Заботами мелкими обременен,
Иду вдоль большого моря.
Слышу стоны глубоких волн,
Их песню о горьком горе, —
Море страданий.

Слушаю откровенье волн,
Их рокот близкий и дальний:
В душе нарастает великий стон
Накатом грозных слияний
С морем страданий.

Единый стон, и едины в нем
И стар, и мал — в этом горе;
Тайком и на людях, ночью и днем
Вздымается плач, как море,—
Море страданий.

И я бы руки опустил
От мелких переживаний,
Когда б не движенье страждущих сил,
Когда б не общность взываний,—
Великое море страданий.

У ВЕЧЕРНЕЙ РЕКИ

Будто рябь потихоньку
Реку пересекает,
Грусть задрожит легонько
На губах твоих и пропадает,
И пропадает.

Ты улыбаешься снова,
Но взгляд ту же грусть выдает
И ждет в глубинах живого,
Когда душа отойдет,
Когда отойдет.

Не будет душе облегченья,
Пока сердце, опять
В надежде и нетерпенье,
Не ляжет спокойно спать,
Вечно спать.

К ночи рябь безвозвратно
Реку пересечет:
Тонкой станет, невнятной
И совсем пропадет,
Пропадет.

МИЛЫЕ СЛОВА

Отдал бы все, чтобы плачи
Твоей души унять,—
Тому, кто всех дороже,
Что дать?

В одном сгорает сердце:
Как горе отвести?
Но руки опустились,
Руками не спасти.

Любви огонь всевластный
Могу ль в тебя вдохнуть?
Пробьет ли ветер жажды
На остров счастья путь?

О, милых слов не надо,
Слова легко забыть:
Горы не сдвинуть ветру,
Огню — реки не пить.

СЛУЧАЙНЫЙ МИГ

Я с солнцем тысячами уз сведен,
Но эти узы — тоньше не бывает!
А я, я болями обременен...
И потому смущен:
Случайный миг меня от солнца отстраняет.

МЕДЛЕННОЕ ЖАЛО

Последние во мне все глуше боли,
Потом и эти боли отлетят.
Но сердцу до конца томиться в их неволе,
Глазам еще смотреть в их долгий взгляд.

Последнего огня теперь во мне сгоранье,
Голубки скорбный зов, как много лет назад,
И вечные в глубинах моря прорастанья.

Сиянье дней земных, как месяц, потускнеет:
Вонзается венок терновый на прощанье,
И в длинном вечере голубизна бледнеет.

* * *

Но затаился в страхе жук навозный,
Но в черной яме ждет клубок змеиный.
...Расту, конец одолевая.

СУМРАК

Стемнело слишком рано.
Наверно, быть дождю.
И все же мне казалось,
Я ночи не дождусь.

Вот застучали капли
По ветхому жилью...
И боль страданий прежних
Стеснила грудь мою.

Случалось очень часто,
О боли забывал.
Борьбе, труду, надеждам
Все силы отдавал.

В былые дни скитаний
И мук пережитых
Меня приводит сумрак,
Который помнит их.

Днем все позабываю,
Спасает ночью сон,
Лишь сумраку по силам
Души исторгнуть стон.

Нить с нитью сумрак свяжет.
И приведет с собой
Твои воспоминанья,
И кончится покой...

Уж от былых страданий
Осталась только тень.
Ночь встала у постели,
Свечой растаял день.

РАНЬШЕ ВРЕМЕНИ

Она идет скорей,
Чем я боялся,—
Не остановишь дней,
Как ни печалься.

Ах, подождать бы ей,—
Не захотела,
Я так спешил быстрей
Закончить дело!

Все раньше снесено,
Чем я боялся;
Что в спешке спасено,
С чем я остался?

Мой ум, не унывай,
Не плачься, сердце;
Тускнеет жизни край —
Не оглядеться.

И все-таки ступай,
Не знай предела
И рук не опускай,—
Быстрее, к делу!

ИГРА

Кто приходит, кто уходит,
Кто отводит, кто заводит,
В круг, в круг, в круг!

Протянул из круга руку —
Ты идешь со мной по кругу,
В круг, в круг, в круг!

Дни не устоят на месте,
То вразброд, то снова вместе,
В круг, в круг, в круг!

Чью-то руку отпускают,
Разбивают, замыкают,
В середину приглашают:
В круг, в круг!

ТРОН СОЛНЦА

Три луча опускает закат над землей:
Красный, зеленый и золотой.
Красный — война,

Зеленый — вражда,
А между ними — солнца трон,
Чистого золота он.

Выползает низом черная ночь
И навстречу лучам клубится, как смерч,—
И зеленый, и красный, и золотой
Солнца трон — погружается в мир ночной:
В черноту и смерч.

ПРИТИХШАЯ ВЕТВЬ

Уж солнце клонится, как ветвь,
С которой птаха улетела,—
Дух, кажется, сошел на нет:
Он ждет кого-то, ждет несмело.
Чего?
Никто и знать не знает.
Я вижу: вечер подступает.

СОЗРЕВШЕЕ ЯБЛОКО

Созрело яблоко — и поутру
Укатится оно в зеленую траву,
Поутру.

Оно на солнце чуть ни день
Настоями кипело всклень
И ночь и день.

И после наклонилось вниз:
До завтра к дереву прижмись
И — оборвись.

ЧИРИК! ЧИРИК!

Покрыла листья желтизна;
На ветке пташечка одна
Поет: «Чирик! Чирик!

Взрастила я птенцов своих,
Окрепли крылышки у них,—
Чирик! Чирик! Чирик!

Туман глубок, лучей уж нет...
Пусть ищут сами солнца свет! —
Чирик! Чирик! Чирик!

Всех пташек соберет весна,
К ним не вернется лишь одна,—
Чирик!..»

PIETÀ![1]

Я прикрываю боль свою цветами,
Ветвями и гирляндами из трав,
Листами лавров и дубов листами,
Их уношу с лугов и из дубрав.

Так жизнь обманывал я и врагов:
Чем глубже рана, тем цветы краснее;
Для тех, кого любил, был светел лик цветов.

Но астру черную увидите,— под нею
Зияет рана сердца, всех острее.

СКРИПАЧ И ЗАБВЕНИЕ

Я — струна,
Которая в скрипке твоей замолкает,
Порвана, и в игре уже не вольна.
Ты чувствовал ее, играя:
Когда высокие звуки взлетали,
Она расщепляла их и роняла.

Я — звук,
Который в скрипке твоей плачет,
Я — чувство, тяжелое, как заведенный круг.
Сердце твое извлекает его и прячет,
Но если радость прильнет, как живая вода,
Чувствуешь ли ты меня тогда?

---

[1] Сострадания! *(итал.)*

ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

Маленький садик вокруг жилья;
Медленно иду я.
Осень уже цветы сорвала,
Только горсточку астр не взяла.

Сказка детская, как сейчас,
В памяти моей зажглась:
Звезды упавшие —
Астры —
Смотрят в небо и ждут напрасно,
Чтобы ветер
Унес их назад.

Сверху на них со смехом глядят
Бесенята, озорничают.
Это они звезды срывают,
Дух и свежесть их вышивают,
Вниз
Цветы неживые бросают,
В омут ночи и облаков,
В пустоту дождей и ветров.

Идут вечерами дети земли;
В небо тоскливо смотрят они:
Падают звездочки с черных круч
И не поймать их, как ни ловчись,

Но появится утра луч,—
Сад опустелый — оглянись! —
Полон-полнехонек звезд живых,
Будто бы кто насыпал их.
Ночью звезды падали-плыли
Белые, красные, голубые.

Дети, смеясь, уносят чуть свет
Звездочек волшебных букет.

Милые, берегите цветы,
В чистый стакан налейте воды,
Дайте им ласки и доброты!
Милые, они на небо хотят,
Только нет им пути назад.

ТРИ СМЕРТИ И ЖИЗНЬ

Вечер крут,
Утро люто:
Время в ночи,
Как свеча, задуто.

Осень гнетет,
Зима исступляет:
Кажется,
Конец наступает.

Третья смерть
Пути замыкает:
Как семя в колодце,
Жизнь умирает.

ЛОГОВО ВОЛКА

Покинув логово, волк и потом
Норовит его навестить.
Так и ты вспоминаешь о том,
О чем хотел забыть.

То в горы, то в лощины идешь,
А искал равнинный путь.
Вслушиваешься в непогодь и устаешь,
И не можешь передохнуть.

Ты отовсюду себя ждешь
У логова. И сам
Однажды в него, как всегда, войдешь
И останешься там.

НОЧНАЯ РОСА

Когда твой час пробьет,
Что из того?
Ведь солнце к вечеру сойдет
И — нет его...

Так до тебя велось
И после — так.
Лишь ты рыдаешь: «Началось!
Все будет мрак!»

Но будет все, как есть.
А над тобой
Росе ночной тихонько зреть
Слезой.

УТЕШЕНИЕ

Когда твой труд незавершенью предстаст
И ночь тебя вбирает, утро разве не придет?
И разве завтра не придет другой
Закончить труд, оставленный тобой? —
Ступай же с миром! Всякий заменим,
И даже тот, кто был высокочтим.
Всеобщность не привязана к тебе:
И ты один необходим себе.

ЗМЕИНЫЕ ЯГОДЫ

Такие горькие уныло слезы набегают.
Чернеют огненные ягоды в болоте,
Кусаются, когда с колючек их срывают.

Стыд этих слез тому, кто их не переводит;
Где падают они, там все тусклей в природе.

Просящий утоленья — слез не получает.

ДВА СМЕХА

Одно мгновенье смеха — если ты переборол
Себя в стремительном жизневращенье,
Другое — если существо нашел,
В котором дух твой близок к воплощенью.

И нечего тебе еще от жизни ждать;
И долго, коротко ли в ней влачиться,
Равно усмешкою ее кончать.

Все мелкое в тебе с годами устранится,
А крупное — в друзьях по духу утвердится.

ПРИТОКИ

Ибо конец всегда и верно — грусть,—
Жизнь или быстро высохла, мельчая,
Иль, прорываясь, размывала путь
И берега ломала, нарастая.

Все та же песня жалобно звучит:
Напрасно сущее — перед уходом
Никто и никого не защитит.

Мы все, как высыхающие воды,
Притоки их: нас точат жар и холод.

КОГДА ...

Когда б своей я жизнью
Один владел,
Ее я мог бы сбросить,
Когда хотел.

Себе я мог бы выбрать
Любой удел,—
Когда б своею жизнью
Один владел!

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Вслед ночи утро суждено —
Что сделано, то сделано.
В груди как будто что чадит,
Душа болит,—
Шаг сделан, смерти тяжелей,
Когда костлявая стоит
С косою острой у дверей.

СОН В ЛИХОРАДКЕ

Тягостным виденье было,
В душный сон меня вводило.

Жуткий сон, жалкий сон,
Медленно вползает он:
К валу вал мятется страх;
Гул его стоит в ушах.

Грозный сон, гиблый сон:
Гору надвигает он,
И мою сгнетает грудь,
И во взор вселяет жуть.

Склизкий сон, вязкий сон,
Словно из могилы он:
Лоб и щеки лижет пот,
И по телу дрожь снует.

Знобким пробужденье было,
Но из мрака выводило.

ЛЕНИВЫЙ УЧЕНИК

Так приятно греться на солнце,
Свежий плод очищать и есть,
Сноп укладывать без усилья,
Слышать в груди стучащее сердце:
Спать, сознавая, что ты живой.

Сколько помнишь, одно привычно:
Двигаться, есть, ощущать и быть,
Травкой расти и мхом покрываться.
Так ежедневно — ты, я и все —
Как это так, если вдруг ничто?

Мысль протестует — не может статься!
Пусть хоть кусочек, но поглощать,
Чувствовать сон.— Не видеть, мерзнуть,
Умирать, но знать, что не умер!
Нет! Как же так — совсем ничего?

Только и смысл, что в других остаться?
Память — и все? И прости-прощай?
Даже не дым, колеблющий воздух?
В чем ты повинен? За что наказан?
Сразу прыжок? Что, уже конец?

Нет, не конец,— перемена жизни.
Ах, тебе хорошо и так:
Вечные тело, радость и солнце?
Ты научил ли себя бессмертью?
Срок умирать, а ты не готов,
Ты, ленивый!

МОСТ

Хочу я мост образовать
Сквозь ночь,
Чтоб день за днем чередовать,
Чтоб сон неверный миновать
В ночь.

Но мост не хочет проходить
Сквозь ночь!
Рассвету не дает ступить,
Не позволяет глаз смежить
В ночь.

СТАРАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ночью глаз я не смыкаю,
Двери настежь отворяю,
Руки на коленях маю,
Баю, баю, баю.

Всю-то ночь я руки маю.
Звезды небо покидают,
И куда идут — не знаю,
Баю, баю, баю.

Звезды небо покидают.
Одиночеству внимая,
Боли сердца унимаю,

Вечным сном себя качаю,
Баю, баю, баю.
Баю, баю, баю.

ЭТОТ ДЕНЬ

Солнце и месяц зря идут,
Мимо меня гонимы;
Дни укорачиваются и растут,—
Их пропускаю мимо.

Где этот день, где его запас,
У рассвета какого?
Жизнь отдал бы всю и сейчас
Ради дня всеземного.

Там, куда он идет на круг,
Бесконечно продленный,
Обновляется жизнь, как луг,
Как этот луг зеленый.

Все повидал зеленый лужок:
Дождь, и снег, и стужу,—
Чтобы сплести жизни венок,
Смерть почувствовать нужно.

Смерть закатится в этот день,
Время не будет гонимо,
Солнце и месяц присядут в тень,—
Я лишь пройду мимо.

ОТЧАЛИВШАЯ ЛОДКА

Ну вот, здесь ни к чему я больше не привязан.
От берега моя отбилась лодка,
И парус клонится все ниже раз от разу.

Погас мой огонек, моя находка,
Ни искорки от прежнего пыланья,
А только пепла серого щепотка.

Нет никого за мной, кто выйдет на прощанье,
Кто мне попутного от сердца пожелает,
Кто вспомнит здесь на языке изгнанья.

И впереди никто меня не ожидает.

* * *

И все-таки то не конец. Конец — гора молчанья
Или венок из звезд, он черно-синий.
Расту, перерастая дали...

ПОЗДНЯЯ ГОСТЬЯ

Ночью ветры завывали
И трубили тяжело.
Чувство тягостной печали
К вечности меня влекло.

Ночью дождь не унимался.
Слушал я, и слушал я:
В темноте мне плач казался —
Лайма плакала моя.

Не она ль во мраке ночи
Кротко приоткрыла дверь?
Значит, тоньше и короче
Пряжа дней моих теперь...

— Лайма, Лайма, что с тобою,
Что ты плачешь на ветру?
— К вечному тебе покою
Привела я смерть-сестру.

Ночью ветры завывали
В смертном зове тяжело.
Чувство тягостной печали
В глубь миров меня влекло.

— Лайма, милая, и в смерти
Дух мятежный не умрет:

Путь пролег сквозь ночь и ветер
Дальше смерти, ночи, ветра,
Дальше солнца, что зайдет.

ПО КРУГУ

Я возвращаюсь по кругу
Вновь на исходное место:
Вышел я в дали один,
В дом я вернулся один —
Воду живую добыл я:
Родины каждое поле
Я окропил этой влагой,
Мой же сосуд опустел.

Ты неизбежна, душа моя,
Я прихожу к тебе слабый —
Сердце иссохло, и я
Всеми оставлен, один —
Ты неизбывна, душа моя,
Силы глубокий источник,
Еще раз напомни мне сердце:
Осилить большую даль.

ЧЕРНАЯ ВОДА

Мне кажутся чужими этот мир и люди,
Которых жизнь еще вокруг водоворотит;
Всплывает пена: ветер воду мутит,—
Приходят люди и опять уходят.

Они в сумятице моих дорог снуют;
Что будет с ними, что их озаботит,
Куда они, за кем они пойдут?

В конце дорог вода встает, чернея,
Встает холодная, и тишина над нею.

СОТНИ ЛЕТ

Их равнодушие меня не трогает нимало,
Их ненависть меня уже не донимает,
А их любви сторонней, запоздалой
Я улыбаюсь — пусть себе играют.

Зачем же ты живешь еще, любезный?
Что жизнь моя? Ей впору оборваться,—
Я не из дерева, не из железа.

И гложет смерть меня, не отвязаться:
Полсотни лет довольно, может быть?
Хочу я сотни лет на свете жить.

ВТАЙНЕ

Ты втайне долго обувался, знаю,—
И ходишь, высосав мой дух,
На твердых, на своих, на двух,

О людях не печалясь, смерть переступая,
Стихи твои потворствуют ходьбе,—
Шагай себе!
Мой дух не иссякает, силу отдавая.

ЗАКОН

Казалось, что давно
Я всем чужой,
Но вот уходишь ты,
Мой друг родной!

Кто хочет обрести
Себя, смущен,
Да потеряет все! —
Таков закон.

СЧАСТЬЕ ВЕТРА

Что можно упустить, то счастье разве?
Когда боишься с чувством разлучиться,
Когда душа и ты разделены боязнью
И мига нет, чтоб вам соединиться?

Так сердце к счастью ветра припадет —
Пылает, если ветер усмирится,
Потом трепещет, рвется, устает.

Когда ты счастье ветру возвратил,
Тогда себя и дух соединил.

ЗА ТЕНЯМИ

Своею властью
Сам одиночество себе внушай
Ежесекундно, повсеместно;
И силой духа побеждай
Смерть самое в боренье честном.

Ты, одинокий, не жилец:
Смерть, угрожая, ходит тенью;
Разнята ночь, и наконец
Души коснулось просветленье
Своим участьем.

БЕССТРАСТИЕ

Лишь в бесстрастии холодном
Сердце свой покой узнает,
За который страстно билось.

Все еще угрюмо сердце,
Все еще крикливы мысли,
Голос все еще отрывист.

Боль тебя еще пронзает,
Сердце жалуется, к звездам
Взор не хочет обращаться.

Успокойся: вот уж близко
То бесстрастие большое,
В чем великой жизни корни.

НЕМОЙ ДОМ

Дом с утра немой остался,
Рот дверей закрыт, ресницы
Окон наглухо смежились.
Не клубится дым над крышей,
Целый день не слышно звука
С самого утра до ночи.

Жизнь остыла, словно вечер,
Красота с закатом скрылась.

Кто сумеет быть душою
Там, где красота пропала?
Я сумел однажды это,
И теперь я стал сильнее;
Здесь тогда пылало солнце,
В сердце до сих пор тот отсвет.

ХОЛОДНАЯ НОЧЬ

Спроси себя:
Когда надежда, всех других сильнее,
Когда затея, прочих совершенней,
От многих сущностей бледнеют,
Как быть затем?

Ответь себе:
Тогда не углубляйся в новые надежды
И по ветру развей тепло воображенья,—
Один стоишь ты вместо всей вселенной,
Один совсем.

ДЕРЕВО В ЧИСТОМ ПОЛЕ

Себя человеком и ты нарек!
И гул угрюмый разом умолк.

Не нужно ни прятаться, ни бежать,
А можно легко и вольно дышать.

Вон дерево в чистом поле стоит:
Ветвисто и гибко, и стать хранит.

Над ним небеса, да поле кругом,
Да облако — сосуд с питьем.

Да солнце над ним, как яблочко,— вниз,
С корой земли его корни срослись.

Стоит и бури радостно ждет:
«Ну-ка, чья во гневе возьмет?»

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество, как щит
Леденения:
Увяданье разлучит
И цветенье.

Одиночество следит
Щелью где-то;
Ночь и утро разлучит
Для рассвета.

Одиночество болит
Больше боли;
И меня к чужой стремит,
Чуждой роли.

ЗДЕСЬ И ТАМ

Так я пришел,
Так я уйду;
Одно лишь на пути сюда нашел —
Боль сердца
И беду.

В обратный путь
Их и возьму,
И спрячу там, откуда не вернуть,—
В тишь —
Тишину.

БЕРЕЗОВЫЕ СЕРЕЖКИ

Радость

Уж и тому я очень рад,
Что осень дарит солнца взгляд,
Что эти три строки звучат.

Ах!

Малышка: «Ах!», малютка: «Ай!»
Все в нас останется пускай!
Душа, уста не размыкай.

Чужой

Всем чуждый, он вперед идет;
В конце дороги тьма встает,—
Зачем ему идти вперед?

Старинное слово

Когда ты одинок, как перст,
И плачешь ночью, руки в крест,
С тобою плачет небо звезд.

КОГДА НОЧЬ

Соловей прекрасней всего поет,
Когда ночь.
Да и счастье охотнее к нам идет,
Когда ночь.

Если грустно, один побродить иди,
Когда ночь,
Чтоб никто не узнал, что в твоей груди,—
Только ночь!

НОЧЬ НА ГОРЕ

Ночь подмигивает мне
Тысячами звезд, спускаясь,
В теплом дышит полусне
Там, где я стою, где маюсь.

Ты зачем меня зовешь,
Ночь, на ласковое лоно?
Что скрываешь, что несешь?—
Сердце ищет окрыленно.

— Дар небес тебе несу
В шелковом платке тумана,
От жары тебя спасу,
Дам тебе приют желанный.

В изголовье над тобой
Запахи цветов сомкнутся,
Будет светлячок лесной
Издали к тебе тянуться.

Днем в самом себе таи
Боль свою и взор в смятенье:
Знаю, знаю, лань земли,
Лань моя, твои томленья.

Жизнь в моих чертогах спит,
В тайну уходя, как в небыль;
Полдень сны мои стремит
В неба круг, в пределы неба.

Небо эту влагу пьет —
Темная в избытке льется —
Кажется, вот зачерпнет
И конца концов коснется.

Дам тебе во сне испить
Сколько хочешь, и проснешься —
Сможешь жажду утолить.
Памятью в чертог вернешься.

Звезд сиреневый венок
За полдень я опускаю,
Вечной же любви цветок
В дом свой поздний отпускаю.

* * *

Расту...
Поет негромко ветра траурная кокле,
Венок росы мерцает в отдаленье.
...Расту и устремляюсь в дали;

Расту, ища лесов прикосновенья:
Над головой венок из листьев желто-красных.
...Расту и устремляюсь в выси;

И соловей зовет меня в долине,
Там, где венок из рос протягивает солнце.
...Расту, расту еще быстрее;

И буря мне трубит начало битвы,
Зеленый свищет вихрь в венке листов дубовых.
Гей! Тороплюсь за вихрем следом;

Но близок мне голубки голос грустный,
И бледность моря, и венок терновый —
Они мой путь сопровождают;

Но затаился в страхе жук-могильщик,
Но в черной яме ждет клубок змеиный.
...Расту, конец одолевая.

И все-таки то не конец. Конец — гора молчанья
Или венок из звезд, он черно-синий.
Расту, перерастая дали...

Расту, расту и не кончаюсь,
Беру и отдаю, и видоизменяюсь —
Еще расту.

ЗЕЛЕНОЕ ВИНО

Стоишь ты хмурый и стесненный,
Твой кубок пуст.
Он искрился вином зеленым,—
Пусть сохнет, остывает пусть.
«Не так он пуст —

На самом дне, когда вглядеться,
Забыта и сохранена,
Алеет капелька одна».
«Что ж это?» — «Сердце».

ПОД ДЕРЕВОМ

Чуть держит надломленный бурей сук
На нитке надежды всю тяжесть мук,—
Мечтатель же под сенью зыбкой
Знай себе спит с беспечной улыбкой!

МОЛОДЫЕ КОНИ

Ночь не мила мне тем, что нужно спать.
А ум еще в работе, и не спится:
Картины новые не устают тесниться
И мысли не желают отступить.

Сон звать приходится, чтоб мысли укротил.
Так молодых коней стреножат круто
В ночи пастись, а те в избытке сил

Брыкаются, фырчат и, презирая путы,
Бегут поздравить зоревое утро.

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

Над землей светает,
Теплый пар клубится,
Нежный свет просторы обступает.

И мерцают травы,
И песок искрится,
Серебрятся нивы и дубравы.

Встань, идем из дому,—
Мост сквозной стремится
Прямо к утру, гостю дорогому.

НЕСОМКНУТОЕ КОЛЬЦО

Рассвет мой был прозрачно-чист,
Закат мой должен быть огнист,—
Но между ними — беспределен
Еще мой день — он золотисто-зелен.

ВОПЛОЩЕННАЯ ДУША

Существом себя едва заметил,—
Самовыраженью ищешь формы:
Ощупью идешь сквозь сумрак утра.

Сердце мается в тоске по слову:
Черпает его из донных болей,
А глаза с цветов его сбирают.

Медленны слова, как мед тягучи,—
Приторность цветка и горечь боли —
Темным золотом тяжелым льются.

В этом золоте еще безгласны формы,
И душа свой образ душам ближних
Лишь в немой поэзии являет.

ПОРОГ

День без солнца,
Ночь без звезд,—
Окликает непрерывно
Голос без отголоска
Перед порогом.

В подсознании
Оковы и мрак
Мешают непрерывно
Шагнуть к познанию
Через порог.

Порог поднят,
Дверь грозит,

Пугает непрерывно!
Встает познание
За порогом.

РОСТОК

Не бойся — бейся с утвержденным днем,
Так, только так перерастешь его,
И существо твое в великом росте
Границы времени себе означит.

Когда от почвы будешь отлучен,
Как дерево, чьи корни над землею,—
Тогда умрешь для времени сегодня,
Но завтра прорастешь в его началах.

Тогда в тебе былое возживет,
И будущее расцветет в тебе:
Объединишь и образ, и зерцало,
И путеводную звезду — в явленье.

СОЗДАТЕЛЬ

В каком вдохновенье
Так осенило?
Зарницей осенней
Тьму озарило.

Не мысль отмечаю,
Ее движенье,—
В себе встречаю
Определенье:

Мысли свободной
Явность и внятность,
Из тьмы первородной
Образа ясность.

ЖИВОЙ

Снег земле большую
Тишину несет,—
Завтра ты проснешься,
А земля уснет.

"Ave sol!" Худ. А. Станкевич.

Дух угомонится,
Голос, как свинец,—
Где сугроб ложится,
Там всему конец.

Снег земле большую
Тишину несет,—
А живой проснется
И куда пойдет?

НЕТЛЕННОСТЬ

Ни утренней росе исчезнуть в полдень,
Ни запахам зачахнуть в крутях ветра,
Ни солнечному лучику пропасть:
Все во вселенной извечно живо.

Ни мыслям расползтись с распадом мозга,
Ни чувству отмереть с отбоем сердца,
И не любви моей оледенеть:
Все в человечестве вечно живо.

ПОЭТ НЕБА

Бледный, серый ходит месяц
С белыми да с облаками.
Сам на облачко похожий,
Сам на круглое походит.

Но чем больше гаснет вечер
И плотнее тьма, тем больше,
И уступчивей, и чище
Месяц в облаках мерцает.

Отчужденный, миротворный
Льет он свет в угрюмье ночи,—
Облаков угасших крылья
Серебрит своим сияньем.

ЗАКОЛОСИВШЕЕСЯ ПОЛЕ

Моим когда-то ваше слово было.
Внимаю, поражен: и голос — мой,
А мне сперва послышалось — чужой!
И в мыслях давнее былое всплыло.

Ужель в сердцах, как семя, слово зрело?
Привет ростку, чье молодое тело
Хранит зеленый цвет. Красы какой —
От зерен считанных — достигло поле!

И будет впредь цвести средь бурь на воле!

ТРИ ПРИМЕТЫ

Вера в святость дальней цели,
И на труд дневной надежда,
И любовь ко всем живущим —
Вот в природе их приметы:
Синь небес, и зелень луга,
И кровавый пурпур жизни.

СТРАННИК

...Мальчик, родившись,
принес счастье родителям, а когда
вырос — друзьям.
...Вдали ты близок, вблизи
далек...

(Из писем подруги и друга)

Если мне в моих скитаньях
Кто-нибудь любовь подарит,
Я ее подальше, в сердце,
Как в тайник глубокий, спрячу,
Чтоб она не затерялась.
Ну, а если от страданий
Разобьется мое сердце,
Все равно любви не выпасть —
С сердцем так она срослась.

В тайнике моем хранится
Каждая людская ласка,
Что моей щеки касалась
И моих волос касалась.
И приветные улыбки,
И участье, и тревоги
Были мне в скитаньях тяжких
По житейской, по пустыне,
Как глоток воды студеной.

Я в тайник глубокий прячу
Каждый взор, что мне дарили,
Мне, чужому, не родному.
О! Есть место в тайнике том
Для любви стыдливой, робкой.
Мне ее дарили губы
Женщин с нежною душою.

И всего не перечислить,
Что хранится в моем сердце.
Только ноша мне не в тягость:
С полным сердцем жить светлее.
И чем дольше я скитаюсь,
Тем любви встречаю больше,
Бескорыстной и нежданной.

Незнаком с людьми я теми,
Кто дарит свое участье,—
Их дыханье ощущаю.
Сотни слабых и несчастных
Мне протягивали руку
И в беде опорой были.
И глотком воды последним
Бедняки со мной делились.
А калеки руку жали,
Нищие же отдавали
Золотое свое сердце.

За мои любовь и ласку
Мне сторицей воздавали.
Даже те не обходили,
Что меня чужим считали,
Те, кому помочь не мог я,
Потому что сам, бессильный,

Ждал, когда осилит злобу
Щедрая любовь людская.

Все, что накопил, скитаясь,
Не возьму с собою, люди.
Вам оставлю вместе с сердцем
В час, когда оно умолкнет.

Вы тогда его откройте,
Извлеките все богатства,
Что срослись с ним воедино.
И любовь и сердце — ваши.
Вам они принадлежат.
Сохранил любовь для тех я,
Кто не ведал ласки солнца,
Кто любви совсем не знал.
О! Что скрыто там, за далью,
В тех краях, куда отправлюсь,
За порогом тем великим,
Где не бьется больше сердце?..
Сброшу власть всего земного,
Ради вас туда отправлюсь...
Вашей я живу любовью,
Только ею сердце бьется,
Ею страх одолевая,
Возвращусь домой обратно
Одарять вас новым счастьем.

ПЧЕЛИНЫЙ РОЙ

Как молодой пчелиный рой,
И я гоним;
Где улей постоянный мой?
За внеземным.

Я здесь в цветах его искал
День изо дня,
Я ветер утренний позвал
Отвлечь меня.

Трава омоется росой,
Цвет опадет,
Отправится пчелиный рой
За горизонт.

ЗА ВОРОТАМИ

Искать нет сил и не берусь,
Лишь раз туда я опущусь
И не вернусь.

И нечего мне взять туда,
И в мыслях будет пустота,
И память будет холодна.

Забудет ум, что знал, чем был,
Не вспомнит сердце прежний пыл,—
Все станет пыль.

Не дрогнет веко взор поднять,
Не встрепенется слух опять,
Чтоб звук понять.

Порог. За ним одна стезя.
Ворота. Вот она, моя...
И был ли я?

* * *

Расту, расту, опять расту
Сквозь время, за его черту
К иному утру тороплюсь:
Его коснусь.

ОДИН АТОМ

Ты здесь из вечности один
И до конца, когда придется
Вступить обратно в мир глубин,
В исходный холод первородства.

Оттуда выйдя в некий миг,
Ты жизнь обрел, как безусловность,
И, обособленный, постиг
Себе подобных отчужденность.

Ни с кем не схож, отъединен
От всех, как самозавершенье,
Как цельный атом, прирожден
Для нового неповторенья.

Ты солнце поглощаешь впрок,
Источник сил неиссякаем.
Средоточенье солнц — поток,
В котором дух твой несмиряем.

Безмерна жизнь твоя в мирах,
Времен смотритель с краю ходит —
И, растворимой в веществах,
Затишья силе не находит.

Дух к бесконечности возрос,
Ты, словно воздух,— к наполненью;
Противосила — на износ
В самом ядре неповторенья.

Во времени ли изживешь
Себя, насыщен до отметки?
Или потом себя вернешь,
Как сытой ящерицы клетка?

Чтобы себя в себе держать
И внешней жизни не коснуться?
Чтоб сгустка передач не знать
И в одноклеточье замкнуться?

Нет, ты не рано отчужден:
Ты признаешь всенепременным
Вращенье лет в стволе времен
И жизнь в развитье неизменном.

Ты миллионы создаешь,
Себя в других преобразуя,
По рельсам бытия ведешь
Жизнь составную и сквозную.

Пока ты в силе — нарасхват,
А все отдал — и незнакомо
Пустоты над тобой гудят,—
В углу жилья мешок с соломой.

Лишь в зрелости твоих трудов
Ты жив, хотя тебя размяли;
Ты, старый семенной горох,
Опять один, как был вначале.

МОЯ РАДОСТЬ

«Где радость светлая твоя?» — «Не рядом».—
«И нелегко найти?» — «Устанет взор».—
«На солнце ли глядеть? В лугах ли звать отраду?» —
«Нет, будет ночь. И впереди — костер».

«И долго ли идти?» — «Дней чередой бессменной».—
«Цветет ли радостью твой путь?» — «Угар вокруг...»—
«Но где ж конец пути?» — «Там, у стены вселенной».

«Как я твою узнаю радость?» — «У огня пастух
Овцу обогревает».— «Это радость, но других!» —
«Моя, мой друг!»

ТАЙНА

Я не скажу об этом,
Никто не будет знать,
Земля немая скроет,
Что я хотел сказать.

Пусть вы меня любили,
Но не поймете, нет:
Я знаю, отчужденно
Вы смотрите мне вслед.

И лучшее, что было,
Что вы в себе несли,
Вы в тайне сохраните
От всех людей земли.

Жизнь не успеет в тайну
Проникнуть; только смерть
В конце концов сумеет
Ее преодолеть.

Кто трижды понял это,
Над тем уж смерть кружит;
Пусть дорогое слово
Во мне при жизни спит.

В том слове два созданья
В одной любви слились,
В нем — люди над природой
В сплоченье поднялись.

В нем и восторг догадки
О том, какая нить
Ведет людей к единству
И может связь крепить.

Но краткие мгновенья
Ушли! Что понял я?
Осталась в сердце жалость,—
Прости, мечта моя...

Я не скажу об этом,
Никто не будет знать,
Земля немая скроет,
Что я хотел сказать.

Но существо томится
Всю жизнь, как ни мирись,
Извлечь из слова тайну,
Какую прячет жизнь.

Потом томятся души
Уже во чреве, там...
— Куда, земля, несешь их?
— Несу к другим мирам!

ТАНЕЦ ЗЕМЛИ

Земля, ты долина
Слез и молчанья.
Зачем же твой танец
Одно ликованье?

Омуты всюду
И все без края.
Всюду стужа
И смерть босая.

Ты мать покидаешь,
Жизнь принимая,
Судьбе неизвестна,
Судьбу пытая.

В парчовой одежде
Свадебной ночи
Ты падаешь в гроб
И над тем хохочешь.

И с солнцами вместе
За первородством
Спускаешься далее —
К полусолнцам.

ВЕЛИ И ДУШИ

Светит месяц, звезды блещут,
Души в ясном стане дремлют,
Спит земля во тьме. Лишь вели
Движутся по Даугаве.

Где земля впадает в небо,
Там начало звездным рекам:
В путь таинственный пускаясь,
Вели подплывают к звездам.

ПРИРОДА И ДУША

Природа не ведает,
сколь она огромна,
но мы это знаем.

Паскаль

Скончался 19 августа,
250 лет тому назад.

И не ведает природа,
Сколь огромна. Солнце — жара,
Небо глубины не знает.

Черный зев разверзло небо:
Мириады капель солнца
Катятся со дна вселенной.

Солнце испускает пламя,
Жизнью в мерзлоту вселяясь.
Сердце сожжено у солнца.

И земля вкруг солнца ходит,
Погруженная в дремоту
И держа в загребе море.

И пролит над морем кубок —
Белой пеной, алой зорькой,
Но красы не знает море.

Недра извергают в громе
Диаманты и смарагды:
В дивных красках нет цветенья.

Но дрожит земное лоно:
Голубой цветок восходит,
Познавая цвет с рожденья.

Но душа в безбрежность моря,
Уплывая в утлом челне,
Знает, как просторно море.

Ведает душа огромность
Бытия. И пламень солнца,
И глубины моря знает.

Одного душа не знает,
Сколь прекрасна и глубинна.
Исподволь себя узнает.

ОДИНОЧЕСТВО МИРА

Всегда один и сам —
К глубинам неба взор мой обращен,
И сонмы звезд к нему идут по небесам,
Во все века от всех он взоров отлучен —
Всегда один и сам.

Всегда один и сам —
Смещаются миры по огненным кругам,
Гудят колеса, оси в них стучат,

Миры в своих основах гром творят
И в бесконечность убывают по громам —
Всегда один и сам.

Всегда один и сам —
Просторный небосвод открыт ветрам.
Снежинки белых солнц нисходят вдруг,
И звезды мечутся на скрещиванье вьюг,
И мгла очерчивает умиранья круг,
И старых солнц тела во мгле дрожат,
И дышит, но уже забыт закат:
Мать ночи прибирает жизнь к рукам —
Всегда один и сам.

Всегда один и сам,—
Но жизни взор маячит в бездне,— там,
Где черных солнц уже коснулся тлен,
Где солнца вновь ведут светообмен,
Где повсеместен ход начал и смен:
Швыряет небо пригоршни звезд,
И жизни мельница в их исполинский рост
Светила новые вращает.
Миры неведомые нам всплывают.
Так земли гаснут — жизнь еще мерцает,
И гаснет жизнь, но дух простерт к мечтам —
Всегда один и сам.

Всегда один и сам —
Луч тропкой золотой скользит к ногам,
И взор моей звезды сияет из глубин.
Тропинка светлая, мой дух с тобой един,
Тебя и бытие он сочленяет,
Когда земля для солнца исчезает,
И сломанная ветвь навечно упадает,
Когда звезды поющий взор приник к глазам,
И я — один и сам.

ЦЕЛИ СУЩЕСТВА

Пространства в душе огляди,— струны ее натяни,
Над далями воспари,— все сущее охвати,
Пробоины мира закрой, когда в центр устремишься
Вселенную восстановить.

Душа, как вселенная, раздвигается вширь,
Вселенная, как душа, продвигается вглубь,
Мысль растет, пытаясь в лоно души
Вселенную заключить.

ЖИЗНИ СУЩЕСТВА

Причинную — ты сам ту жизнь ведешь,
Жизнь следственная — ты в ее руках —
Огонь, самим тобой осуществленный.
А между ними смерть крадется.

Свой дух и тело воплощай в других;
Все малое в большое претворяй;
Тогда ты будешь жить в душе работ,
Как древняя звезда гореть, мерцая.

СТРАХИ СУЩЕСТВА

Каждый живущий томится — предвидеть конец начала,
Каждый живущий бренность поймет, и только;
Страшно конца не добыть,
Уж лучше в конце исчезнуть.

Духу дано беспокойство — постичь, что конца нет.
Чувствуешь, сила твоя горит бесконечно,
Ужасы вечного гонит.
Конец осилит крушитель.

Сущности нет у конца, но есть у процесса;
Смерть — та же жизнь: крушит и рушит преграды.
Страх — удел существа:
Развивая боль, распадаться.

СТАРЫЕ БОЛИ

Неприязнь к существованью
В логове зашевелилась?
Раны старые открылись? —
Ничего уже не знаю.

Где трусливая походка?
Мрак? Ухмылка? Умиленье? —
Время или жизни рвенье
Их смогли переиначить?

Где страданья, что прогнали
В горы, к небесам поближе?
А теперь в душе все тише,
И светлей, и безобидней.

Удивленный, вижу сверху:
Горные хребты присели
На снега, и потеплели
Поздние глаза печали.

ВСЕСИЛЬНЫЙ

Все осилив, темный и огромный
За моей спиной маячит Образ,
Смотрит на меня холодным взором;
Вместе с черной мглой едва влачится
Плащ его. Он вскидывает руку.
Пальцы изогнув, хватает будто;
И — мое застыло в страхе сердце.

Надо мною тень его упала.
В сером отсвете и удлиненном
Тянется она передо мною.
Тени острый край, как наконечник
Длинного копья, готов добраться
До звезды моей, до путеводной.
Сердце рвется прочь скорей и дальше.

Все огромней Образ час от часу.
Сердце прочь спешит, но ближе Образ.
Каждый шаг мой меряет ответным,
В след мой Он своей ногой ступает;
Чем скорей ищу иных мгновений,
Тем быстрей Он те мгновенья прячет.
Сердце глохнет от напрасной гонки;
Черные Он сети расставляет,
В них часы мои, как рыбу, ловит.
Душу мне опутывает ловко:

Кокон бабочки в тенетах мрачных.
Ставит мне слова мои силками,
Как в капкан, в свой труд я должен падать,
Песнею моей меня стращает,
Мыслями затягивает шею,
Чтобы ползал я себе на милость.
Укрепляет ржавые решетки,
Извлеченные из недр столетий,
Про которые забыли помнить,
Чтоб мое меж ними сталось сердце!

Только я ничьим рабом не буду!
Ни идей, когда не я растил их,
Ни надежд, когда к ним непричастен,
Ни господ привычек и хотений!
Кто ты есть, чтобы меня неволить?

Выходи на битву, безымянный!
Я хочу увидеть взор твой грозный.
Встань передо мной, попутчик страшный!
Что ты за моей спиной крадешься,
Тянешься за мной тайком во мраке?
Ты не залучишь меня украдкой
И свою мне волю не навяжешь.
Оглянусь, а там пары клубятся,
Туча черная застлала небо:
Буря на плечах и град в пригоршне,
Ледяной огонь в груди и тайна,
Как схватить Его, когда не схватишь,
Как бороться с тем нагроможденьем,
С массой той, которую не сдвинуть,
Не облечь в слова и не оформить?
Сердце в ужасе в себя приходит.

И опять сидит Он, как и прежде:
Выросший из-под корней глубоких,
Вылепил сиденье из отбросов,
Кинул под ноги картины детства,
Ноги отсидел от дел вседневных,
Мнения людей заткнул за пояс
И торчит себе на прежнем месте;
Только что ни миг, то больше пухнет:
От костра, в котором хворост, листья

И трава сухая, дым тучнеет,
Тянется за мной, голье съедая.

В кольцах дыма давние картины —
Детства дни; звучат они, бледнея:
Ест глаза тот дым, но будто вижу
Что-то светлое вблизи мерцает.
Или это искры возникают?
Жизни ли костер? Глаза детишек?
Радость красная? Зеленая надежда?
Сердце, что споткнулось, задрожало?
Искорки лови, лови волшебниц,—
Мы теперь поборем властелина!
Искра жизни из огня живого,
Вот она, моя! Ты видишь, Призрак,
Тот огонь во мне, ты в нем не волен.
В черный зев твой бросим наши искры!

Мы тебя обманем, Всеимущий:
Дни грядущие моими будут
Раньше, чем они твоими станут;
Сообщу я им свое дыханье —
Время загудит багровым ветром
В существе моем, как в шумном горне.

И тогда бери часы и годы
И питайся ими! Я согласен;
Захочу и дам тебе приманку:
Дней моих перебирать отходы!
Откормлю тебя, Дракон вселенский,
И создам, и вновь преобразую.
Сердце, будь живым и искрометным!

Прошлого уже не одолеешь.
Спит оно, руководя грядущим,
Но сегодня я еще в сегодня,
В дне, которым я еще владею,
В дне, который ведает грядущим
И который в прошлое уходит.
Я создам себя, как дух мой скажет,
Сам себе отмечу круг общений,
Изберу я сам себе основы
И поставлю будущее строго
Прошлым и судьбы своей порогом.

Я тебе твою оставлю силу,
Я в тебе ее умножу, Образ,
И от ужасов тебя избавлю,
В каждый миг возьму тебя с собою,
К жизни и живому приобщая:
Левая рука вберет былое,
Правая — грядущее обнимет.
Дам тебе я имя, безымянный,
Душу дам тебе, бездушный Образ.

Сердце рвется прочь скорей и выше,—
Солнце, буря и заслон угрозам.
Пусть со стоном, но природа будет
Мне служить, в шесть чувств моих вникая:
Во сто крат душа моя окрепнет,
Молний свет в глазах моих пробьется,
Пар с огнем сойдут с моим дыханьем,
Мысль моя разымет новый атом,
Сократит и разомкнет пространства,
Зеркало времен начистит внове;
Я тебя преодолел, Всесильный.

КОЛЫБЕЛЬ

Из века в век
В порыве вверх
Краса земли берет разбег:
Листвы шатер и неба свод —
Там колыбель качает всех
Из века в век.

И дух твой в ней берет разбег
То вниз, то вверх, то вниз, то вверх:
Меж небом и землей полет
Поверх вседневности помех
Из века в век.

КОНЕЦ И НАЧАЛО

Как мало пространства
Наш глаз объемлет!
Им зримое небо
Нас тяготит.

За кругозором
Земного мира,
Подвешены в выси,
Звезды горят.

С гулом стремительным
Нас всех уносит
Предвечное время
В светлую даль.

Но даль сияет,
Не приближаясь,
И ночь неотступно
Идет по пятам.

*

Катятся, хмурясь, текут неустанно,
Кипят, вздымаясь, пары и туманы.

*

Здесь тьма пучины —
Там бездна света,
Конца ей не видят
Наши глаза.

И небо подъемлет,
И даль раздвигает
Средь звезд и созвездий
Мыслью наш дух.

Мечтаний сладость,
Порывов буйство
Пылающим светом
Нам душу жгут.

И мысль взлетает
К ограде звездной
И бесконечность
Видит вокруг.

*

В далях небесных текут неустанно,
Кипят, вздымаясь, пары и туманы.

*

Наш дух проникает
В строенье вселенной,
Где множество жизней,
Рождений, смертей.

Где хаос смешений
Становится формой,
Материя — духом,
Борением — жизнь.

Но мысль не охватит:
Ни в части, ни в целом,
Безмерной вечности
Нет конца.

*

Частицы вселенной текут неустанно,
Кипят, вздымаясь, пары и туманы.

*

За гранью мира
Пространства чуем,
Страшит нас зиянье
Их пустоты.

Она недоступна
Зренью и слуху,
Она непостижна,
Но все ж растет.

Растет там чудо,
Кричит тревога:
Начать путь снова,
Дойдя до конца!

Эфир увлажнен,
И крылья никнут,
И невесомость
Гнетет свинцом.

Темным покровом
Веки ложатся,
Как ослепленный,
Гаснет глаз.

*

Среди пустоты мировой неустанно
Кипят, вздуваясь, пары и туманы.

*

Наш дух вернется,
Вобрав в себя вечность,
В русло обратно
Река войдет.

И мозг от боли
Глухо замкнется,
Мыслей приливы
Схлынут назад.

Душа, как рыба,
Воздух глотает,
Отчаянье разум
Гасит тьмой.

*

Среди полноты мировой неустанно
Кипят, вздымаясь, пары и туманы.

*

И вновь пространство
Кругом замкнется,
И зримое небо
Нас тяготит.

И взор наш видит
Светлый полдень,
И мечет искры,
Как сабля, дух.

Но в зрячем взгляде
Нет отражений,
Наш дух мерцает,
Но тайна спит.

При свете ярком
Она не видит,
Лежит в ладони,
Не в силах взять.

*

В туманностях млечных текут неустанно,
Кипят, вздымаясь, пары и туманы.

*

Дух, не взывай же:
«А где конец?»
Дай силам отдых,
Порывам ширь!

Очисти зренье,
Очисти слух свой,
Чтоб бесконечность
Вобрать в себя.

Взяв в клетки мозга
Все силы жизни,
Мыслью и волей
Твори себя.

Чтоб стал началом
Конец, чтоб тайна
Проснулась, видя,
Как тает ночь.

*

В вечных началах текут неустанно,
Кипят, вздымаясь, пары и туманы.

AVE SOL![1]

ПОЭМА

...Это отблеск поступи народа,
это отблеск солнечного шествия...

ВСТУПЛЕНИЕ

Ранний восход, поздний закат,
Между ними — праздник жизни.

I

То песня древняя. Как мне назвать ее?
Могу ли воплотить в незначном слове
Вселенной необъятной бытие,
Ее звучание в самой основе?

Те звуки гаснут и несут восход,
Исходят в громе и в полях плутают,
Травинкой пробивают стылый лед,

Глубины превращений осеняют,
Где солнце жизнь миров возобновляет.

II

Гласящей силы вечное сиянье,
Стремясь сквозь хаос неисчезновенный,
Творит в противоречье мирозданье,
В единство возведя немир вселенной.

[1] Здравствуй, солнце! *(лат.)*

Зови ее борьбой, движеньем, жизнью, ростом,
Стремниной непокорной, огненной геенной,—
Скажи: весна, восторг, свободы поступь;

Я слова не нашел, видению внимаю:
То солнце — взгляд ладонью прикрываю.

III

Излуки сердца сотрясает сила:
Неисследима боль — ее свеченье
Неисследимо — радости светило;
Ты чувствуешь в ней тлен и возрожденье

Накал противосил в душе живет! —
Все вдруг исчезло: небеса в паренье.
На мужественный бой душа встает;

И даже в смерти есть просветы счастья:
Безмерно солнца доброе причастье.

РАННИЙ ВОСХОД

Non est vivere, sed valere, vita! [1]

I

Хижина к земле приникла,
В ней тяжелый дух прижался:
Копоть почернила стены,
Потолок подмял живое,
Дым и чад клубами ходят,
Да глядит подслеповато
На озябший двор оконце.

II

На полях свободны ветры;
Хижину одолевают,
Дым печной перегоняют,
Давят на нагие ветви,

[1] Не только жить, но быть сильным—вот жизнь! *(лат.)*—Учение римлян.

Листья давешние топчут,
Вихри скручивают в бурю
И раскачивают скалы,
И моря стеной подъемлют,
Облака копнят в зароды
И гребут в провалы неба.

III

На полях свободны ветры:
Небо расступилось взору,
Приближая бесконечность;

Солнце вспыхнуло над жизнью,
И в глаза костер ударил.
Сердце замерло от страха,
Отуманенная светом
Голова, хмелея, сникла.

IV

И тогда, внезапно вспыхнув,
Душу озаряет радость:
Разум пробудился к мысли,
Приголубленный лучами.
Новизну предвосхищая,
Чувства, встрепенувшись, радость
Тысячами рук встречают.
Беспорядочно, объемно
Поглощают впечатленья.

И замедленным мгновеньем,
Будто убоясь соблазна,
Робкие глаза прозрели
И следят отдохновенно
Солнце в шествии широком,
Синевою осиянном.

V

Солнце путь прошло немалый,
Свет возник необозримый.
Мрак отторгнут. И приветно
Счастье проглянуло миру.

Бор повеселел угрюмый,
Ветви приподнял смущенно,
Тихо улыбнулось поле,
Птицы развернули крылья,
Звери из зимовий вышли.

Полнятся восторгом дали,
От низин пары восходят.
Краткий миг преображенья!
Взор иную землю смотрит,
К солнцу обратясь всецело.

VI

Солнце путь прошло огромный
В доблестном своем походе,
Воздух обратив в доспехи:

Ветер с юга льды корчует,
Грохоты вокруг и хрусты,
Исподволь течет томленье.
Солнечными остриями
Ветер рассекает льдины,
Снег разит, ручьи взрывает,
Спящую природу будит,
Жизнь из плена вызволяет.
В поле, что к земле припало,
От неведенья спасаясь,
Звуки вознеслись призывно.
Исподволь течет томленье
Пряжей нежной и шелкóвой
В ласковое лоно солнца.

VII

Солнце весело ступает
И работает проворно:
Дни длиннит, коротит ночи,—
Раздались они не в меру.
Исхудавшую лунишку
Вовсе сталкивают с неба:

«Я тебя добром просило
Ночи сторожить построже.

Ты ослушалась. И ночи
Землю в мрак и стынь повергли».

И кладет луну под молот,
И кует на наковальне.
И луна рассыплет звезды:

«Светлыми глазами внове
Мрак рассеивай, и ночью
Пусть ему не будет спуску!»

VIII

Солнце ходит беспечально,
Правит на тропе сраженья:
Мрак из-под стрехи гоняет,
За вихры леса таскает,
Стужу из яров волочит —
Та за кустик, та за грядку;
Ливнем льет, ручьями плещет,
Градом бьет, дубошит бурей,—

Пахарь озаренный смотрит:
«Пусть деревья буря ломит,
Пусть поля кромсает градом,
Пусть избороздит водою,
Пусть и смерть, но лишь мгновенье
Жизнь увидеть пробужденной,
Следом за которой — солнце!»

IX

Солнце неоглядным ходом
Гулко по земле шагает:
Стаскивает сети мрака
И на воскрешенных нивах
Золотом следы чеканит;
Над горами и борами,
Через океан вселенной,
Через небосклон великий,
Недоступный и открытый,
На земле, на благодатной,
Пишет золотые буквы,
Ход освобожденья славя;

Рушится лавиной солнце
В полночь снегопадов встречных,
Сумеречных и громадных.

X

Солнце золотой орлицей
Вниз торопится, сверкая,
Перенапрягая крылья.
Добралось крылом Востока,
Запада другим коснулось.
Пали облаков волокна.
Солнцу небеса просторны,
А просторы беспредельны.

Все, как есть, оно объемлет:
Разом освещает полюс
И в глазах твоих смеется.

Коготь восковой вонзает
В стылый лед. Крыла вздымает,
Землю захватив добычей.

XI

Ярые зеницы солнца
Удали победной полны,
Шар земной вбирают взором,
Ищут катакомбы мрака:
Меж пучин, средь бурелома,
Меж чащобы, среди камня,
Средь болот, ущелий между.

Лютость, стужа и потемки,
Крадучись, ползут поглубже,
Но, дрожа, еще подручных
Держат в прежнем подчиненье:
Змеи черные и черви
Извиваются, и жалят,
И шипят на свет лазурный.

XII

Ярые зеницы солнца
Проницают закоулки,
Сумрака провидя норы,
В костяные лбы внимают,
Помысел вскрывая темный,
Сердца пробивая латы.
Тьмы распознают деянья.
Сталкивая груз лежалый,
Ум и сердце обнажают.

Мерзостно и егозяще
Пресмыкается злодейство,
Глаз людских не устыжаясь.

XIII

Ярые зеницы солнца,
Гордости победной полны,
Взором раздвигают норы.
В потаенные чертоги
Ночь внедряется угрюмо.
Вниз летят потоки солнца
До подвалов беспросветных,
Где заточено навечно
Существо, других бездольней —
Человек, приговоренный
Даже под землей к неволе
У другого человека.

XIV

Ласковое око солнца
Сквозь дымы и через копоть,
Сквозь подвальные застенки
В темные углы проникло:

Теплые лучи волнами
Вольными сердца волнуют,
Высохшие от удушья;
Повелят подняться с солнцем,
В жизнь великую подняться,
Влагой окропляют раны,

Возвращенною надеждой
Гордость в человеке будят.
Сердце отогрелось в ласке,
Солнечной, проникновенной.
И ему явилось детство,
Милое, оно — свободно —
Вырвалось из черной ночи.

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ

Будь в сердце твоем
тысяча врат, как у Фив,—
каждые отвори радости!

Древнегреческое изречение

I

Солнца молодая сила
Празднично цветет в зените,
Пламенные дни чредуя,
Краткие вклиняя ночи.
Меж трудов нерукотворных
Отдыхает понемногу.
Подавляюща и цепка
Тьма-хозяйка отступила.
Новой жизни путь проявлен.
Старое упало наземь.
Мрак карабкается в недра
Меж расщелин угловатых,
Хищно ощеряясь в злобе:

«Пусть-ка солнышко посветит,
Все равно не вступит в землю,
Не разбудит жизнь в могиле».

II

Солнце новой властной силой
Празднично цветет в зените.
Землю осыпает смехом.
Бороздит поля лучисто.
Кони белы, златогривы,

Лемеха алмазом блещут,—
В землю семена бросает
Из лукошка огневого,
Надмогильный дерн сдирает,
Град швыряет, дождь роняет,
Воздух раскаляет ветром,
Продолжая круг работы.

III

Солнца благостная сила
Землю населяет смехом,
Светлые сплетает струи,
Радостно играет ими.
Ластится, резвится солнце:
Добрыми лучами нежит
Отверделые деревья,
Жесткую кору голубит,
Сок от корня нагнетает.
Сок живительный вскипает,
Поднимается к вершине,
Разливается по жилам,
До запястий, до смятенных,
Изнутри пригожих стеблей
Свежие бутоны манит.

IV

Солнца ласковая сила
Травку из могилы кличет.
В солнечном свеченье ровном
Росная пыльца витает.
На пленительном дурмане
Воздух по весне настоен.
Светлолицые соцветья
Губы-лепестки открыли,
Словно таинство признанья
Обнаруживают робко
И природе преподносят
Неявленное доныне,
И в природе ожидают
Отзвук, отголосок, отклик;
На детей любви прекрасной
Смотрят ласковые очи
Нежного большого солнца.

V

Солнце день-деньской сияет,
В малахитовую сакшу
Нить янтарную вплетает:
Убаюканную землю
Пробуждает неторопко.
Кружится в дневном наряде —
Голубом, зеленом, красном,
Истово танцует солнце;
Головой тряхнет легонько —
Волосы к земле струятся
Золотистыми ручьями,
Мягкие прикосновенья
Тело и теплят, и греют;
В сладостной дрожа истоме,
Возжила земля, разверзла
Тысячи очей озерных,
Пробуждаясь к полдням счастья.

VI

Солнце день-деньской сияет,
И земля навстречу дышит;
Страстное любви дыханье
Поле источает в полдень,
Ввечеру и лес распахнут.
Мрак в расщелинах гнусавит:

«Попляши да побахвались,
Только пляшешь над могилой,
Там в гробу тебе и свадьба,
В прахе — брачные утехи».

А цветы, как есть, смеются,
«Прах и смерть тебе оставим,
Мы любовью начинались,
Свадьбу солнца мы венчали,
Мы идем владеть вселенной».

VII

Солнце светозарно светит.
Тьма позеленела злобно:

«Прыгай по вершкам, светило,
Чуть поглубже и — споткнешься,
Север взять — от полсажени
Лед такой, что не своротишь,
В море — от полсотни сажен,
Да на все пятнадцать тысяч —
Мрака вековое царство.
Ничего, пасутся рыбки,
Им и без тебя не темно,
Чуть повыше — околеют,
Только поминай как звали».

Но, как есть, ликуют рыбы,
Словно солнечные блики:

«Ночь да смерть тебе оставим.
Нашей жизнью солнце правит.
Вольны мы в просторах моря».

VIII

Мир неотразимо ярок.
Солнце день-деньской сияет,
И земля навстречу дышит;
Бескорыстное сиянье
Дали величают гимном:

Солнце богатырской силой
Наголову мрак разбило —
Воздух воспален каленый,
Море до краев кренится,
Море захлебнулось хлестом,
Пенистый каскад вздымая.
Землю позолотит солнце,
Горы синевой прикрыты,
Звезд алмазы меж горами,
Тень долин воспламененна:
Так впивают дети солнца
Благостные дни свободы.

IX

Солнце неустанно светит,
Ты стоишь под самым солнцем,
И глаза восторга полны:

Трепетная ласка света
Нежит волосы и губы.
Тронула лицо и шею.
Ты распахиваешь ворот —
Грудь перехватило солнце,
В сердце безмятежно льется,
Где под спудом тьма дремала;
Все внутри затрепетало;
Льется — и тупые муки,
Как придавленные змеи,
По рукам твоим сползают;
Льется — и душа воспряла,
Словно полудневный воздух,
Что принадлежит высотам.

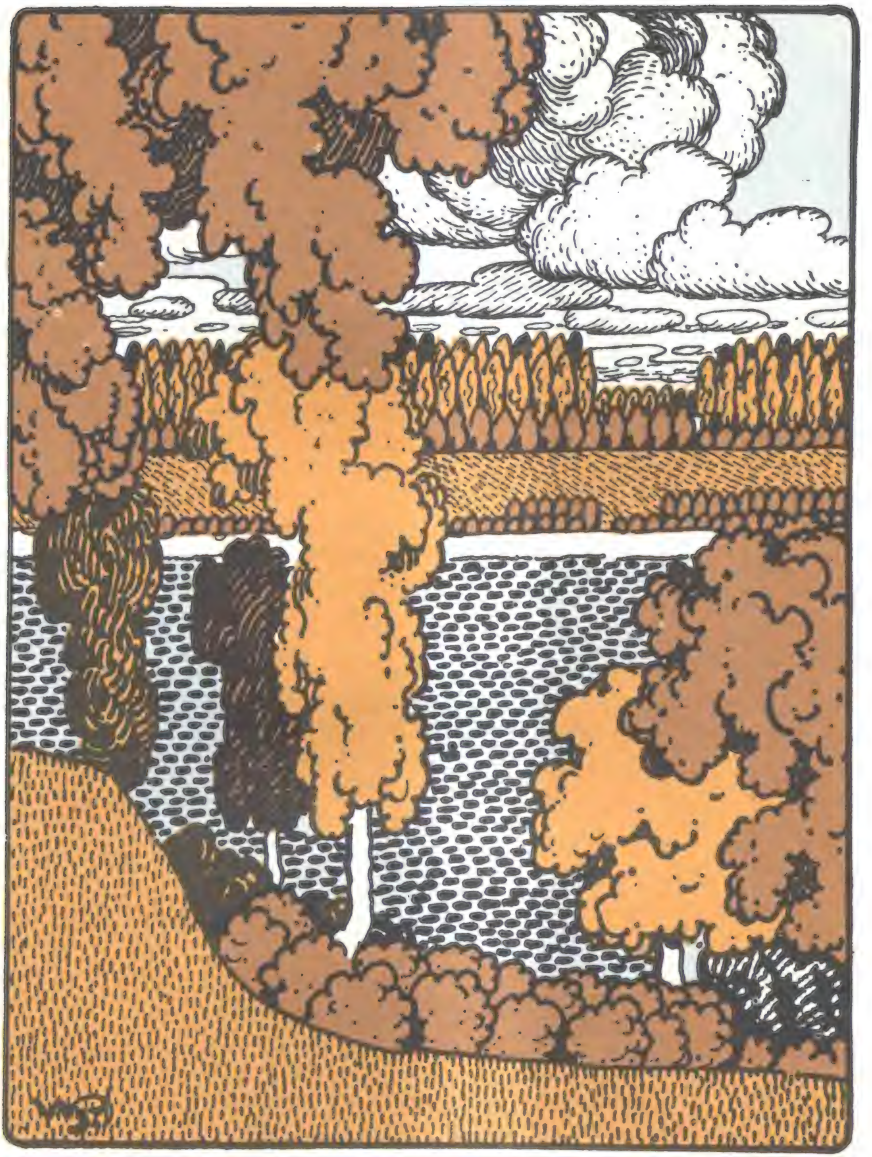
X

Солнцем до корней просвечен
Видишься себе прозрачным
И едва ли невесомым:

Любопытными глазами
Собственной душе внимаешь,
Познаешь стихию сердца,
Будто янтаря природу.

И дивишься: дух не ропщет,
Нет ни темноты, ни тягот,
Ум бесстрастен, сердце мирно —
Их порабощали будни.

Существо твое блаженно
Выплыло навстречу солнцу
Облаком необратимым —
Что в рубашке белоснежной
Да с небесной оторочкой.



"Addio bella." Худ. В. Пурвит.

XI

Солнце неустанно светит.
Древняя любовь родится
Новью в пробужденном сердце.
Сердце самоотреченно
Братьев провожает к солнцу;
Величавое сиянье
В нем, как в зеркале вселенском.

Мрак засуетился снова:
«В сердце заржавела злоба,
Корни трав в земле, да в черной,
Корни сердца в черном чванстве;
Жалкие потуги солнца,
Сердце все равно застынет».

А сердца, как есть, смеются:
«Нас не придавила темень,
Не разбили кровь и слезы,
Потому нам быть под солнцем».

XII

Солнце беспристрастно греет,
Радость воздает сторицей —
Души и легки, и чисты,
Мысли велики и ясны.
Через время и пространство
Мир иной они взыскуют,
К равенству зовут и братству.

Мрак в сомненье усмехнулся:
«Кабы волк да стал ягненком,
Кабы стал слугой хозяин,
Но крепка еще старинка».

Смех сдавил насмешку мрака:
«Солнце нас рождает, учит.
Каждый, по себе, озлоблен,
Воля всех к добру стремится
И народ уносит к солнцу».

XIII

Солнце неустанно светит.
Ринулись ему навстречу
Люди из глубин полночных.
Шаткие, травинкой первой
Выбились из тьмы подвалов,
Через дым и через копоть,
Пыль и прорву испарений,
С фабрик, что в себя впитали
Кровь и пот безвестных судеб,
От безмолвья ледяного,
Жуткого стенанья тюрем,
От страданий неизбывных...
Человек, приговоренный
Даже под землей к неволе
У другого человека,
Ринулся навстречу солнцу.
И в глазах людей рабочих
Солнечно горит свобода!

XIV

Солнце исполинской силой
Освещает путь восставшим!
Угнетенный стал свободным.
Выпрямился люд рабочий,
Торжествуя возрожденье.
Шествуют единой ратью
Нации, народы, расы;
Человечество воспряло
В солнечном всесветном счастье.

Песнею непобедимых
Зори на ветру пылают,
Рдеют на ветру знамена.
И сквозь маки стягов алых
Смотрят молодые боги —
Солнцеликий люд рабочий
В праведные очи солнца.

ПОЗДНИЙ ЗАКАТ

Durate et vosmet rebus servate secundis! [1]
Verg.

I

Безраздельно светит солнце,
Золотистый смех ссыпает
В полдень, в середину лета.

Небеса в едином блеске,
И земля — единый отблеск;
Всякая былинка в поле
Солнцем напоилась вдоволь,
Придорожная песчинка
Всякая — звездой сверкает.

На меже, едва присядешь,
Чувствуешь тепла разливы —
Слитны и земля, и солнце.
Озеро в теплыни тонет,
В сны горячие впадая,
Поздние мятутся ночи.

II

Душная жара вседенна.
Матерински хлопотливо,
Озабоченной орлицей
Солнце на земле гнездится.
Знойна колыбель земная.
Малые птенцы несмело
Жаркие долбят скорлупы
И ликуют, в жизнь взлетая.

Сосны — на песчаных дюнах,
Тучная пшеница — в поле,
Вешние луга — в пустыне,
Рыбы — в реках, в чащах — звери,
В небе — перекличка птичья;
Мир вокруг — живое семя,

[1] Крепитесь и сохраните себя для лучших времен! *(лат.)* *Вергилий.*

Каждая искринка солнца
Людям западает в души —
Мир огромный отражает.

Светит вседержитель жизни.

III

Солнце — вседержитель жизни,
Две зеленые ладони
Открывает и разносит
Все дары земные — людям.
Ветерок в плаще шелковом
Поникает над полями:

На полях — пора цветенья,
Дымка растеклась ржаная.
И пыльцу перебирая,
Ветерок сулит потомство.
Запах ладанный колосьев
Людям обещает счастье,
Аромат медвяный хлеба
Обещает изобилье:
Досыта еды достанет,
Бедных и сирот не будет.

За корнями ночь таится,
Травы заморозком травит:
«Глянь-ка, сотворитель жизни!»

IV

Беззаветной добротою
Солнце-свет семью питает.
В счастье всех — величье солнца!

— Кто идет восславить солнце? —
Это малые сироты,
Босые, спешат навстречу:

«Солнышко, тебе — спасибо:
Согреваешь нас, безродных,
Путь-дорогу освещаешь,
Семя солнечное сеешь.

Наши горькие слезинки
Обращаешь в жемчуг чистый
И серебряные ткани,
И одежды золотые
Нам даришь. Земной надеждой
Оделяешь нас по-братски».

За корнями ночь таится,
Травы заморозком травит,
Рознь среди людей рождает.

V

Раскаленно пламенеет
Солнце за плечами ночи;
Утра трепетная зорька
С позднею зарей сомкнулась.
Тьма кряхтит в тисках у солнца.

И шипит: «Уже затмило
Собственной победой землю?
Обрело колодец жизни?
Власть огня установило?
Но кончается господство —
Дни исчерпывают время.
Землю обновить желало,
Старое ломать дерзало!
Ради небывалых всходов!
Тьме внушило биться насмерть!

Но тебе узнать кончину:
Высохнет колодец жизни
На земле. И кровь свернется,
Сгинет все — и ты погибнешь!»

Солнечно душа смеется.

VI

Властно накалилось гневом,
Вспыхнуло сухим кипеньем
Белое, стальное солнце
В самый полдень — и без тени.
Солнце на дуге небесной,

Рукава подняв багряны,
Диск расплавленный катает,
Золотой кует кувалдой.
Звездами струит усталость.
Огненно гудят осколки,
Где падут — дымы клубятся,
Мелкие озера меркнут,
Тряские болота гнутся,
Трескаются скал уступы,
Старая трава сгорает —
Все, в чем жизнь уже иссякла.

Пышет красное горнило —
Плавит старь, новь отливает.

VII

Лавой распалилось солнце.
Тьма затеяла отмщенье:
Зной — и тот — взяла в подмогу;
Нанимает злую силу,
Предрекая гибель солнцу:

Из болот ползут гадюки,
Из прудов скользят пиявки —
Смрадное, из толщи мрака;
Ржа подтачивает колос,
Голод, тяжбы, и страданья,
И чума с чахоткой жадной,
Слезный град, и дождь кровавый
Расцепляют плоть природы,
Дух неотразимый душат.
Вожделенья и проказа
Лапы из потемок тянут:

Дух народа, плоть народа
Убивать идут наймиты.

И душа приемлет вызов.

VIII

Лавой распалилось солнце,
Руки простирает миру:
В правой — огненная сабля,

В левой — звонкая пшеница:
Тьму на подступах сражает,
Урожай снимает страдный.

Завершился круг работы.
Дням пора идти на убыль.
Тьма подобралась поближе:

«Было солнышко, да вышло,
Коршуны полями шарят,
Вороны полями рыщут,
Упыри мои колдуют
И детей земли лелеют.
Зелена земля при солнце,
Солнца нет — земля бессильна.
И была моей и будет!
Выветрился дух дурманный,
Наступает жатва смерти».

IX

Лавой распалилось солнце,
Обнимает долго-долго
Дочь единственную — Землю
В голубой фате холодной,
Обреченную сиротству.
Солнечные дни спадают:

«О, не плачь, Земля-голубка,
Улетит цветок желанный,
Отпылав, истлеют чувства,
Отгремев, борьба затихнет;
В том — исход трудов великих.
Но цветок плоды приносит,
Чувствам суждена возвратность,
Временам дана безмерность.
Наступает жатва жизни!
Урожай земли и солнца
Двух истоков единенье —
Возрождает жизнь вселенной».

Тьма шипит: «Хитришь, владыка,
Ты чужому солнцу служишь».

X

Лавой распалилось солнце:
«Ну, не плачь, Земля-голубка,
Над собой тебя подъемлю,
Матери всех солнц представлю,
И дитя она укроет.
Время по спирали кружит,
Каждый круг высоты близит.
Тьма тебя в оковах держит,
Столкновенье их отринет —
И тогда огонь взметнется,
Пар заполонит пространства,
Дым окутает планеты,
Новые миры родятся,
Новые круговороты —
И планетами осядут.
На лучах светил рожденных
Мир продолжит восхожденье».

Но земле неясны речи,
Знает, что не жить без солнца,
Молит: «Матушка, останься!»

XI

Солнце собралось в дорогу:
«О душа, искринка солнца,
Успокой родную землю».

— Не горюй, земля родная,
Солнцу нет зимы и смерти.
Вечно противостоянье,
Явственней зимой и ночью.

Ты, жарою истомленна,
В полночь охлаждаешь плечи.
Человек ко сну отходит,—
Кажется, стекает солнце.
Свет луны завесил землю —
Будто остывает солнце.
Ты — горошинка вселенной,
А луна — песчинка вовсе.
Кто из нас огромней солнца!

Тьма и снег, дожди и зимы
На земле; но ясно солнце:
В середину зим угрюмых
Веснами оно вступает.

XII

Солнце пламенное блекнет.
Холода земля боится:
«Солнцу жить, а я погибну,
По ветру красу развею».

Говорит душа: «Не бойся,
Вырастает жизнь из смерти,
Красоту отдашь потомству;
Погребенным не воскреснуть,
Но трудом в живых остаться!

Солнце озаряет новью
Звезды и миры чужие.
Землю, и людей, и травы
До себя несет и дальше;
И распахивает небо
В первородность мирозданья;
И неравенства равняет
В непрестанном поединке;
Проливает свет бессменный
Поколениям грядущим.
Будем велики, как солнце!»

XIII

Солнце близится к закату,
Легким шелком над землею
Стелет мглистые покровы;
Ветры по-над легкой мглою
Разворачивают тучи.

Воет, сатанеет осень —
За спиной платок буранный;
Леденящими глазами
Сумерки зима пронзает:
Времечко ли поживиться?

Черный ворон клювом водит,
Чью-то обреченность чует.
Медленно густеет сырость,
Позолоту гор снимая.
Белые орлята солнца
Падают среди пустыни.

Бледные скорбят дубравы,
Плачутся мятлицы горько,
Раненое глохнет море.
Жутко брезжит свет последний.

XIV

Солнце собралось в дорогу.
Долгий небосклон краснеет;

Солнце свой наряд надело.
И багровые одежды
Ниспадают к горизонту.
Белую набросив сакшу,
Черную срывает в море.

На серебряную гору
В золоченой колеснице
Едет солнце выпить зелье.
Как в одной ладони — белый,
Как в другой — зеленый кубок,
В правой — ледяная пена,
В левой — травяной напиток —
Смерть испить и возродиться.

Покачнулась колесница,
Жаркие легли одежды
Белой бахромой на море;
Перекатывает солнце
Яблочко, да золотое.
Меркнет небосклон спаленный.

XV

Меркнет небосклон спаленный,
Желтые чадят изломы,
Дымно небеса клубятся.

Вечереет. Тьма свалилась
Черным пламенем на землю
Север разразился гневом:
Дождь замешивает с грязью.
Сполохи скрестились в тучах.

В небе исполины бьются,
Мечут пристальные копья,
Норовят стопой тяжелой
Раздавить посевы солнца,
Завалить колодец жизни:
«Задушить, втоптать и — кончить».

Поле, жаждущее крови,
Прибирает жатву смерти.
И ползет зима босая.
И земля дрожит, и души.

У заката солнце медлит.

XVI

У заката солнце медлит,
Неизбежностью томится:
Поглядеть бы снова землю,
Ласку для души оставить —

Отстранило исполинов:
Притихает грохот гневный.
Сквозь зияющие щели
Свет опаловый спустился,
Свежесть засветила воздух.

Но растоптанна, размыта,
Нежива земля открылась,
Коконом душа свернулась.

Горестно взирает солнце,
Пояс подает жемчужный
Радугою семизорной —
Символ верований вечных:

«Вам ниспослано бессмертье,
Вам по радуге нетленной
Мрак взорвать и к солнцу выйти!»

XVII

В бело-серебристом свете
Солнце свой черед справляет
По извечным сменам года,
По летам недолговечным;

За собой детей уводит —
Землю, и луну, и звезды —
Сквозь разлом, громов яренье,
В бездну, в первые стожары,
К матери своей — Сверхсолнцу,
О котором грезят души.

Молнии минуют бездну,
Испокон веков нисходят,
Но земли не достигают:

Там заходит исчисленье,
Время и пространство слитны,
Млечный Путь созвездья движет,
Мглистый выстилая полог.
И туда стремится солнце,
И душа алкает света:

«Новое — явись нам, Солнце!»

ПЯТЬ ЭСКИЗНЫХ ТЕТРАДЕЙ ДАГДЫ

РОМАН В СТИХОТВОРЕНИЯХ

ПРОЛОГ В ПРОЗЕ

Я собрал здесь и издаю все попавшие мне в руки тетради и письма Дагды, которые я уже ранее выпускал в свет отдельными книгами. Сейчас к ним прибавилась пятая тетрадь. Издание задерживалось потому, что так мною были поняты указания автора, сделанные им в последнем письме, которое было прислано вместе с рукописью «Дочь луны».

Автор не дал никаких распоряжений относительно названия — книгу поэтому называю просто «Пятью эскизными тетрадями Дагды». А «Романом в стихотворениях» называю ее потому, что сам автор говорил о ней в последнем письме как о романе, написанном о его собственной жизни.

В этих стихотворениях отражен весь жизненный путь Дагды, сосланного за участие в борьбе за свободу родины. Дагда ощущает душевную пустоту, он одинок. Его окружают и привлекают прекрасная природа и красивые, приветливые люди Италии. Любовь к Оливии заполняет душевную пустоту, окрашивает одиночество, приобщает к общественной жизни Европы. История Дагды делится на несколько периодов: Оливия умирает, его связи с жизнью распадаются, отчаяние и осуждение всей своей жизни выливаются в стихотворения «Вещания змеи»; выход он видит в возвращении «Домой». Но одновременно в нем пробуждаются воспоминания о первой ссылке на север, в душе поднимаются сомнения, которые гложут его — есть ли вообще у него где-нибудь дом? И все-таки Дагда возвращается; его ожидает радушный прием дома в «Серебристом свете»; он переживает счастливый год восторгов и встреч, но постепенно начинает чувствовать и понимать, что на его родине

все изменилось не так, как он ожидал, что он сам стал европейцем и чужим среди своих соотечественников. Он хочет уйти, но его задерживает «Дочь луны», в облике которой он встретил воплощение своих юношеских мечтаний; он надеется снова срастись с родиной, но разочаровывается; тень Оливии зовет его обратно в Европу, к людям; он покидает дом с ясным сознанием, что идет на смерть, чтобы возродиться в совершенно иной сущности...

Вводное стихотворение «Три круга» при первом издании затерялось и впервые дается теперь.

Эти вводные строки хочу закончить пожеланием, чтобы осуществились надежды, высказанные в словах Дагды:

Жизнь — мечта, она исчезнет.
Промелькнут все сновиденья.
Об одном судьбу прошу я —
Дать без боли пробужденье.

ADDIO BELLA! [1]

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

* * *

Темно, тревожно —
Я изнемог.
На сердце тошно —
Так одинок!
В любую нору
В такую пору
Залезть бы мог!

От вас не скрою —
И слову рад!
О, что вам стоит
Мне бросить взгляд!

Один, ограблен,
С тоской в груди
Людьми оставлен
Стою один.

* * *

Воды полуживой едва заметны блики,
Искажены у озера черты,
Ланиты впалые, холодный чад над ликом —
Что ищешь ты?

[1] Прощай, прекрасная! *(итал.)*

FIOR DI MAGGIO [1]

Она танцует плавный вальс, и сам
Гарибальдиец старый, capitano
Мурлычет: «Fior di maggio. Надо б нам
С ней станцевать!» Но все горланят: «Piano! [2]
В таком огне ковать ли старый хлам!»
А он ворчит: «Она ль для paesano» [3].
Кружится fior di maggio веселясь,
И нежность роз по коже разлилась.

У fior di maggio косы хороши,
Черны как смоль. Но сини глуби взора —
В них и тоска, и знойный жар души.
«Не то что север, где глаза-озера
Холодные глядят сквозь камыши!
Там солнца луч согреет их не скоро...»
Танцует плавно южной неги дочь
И дерзких парней отгоняет прочь.

О ЧЕМ ПОЮТ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПАРНИ

Анджолина

Благословенна та жена,
Кем ты прекрасной рождена!
На небе праздник ликовал,
И ангельский гремел хорал:
«Встречайте, ангелы, осанной
Дитя с красою несказанной —
Царицу, радость мира!»

Пина

Идешь ты мимо,—
И солнышко задерживает ход:
Красавица пусть первою пройдет!

---

[1] Майский цветок *(итал.)*.
[2] Тихо! *(итал.)*
[3] Крестьянин *(итал.)*.

Смеральда

Святой воды коснулась ты слегка —
И розой
Благоухает нежная рука.

Терезина

В раю небесном красота!
Но, не найдя тебя, уйду из рая:
Я без тебя повсюду сирота.

Ирида

Я в первый раз тебя увидел,
Когда легко спускалась ты с горы,—
Тебя всечасно жажду с той поры!

* * *

Эти сторнели настоящие народные песни!

* * *

«Ты видишь, padre [1], вновь туманом даль объята...
Что даст нам день?» — на грустный мой вопрос
Старик, трудясь у виноградных лоз,
«Да, сын,— мне говорит.— Il sole è ammolato!» [2]

«Больно и солнце?» — Что ж, но нам сознаться надо:
Здоров один старик — он не берет всерьез
Ни нашей суеты, ни горестей, ни слез.
«Тревоги позади оставил я когда-то!»

«Тревоги? У тебя?» — «Да я ведь был солдатом,
Я вместе с Гарибальди воевал!» —
«И много ль денег брал?» — «Какая, сын мой, плата?!

Свободы ради кровь я проливал!
Италия моя — свободна! Вот награда!
И я здоров, и крепок духом стал!»

[1] Отче *(итал.)*.
[2] Солнце больно! *(итал.)*

* * *

Когда проходит мимо красавица,
Гляжу безмолвно. Не для меня цветут
Улыбка уст, очей сиянье,—
Но, созерцая, душа свежеет.

* * *

A rivederci! [1] — губы дрожью сводит,
Но зная, что разлука навсегда,
Она покорно, медленно уходит.

Куда теперь? Чего ей больше ждать?
Душе растерянной пути опять неясны —
Быть может, и взойдет счастливая звезда?

Быть может — нового ей ожидать напрасно?
— А ты-то что? — Твоя ли в том беда?
Нелепо мучиться судьбой ее несчастной!

Дитя Ирида, ты куда теперь, куда?

* * *

По ночам тоскуют звезды,
Слезы льют о милом солнце.
Загорится в небе солнце,—
Застыдятся, разбегутся,

Застыдятся, разбегутся.
А поутру видит солнце:
Все поля и луговины
В звездных искрятся слезах.

* * *

Как утро начинать с тяжелым сердцем нам,
Когда вся зелень светится, сверкая,
Когда цветы льнут к девичьим рукам!

[1] До свидания! *(итал.)*

За окнами — стрижей веселых стаи,
Акаций белых заросли густые,
Воюют мошки, в солнце утопая...

С ограды — хмеля плети завитые,
Темнеют таксусы, глицинии ползут,
И благостны все запахи земные...

Тебе-то, сердце, как живется тут?
Ах, Olivia!

* * *

Развалины опутал плющ густой,
Своим ковром провалы скрыв пустые,
Так скрыла прошлое своею красотой,
О, Olivia!

* * *

Ах, жизни груз не смог тащить бы я,
Когда бы красотой извечной не владел —
Внизу в цветке, а наверху в звезде,
И в женщине, вершине бытия,
Olivia!

* * *

Пустынь сомнений мне никак не покорить.
Ты говоришь про сад в сверкающем расцвете —
А как ты полетишь? — Там блеклый месяц, ветер...
О, слишком крылья у тебя пестры —
Их лунный свет не может обесцветить.

И слишком любишь ты,— а север — неприветлив,

Ах, Olivia!

LA RABBIA[1]

Ты всех ненавидеть готова,
И ты у людей не в чести́;
Ступай в одиночестве снова,
И муки мои прекрати!

[1] Гнев *(итал.)*.

Ступай в свое пекло обратно,
Кто вызвал тебя из огня
Пугать нас тоской непонятной
И душу тянуть из меня?

Opuntia, nè Olivia [1].

* * *

Ночью гром проходит прямо мимо дома —
Он клокочет в гневе, всё черней, синей,
Высекает искры, ударяясь в скалы —
Ух, как злобен он!

Что ж, греми погромче! Нам то что до грома?
Что, дитя, боишься? Ты прильни ко мне!
Греют мои руки жарче одеяла,
Посмеемся тихо, погружаясь в сон!

НА ЗАБЫТЫЙ МОТИВ

Когда любимых ты схоронил давно,
Живешь один и в сердце твоем темно,
Тогда, как солнце, в дали зыбкой
Милое детство встает с улыбкой.

И сладким чувством снова томишься ты,
И вновь ты — мальчик, пчелы жужжат...
Сверкают капли, с трав спадая, цветы...
В блестках головка твоя златая.

ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬ НА ПЕПЛЕ

Не надо мне твердить о черных
Кудрях — об угольных, задорных
И южных огненных глазах!

Ах, мне бы глубь очей озерных,
Свет солнца в локонах покорных
И пыль, что позолотит прах!

---

[1] Опунция, не Оливия *(лат.)*.

* * *

Большой была любовь большая — над нею гордость верх берет.
Луна, под солнцем умещаясь, затменье солнца создает.

MONTE GENEROSO[1]

Вкруг голубого неба белый пояс
Из тихих, ветром сбитых облаков.
Их гавань ждет, там, за горами, кроясь...
А где моя?

Ползет от юга тяжкая истома,
Клокочет и клубится тучный пар.
Без устали ревут раскаты грома...
Куда пойдем?

Последняя песчиночка морская
Когда-нибудь выносится на свет,
О радости своей кричит, сверкая,—
А я?

* * *

Вчера казалось мне обидно,
Что боль ты причинила мне,
Но за себя сегодня стыдно:
Тебе ведь, может быть, больней!

Должно быть, боль твоя сильнее —
Ты непривычнее меня.
Мне жаль тебя — тебе больнее,—
Что мне? — Мне горести родня.

* * *

Платана могучие корни
Удобный мой стул.
Листвою, на солнце узорной,
Мне веер платан развернул.

[1] Гора Дженерозо *(итал.)*.

Сижу над озерной водою:
В ней зелень и синь серебра.
Под солнцем плывут чередою
То села, то бор, то гора...

Прорвавшись из дымки тумана,
Меня чья-то рученька манит...

* * *

Одно только солнце восходит —
Одно для земли и небес.
Кто в это проник —
Тот находит,
Что счастье однажды приходит
И больше не просит чудес.

Olivia!

* * *

Мне бы в трудную минуту сесть в сторонку одиноко,
В одиночестве подумать, отчего я одинок;
Вижу — ты цветок бросаешь, и ко мне летит цветок твой—
Я смотрю, а это — сердце, а не сорванный цветок!

*

У Оливии читаю надпись в доме на воротах:
«Domus mea domus pacis et verae libertatis!»
«Дом мой — дом любви и мира и доподлинной свободы!»
Это имя Cattanea только может отвечать ей!

*

За долинами далеко царство глаз твоих, царица!
Пред тобою распростерты расточительной рукой
Рощи все, луга и нивы, чтоб воздать тебе сторицей —
Оливия, ты возьми их,
Сядь за стол накрытый свой!

* * *

Ты держишь в маленькой руке
Слетевший с древа жизни птицей
Листок, и жизни смысл в листке...

*

Вот едет в небе колесница,
В песчаных медлит облаках,
И поцелуй наш — длится, длится...

*

Вот Оливия шепчет мне:
В века
Пошлем от нас двоих с тобою
Посланца — вдаль, издалека...
Любви продление живое.

* * *

Как луг зовет!
Как полевицы тебя одели пухом золотым!
Одежда на тебе искрится — ее украсили цветы!

*

Какие алые!..
А зелень как сверкает! Даль голубая — солнцем
залита!
Любовь нам настежь растворяет в свои владения
врата!

* * *

Всей красоты источник — женщина.
Мы без нее упали б под ярмом.
Всей доброты источник — женщина.
Мы без нее дышали б тьмой и злом.

* * *

Оливия...
Твое мне имя счастье обещало.
Я пыне с ним былое пью сначала.

*

Оливия...
Как выйду я из круга, где цвела ты?
Хоть куст отцвел,— но льются ароматы...

*

Оливия...
Ушла... Но место — будь благословенно.
Твоя душа здесь дышит неизменно.

* * *

Дым черный медленно средь гор ползет ко мне.
Он мне знаком — чутье тут не обманет:
От мыслей он моих становится мрачней...
Что ж с нами станет?

*

Река все яростней; лицо ее темно.
Припав к земле, камыш пощады просит.
И ветры — кто куда — пыль вьется из-под ног —
Так смотрит осень.

*

Гляди, гляди! Я все могу снести!
Ты Оливии тронуть бы не смела!
Чтоб вечно жить и вечно ей цвести —
Души ее душистой розе белой!

Но Оливии нет...

Ущелье есть, в котором
Есть озеро, оно глядит в глаза,
Как осенью глядят одни озера.

Скажи мне, с чем ты жизнь могла еще связать?

Помню красивое слово
О горе тишины.

ГОРА ТИШИНЫ

А вдруг ты понял,
Чей след простыл,
Навеки губы
Твои закрыл?

В тумане синем
Гора молчит —
В долину иней
В цветы летит.

В миг им задетый
Цветок умрет:
Он до рассвета
Не доцветет.

* * *

Черен взор небесный
Устремленный вниз...

*

Днем дождливым выстрел грянул за окном.
Ветки задрожали, с листьев потекло,
— Судорогой птичку сбитую свело.
— Эхо многократно повторило гром.
А потом все стихло, дождь стучал в стекло —
Что-то вдруг распалось,
Отошло...

*

Бледный и пугливый все дрожал нарцисс.

* * *

Так долго, медленно прядет свои волокна
Осенний дождь. Он месяц льет и льет,
И небо все не затворяет окна,

И створки их протяжный ветер рвет.
Погода, ты — для старости пригодна —
Ты нас баюкаешь, и дрема настает.
Как пролетели летние мгновенья—
Нас вводит в зиму ветра дуновенье.

Без отдыха, без солнца, чуть живые,
Мы проживем, и память заживет.
Ах, Olivia!..

* * *

Ряды друзей моих заметно поредели,
И что ни год — длиннее счет потерь.
То слышишь — умерли, то видишь — охладели...
Так что ж теперь?

*

Дрожа от сырости под тенью синих гор,
Я вырвусь все ж на солнечный простор!

*

К редеющим рощам, к угрюмым болотам
Прикован печальный мой взор отчего-то!
Там, где никогда не певать соловьям,—
Мой дом только там!

* * *

Мне думалось — туче ползти и ползти —
Казалось, она неподвижно застыла;
Но я не прошел половины пути,
Как все затаилось и тьма наступила.
Тягучий туман из-за кручи вставал,
Но вот, нерешительно тучу расчистив,
Поблекшая, снова сквозит синева
И тут же ржавеет, как прелые листья.
Вот солнце прощается с рябью озерной,
Коричневым золотом волны подернув.

Змеей изгибается дым по горам,
Он глухо шипит, пробираясь ползком —
То поезд развозит по отчим дворам
Сынов, что когда-то покинули дом.
Так что ж, по законам обратных дорог
Своей среди них отыскать я не смог?

Чем выше взбираюсь — темней и темней,
И только вдали, среди снежных высот,
Сверкающий день еще брезжится мне...
Там — дом мой! Туда мое сердце зовет!
Покой там — и смерть — иль еще что-то ждет?!

*

«Твой храм посетят мои сестры родные!»
«О сестры, приветствует вас Оливия!»

ВЕЩАНИЕ ЗМЕИ

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

* * *

Я к солнцу поднялся порывом единым,
Я верил, что верх справедливость возьмет,
Но только меня изломал мой полет,
В беспамятства бездну с вершины низринув,

Я силюсь очнуться... Что было со мной?
Картины былого пред смертью встают.
Как змеи под солнцем сверкнув чешуей,

Сомненья мои друг за другом ползут.
Что солнце? Что жизнь? Что оставлено тут?

* * *

Верней товарища душа моя не знает,
Чем истина,
Что нас пред смертью осеняет.

ЭТО БЫЛО ТАК ДАВНО

Все это скрылось в глубь воспоминаний,
Да было ли когда-нибудь оно?
Иль мне глядеть на образы мечтаний,
Тоскою созданные, суждено?

Здесь кипарис и южных сосен много,
Они шумят во сне передо мной,
И в облаках наметилась дорога,

Что образов выводит смутный рой,
Манящих вдаль под шелест грустных хвой.

АРОМАТ ПОЛЯНЫ

Как память сон далекий сохранила?
Умчались старые воспоминания,
Их разметала грозной бури сила,
Они исчезли в бездне мироздания.

Я вдруг цветок сорвал почти невольно
Там, дома, на поляне в миг мечтания
И аромат вдыхаю — сердцу больно.

Любовь я вспомнил, что назвать моею
Так жаждал я. И был обманут ею.

ТЫСЯЧА ПЛЕТЕЙ

Мечтал я тогда от всего оторваться,
Что узами сердце сдержать бы смогло.
Я чувствовал — круг начинает сжиматься —
Избалует нежность, уют и тепло.

Плетями привычек меня захлестнуло,
Как вьющимся хмелем всего обвило,
И все-таки сладость их в плен затянула!

Но сердце и тысячу этих плетей
Порвало ножом, чтоб уйти из сетей!

ДРУЗЬЯ РЕБЕНКА

С природою я сжился в годы детства:
С песком, с травой, и с солнцем, и с рекою,
И бабочек мне нравилось соседство,
Летали пчелы, как друзья, за мною.

Вступал я лишь с крапивой в бой жестокий,
Коней-улиток запрягал порою,
Как всадник мчался вдоль речной осоки,

И камешки все были мне дружочки,
Любил я их глухие шепоточки,
Но и тогда готов был в путь далекий.

ДЕТСКОЕ ГОРЕ

Меня томило в детстве горе это:
Любил я больше, чем меня любили,
И раны сердца в мире без привета
Жгли непрестанно и вели к могиле.

Хотел я мало и просил немного,
Застенчивость уста мои смыкала.
Но луч свободы я искал с тревогой,
Чтоб, им согрета, юность вырастала.

Как было б зернышко любви мне кстати!
Иной и не просил я благодати.

БЕГСТВО

Когда людей я встретил в первый раз,
От вида их мне даже страшно стало,
И содрогнулся я в тот горький час
И убежал. Минуло лет немало.

Шипами душу я отгородил
Презреньем к низости людской природы,
Но остриями душу изъязвил.

И в муке долгие тянулись годы,
Пока опять добился я свободы.

ЗЛАЯ ЗВЕЗДА

О, сердце мое теперь плачет всегда!
Куда мне деваться? Плач этот — со мной.
Жизнь плещет озерной тяжелой волной,
Горит над водой моя злая звезда!

Кто высушит озеро, пламени полный?
Не солнце! Лишь страсти доступно одной
Поднять в небеса, словно радугу, волны!

Взойдет ли, раз счастье огонь высекает,
Не злая звезда, а звезда голубая?

СТАРЫЙ ЛАРЬ

Когда мы открываем ларь старинный,
Там чуждый дух, что все же нам знаком,
Там пыль и затхлость в нитях паутины,
Отжившего остался запах в нем.

В таком ларе тлен жизни пережитой,
И пахнет он давно минувшим днем,
Все то, что там, должно быть позабыто.

Но много зерен можно там найти,
Что стали прахом, а могли цвести.

ГЛАЗА ЗМЕИ

Что в прахе искри́тся? Иль жар он таит?
Кто движется? Голову поднял тайком?
А!.. Это две искры — два глаза змеи!

Шипит, нагоняя смертельную дрожь:
«Зачем же, живой, к неживым ты идешь?»

И блеск черноты, и оскал ее рта — и жало дрожит
над ее языком...

ВСЕЖЕЛАЮЩЕЕ

Не плачет сердце — ждет, чтоб миром обладать!
Ждет бóльшего, чем то, что в прошлом потеряло.
Залоги выкупить, в грядущем чистым стать,
И петь любовь сначала и сначала!

Пока не светит мне и то, что не терял.
Любил же кто тебя? Ищи его! Иль мало
Тебе того, что солнцем обладал?

О солнце, ты любовь прими, но дай и мне!
По ней и от нее — душа моя в огне!

ВОРОТА

Ворота к вечеру закрывши для иных,
Мне перед смертью жизнь их настежь растворяет:
Я вижу, как сады там пышно расцветают,
Питаясь прахом дел моих земных!

К чему так, жизнь? Чтоб обманула жалость?
Потерь своих бедняк не осознает,
И дни последние стенать ему осталось:

«Как было хорошо! Когда-то!.. Ах, давно!
Теперь то оценить мне прошлое дано!»

САДЫ

Нет, мало мне лишь созерцать ворота;
Мне грустно издали — я в них хочу войти!
Как ни упрямься, жизнь, я все же жду у входа!
Закрой за мной, но в сад меня пусти!

Твой прах еще на мне не оседает!
Твоим решеткам — не переплести
Моей души! Она — не увядает!

Иль ты поверила, что силы я лишен?
Пока лес девствен — источник силы он!

МИЛЫЕ УЛЫБКИ

Когда горю тоскою, ожидая,
Что к вам смогу войти и словом вам помочь,—
Меня от вас отбрасывает прочь
Улыбки милой вежливость пустая...

Тогда хочу я втиснуться во тьму,
Где воды первозданные кипят,
Отдать себя и все взять самому —

Нет слов: для вас в любом змеиный яд.
Лишь капельки воды вас ядом не поят!

ВНЕШНИЙ МИР

Мир внешний надо мной не властен совершенно,
Ни радостью меня, ни страхом не сковать.
Мой Дух исполнен силою нетленной.

— Могу ли я идти свободною стезей?
«...Но даже ветры связаны с землей!»

Крупинке не упасть из закромов Вселенной.

ОСЕНЬ

Зачем так низко ласточки летают,
Недвижны дерева, и луг поник.
Чуть трону я цветок — он опадает,
И в сердце страх таинственный проник.

Иль ждет природа первого ненастья
И близкой смерти проступает лик,
А я имею все права на счастье.

Я, как и все, дитя земли,— ступаю
По ней и к ней чело свое склоняю.

МНЕ ДАНО ПРАВО НА БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ

На счастье право есть —
Окончить жизнь во сне.
Но счастье жить в сердцах и больше, и полней!

ХОЛОД МИРА

Я холод мировой почувствовал давно,
Душа моя, в себе замкнулась ты,
Сжимаясь, как земля средь вечной мерзлоты!

«Но ведь земле озябшей все равно
Живую воду вспенивать дано!

Вот так и ты, душа, другой не дашь остыть!»

ХВАТИТ УЖЕ ОТБЫВАТЬ БАРЩИНУ

Батрачить хватит мне! Меня ты отпусти!
Работал я, страдал — и не к чему работа!
Овец без пастухов немыслимо пасти —

Сама душа болеет у народа!
«Он умирает?» — «Нет, он борется с дремотой...»

«Ступай к нему!» — «Я слаб!»
«Звони! Пора идти!»

ПРОТИВ СМЕРТИ

Враждуешь с жизнью ты? Ты ей напуган так?
Со смертью ты воюй!
Она — смертельный враг!

ЗАЩИТНИК

Грядущий век защитник верный твой,
И он воздаст за все пережитое.
Спокоен станешь ты, сражен судьбой,
И глаз не будет увлажнен слезою.

Шипами кустик защищен, а кедр
Не дрогнет, если вдруг его разбудят,
Он хочет лишь расти, могуч и щедр.

Твой скорбный путь грядущее забудет,
Нас по трудам судить потомок будет.

У ПРЕДДВЕРЬЯ ЗЕМЛИ

Сквозь дрему слушал я полночную,
Как глубоко и тихо под землею,
Вода несет струю проточную,
Где перегной под вековечной тьмою.

Быть там, навек туда уйти хочу
Чрез дверь земли... Но утро предо мною,
И покоряюсь я его лучу.

Тебя осудит утро непреложно,
В утробный мрак вернуться невозможно.

СТОЙ, БЕГЛЕЦ!

Что ж, убегай ты по любой дороге,
На всех путях ты встретишь труд,
Что крикнет: «Стой, сверкни в глаза тревоге!»

СТРАЖ ЖИЗНИ

«Нет выбора... И светлый день и черный
Ты должен одинаково встречать.
Ведь помощь у других просить позорно,
А кто ж придет, чтоб сам тебя обнять?»

«Смерть может от всего тебя избавить!» —
«Ложь! Должен ты бороться, и дерзать,
И против смерти все клинки направить.

Ужели ей, врагу, ты жизнь предашь?
Ведь ты ее пестун, ты — жизни страж!»

ПОТОК

Ты пенистым ручьем с горы слетаешь,
И ты же — куст на берегу.
Ты, жажду утоляя, расцветаешь.

ВЕЛИКИЕ КРУГИ

Те волны движут в небесах светила,
А ты летишь в них по большим кругам,
Ничтожных жизней очень много там,
Но и твоя круг этот отразила.

И жизни духа в тех волнах движенье,
Там новое порою рвется к нам
И ввысь влечет, чтоб вновь не повториться.

Но может человек круги ломать,
Приказывая новым солнцам встать,
И новый круг от старых зародится.

ДУХ-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ

Родившись, Дух Материю покинет,
Но, двигаясь стремительно вперед
Преображенный, бóльшего достигнет
И миру чудо вдруг преподнесет?

Ибо Земля с ним связи не теряет:
И мера есть ему, и принят вес в расчет;
Но Землю ведь саму Творец преображает!

Что, если цепи — в Духа бы впились,
Когда он — Дух, который рвется ввысь?
Под птицей — на земле — пшеницу собирают...

ЖИЗНЬ — ДВИЖЕНИЕ

Движенье — жизнь. А смерть? И смерть
движенье,
Хоть у него и вид иной.
Подумай лишь о верном применении.

С ТОЙ СТОРОНЫ

С той стороны дыханье урагана
Вздымало волны белоснежные,
Они неслись под пеленой тумана
На смерть, как юноши мятежные.

Велишь — и все умрут в мгновение,
Велю — и заживет любая рана,
И тот поток опять придет в движение.

Ведь песня возвращает жизнь всему,
Что умерло... И сердцу моему.

ПЕРЕМОЛ

Что я люблю людей — меня не понимают.
Нет, презираемых не следует любить.
Пусть их дробят, пусть кости им ломают,
Пока из них не вырвутся рабы!

Мука крупна — не бойся перемола!
В туман ее возможно превратить.
Щербатый нож — скорей пускай под молот!

Потомство слабое? — Бросай его в котел,
Чтоб силу в нем бессильный приобрел!

Не можете? — Приидет смертный холод.

НЕПЕРЕСТРАДАННОЕ

От мук былых ты не освободился
И сам не воссиял,
Но дух твой снова к солнцу устремился.

ГДЕ ЗМЕЯ УКУСИЛА

Змеи укус бесследно не пройдет —
Душа разрушится,— и что же завтра будет?
Я знаю — тот неправ, кто улучшенья ждет.

ОЖИДАЮЩЕЕСЯ ЧУДО

Не тот ли дух нам лжет, что в пропасть нас ввергает?
Иль не прекрасна жизнь?
Вдруг — возрожденных чудо ожидает?

СИТО ЗВЕЗД

Пересоздай себя. Возьмись за дело!
То дело — жизнь,
Чтоб небо все в созвездьях пламенело.

ЧТО ТАКОЕ ЗМЕЯ

Змея — есмь смерть: сулит мученья жало.
Змея — есть жизнь, бессмертия начало.
Змея укусом многих исцеляла.

ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ БРЕМЯ

Жизнь так мелка, лишь в смерти глубина.
Кто заставляет нас тащить такое бремя?
Нырнуть бы в бездну скрытую, без дна:
Пусть нудной скуки сократится время!

Мне надоело по свету блуждать —
Ведь всем нам смерть в итоге суждена,
Что ж биться об стену, терзаться и рыдать?!

Дорога есть одна. Хочу туда идти —
По обновленному — по прежнему пути...

СЛОВА

«Возобновляться!» Вновь словесный вздор!
Я переслушал тысячу созвучий —
Все пустота! Сухой и мелкий сор!
А дождь ведь шел из животворной тучи!

Нет, поздно! Сгорблен я. Давно уж сам не свой.
И боль в костях меня все ночи мучит,
И даже клетки нет во мне живой...

«А если б вдруг жизнь вновь ростки дала?»
Ха-ха!.. Ждет смерть — убить из-за угла...

ОПЯТЬ ОТКРЫВАЮ КРЫШКУ

Укусит? — Ну и пусть! Открою крышку снова:
Хоть жить, хоть умереть — я свеж и бодр, как встарь.
Гляжу — змея из золота литого!

Как изумруды, светятся два глаза,
Язык рубиновый, а зубы — как алмазы —
Бесценным жéмчугом покрыт змеиный ларь!

НЕ ТОЛЬКО ЖИТЬ

«Не только жить, не повторять, как тень,
Не быть кустом иль зеркалом озерным,
Но жизнь творить полнее каждый день».

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

Вновь юным стать есть у тебя охота,
Ты первой юностью не сыт?
Веди ж весь мир сквозь юности ворота.

ДОМОЙ

СНОВИДЕНИЕ ССЫЛЬНОГО МЕЖДУ ДВУМЯ ПУТЯМИ

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

ДОМОЙ! ДОМОЙ!

Домой! Домой!
Прошло немало долгих дней.
А там, за окнами вагона,
Леса и чернозем полей.
Людской поток неугомонный,
Бурля, как паводок,
Спешит, торопится...

Скорей!
Скорей!

Скорей от зимних стуж к весне,
От жалких луж к морской волне,
Домой! Конец изгнанью.
Сменилась ночь рассветной ранью.

Сменилась ночь рассветной ранью,
Но даль в тумане.
Грусть и надежды в сердце спорят.
К чему гадать нам, что поборет!
Ты песню новую пропой!
Так песня вновь тебя зовет!
Вперед!
Домой! Домой!

* * *

Облачко, тая,
В окна глядится.
Птенчик на ветке
Зябнет и злится.

Перья взъерошил,
Сжался неловко.
В колких снежинках
Стынет головка.

Что же ты, птенчик,
Зябнешь и злишься?
Солнце все выше...
Что ж не умчишься

Домой! В отчизну!

* * *

Глянь, красота какая
Окрест и пред тобою!
Ведь это — Кама!

Мутно-синих волн полоска
За кормою остается.

Бледный рой наяд лукавых
Среди волн далеких вьется.

За туманной пеленою
Все былое остается.

ГЛЯНЬ НА ВОЛГУ!

Грозно нахмурились
Скалы сердитые,
Сонно прищурились,
Тучами скрытые.

Вечер спускается
В бездны туманные.
Солнце качается
В зыбях багряных.

Лодка отчалила —
С домом прощается.
Волга печальная
В сон погружается.

КРАСОТА И ДАЛЬ, ДАЛЬ, ДАЛЬ

Синеют дали
Предо мною.
За мной — печали,
За мною ночь.

Гора, долины
Предо мною,—
За мной пучины,
Туман и ночь.

И чаек крылья
Передо мною,
За мной — в бессилье
Забылась ночь.

ВОТ ОНА, ЗОЛОТАЯ КАЗАНЬ!

Мчит корабль попутный ветер
Мимо берега крутого.
От реки плывет прохлада,
Обвевая нежно щеки.
Полудремой упоенный,
Я гляжу на берег дальний.

В дымке солнечной мелькают,
И колышутся, и дышат
Села, что полны народа.

А народ тот полон жизни,
Красоты и силы смелой!

* * *

«Уж ночь —
мне страшно — давай войдем!»

И почернели в гневе волны —
Сиянье тихое потухло,
Сорвался, воя, ветер вольный,
И бурей паруса набухли.

Тебя мы ждали, ветер смелый:
У нас в крови твое гуденье,
Не дрогнем, стоя в пене белой —
Дрожит корабль от нетерпенья!

*

«Давай войдем!»

* * *

Рассвет, рассвет!
Вокруг туман, и нам вослед

За кораблем из мглы сырой
Несется чей-то стон глухой.

Над нами чайки пронеслись:
«Вернись! Вернись!»

Утес встал на пути моем:
«Опомнись! Разве там твой дом!»

Лес шелестел и звал, стеня:
«Зачем покинул ты меня?

С тобой здесь в дружбе ручеек,
И нива, и широкий лог,

Ты свой для нас, ты здесь любим,
А там ты будешь всем чужим.

Здесь покидаешь ты друзей —
Соратников в борьбе твоей.

А там? Чья ждет тебя рука?
Там одиночество, тоска.

Там прежний мрак, и там средь туч
Твоих надежд погаснет луч».

Кружили чайки надо мной:
«Назад! Забудь свой край родной!

Не скоро там заря сверкнет,
Твой замок не всплывет из вод».

И с криком чайки вслед неслись.
«Вернись! Вернись!

Вернись! Куда ты?» —
«К свету! К солнцу!»

* * *

«На щедром солнышке погрейся
И силы солнышка напейся!»

Мы руки раскинем
Под ласковым солнцем,

И ты приходи к нам
С душою открытой.

Нагретые солнцем
Польются по жилам
Растопленной силы
Могучие соки!
Желанное солнце
Плоть нашу прогреет,
И жажды великой
Исполнится сердце —
Дарить и дарить!

* * *

Вот солнце, жизнь дарящее, зайдет,
С ним вместе я хочу идти вперед
Навстречу утру!

*

Островок невдалеке
Желтой тянется косою.
Все длиннее на песке
Тень вечернею порою.

Поздно... Те, что там живут,
Верно, спать идут устало.
Вечер сетью зыбких пут
Не задержит нас нимало.

*

Волга спящая, прощай!
Дальше, без опаски!
Поезд нас из края в край
Будет мчать в вагонной тряске.

* * *

Из города идешь ты в город —
И всюду отчие могилы.
О как от родины далеко
Похоронили сердцу милых!

В такую даль забросил листья
Безжалостный осенний ветер!
И тяжко, тяжко на душе,
Хоть снова мир весенний светел.

ЕДИНСТВЕННАЯ КАРТИНА

* * *

Неожиданно замерло сердце,
Я до боли предчувствовал встречу —
Близко, рядом, поля дорогие!
Их утратил и вновь обретаю.

Отчего же ты замерло, сердце?
Ведь о встрече я думал всечасно —
Только чаще, конечно, о людях,
О борьбе и о счастье желанном.

Вот луч светлый пробился сквозь тучи,
Озарил все, что дорого с детства.
Он упал на леса и на нивы
И подернул их дымкой златою.
Солнца луч, я тебе благодарен,
Ты явил мне родное приволье,
На земле не отыщешь роднее,
На земле не бывало такого.
А во мне оно благом пребудет,
Станет золотом тихим светиться,
Одарит мою душу покоем.
О ты, солнце чудесное детства!

ОЗЕРО

Как черный глаз незрячий,
Блеснуло озеро вдали —
Таинственно и странно.

Я помню хорошо —
Таким всегда ты было —
Глубоким, черным, диким.

Отпугивало всех
Трясинами своими злыми.
Я любовался лишь на расстоянье
Твоею мрачной одинокой красотой.

Ты дружбу только с птицами водило,
Что прилетали издалёка и улетали вдаль
Не птицы будто, а мечты твои и мысли.

Вода сверкает сине-рыжей ржавью.
Так медь и меч сверкают.
Растет багульник, одурью пьянящий,
Кустарник, завлекающий коров.

Высокая трава и мох — сухой на вид.
Но только понадейся, ступи на кочку,
Прожорливая топь проглотит
Того, кто думал здесь найти дорогу.

Зачем ты, озеро, пугаешь всех?
Не тайну ли на дне хранишь?
Угрюмое, ты все ж к себе мани́шь.
А на горе, на дальнем берегу,
Раскинулось роскошное поместье.
Ты одиноко, озеро.

ХОЛМ ФЕЛЬКЕРЗАМА

В той стороне стоит зеленый холм.
Он ильмами и кленами порос.
А на вершине, где деревьев сень,
Лежит огромный камень, будто щит,
Могила сирая под камнем тем.
И что ни день — бывает мальчик тут,
Уходит из дому украдкой он.
Читает тайные на камне письмена.
О рыцаре те письмена гласят.
Чужие руки погребли его:
Не захотел он в землю предков лечь,
Поближе к людям вольным быть желал.

И долго-долго мальчик смотрит вдаль...
Втыкает в щели камня ветки он —
И словно зацветает камень тот.

ДОЧЬ ЛУНЫ

Я проезжаю мимо места,
Которое манит воспоминаньем милым —
Давным-давно то было.
Помнишь ли меня?

Там где-то далеко, за солнцем, за миром целым,
Дочь луны златоволосая с зелеными глазами.
Цветок весенний — пять годков,
На стебле тонком — пять лепестков.
Ее я видел на солнце теплом и при свете лунном,
Средь длинной темной ночи,
Которая зовется жизнью.

Опять к тебе вернулся я,
Пройдя путь долгий к дому!

Поля, деревья и дороги бегут навстречу взору
И место закрывают от меня,
Где обитала дочь луны.

ЦЕРКОВЬ И КЛАДБИЩЕ

Купа деревьев растет вокруг церкви:
Темные липы и ели, но нету веселых берез.
Колкий кустарник стволы обвивает:
Розы, акации жгучие тут и пахучий жасмин.
Помню я белый жасмин и поныне —
Запах кладбищенский душу мою наполняет тоской...
Белая церковь видна меж деревьев —
Издали башня призывно маячит в закатных лучах.

В детстве, бывало, домой возвращаюсь,
Башня уж издали машет приветно рукой и зовет:
«Эй! Заходи! Здесь твой дом и дорога!»
Я проходил мимо.

ДОМ

Это он! Это он!
Он огромный, и мрачный, и тенью
От разросшихся лип все лицо его скрыто подчас;

В нем живет ревматизм, глушит сырость на клумбах
растенья,
Ну а сбоку он светел и мальчику радует глаз.

Дом к полудню стихает, и мальчик, дрожа отчего-то,
Пробирается наверх, где гулко звенит тишина...
Там двенадцать картин, обрамленных резной позолотой,—
Красота в них и тайна и поступь столетий слышна.
В глубь веков он проходит с самим Рафаэлем великим...

О, весь мир бы обнять! Не забыть бы нигде, ничего!
Ну а дальше чердак, где разбросаны старые книги...
Но — спускаться пора...
«Где шатался?!» — ворчат на него...
Что ответит ребенок? Мальчишка молчит, как немой...

Ах ты, память моя! Тени детства — всегда вы со мной!

ЗАСТЕНОК

На старой площади телеги в ряд встают,
Конюшня сохранилась и амбары.
И, может быть — еще остался тут
Застенок старый?..

Ах, что я делаю, зачем туда вхожу
Я вместе с памятью и прошлое тревожу?
От отвращения сейчас еще дрожу,
И не могу оправиться от дрожи!

Здесь, в крепостные тяжкие года,
С рабов покорных взыскивали вины —
И, сытые, смотрели господа,
Как хлещет кнут по изможденным спинам.
Здесь кровь лилась, как говорят, рекой,
И по ступеням лестничным стекала.
Живая плоть, казненная другой,
Беспомощная, тут изнемогала.

Сюда забрел я как-то по ошибке,
И до сих пор душа моя больна;
Казалось мне — полы от крови липки
И кровь еще струится по стенам.

Второй бы раз
Я не открыл ту дверь —
Мне запах крови слышен и теперь.

САД

Здесь рядом — сад,
Лежал я как-то тут,
Где примулы курчавы, как ягнята.
Вот здесь мочили лен, вот баня здесь и пруд,
И ветлы дремлют — так же, как когда-то.
Вот в рельсу бьют... Идем! Нам на обед пора!
Мычат стада, собаки звонко лают,
И слышно за версту — аукает сестра...

А я скорее к речке убегаю...
Оттуда озеро мое недалеко:
Таинственно, черно и глубоко.

ОПЯТЬ ОЗЕРО

А если б и тебе подняться довелось
На воздух вдруг и лучше выбрать место,
Чтоб запах крови ветер не донес
От барского именья по соседству?
Не только запаха страшиться нам сейчас —
Ты берегись, чтобы горячей кровью
Тебе и нам не заливало глаз:
Не только ржавчина — кровь берег твой покроет!

* * *

Ты, поезд, увозишь меня без возврата
От мыслей, которыми жил я когда-то.

В стремительном ритме, колеса, стучите!
Железо в железо, дорогой прямой
Меня вы в свободную Латвию мчите,
В свободную Латвию,
Прямо домой!

Но ты ведь все та же, родная картина:
Дом детства на ней — мой единственный дом!
Но только теперь он широко раскинут,
Сейчас он меня обступает кругом:
В него теперь входят межи и ворота,
Пороги другие...
Вот он распростерт
До Латвии самой...
Раскинулся — вот он —
К свободному миру —
Все дальше идет...

КРАСНОЕ СНОВИДЕНИЕ

* * *

Огонь закручен в ночи инфернальной,
Железный месяц лезет в небеса
Багровый, будто только с наковальни

Приидут воскресенья чудеса!
Но серый лик — и саван погребальный —
Что хочешь ты — ведь ты не знаешь сам!

Что знаешь ты? И кто из дали дальней
Грядет сюда, застать меня впросак?
Ты имя назови! Ответствуй, дух печальный!

* * *

Дым черный мне дорогу застилает,
И рига вся кругом объята им:
Из подворотни дым клубится, выползает...
Но знаю я: другой есть, алый дым,
И зарево, что утром называют!

Великий пахарь принялся пахать:
Он мир, как дерн, ворочает упорно;
Когда вонзает в землю лемеха,
Дрожит земля
Под вывернутым дерном.

Парúт, парúт, парúт, парúт, парúт.
Пар снизу вверх и сверху вниз стремится;
Так, черные, сражаются пары,
Пока меж них огонь не заискрится.

А там — подъем, подъем, подъем, подъем,
Крылами всех ветров земля навстречу машет,
Тьма ко́лется, и вдруг ее проем
Храм Света ослепительный покажет!

И в страхе все: держи, держи, держи!
Все смешано...
Не сон ли это снится?
Не радуга ли на нéбе дрожит,
Чтоб не во сне, а наяву явиться?

МИМО ДОМА

* * *

Внезапно просыпаюсь от толчка —
Не стукнулся ль о поручень вагона?
Мой поезд мчит, я глохну от гудка,
Мчит всем железом, со всего разгона!

Гляжу в окно: за ним слепая тьма.
Вдруг забелело что-то, заискрилось...
Да это ж снег! Откуда ж там зима?
Откуда тьма, ответствуй, сделай милость!
Ведь было солнце летнее со мной,
Я счастлив был, работал очень много.
И разве же не ехал я домой?
Так что ж я в дом не узнаю дорогу?

«Еси, еси», — и далее — «еси».
А что «еси»? — по чьей-то чуждой воле —
Ты был и есть — но больше не проси!
Ты был и есть, но ты не будешь боле!

Навстречу плач... Мне слушать нестерпимо
Дрожащий всхлип... И непонятно мне:

Домой, домой!
А еду — мимо, мимо...
Дом остается где-то в стороне.

* * *

Из стужи — в холод,
Из ночи — в ночь,
Из ссылки — в ссылку,
Путь проторён.

Конец дороги —
Начало новой.
На перепутье —
О доме сон.

МИМО

С грохотом в гору мчится состав —
Двум паровозам гора уступает.
Прочь, в неизвестность, в хмурую даль
Сила стальная меня увлекает,
Дым застилает склоны горы,
За поворотом дом исчезает,
Мечется сердце, рвется назад —
Что на чужбине нас ожидает?

Слышу в надсадном стуке колес,
В пульсе тревожном, в лязге металла:
— С корнем из жизни вырвали нас,
Вихрем по свету нас разметало!
Судьбы, мечты — одуванчика пух,
Ветер пронесся — пуха не стало,
Дым паровоза на склоне горы
Вдруг растворился — как не бывало.

Снова мелькнули липы и пруд —
Поезд торопится, ход набирая,
Жду — может быть, опять промелькнут

Старые липы, навек исчезая —
За поворотом еще поворот...
Липы, ловите последний привет!

НАС ОБИДЕЛИ

Мчатся колеса — со стыка на стык,
Грохая, лязгая — все об одном,
Сердце о том же стучит, не смолкая;
Мечутся мысли, покоя не зная,
Сердце стучит об одном, не смолкая:
— Предали нас! Предали нас!
Предали всех, никого не забыли,
Каждому долю обиды вручили.
Мчатся колеса — со стыка на стык.

Робкие пробы, предтечи трудов —
В прошлое канули, жизнь — пополам,
Дрогнув, земля из-под ног ускользнула.
Снова учиться первым шагам,
Сердцем тоскуя по главной работе,
Силы копить и азы повторять,
Пробовать снова, зачеркивать снова?
Не ослабеть бы, не сдать на пути...
Хватит ли сил до вершины дойти?
Пробы, надежды — зачем это было?

Дух окрылялся — свободно летать,
Одолевать притяженье земли,
Сердце мужало — зачем это было?

Солнце на миг показалось в окне —
Мы, словно ласточки, мчимся стремглав,
Глухо ударившись, падаем наземь...
Солнце зашло, холодеет стекло,
Пусто, бело. Только кровь на снегу —
Пятнышко жизни — и та остывает.

ДОРОГА БЕЗ КОНЦА

Белым полем
Вьется дорога,
Пропадает
В белесой мгле.

Там лишь коршун
В небе чернеет,

Там пустыня —
Так говорят.

Нет, не верю:
Вьется дорога
К свету, к солнцу,
Пронзая мрак.

ЖАВОРОНОК

И вот, пока сижу я и вздыхаю,
Надеясь, угрожая, сомневаясь,
То дымным сном, то бредом удручен,
Как жаворонок, мысль одна взлетает,
И в будущее смотрит с высоты,
И видит:
Оторваны от жизни наши души,
Несомы ветром, точно пух цветка,—
Как зерна, падают вдали и всходят,
И видит,
Что корни, вырванные из земли,
Дают и в воздухе побеги.

БЕГУЩИЙ

* * *

Поезд опять несется, торопится,
Мчится и мчится все дальше, прочь.
Сердце колотится, сердце колотится,
Стыки считает вместе с колесами,
Вихрем сметенные, снова уносимся —
Дальше и дальше, вперед и — прочь!

Мимо дома пролетаю в никуда.
Милый дом,
Увижу ли когда?

ГДЕ ПОКОЙ?

«Ты не можешь сказать, где мой дом?
Так скажи хоть, где мой покой,
Где, скажи, обрету я покой?

Разве знает его летящий экспресс?
Разве есть он у моря, у ветра,
Разве могут светила на месте застыть?
Тот, кто вспыхнул,— вечно будет пылать...» —
«Ты не звезда, ты не поезд, не море, не ветер,
Они пусть и мчатся, не зная покоя...» —
«Эх, когда б неподвижное знало покой!
Я — озеро, спящее в недрах земли,
Но жаждет и озеро воспарить к небесам.
Нет, нет,— совсем о ином мечтает оно:
Чтоб скользящие по небу корабли
Поднялись по мостам семицветных радуг
И неслись над землей черной стаей туч.
Где ж тогда покой?» —
«Черный бык влачит его на спине».
Ах!
Этот образ со мной неотступно.
«Где покой?..»

* * *

Вспыхнул ты, и это значит —
Долгий путь тобою начат
По лучам, волнам вселенной.

Свет звезды давно погасшей
Глаз едва коснется наших —
И стремится дальше, мимо,

Отсверкает, пронесется,
Но для глаз иных зажжется —
Есть миры и за землею.

Коль горишь ты негасимо —
Суть твоя неистребима,
Ты — частица жизни мира.

НОВОЕ

Ах, почему безмолвна ты сейчас?
Ты плачешь?
Когда же я кипящих слез запас

Растрачу?
Скажи мне: тот, кто вдоль и поперек
Мир обежал — незрячим быть он мог?
Да мог ли он — спеша, летя как ветер —
Цветов полей весенних не заметить?
А разве мир — и солнце, и цветы —
Не ты?
Вода и небо, почва и трава,
Мечта и явь, опавшая листва —
Не твоего ль частицы существа?
Когда уж осень будет на исходе,
Земля закончит года оборот
И в сон впадет, устав от плодородья —
Все, побелев, затихнет до весны...
Но вот — весна! Прозренье, пробужденье,
Невиданное, новое цветенье —
Ты оживешь, ты слезы обретешь,
И хлынет дождь,
Животворящий дождь!

МЕЧТА

Так то, за чем ты гнался, лишь мечта?!
Ты — Латвия свободная — мечта?
Так, значит, лишь мечта — твоя свобода?
И ты, мечтавшая свободной быть, свободной,
Омытая в крови, не встанешь перед нами,
Прекрасна, как свершенная, мечта?
Мечта, ты говоришь, мечта?
Молчу!
Мы ей дадим взрасти, преобразим ее,
Чтоб в новом облике она предстала,
Отвага юная ее основой будет
И сердце Родины, святое сердце.
Они-то силу придадут росткам.
Ростки грядущего сотрут все рубежи
И, встретясь там с побегами другими,
Необозримым морем разольются.
«Ах!»
Я знаю, что твой вздох печальный значит,
Но не напрасно мы кладем свой труд.
Он всходы даст, и расцветет Отчизна.
Как по весне березка, да,

Березка наша.
И новым языком заговорит народ.
«Как новым? Почему?»
Да разве наш язык остался прежним,
Не обновился ль он за это время?
Не новым ли стал также и народ?
А ты не будешь ли с ним вместе созидать
Тот строй, где труд истоком счастья будет?
О, будешь, будешь!
Гляди, вот радуга из черной мглы болот
Возносится величественной аркой.
То путь к грядущему и для Отчизны нашей,
Для новой Латвии, и для других народов.
То созиданья путь, что приведет нас всех
К еще невиданному счастью.

УБЕГАЮЩИЙ

Он бежит, а я недвижен,
Плоть моя пуста, спокойна.
Он бежит по океанам,
Через горные вершины,
Пробегает по планетам,
Добирается до солнца
И оттуда — к дальним звездам,
Незажженным, не открытым...

Он, беглец неудержимый,

Одержим движеньем вечным,
Плоть ненужную оставив,
В неизвестность он вознесся.
Так порой играют дети,
Взяв соломинку и мыло:
Невесомый синий шарик
Вдруг взмывает в поднебесье,
И следят за ним ребята —
Так и я, не отрываясь,
Наблюдал его стремленье.
Он исчез, а я остался.

*

Неужели — день настанет —
Вместе с ним я в путь отправлюсь?

СЕРЕБРИСТЫЙ СВЕТ

ФАТА-МОРГАНА ГОДА МОЕЙ РОДИНЫ

ЧЕТВЕРТАЯ ТЕТРАДЬ

* * *

Вы — родина и жизнь, земных симфоний
Лад стройный, повторяемый веками.
Вы шар земной несете на ладони.

Звенит заря, разбуженная вами,
Из мрака ночи — дивное виденье,
И этого не выскажешь словами.

С зарей растает призраком сомненье.
Любовь с весной шагают по дорогам,—
И ненависть от света станет тенью.

День радостный — грядущих дней залогом.

* * *

Ни одна загадка не разгадана,
Ни одна расселина не засыпана,
Ни одна вина не искуплена —
Все беды прежние — с ужасом волоку.
— — — — — — — — — — — — — —
Солнце все повыбелило, дождь унес.
Все решило время, а не ты.
А тебя, безвольного, подхватил поток
Со всеми предчувствиями придуманными.

* * *

Тогда цветы
Хотят цвести и долгими ночами
Изнемогать от страстного томленья,
Днем жадно к солнцу тянутся стеблями.

И ветки клонятся в изнеможенье,
Без листьев вишня, но оделась цветом.
И голый куст трепещет в нетерпенье,

Не спросит: «Не озябну ли с рассветом?»
Нет счета красным, желтым и зеленым...
Цветут и лужи в воздухе согретом,

Под синим небом, солнцем озаренным.

В ДОЛИНЕ ВСЕ ЦВЕТЕТ, ВСЕ ЗЕЛЕНЕЕТ

В долине все цветет, все зеленеет,
Колышутся деревья горделиво,
Повсюду сладкие цветы белеют.

Меж ними пчелы носятся игриво,
Людей заметил я сквозь гроздь рябины —
Их обвивала зелень прихотливо,

Пыльца цветов скрывала их морщины —
Неужто счастье нежно обласкало?
Они, как дети солнца,— средь долины.

А мне, увы, здесь воздуха так мало...

ОКУТАН СОЛНЦА ЗОЛОТОЮ СЕНЬЮ

Окутан солнца золотою сенью,
Дерев могучих сладостным дурманом,
Багряных облаков летучей тенью —

Я пью любви напиток жгучий, пряный.
В душе моей истаяли метели,
И дышится легко и первозданно.

И тянутся, как нити канители,
К земле лучи волшебные беспечно —
Меня качает солнце в колыбели.

Да не иссякнет он, покой извечный!

* * *

Смеешься ты —
Я слышу, ручеек журчит в лугу зеленом,
На солнце бабочки порхают, пчелы,
И сладок сон в тени берез.
Смеешься ты —
Мне кажется, резвятся дети —
Их косы разметались золотые,—
Шумит, кричит, и вот уже исчезла стайка.

Смеешься ты —
Я старика седого вижу — в запечье теплом.
Он чуткою рукой перебирает струны кокле:
Я слышу ручейков журчанье, детей возню,
Тебя я вижу.

* * *

Как за лесом, за горою
По ночам огонь разводят,
Тайно там огонь разводят.
Он пылает красным жаром.

Примолкают лес и горы,
Когда тот огонь разводят.
Кто же тот огонь разводит?
А никто и не разводит.

* * *

Утро
Только занялось,
Вижу пряди золотых волос,
Словно струи водопада.

Только утро занялось —
Аромат души в разливе кос...
Молодость моя, моя отрада!

ЛЕТАЕТ ВОРОН С ЧАЙКОЙ БЕЛОЙ

Где не мелькнет и парус смелый —
Загнал туда их буйный ветер —
Летает ворон с чайкой белой.

Где потонул корабль смелый,
Наперекор всему на свете,—
Летает ворон с чайкой белой.

ОДНА ЗВЕЗДА

Медленно плывет звезда
Мимо окон моих темных.
Вот склонилась над постелью...
Все глядел бы и глядел,
Все глядел бы и глядел
На звезду свою, на угасшую.

На угасшую, на свою...

ДВЕ ЗВЕЗДЫ

В той пустыне бесконечной
В млечно-белых облаках
Бродят две звезды беспечно —
Им не встретиться никак.
Так зачем же бродят вечно
Две звезды в пустыне Млечной?

* * *

Так робко сыплет редкий снег:
«А можно мне?»
Малютка робкая стоит:
«Не помешаю?»

«Покрыть поля заглохшие,
Укрыть цветы засохшие,
Как простыней в постели!»

«Лишь посмотреть тебе в глаза,
Лишь слово доброе сказать
Отец и мать велели».

О милая, войди, войди!

* * *

Мотылек золотой, как тебя не любить?
Ты прекрасен и нежен.
Средь цветущих долин суждено тебе жить.

В куст роскошный хочу я тебя посадить.
Станешь ты безмятежно
Сок медвяный, пахучий и сладостный пить.

Вот вспорхнул на ладонь — красотою пленить.
Моя радость безбрежна!
Но не дай бог пыльцу с твоих крылышек сбить!

Мотыльку посвящаю.

* * *

Волны плещутся бурливо,
Пеной брызжутся гневливо.
Белой пены брызги злые
Высоко взлетели в воздух,
Высоко взлетели в воздух,
Чайку белую задели.

То и дело море злится,
Чайка белая резвится,
Все гляжу я на тебя:
Ты похожа на ту чайку.

Чайке белой посвящаю.

* * *

Не чудо ль на столе моем цветет? —
Хотя поля пусты, деревья голы
И все кругом убито злым морозом,
Но чудо на столе моем цветет.

Оно дарит мне вдохновенья жар,
Как та весна, что недоступна стужам,
Хотя поля пусты, деревья голы
И зимним холодом сердца объяты.

Ты мне его поставила на стол,
И, словно сердце юное твое,
Оно цветет...

* * *

Тяжелые ты веки опустила —
И тайные глубины скрылись вмиг,
Но жар любви своей ты скрыть не в силах.

Коснулся луч волос твоих златых.
И от его небрежного касанья
Зажглись глаза — и тайну я постиг.

Да знаешь ли, о дивное созданье,
Как ты прекрасна? И какую нежность
Таит бездонных глаз твоих сиянье?

Когда же обниму тебя? О неизбежность!

* * *

Лишь боль мне юным сердце сохранила,
И перестань оно страдать,—
Любовь и жизнь — все станет мне не мило.

ВИШНЕВОЙ КОСТОЧКЕ

Как бронза та броня, где бьется
Твое сердечко,— но в земле сырой
Оно пробьет броню и к свету дня прорвется.

ВНОВЬ НА БОРЬБУ

Искать забвенья в красоте напрасно.
Ее вуаль глаза не застилает;
Лишь правда жизни горечью ужасной
Ясней сквозь эту дымку проступает.

Свобода гибнет... К нашему позору,
Зло прошлого восстало из могилы,
Вновь в эшафотах обретя опору.

Так на борьбу! Твой дух омолодило
Прекрасное своею вечной силой.

* * *

Я всех любил вас равною любовью,
В награду вы меня
Обманывали, предали злословью.

*

А ваши души — жалкие калеки!
Их солнце не зажжет,
С другими в лад им не звучать вовеки!

*

О, если б вас мой пыл сумел расплавить
И вместе бы могли
Мы солнце тысячеголосно славить!

*

Вы молоды, но ваши мысли стары!
Когда ж я встречу тех,
Служить грядущему готовых с жаром?

* * *

Я голубем вернулся раньше срока
К себе домой —
Здесь злы сердца и льется кровь потоком.

Мой мирный край, сегодня ты — кровавый...
Не узнаю!
Война повсюду разлилась отравой.

Я вижу — смерть моей отчизной правит.
Так пусть она
Меня со всеми вместе обезглавит.

Моя любовь, надежда и спасенье —
Ты, мой народ,
Я без тебя — ничтожный лист осенний.

И верю я — когда оставят силы,
Когда умру —
Цветы без счета лягут у могилы.

* * *

Сегодня воздух с морем перемешан —

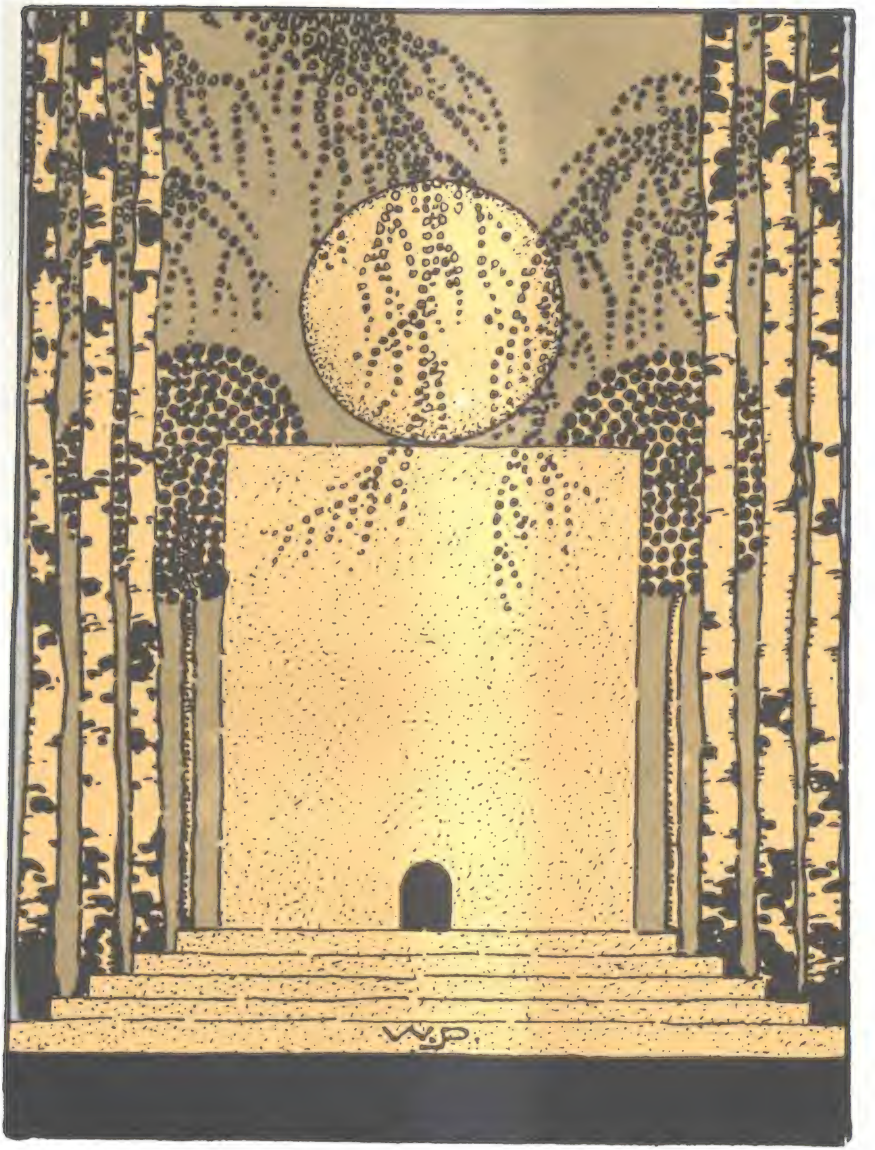
На ветерке виси, рубаха, сохни,
Пусть навсегда исчезнет горечь пота.
Таскать зерно не хочется мне что-то:
Мешки, мешки — поди, не меньше сотни!

Уйду, смеясь! Кто скажет мне хоть слово!
Пусть я продрог —
Бродягу солнце обогреть готово!

* * *

Осыпались цветы в одно мгновенье,
Тускнеет все вокруг,
Все краски сна стирает пробужденье.

Гасит звездочки надежды
День, добра тебе желая.
Ночь придет — зажжет другие,
Жди ее, не засыпая.



«Вещание змеи». Худ. В. Пурвит.

* * *

Ходят люди мимо дома,
Ночью — звезды светят мимо.
Мыслям — вечно нет покоя!

Эти люди — мне знакомы,
Эти звезды — негасимы:
Я их видел! Жизнь прекрасна.

* * *

Целуй меня, как я тебя целую —
Сейчас, в последний раз.
Пусть гибнет сердце, о тебе тоскуя.

Целуй меня, как я тебя целую —
Спасенья не ищу,
В твою страну не вторгнусь голубую.

Целуй меня, как я тебя целую —
Расходятся пути,
Тебе в рассвет, мне в ночь идти глухую.

Оливия!

* * *

Я ухожу... Какое испытанье!
Смогу ли одолеть тоску по дому?
Изранит сердце горечь расставанья.

Вернусь ли снова к очагу родному
Или уйду за дальние просторы
В безвестный край, дотоле незнакомый,

Как Архимед за точкою опоры?
Свершеньем дел великих окрыленный —
Ведь мир перевернуть мне станет в пору! —

Я оживу на почве обновленной.

* * *

Всё счастье в жизни женщины мне дали.
Они же и страданья приносили,
Но те страданья жить мне помогали.

Как я хочу, чтоб женщины закрыли
Мои глаза в последнее мгновенье
И свечку погасили на могиле —

Почувствую их рук прикосновенье,
И волосам их, легким, словно воздух,
Неслышно прошепчу благословенье,

И пусть они меня проводят к звездам.

* * *

Смети весь мир, развей без сожаленья —
Он из твоей улыбки вновь родится,
И будет свеж, хорош на удивленье —

Тот самый мир, что поколеньям снится,
Всех страждущих надежда и отрада,
Неначатая, чистая страница —

Да будет так — и прочь с пути преграды,
Идут любовь и юность в царство света,
И то, что солнце их приходу радо —

Счастливого грядущего примета.

* * *

Сквозь смертный сон я голос твой услышу,
Сквозь толщу тьмы и вечное молчанье
Он долетит бесценным даром свыше.

Мне и тогда волос твоих сиянье
Мрак озарит, когда давно не будет
В твоей груди и признаков дыханья —

В их золотом, лучеобразном чуде
Оттают крылья, оживут, заноют,
И холод новых звезд их не остудит.

Погаснет солнце — мы начнем иное.

Оливия.

ДОЧЬ ЛУНЫ

ПОВЕСТЬ

ПЯТАЯ ТЕТРАДЬ

Однажды Джуанг-Джоу приснилось, что он мотылек, порхающий мотылек, который чувствует себя очень счастливым и ничего не знает о Джуанг-Джоу.

Внезапно он проснулся и понял: он и в самом деле Джуанг-Джоу.

Теперь я не знаю, то ли Джуанг-Джоу видел во сне, что он мотылек, то ли мотыльку приснилось, что он Джуанг-Джоу, хотя несомненно между Джуанг-Джоу и мотыльком есть разница.

НОЧЬ, ЛУНА И ЗВЕЗДЫ

Промчалась тучка мимо звезд,—
Звезда двойная показалась:
Глаза прищурив, ты смеялась.

ИМЯ МЕЧТЫ

Как зовут тебя? Кто же ты? Мне невдомек:
Разве есть у мечтания имя?
Я мечту свою в звездный вплетаю венок.

ВОЗДУШНЫЕ ГРЕЗЫ

Может быть, это то, что ищу я давно?
Может быть, это то, что всего мне дороже?

Это странное чувство знакомо ль мне тоже?
Может быть, разделяет нас только оно?
Кто же в воздухе грезы найдет мои, кто же?

ПЕНА

Порою ненависть я видел в тех глазах,—
Иль мне мерещилось, что злоба в них таилась,
И стон,— так думал я,— мне слышался впотьмах?

Мне рана чудилась,— она чуть-чуть гноилась,
Но сомневаюсь я, что видел это сам.

Откуда ненависть, когда в глазах светилась
Улыбка легкая, как пена? Мог ли там
Ютиться стон? Ужель там духота сгустилась?

РАЗРЫВАЮЩИЙСЯ ВОЛОСОК

Работа кончена. Теперь, батрак, ступай.
Что держит здесь меня? Ведь собран урожай.

Мне платы не дали,— но разве денег ради
Я прожил столько лет в обиде и надсаде?

Заря, сосновый лес и море при луне,
Все то, что я любил,— осточертело мне.

А держит здесь меня, хоть солнце раскололось,
Один лишь тоненький и шелковистый волос.

Но, слабый, сможет ли меня он удержать?
Не разорвется ли, задумав привязать?

* * *

Любимая, судьбой нам суждено
Не разлучаться.
Тебе уйти? Да это все равно,
Что от самой себя уйти пытаться.
Куда уйдешь?

ТЫ СМЕЕШЬ

Сказал орех: «Грызи меня, ты смеешь,—
Пусть плоть моя бела,— твои белее зубы».

Сказала вишня: «Ешь меня, ты смеешь,—
Пусть кровь моя красна,— твои краснее губы».

Вино сказало: «Пей меня, ты смеешь,—
Я пахну хорошо,— твое дыханье слаще».

А сердце высказать себя пока не может,
Робея и дрожа, в руке твоей сгорает.
Что горячей: твоя рука
Иль сердце?

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Держу я первое письмо твое —
По телу дрожь блаженства пробегает.
Те клятвы, те словечки милые
Прочувствовал я в сотый раз, и веет
Столь дорогой души благоуханье.

Все внове мне, как чудо, все нежданно!
Как будто новый мир мне приоткрыла ты.
Я восхищаюсь, трепеща от счастья.

ЗОЛОТЫЕ КАПЛИ

Шлепает солнце
Босыми ногами
По рекам, озерам,
По лужам дорожным,
Золотом-серебром
Весело брызжет,—
В глаза тебе яркие
Брызги попали.

ВОСК В РУКЕ

Любовь твоя растет, но страшно мне:
И так уже моя душа в огне!
Страшусь, страшусь:
В твоей любви я в пепел превращусь!

«В любви ты не сгоришь, а возродишься вновь».
Но что же из меня создаст любовь?

Я словно воск в твоей руке мягка,
Как мед из улья твоего сладка,
Я гасну, как свеча, пощады не прося.
Я вся твоя, вся, вся!

Что из меня создаст твоя рука?

ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ

Исчезнуть и моей душе дано:
Моя душа в тебе воспрянет,
Твоя душа моею станет;
Они сольются, как с вином вино.
Возникнет третья жизнь, и, нам пока чужая,
Она возвысит нас, два существа сближая.

СКАЗОЧНАЯ ГОРОШИНА

А если стану для тебя мала?
Всегда расти ты мне даешь задачу.
Но как мне жить, чтоб вечно я росла?
Не вырасту,— я милого утрачу.

Скажу я прямо, как велит душа:
Я, видно, для тебя нехороша —
Все требуешь, чтоб я росла, спеша,
Так, может быть, найдешь себе другую,
Подобную горошинке из сказки,
Чтоб вверх рвалась, и ты бы мог добраться
До самых небес.

СМЕРТНАЯ ДЕВОЧКА

«Любовь бессмертна»,— ты сказал призывно
Мне, смертной девочке, но неужели
Не перестанешь ты меня любить?

На это я надеяться не смею!
Иль мило шутишь с девочкой своею,
Чтоб очень скоро обо мне забыть?

Быть может, стану я тебе противна?
«Ах, девочка, подумай в самом деле,
Как мне тогда с моей душою быть?

Иль надо сердце мне свое убить?»

ЦЕПКИЙ ПЛЮЩ

Цепкий плющ и шиповник — передо мной,
Тихо вошел я в дом чужой.
Мне открыло жилье
Пустоту и мглу,
А в углу —
Поседевшее детство мое.

НЕУМИРАЮЩАЯ ПАМЯТЬ

Все то, что я любил года,
Мне не наскучит никогда.

Как о любви убить воспоминанья?
Как вырвать камень, плод труда,
Из мной воздвигнутого зданья?

ВНОВЬ ЗАЗЕЛЕНЕВШИЕ ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

То, что зеленело летом,
Осень кроет рыжим цветом.
Раньше дни мои сияли,—
Почернели от печали,
Оливи́я!

Кто ты, Лелде, не весна ли?
Листья вновь живыми стали,
Лелде!

ОЛИВИЯ

«Я — не та, не Оливи́я!
Не в былом, где дни иные,
Где вьюнки плюща густые.

Я не Лелде, не из ада,
В рай лететь за мной не надо,
Я земли твоей отрада.

Вот луна плывет, как чара,
Прочь от солнечного жара.
Узнаешь? Я Синиара,
Синиара!»

ДЕВОЧКА ЛУНЫ В ЛОДКЕ

Так мудрецы твердят,— и как не верить,
А все же я не верю: быть не может,
Что девочка луны давно скончалась.

Еще вчера ее я видел в море,
На лодке темно-синей — парус красный,
И мачты золотые, а на мачте,
Как облачко, дрожал платочек белый.

Был парус ветром огненным наполнен,
Позднее мы с подругой увидали,
Что ветер огненный погас, и парус
Светился чистым, серебристым светом.

Покрытая зеленым покрывалом
И за борт чуть склонясь, играя белой
Своей рукой с водою, одиноко
Сидела девочка луны в той лодке.

Мы долго, долго на нее глядели,—
Я и подруга на моих коленях,—
И наша грусть летела вслед за лодкой.

Нет, не умрет дитя луны вовеки!

ДУША БЕЗ ЦВЕТОВ

Знаешь ли ты,
Как тяжко в разлуке?

Без чувств, без мысли, без вдохновенья
Дремлют мечты.
Душа в плену немоты.

Цветы
Исчезли, птицы не знают пенья
В разлуке.

ЖИЗНЬ

Лишь тебя держать в объятьях,
Лишь твоим дышать дыханьем,
Лишь в твои глаза глядеться!

Лишь тебя держать в объятьях,
Лишь тобой дышать все время,—
Хватит жизни всей на это!

ПРЯЧУ ГЛАЗА ОТ ЛУНЫ

Вдвоем две головы кладем,
Подушка — одна.
Желаем радостно вдвоем
Луне, Стожарам за окном
Спокойного сна.

Другая ночная сошла тишина.
Не сплю; я один и подушка — одна.
Я прячу глаза: пусть не видит луна!

СЛОВО ЛЮБВИ

Блеснул рассвет,
Влюбленно ты проговорила:
«Я вижу солнце, ты со мною, милый!»

ТРЕПЕТ КЛЕНА

Ты видишь клен? Прильни к нему щекою.
Ты чувствуешь,— он весь дрожит, трепещет,
Волнуясь, изгибается в смятенье.

«Да, чувствую: от ветра — трепет клена».

От ветра или от тебя? Подумай:
Его коснулась ты, и он трепещет,
Как я, когда ко мне ты прикоснешься,
Щекой прильнешь, когда меня обнимешь!

ЛАДЬЯ ЛУНЫ

Пойдем: я ночи и луны дитя.
Для нас готова лунная ладья.

Ты вычерпни всю воду звезд в челне
И на руках неси меня к волне.

Твоим рулем пусть будет луч живой,
Ладья луны плывет сама собой.

Туч паруса и молнии весло
Не надобны, и плыть не тяжело.

Держи меня свободною рукой,
Ладья луны плывет сама собой.

Я на коленях у тебя свернусь.
В твоих руках засну я и проснусь.

Мы в лунный сад с тобою поплывем,
Отныне вечно будем плыть вдвоем.

ДОРОГА В СТРАНУ СЧАСТЬЯ

«Где дорога в край далекий счастья?» —
«Я не знаю, у меня тоска.
Знает облако, что на высотах,
Белое, счастливое, плывет».—

«Облако! Где край далекий счастья?
Белое, счастливое, скажи!» —

«Я не знаю счастья, я тоскую,
Исчезаю в воздухе, грустя.
Белое, лучистое, стремлюсь я
Вдаль... О счастье, верно, знают ветры,
У которых жизнь — сплошная пляска!» —

«Ветры, знаете дорогу к счастью?
Ветры, ваша жизнь — сплошная пляска!» —

«Мы не знаем счастья, мы тоскуем:
Слышишь наш протяжный, скорбный вой?
Облетели землю — не нашли мы
Счастья... Лишь всевидящее солнце,
Счастье излучая, светит нам».—

«Солнце, солнце, где дорога к счастью?
Счастье излучая, светишь ты!» —

«Я не знаю счастья, я тоскую
И — слепое — расточаю свет,
Путь держа к первоначальным солнцам...
Знает месяц, у него спросите:
Даже тьма его очам открыта!» —

«Месяц, месяц, где дорога к счастью?
Даже тьма твоим очам открыта».—
«Я не знаю счастья, я тоскую
По тому, чего на свете нет.
То, что было, я ищу во мраке.
Где мне! Дочь мою спроси: она
Знает все глубины, даже душу».—

«Месяц, подари мне дочь свою!» —
«Засылай к ней сватов, если можешь!» —

«Закружилась голова. Мне страшно».

ОПЬЯНЕННЫЙ ЛУНОЙ

Твои глаза опьянены
Хмельною влагою луны,

А сердце,— горе мое, горе,—
Все лунное испило б море.

Дурной от хмеля, ты бы влез,
Я знаю, на хребет небес.

На небе ты б сломал ворота,
Ты б звезды разбросал без счета,

Ты поскользнулся бы, едва
Планет рассыпалась дресва,

Упал бы наземь и разбился,
Ты б лунной девы не добился.

АСТРЫ

Люблю я с детства астры, и полна
Вся комната красивыми цветами.
Ты их принес на радость мне, но только
В душе моей звучит печалью радость.
На астры не могу смотреть спокойно,—
Хочу я страстно, чтоб у них был запах!
Когда мне даришь белые цветы,
Рождается в моей душе надежда,
Что астры будут пахнуть,— и невольно
Склоняюсь к ним, чтоб их впитать дыханье.

ЗАЖАТОЕ СЕРДЦЕ

Несет свое сердце любая рука,
Ладонь раскрывая,
А ты и мала, и нежна, и тонка,

Рука дорогая,
Зачем же ты сердце в ладони зажала,
Чтоб сердце чуть слышно и робко дрожало?

СЛУЧАЙНОСТЬ

«Я для тебя — случайное событье.
Что ныне мило, завтра ты забудешь,
И только дочерью луны ты бредишь».

Мы все — случайности на сей земле,
Сама земля есть частный случай солнца,
А солнце есть случайность во вселенной,
Да и вселенная, увы, случайность!

Мы ничего не знаем: только то
Мы знаем, что ничто не исчезает,
Ни ты, ни я и ни любовь, что нас,
Красивая, связует, и начало
Есть у нее, но нет конца. А ты —
Ты дочь луны.

ЦВЕТОК ТЕНИ

Всегда ты радовалась, и все ярче,
Пленительней ты в радости цвела,
Всех радовала радостью своею.
А ныне
Я начал постепенно замечать,—
Ты не смеешься; медленнее ходишь
И в думы погружаешься; когда
Пугаюсь я,— глаза ты поднимаешь
Неспешно.— Что случилось? — «Ничего».
Осунулось лицо и под глазами
Черно. Еще красивее ты стала,
Но тени так цветет цветок... Тебя
Что мучает? — «Ты знаешь».— Что я знаю? —
«Ты очарован дочерью луны».—
Но это ты! — «Не верю, нет, не верю!»

НЕЖНЫЕ ПОЦЕЛУИ

Тогда ты поцелуй меня —
Всем сердцем, нежно, нежности милее!

Мой поцелуй воздушней мотылька,
Его прикосновенья он слабее.

Так поцелуй меня еще нежнее!

— Нежней, чем солнечная вышина?
— Нежней, чем светлоокая луна?
— Нежней тоски, что вдаль устремлена?

Я дали не хочу,— целуй иначе,
Чтоб губ твоих был близок жар горячий,

О нет, еще нежней, еще нежнее!

НЕ УМЕЕШЬ ЛЮБИТЬ

Ступай, ты любить не умеешь,
Ты сердце мое не жалеешь,
Покоя душе не даешь.
Где речи, восторги, поэзия, полная страсти,
И счастье, и счастье, и счастье?

Ты хочешь иного:
Безумствуешь, мечешься, требуешь, просишь
И в мир запредельный, бог знает куда,
Уносишь.

Ты волей своей, сумасброд, не владеешь,
Совсем ты любить не умеешь —
Так тихо, так тихо, счастливо и долго!

ВНЕЗАПНОЕ ЛЕТО

Стройные сосны,
Редкие ветви,
Зелень березок
Нежно мерцает,

Вздыхает море,
Поезд проносится,
Говор людской,
Песок и ветер...
Море прониклось
Жарким томлением,
Чудом родится
Внезапное лето.

ЛЕГКОСТЬ И КАМЕНЬ

Когда я сознаю, что ты есть на земле,—
Как жить легко:
Как будто камень вдруг упал с горы во мгле!

НА ЗОВ ЛЮБВИ ОТЗОВИСЬ

На зов любви отзовись.

В щедром дарении
Без сожаления —
Ценность твоя.

То, что растратится
В самозабвении,—
Стократ оплатится.

В вечном горении —
Самосоздание —
Ценность твоя.

СЕРЕБРИСТОЕ МЕРЦАНИЕ

Когда, чуть стихнет гром, мерцает, серебрится
Листва дерев,
Кругом — покоя белизна,
Даль высока, ясна
И удивительно сияют наши лица.

ВЫСЬ

Нет! Не нужна мне высь! Я мерзну там. Скорей
Ты унеси меня к земле поближе.
Там, наверху, я становлюсь слабей.

Я больше не хочу туда, пойми же!

Прекрасно озирать пространства с вышины,
Но, если мы себя так накалять должны,
То опусти меня, прошу тебя, пониже.

Я мерзну. Обними меня. Согрей.

КОГДА ПРИХОДИТ ОСЕНЬ

Когда приходит осень,
Я вижу: падают и умирают листья,
И льется дождь весь день, всю ночь, темнеет рано...

«Когда приходит осень, мне так страшно
Становится, как будто гибнет мир,
И я одна должна остаться в мире
И видеть, как — день изо дня — все гибнет,
И муки — все, какие есть на свете,—
Одна я на себя должна принять,
Но не могу решиться,— трудно, трудно,
И некому пожаловаться мне,
Когда приходит осень».

Ах, слабенькая девочка, кто силен?
Кто менее тебя, родная, одинок,
Когда приходит осень?

ПУТЬ ЖУРАВЛЕЙ

По листьям ты идешь,— они теперь безмолвны,
Лишь моря голоса чуть слышатся вдали.
Надежды прежние куда уносят волны?
Куда плывут твоих мечтаний корабли?
О не туда ли,
Куда летят, мерцая, журавли?

БЕЗУЧАСТНАЯ КРАСОТА ПРИРОДЫ

Природы безучастную красу
Разглядывать,— не высшая ли радость?
Все сущее забыть — себя и мир?
Ввысь улететь, все горести откинув?

Освобождает ли сама природа
Того, кто смотрит, или тот, кто смотрит,
Ее освобождает? Выбирает,
Уподобляет,— для себя творит
Он красоту,— затем, что мирозданье
Всегда — художника материал!
Принадлежит природе ли та радость,
Что красота природы нам дает,
Иль это радость мастера, творца?

УЛЫБКИ ЛУНЫ

Ярость солнца остается за горами,
Колесо земли вращается неспешно,
Вглубь и вглубь уходит — в ночь, в потемки.

Ночь, готовясь, путь шелками устилает,
Звезды двери для луны уже раскрыли,
Свет луна несет в сосуде серебристом.

Боль от ран дневных врачуя и смягчая,
Тихий свет неспешно льется из сосуда
В мир, который в сон глубокий погрузился.

Полон тихий свет безвестных, тайных песен —
Непостижное предощущенье духа
Выплывает из безмерной глуби неба.

Пробуждаются в предощущенье духа
Чьи-то души, не нашедшие покоя
Ни во сне, ни днем, ни ночью и ни в смерти.

К теням будущего чаянья стремятся,
Мысли зрелые штурмуют крепость тайны,
Скорбь о мире сущем жаждет перемены.

В ночь предчувствий раствориться души жаждут,
Не исчезнув, слиться с душами другими,
В новой сути к новой вечности стремиться.

Путь иной, конец пути — о, неужели
И конец, дитя усталости, желанен? —
Грань усталости надежды преступают.

Вечен свет из серебристого сосуда,
Колесо земли вращается неспешно,
Чтобы вновь страдать, крутясь под звонким солнцем.

Звезды шелк снимают, двери затворяют,
Гаснет свет луны в сосуде серебристом,
Улыбается луна: настанет утро.

Луч улыбки этой глаз твоих коснулся.

СВЯЗАННОЕ ВРЕМЯ

На месте звезды не хотят стоять,
Опять, опять
Все движется, бежит вперед и вспять.
Глазочек милый мой, не хочешь ли сказать,
Что сможем время мы лобзаньями связать?

ОТРАЖЕНИЕ

— Ну, почему же ты молчишь?
— Да так...
— Зачем ты так глядишь — зрачки в зрачки?
Слова твои, как взор твой, далеки...
— Да? Далеки?

В твоих глазах я вижу чей-то лик,
Он из сиянья бледного возник;
Нет, нет, не я! Я раньше там была,
Я раньше там, в твоих глазах, жила —
Там девушка, ты с нею, с молодой,
С красивой, на щеке твоей ладонь,
Нет, не твоя — ее, ее рука
Из прошлого скользит, издалека,

И в прошлое влечет тебя с собой —
Назвать ли имя — прежней, дальней, той?

— Ах, сумасбродка, что ты говоришь!
Ведь это ты, лишь ты в моих глазах...
— Не уходи к ней! О, не уходи!
Не уходи!..

ИСТЕРЗАННЫЙ СТОН

На клочьях бумаги — обрывки стихов,
Отходы, остатки от творческой муки;
Гляжу я на них, равнодушен, суров,—
Вдруг взвыла бумага обломками слов,
И сердце забилось — я плакать готов,
Услышав отбросов ненужные звуки.

Не плачь, неродившаяся строка!
О жизнь, почему ты всегда жестока?

НЕУМОЛКАЮЩИЙ СТОН

Когда б сумел я сердца муки
Сковать в словах в родном краю,
Быть может, превратившись в звуки,
Они б не пили жизнь мою.

Но лишь одну, что прочих злее,
Хватаю, чтобы стон затих,
Взамен ее кишат, как змеи,
Ужасных тысяча других.

ЛОМАЕТСЯ СУДЬБА

Жить в этой жизни — не все,
Мало — постигнуть ее.
Надо над жизнью взрасти,
Стать над своею судьбой.

Мира грядущего семя
В сердце твоем набухает.
Жизнь — скорлупа... И душа
Сбросит оковы, созрев.

УХОЖУ К СЕБЕ

Легко и просто
И без оглядки
Уйду к себе.

Я дома роздал
Добро, достатки
Своей семье.

Оставил дома
Я на пороге
Всю суету;

Все, что знакомо,
Всю пыль дороги
Я отмету:

Воспоминанья
И тягость знанья,
Успех, беду,

Дела, усталость...
Себе достанусь —
К себе уйду.

ГДЕ ТЫ САМ?

— Тебе я, мой любимый, рассказала,
Что на душе: что я тебя люблю,
Что сердце твоему открыто взгляду,
Как свет луны и как мои глаза;
Но песнь твоя— моих порывов эхо,
Зачаровать умеет голос твой,
Слова любви — в них жизнь моя замкнулась,—
Но сам ты где, любимый? Где ты сам?

— Себя я запер наглухо в железо —
Так в толстые, тяжелые цилиндры
Закован, заперт, втиснут кислород.
Ах, если вдруг непрочны станут стенки!
Могуч безмерно атом вещества;
Когда идет материи крушенье,
Такие силы движутся к свободе,
Что нам и не измерить их поток.
Им только волю дай — и взрыв бы грянул,
И я бы разлетелся, ты бы тоже,
И вся земля!..
— Ах, ты всегда пугаешь!
Казалось мне, что ты утих немного,
А ты опять грозишь. Зачем? И чем?
— Чем? Чем-то новым, может быть. Концом.

НОЧЬ ОБ ЭТОМ МОЛЧИТ

Как рвутся деянья, сшитые днем,
Как слезы ночные льются ручьем,—
Ночь об этом молчит.

Безумны восторги в тиши, в ночи,
И душат угрозы, как палачи,—
Ночь об этом молчит.

Каждого ночь призывает в жилье,
В день ни один не уйдет от нее,—
Ночь об этом молчит.

Каким тебя ночь опаляет огнем?
Каков ты ночами, смеющийся днем?
Ночь об этом молчит.

Все, чему днем расцветать дано,
В темень корнями погружено,—
Ночь об этом молчит.

ЧТО ТАКОЕ НОЧЬ?

Ночь ли то, что ночью называем?
Солнце отвернется — сразу темень,
Солнце глянет снова — день наступит.

Нет! Ведь ночь — то, что долой от солнца
Вдаль бежит, пока не станет солнце
Крошечным, как звездочка, как искра.

Все уйдет: звезда, и мгла, и очи,
Холодно, черно, пустынно, тихо —
Ночь, ах, это ночь — в нее идти мне,

Если ухожу я от тебя.

БЕСЕДА

— Ты от меня уходишь? Почему же?
Я все это всегда считала шуткой —
Плохой, но шуткой: ты грозился, чтобы
Тебя я не бранила... Но теперь-то
Зачем ты все твердишь: «Уйти я должен!»?
— Ах, это ночь зовет, и я обязан...
— Ну, что ты мелешь в каждом разговоре
Такую чепуху, что просто ужас.
Ведь умный человек ты...
— Но однако...
— Молчи! Ведь я права в своих упреках:
О чем твердишь ты? Что еще за ночь?
— Я должен в этой ночи возродиться.
— А почему же тут не возрождаться?
Тут делай все, что хочешь и что можешь.
— Мне возродиться надобно душою.
— Ну, что за бредни! Что с душой твоей?
— Весь этот мир негоден. Одряхлела
Его душа. Он должен возродиться,
И это сделать только я могу.
— Мир сам решит. Тебе-то что за дело?
— Я — часть его. И я за все в ответе.
— Тебе весь мир, сдается, нехорош;
А я, скажи мне, я-то хороша ли?
Ведь ты твердил, что я и есть твой мир.
— Ты силы мне дала идти все дальше,
Иначе б я в пути упал, усталый,
И не достиг бы цели, но теперь...
— Так, значит, я в тебя вдохнула силы,
Чтоб от меня ушел ты в благодарность?!

— Но, милая...
— Ну, что ж, иди! Но помни:
Ты, уходя, связь с миром разрываешь,
Ты рвешь меня! Ты своего добьешься
И возродишься, а когда захочешь
Назад вернуться — больше уз не будет;
К чему тогда все это возрожденье?
Погибну я — погибнешь тут же ты.
— Здесь тоже я умру — без возрожденья.
— Спокойней умереть в моих объятьях...
А лучше жить, припав, прильнув ко мне!
— Но так я возрожденья не узнаю.
— Не я, а лишь оно тебя волнует?
Не будет ни тебя, ни возрожденья!
Умру я, что мне в жизни без тебя?
— О нет, любовь, душа моя! Пусть сгинет,
Исчезнет все — я у тебя останусь.
Как ты прекрасна! Как тут все красиво!
Мир светел, потому что есть в нем ты,
Что в нем с тобой, с прекраснейшей, сравнится?
Иди ко мне, иди, целуй меня!
— Ну, что я говорила?
— О, права ты...
— Но, милый, ах, я до смерти устала,
Борясь, единоборствуя с тобою
За жизнь свою — ведь я тебя люблю...

СЛЕЗЫ

Слезы неба — капли дождевые,
Слезы моря — перлы дорогие,
Слезы горькие земли — сиротки.

ПРОЩАНИЕ

— Я не держу тебя, иди, мой друг,
Поверь, и эта жертва мне под силу,
Но знай, напрасно это. Для меня
Помочь тебе всего важнее было.

— В любви твоей я силу приобрел,
Но я любовь отдам и все оставлю,

Чтоб большего достичь, а ты...
— А я?
Мне это ни к чему, я не смогу
Любить тебя сильнее, чем любила;
А мне осталось лишь тебя любить,
Да, мне осталось лишь тебя любить,
И в этом мне разлука не поможет;
Но я бы в ней отраду находила,
Когда бы знать, что это для тебя.
Иди, тебя иное счастье ждет,
Нет больше сил, иди!..
— Я остаюсь.
— Нет, не щади меня, иди, иди, мой милый!

*

Impavidum ferient ruinae![1]

РУКА С ПЕРСТНЕМ

Дождь кончился. Как белая рука,
Простерлось облако над тихой далью,
И радуги сияющий осколок
Переливался, точно камень перстня.
Тянулось облако из дальней дали,
И таяло едва, и таял перстень,
И ночь на море пала покрывалом.

Не ты ль меня звала из дальней дали?..

[1] Поражение постигнет бесстрашного! *(лат.)*

ПЬЕСЫ

ПРОЛОГ

Над рекой луною соткан
Мост, где свет и тени.
Духи сновидений
Из лесов скользят в тумане.

Гнется мост под их стопою,
Чуть дрожа, сверкает.
На волне мерцают
Золотые рыбы — звезды.

Голоса слышны из мрака,
Страшен гул их дикий:
Песни, стоны, крики,
Битвы шум и нежный шепот.

И проходят сновиденья
Белым, смутным строем,
И тела героев
На руках в гробах проносят.

Смерти сном не позабыться
Тем, кто пал в сраженье.
Из полночной тени
Их тоска на землю гонит.

Старый бой еще не кончен,
Нет еще победы.
Гнев, что мстит за беды,
Вновь их поднял из могилы.

Каждый раз встают их тени,
Чуть настанет полночь,—
Слышен, боли полный,
Вечной битвы мрачный отзвук.

Из гробов и тьмы выходят
Биться неустанно.
При луне туманной
Блещут их мечи и брони.

Ночь с огнем вступила в битву,
Тьмою зло одето,
Но победу света
Торжествует жизнь над смертью.

Будет мир душе героев!
Мост ведет из тени
К новым поколеньям,
Что окончат бой победой.

Над рекой луною соткан
Мост, где свет и тени.
Духи сновидений
Из лесов скользят в тумане...

Медлительно стелются туманы. Какая теплая майская ночь! Как нежно сияет луна в реке! И вот опять они возникают — мои сны, видения майской ночи...

Кажется, давно уже кануло в вечность это тихое время ожиданий и тоски, этот май! Уже не вижу я больше дорогих образов тех дней. Так бушевало море жизни, проносясь вихрем по душе моей, таким зноем опаляло солнце, что уже почти не осталось места для иных видений. Но вместе с тихою луной, в пору иных мечтаний и иных ожиданий — вы опять идете ко мне, давние тени, длинное шествие теней. Точно похороны — гроб за гробом — скользите вы бесконечной вереницей. Нет, это не погребальное шествие! Опять, как в древней песне, открываются гробы, и опять поднимаются из них мужи-исполины: герои, одетые в панцирь, с мечом в руке. И женщины, величественные, строгие, следуют за ними — ряд за рядом.

Ближе, все ближе подходит шествие, и в лунном свете вижу я, как постепенно сгущаются расплывчатые образы, приобретают

форму. Я уже могу разглядеть каждое лицо: яснее проступают черты, просыпается душа, чтобы длить недовершенную жизнь, продолжать незаконченную борьбу.

Это ты, Лачплесис! Узнаю тебя по высоко поднятому челу, по сиянию, скрывающему твой лик,— точно пеплом подернулся жарко тлеющий уголь. Это ты, сын Лиелвардиса, великий вождь!

С ним рядом — товарищи-воины: его друг и тоже вождь — Кокнесис, его певец и народный бард — Пумпур.

Вот и оба старца, вожди племен — Айзкрауклис и Лиелвардис. А за ними старый мудрый Буртниек.

Облаченная в сине-серебристое сияние, словно окутанная плащом светлого летнего дождя, идет Лаймдота. За нею подружки и прислужницы.

В стороне, во главе отряда гордых воинов, в красновато-золотистом блеске одежд следует властная Спидола со сверкающими очами.

А поодаль перед мрачной толпой выступает, предводительствуя ею, Кангар, с перекошенным от злобы лицом. И, наводя ужас на всех этих девушек-ведьм, на старую колдунью и духов преисподней, следует Черный Рыцарь. Рядом с ним закутанный в белый плащ Лайкавецис со своими тремя Белыми Дочерьми,— наблюдающий, полный размышлений, чуждый всему, что его окружает.

Стремительность и гнев на лицах воинов. Оружие звенит тут же, передо мною, а кажется, что звуки доносятся откуда-то из могильной дали. Отряды шагают твердо, стремясь вперед, но они все время перед моими глазами. Я вижу их непрерывное движение, и ему нет и нет конца.

Воины шествуют смело, не касаясь земли. Шаги их скользят, как дым скользит над землею в ветреный день. Какие взоры бросают их застывшие очи, как неудержимо стремятся они вперед! И я вижу, что только у Лачплесиса глаза зажжены внутренним огнем. И кажется, что это он один влечет их за собою и только одна Спидола следует за ним по доброй воле, погруженная в мечту.

Иди, Лачплесис, иди, продолжай борьбу! Твоя победа еще не завершена, Победитель! Победи снова и победи окончательно! Твори свое великое дело, освободи от нечисти землю!

Ты слышишь далекие голоса? Это духи земли. Их стоны так близки, так легко различимы. Это уже не стоны, это — стуки, подземные удары.

Самые угнетенные — ближе всех к победе!

Ты слышишь? Там, на дне Даугавы, хранили они ключ от твоей свободы, чистили его до блеска горечью слез своих и солью крови своей, стекающей в волны. Вот он блестит, твой ключ! Мы хотим его поднять, но слишком слабы наши руки. Иди, и возьми его, и открой нам ворота в Замок Света!

Молча проходит Лачплесис, и лишь глаза его пылают. И доносится голос словно из потустороннего мира. Это говорит Лайкавецис:

— Не мешай Лачплесису на его опасном пути! Его борьба величественнее всего, что могли видеть люди: он бьется за то, чтобы стать совершенным. То, что созерцали вы в невыразимом страхе перед опасностью, только первый проблеск утра. День великой борьбы еще впереди!

Бодрствуйте, чтобы не застали вас спящими, когда придет время — и Лачплесис поведет вас в последний, решающий бой! В вас самих — и ключ тот, и Замок Света!

Но и тогда, когда вступите вы в Замок, еще не кончен путь Лачплесиса. Начнется героическая бескровная борьба в царстве Спидолы!

Когда отзвучали эти слова из потустороннего, тело мое содрогнулось, и я увидел огненный взор Лачплесиса, сверкнувший мне из-под тяжелых век. Уста Спидолы улыбались мне.

Я хотел вскочить, крикнуть: «Мы пойдем! Пойдем!» — но все затянуло туманом. Лайкавецис стоял с поднятыми руками, широко развеяв за собой белый плащ. Колыхнулись полосы света, приблизились чудные голоса — тени сновидений продолжали свою жизнь —

Чуть настанет полночь —
Слышен, боли полный,
Вечной битвы мрачный отзвук...

Где я? Это опять ты, моя дорогая родина! Я слышу звуки беззаботных песен... Немцы уже начали свой захватнический поход, но еще свободны латыши. Еще высится древний, свободный замок латышского народа...

1907

Вечной битвы мрачный отзвук...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Замок Айзкрауклиса над Даугавой.

Большая комната в старолатышском стиле, сказочно украшенная. Стол и сиденья. Ложе. Первобытные ткацкие станки. Вдоль стен скамьи. Печь. Вечереет.

Спидола, Айзкрауклис. Девять девушек чешут шерсть, прядут и ткут — три в черном, три в желтом, три в красном.

Айзкрауклис
(следя за работой девушек)

Как мышки белые, бегут, скользят
По прялке пальцы девушек!

Чесальщицы

Шерсть пушистую
Чисти, гребень!
Шерсть пушистая
В ряд уложится.
Милому будет
На одеяло!

Айзкрауклис

Коль милому, так надо постараться!
(К прядильщицам.)
А вы, дочурки,
Тоже для него?

Прядильщицы

Шибче, шибче, прялочка,
Бегай, веретенце!
Вытки ниточку,
Белую, тонкую.
Пусть для друга милого
Тонкая, легкая
Будет рубашка!

Айзкрауклис

Как будто все: рубашка, одеяло...
(К ткачихам.)
А что же ваши пальчики соткут?

Ткачихи

Эй, челнок, спеши!
Нить с собой тяни!
Пусть основы —
Ниточка к ниточке —
Выткут для милого
Кафтан коричневый!

Айзкрауклис

Всего здесь вдоволь, сердце веселится.
Пора кончать работу. Поздний час.
(К Спидоле.)
Иль хочешь ночь работать напролет?

Спидола, прислонившись к окну, глядит вдаль; в лунном свете ее одежда переливается красным, черным и золотым.

Уж люди начинают говорить,
Что слишком строгий у тебя отец.
До петухов, мол, держит на работе.

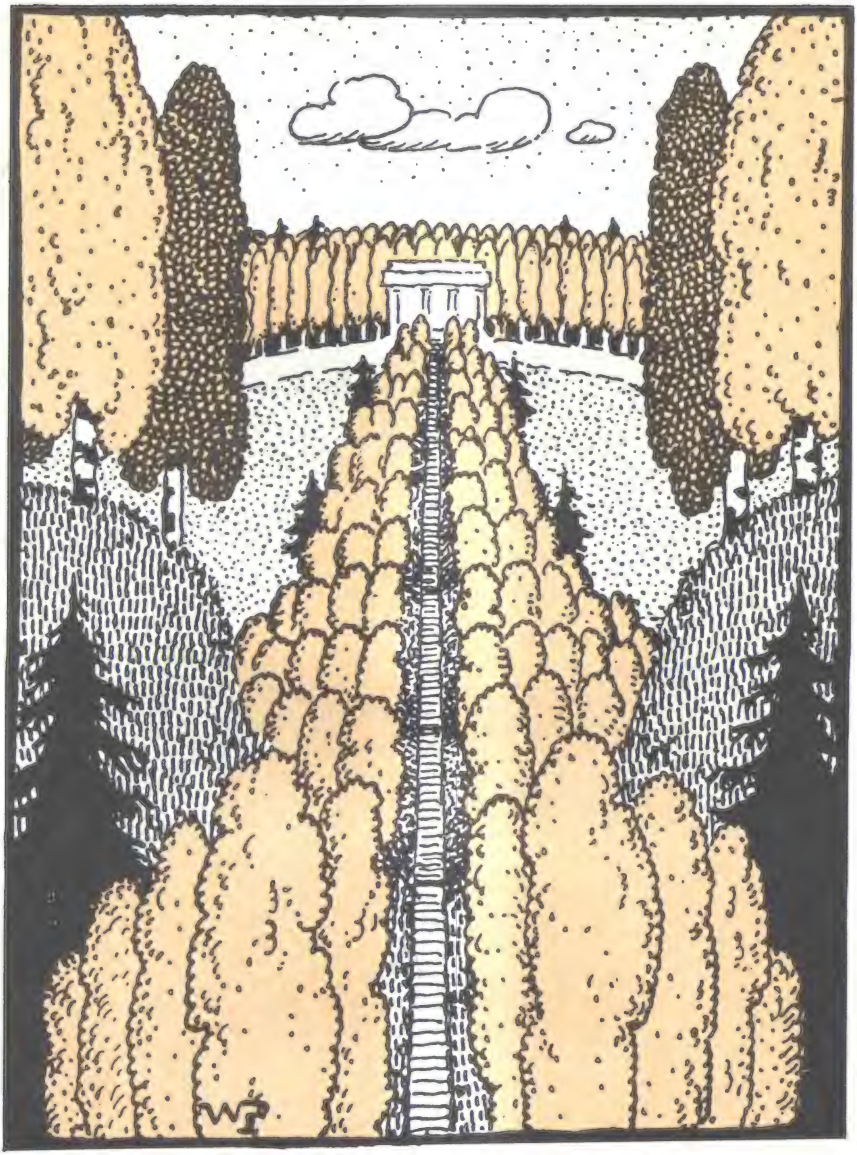
Спидола

Они не знают доброты твоей.

Айзкрауклис

Постой, еще не все,
Еще другие толки ходят,
Что настоящий труд, мол, за полночь у вас,
Что ты сама и все подружки — ведьмы!

Девушки вскрикивают и перестают работать. Спидола быстро оборачивается,



«Домой». Худ. В. Пурвит.

Ну что ж вы, как будто испугались?..
Ведь это, дочка, не мои слова.
Другие говорят такую чушь,
А я на это не повел и ухом.

Спидола

Вот так и дальше слушай их, отец!

Айзкрауклис

Ну, не сердись же, не сердись, мой светик!
Я только так... А чтобы кончить сплетни,—
Работать брось и жениха скорее
Себе ищи. Сундук с приданым полон.

Спидола
(снова у окна)

Зачем спешить, отец?

Айзкрауклис

Всегда так отвечаешь.
Всем женихам отказ. Смотри, они
Совсем уйдут...

Спидола

Пускай!!
Ведь я из рода змей. Ты помнишь это?

Айзкрауклис

Да, чистым должен быть наш род змеиный...
Избави бог! Глаза твои горят.
Как хочешь поступай, моя голубка,
Ты мне дороже, чем родная дочь.

Спидола

Я знаю, как, отец, ты добр ко мне.
Но дай мне волю! Бурю ведь нельзя
Поймать простым капканом для лисят,
Нельзя звезду премудрости учить.
Ведь я всего, что на земле,
Прекрасней!
Оставь меня, отец! Спокойной ночи!
Еще есть время...
(Мечтательно.)

Времени немало.
Могу еще смотреть, как за горами
Луна восходит и заходит вновь.

Айзкрауклис

Да, да, пора и на покой — иду.
Пускай господь поможет, дети, вам!
(Уходит.)

Девушки сразу же весело бросают работу.

Первая

Господь помог. От нас ушел он.

Вторая

Получше бога черти нам помогут.

Все

Хи-хи, ха-ха!

Третья

Черт — нам, а мы ему поможем.

Все

Ха-ха, хи-хи!

Первая

Спидола,
Иль песенка тебе не по душе?
О чем ты все еще грустишь?

Другие

И разве мы всегда не так поем,
Как добрым людям надо петь?

Спидола

Поете складно...
От ваших песен в доме шум такой,
Что все сейчас сбегутся к нам.

Девушки

А мы, чуть что, на них дракона спустим!

Другие

Мы им в глаза напустим дыму.

Спидола

Сестрицы, сестрицы,
Давайте наши песни петь!

Первая девушка

Давайте наши нитки прясть!

Вторая

Давайте наши ткани ткать!

Третья

Друзей своих на помощь звать!

Все

Старуха где? Старуха где?
За печкой спит она.

Старая ведьма
(ее выталкивают из-за печи)
У-у! У-у!

Спидола
(старухе)

Старая ведьма, скачи,
Шире платок размечи!
Нас учи ты чарам,
Мудрым, старым!

Старуха

Хэй! Прочь от огня!
Вам ли учить меня?
Прочь от огня!
(Девушкам.)
Что старику сейчас вы распевали?
Рубашку, одеяло обещали?
Чтоб выше стало пламя ада,
Другие песни петь вам надо!
(Суетясь, растапливает волшебную печь. Тащит на середину комнаты колоду, застилает ее своим платком, кладет рядом топор.)

Чесальщицы

Эй, гребешок,
Хорошо чеши!

Жизнь, как шерстиночку,
Всю мы расчешем,
Души пушинкой
По ветру пустим!

П р я д и л ь щ и ц ы

Шибче бегай, прялочка!
Алая нитка, вейся,
Струйкой кровавою
Грудь опутывай,—
Людям колючая
Будет рубашка!

Т к а ч и х и

Эй, челнок, стучи,
Нитку волочи,—
Ткем мы страсти,
Беды, напасти —
Добрым людям
На смертный саван.

В с е

Чешем, прядем и ткем
Дружно, не споря,
Всем добрым людям
Горькое горе,
Как в паутину,
Кутаем тесно.
Гость сразу сгинет,—
Где — неизвестно.

Старуха колдует у печи и тянет из нее огненные нити. Девушки, став на скамейки, развешивают эти нити крест-накрест по потолку. Узлы вспыхивают светлячками.

С т а р у х а

Вейся ярче,—
В пламени — чары,
Вейся выше, огонь!
Жалом любого тронь!
Искры летят,
Искры трещат.
Тр-р-р...

Девушки

К нам женихов кличь поскорей,
Берись за дело,—
Веселых и смелых
К ведьмам в гости кличь чертей,
Скорей!

Старуха

Полно, бесстыдницы, что за шутки!
Для Ликцепура мы делаем дело —
Так ворожите умело!
Надо из пепла огонь раздувать,—
Вам же парней бы только смущать!

Девушки

Колдуй смелей,
Зови женихов скорей!

Спидола

Ты сделай сначала нас зрячими!

Старуха

(втирает девушкам в глаза волшебное зелье)

Зелье ада, пылай,
Свет дневной затмевай,
Взору открой
Сумрак ночной!
(Прикасается к ушам девушек.)
Чувствуйте серный дух,
Пусть ваш проникнет слух
Сквозь двери, ограды,
Засовы, преграды!

Девушки

Глядите! Глядите!
Идут, идут!

Спидола последней натирает глаза и видит, как идет Черный Рыцарь, который на сцене еще не появился.

Спидола

Что вижу? Сам Черный Рыцарь идет!
Зачем он явился, угрюмый слепец?
К чему он для нашей бесовской игры?

Ужель оскудели бездны ада
И лучшего нет там? Я ухожу.
(Замечает еще невидимого на сцене Лачплесиса.)
Ах, вот он!
Что за мощь! Большой и сильный,
Полный жизни могучей,
Словно дуб, вечно юный!
Да, этого стоит склонить, сломать,
Листок за листком его ощипать,—
Ведь это не то, что Кокнес мой.
Раздуй мое пламя, Отец-огонь!

Старуха

Эй, руби, топор!
В щепки бей затвор!
Черный дым клубит.
Он ползет.
Он растет.

Под платком, которым покрыта колода, что-то начинает дымить и греметь.

Девушки

Руби! Что вздор бормочешь!

Старуха

С ума сошли вы? Прочь, цыплята!
Черед держите!

Чесальщицы
(одна за другой ударяют обухом топора по колоде)

Бью, рублю, сегодня, завтра — будь что будет!

Выскакивают три черта в бархатных кафтанах, в треуголках, в длинных чулках. Все в черном. Начинается их пляска с чесальщицами.

Прядильщицы
(все три, одна за другой)

Бью, рублю сегодня, завтра — будь что будет!

Выскакивают три черта в желтом и пляшут с прядильщицами.

Ткачихи
(одна за другой)

Бью, рублю сегодня, завтра — будь что будет!

Выскакивают три черта в красном и пляшут с ткачихами.

Спидола

Бью, рублю сегодня, завтра — будь что будет!

Медленно, тяжело шагая, появляется Черный Рыцарь. Он слеп, опирается на плечо поводыря. Пляска внезапно обрывается. Девушки и черти робко отходят в сторону.

Черный Рыцарь
(Спидоле)

Я прихожу с заданием к тебе.

Спидола

Сама себе заданье я,
Другого нет!

Черный

Ты только царству тьмы должна служить!

Спидола

Нет, надо мной никто не властен,
И земляника есть я стану,
Когда хочу!

Черный

Тебя вознесть я мог бы
Превыше звезд, до бесконечной ночи,
Где царство непроглядной и могучей,
Бездонной изначальной тьмы.

Спидола

Твое там царство. Что же мне там делать?

Черный

Но ты сильна, и власть твоя
Достойна этой тьмы.
Могла бы ты ее умножить силу,—
А ты теперь лишь блеск звезды летучей.

Спидола

Свободна я, принадлежу себе,
А ты — лишь раб и хочешь рабства всем.
Мне мерзок ты!

Черный

С судьбой борьба напрасна.
Ты ей подвластна, Спидола!
Так исполняй судьбы решенье.

Спидола

А что велит судьба? Что нужно сделать?

Черный

Грядущего убить:
Того, кто будет сильным и могучим,
Кто вечной тьмы дерзнет разбить оковы,
Зажжет огонь сопротивленья,
Кто сам восстанет на властителей,
От векового сна рабов разбудит,
Поднимет тех, кто осужден дремать,
И скажет, что поток их жаркой крови
Сметет с земли могучий замок тьмы,—
Убить того, кто нас придет убить.
Ты замысел его убей еще в зачатке —
Вот что велит тебе судьба!

Спидола

Но если так могуч он,
Что сокрушает даже силы тьмы,
То как я с ним могу бороться?

Черный

Но у тебя есть сила посильнее.
Ты на земле всего прекрасней,
И никакая в мире сила
Тебя не сломит грубыми руками.
В тебе — то счастье, полнота и мир,
Что верх берут над всем ничтожным, низким.
Ты — погруженье в ночь, успокоенье.
Так дай же мир ему — пусть, победив
Хотя бы раз, узнает он покой.
Из тьмы восстав,
Дай силу одолеть все заблужденья,
Чтоб он не бился больше ради битвы,
Верни его к земному
И счастье дай.
Вне красоты ведь в мире счастья нет!

Спидола

Так вот как власть мою ты понимаешь!

Черный

Здесь, в этом мире, дай ему все счастье,
Раскрой ему все прелести земли,
Чтоб их навек хватило.
Пусть будет счастлив он и шлет другого
Туда, где сам погибнуть мог бы,
Покуда не придаст и не продаст
Добра и правды он, для нас созрев,
Не увлечет весь мир в глухую ночь,
Нависшую так мрачно над вселенной
В недвижной тьме!

Спидола

Но я — движенье!
Я — сила. Вы же без меня бессильны!
Прочь! Он идет!
Прекрасней я всего на свете,
Всего, что на земле и в преисподней!

Черный

Все ж ночь погасит этот жалкий свет!

Исчезает. За ним — черти.
Уходит и старуха.

Первая девушка

Бр-р-р! Словно лед!
И в пекле он не мог согреться!

Другая девушка

И ведь какой на всех наводит страх!

Спидола

Пойте, сестрички, меня наряжайте,
Встретить мне надо гостя.

Прядильщицы

Бегай, веретенце,
Вейся красной ниточкой,
Алою полоскою!
Ниточка к ниточке —

Белая милому
Будет рубашка!

Песня, носившая раньше бесовский характер, при появлении Айзкрауклиса и гостей становится медленней, но бесовское в ней все же слышится. Все сидят чинно и работают.

Входят старики: Айзкрауклис, Лиелвардис. С ними Лачплесис, Кокнесис и сопровождающие их.

Айзкрауклис

Вот, дорогие гости,— Спидола!
И день и ночь она с подружками.
Мы их сейчас застали за работой.
У нас, дочурка, гости дорогие,
По матери тебе родня прямая —
Сосед мой Лиелвардис с могучим сыном,
Медведя разорвавшим пополам.
Вот так! Да! Да! У нас его теперь
Все Лачплесисом только и зовут.

Кокнесис

Тебя приветствую я, Спидола!

Спидола

А! Здравствуй, Кокнес!

Лиелвардис

Мы к вам в ворота ночью постучались
Затем, что порешили по дороге
К соседке, столь прекрасной, завернуть.
Мой сын намерен ехать в замок Буртниека
Науку постигать, искусство боя.
Ему ведь суждено героем стать,
Какого не было средь латышей.
Он так силен, что побеждает всех!
Мой сын...

Спидола

...достоин самой лучшей встречи!
Мы словно ждали гостя дорогого
И светлячками дом украсили.
(К Лачплесису, который, застыв в изумлении, глядит на нее.)
Привет тебе, о будущий герой!
Мы угодим тебе, чтоб ты не мог
Нас разорвать, как разорвал медведя.

Бегите, девушки, готовьте ужин,
Гостям ведь нужен отдых.

Девушки, убрав прялки и ткацкий станок, приносят серебряные и золотые кубки.

Лиелвардис

Ну, мне пора, Айзкрауклис!
Здесь погостить я оставляю сына.
Пусть сам он с божьей помощью потом
Уедет в замок.
(К Лачплесису.)
Честен будь, мой сын!
Прими совет — он будет лишь на благо.
Твоя судьба, сказал нам вайделот,
Который из лесу тебя принес,—
Со злом бороться и разить его
На западе и на востоке. Нет
У нас господ, свободно выбираем
Судью в дни мира и вождя — в боях.
И все равны мы друг пред другом
И тем сильны. Храни же Латвию,
Возвысь ее среди других народов,
Но дедовских обычаев держись.
Мы — пахари, и этим мы сильны.
Так с богом, милый сын!

Лачплесис
(как бы очнувшись от сна)

Отец, иду я!
(Ударяет длинным мечом о пол.)

Айзкрауклис

Давай еще раз, друг, осушим чаши!

Лиелвардис

Хозяину желаю я здоровья
И дочери его. Храни вас бог!

Айзкрауклис

Нам, старикам, пора! А вы останьтесь тут!
(Уходит с Лиелвардисом и сопровождающими.)

Спидола

Ну, что же ты молчишь, герой?
Не нравится у нас? Подружки, угощайте!

Иль слишком прост наш дом? Стремишься
в замок ты?

Девушки приносят яства, фрукты и цветы. Помогают постелить ложе, покрывают кресло золотыми покрывалами, усаживают в него Лачплесиса.

Лачплесис

Здесь чудно! Я глазам не верю.

Спидола

Но ты устал с пути. Я постелю
Сама тебе постель. И положу
Поверх нее все в звездах одеяло.
Что ж ты молчишь? Иль мы не по душе?

Лачплесис

Ты так прекрасна!

Спидола

Взгляни смелей и подойди поближе!

Лачплесис

Но я ослеп!

Спидола

(берет кубок и, стряхнув с ресниц зелье, сыплет его в вино, которое подает гостю)

На, пей вино, и сразу ты прозреешь,
Увидишь ты, как все вокруг прекрасно.
Глоток, второй — и станет даль прекрасной.
Еще глоток — и ты увидишь то,
О чем во сне мечтаешь, что всего
Прекрасней на земле и в преисподней!

Лачплесис

Но послан я сюда бороться с адом.
Так Лаймой суждено.

Спидола

Ты послан тоже? Ты не сам пришел?
Пей, все равно! И ты во сне увидишь
Все то, что Лаймой суждено тебе
Прекрасного и что всего прекрасней
Здесь, на земле, и глубже — в преисподней.

Лачплесис
(пьет в третий раз)

Я сам хочу все это видеть.
Какая радость разлилась в крови!
Я чувствую тебя, блаженства власть!
(Садится на ложе, откидывается на подушки.)
К тебе стремятся все мои мечты,
Нежны, легки их узы,
И тихо, тихо
Скользит с души оцепененье,
И белый, чистый свет ласкает очи,
Подобно ветерка дыханью.
Радость! Счастье!
Ты Лаймой мне дана, Лаймдота!
И белый, чистый свет ласкает очи,
Подобно ветерка дыханью.
Радость! Счастье!
Ты Лаймой мне дана, Лаймдота!
(Постепенно засыпает.)

В темнеющей комнате стало совсем темно. Во тьме мерцает бледный свет, из которого возникает Лаймдота, в голубой с белым одежде, окруженная серебристым сиянием.

Спидола
(пораженная)

Ах! Это — ты, а не я!
Ты всех прекрасней в мире, ты — не я?!
Так не ко мне ты, Лачплесис, стремишься?
Коль так — тебя убью я!
(Кидается к нему, но останавливается и слушает то, что говорит Лаймдота.)

Лаймдота

Будь со мной!
Звать тебя мне суждено.
Ночью отнят мой покой,
От печали днем темно
Давно.
Сквозь леса убранство,
Сквозь время, пространство,
Дорогою странствий
В небесном сиянье
Лечу я к тебе, как дыханье,

Давно.
Ты в снах моих со мною,
С моею мечтою.
Приди! Приди!

Призрак Лаймдоты приближается к Лачплесису и прикасается к его покрывалу.

Спидола

Призрак, прочь!
Прочь, виденье! Прочь! Он мой!

Лаймдота исчезает. Лачплесис просыпается, вскакивает со своего ложа, стремится вслед видению.

Лачплесис

Куда исчез ты, счастья цветок,
Сон долгожданный, любви виденье,
Лазури свет, блаженство души,
День мой сияющий, день блаженный?
Дана ты мне матерью счастья Лаймой,
Спешу за тобою, звездой путеводной!

Спидола

Герой мой, проснись, проснись скорее!
Явь живая прекраснее
Всех сновидений!

Комната украшена, как волшебный замок. Все озарено красным светом.

Лачплесис

О, где я? Что за чудеса кругом!
Встает и плещет пламенное море,
И разум мой бессилен.
Покой души, где ты?

Девушки-ведьмы начинают вокруг Лачплесиса колдовской обольстительный танец.

Лачплесис

Качается пол, качается...
Все кружится, вьется, свивается,
Гармония нежная слышится...
Мечта! Мечтанье!..
Жизни с огнем сочетанье!..
Все небо в сиянье...
Нет, не небо —
То крови кипенье.

Встают предо мною виденья.
Сжалься, сжалься!..

Спидола

Скажи, яснее ли видишь теперь?
Узнал ли то, что всего прекрасней
Здесь, на земле, и там, в тьме преисподней?
Гляди, покорно мне все:
Держу в руках луну и все созвездья,
Я счастье могу подарить и отнять...
Будь моим! Будь моим!

Волнующееся пламя утихает. Обычный свет. Девушки исчезают.

Лачплесис

Властитель Перкон мне. И я им послан.
А кто же ты? И кто тебя послал?

Спидола

Я — это я. Я лишь себе подвластна.
Иду куда хочу. Неведом мне
Мой путь...
Сияю я собственным светом.
Я — Спидола,
Я — дочь огня,
Из недр земных встающая вечно,
Я всего, что живет,— дух пылающий!
В мир чудес! За мной! За мной!

Лачплесис

Я послан биться.

Спидола

Я знаю все, могу тебе помочь:
Могу приказывать ветрам,
Как зерна сеять град, швыряя прочь
Врагов твоих, чтоб смерть шла по рядам.
Могу я развязать стихии —
Помочь тебе!

Лачплесис

Не нужно мне помощи.
Сильнее тебя моя сила
Медвежья.

Спидола

И сам медведь ты!
И уши твои медвежьи!

Лачплесис

Моих медвежьих ушей не тронь!
Да, медведицей я рожден,
Как древний Латвии нашей герои.
В медвежьих ушах моих
Великая мощь и сила —
И всех она ведьм сильнее,
Что пламя вздувают и кружат снег.
Я послан землю от нечисти злой очистить!

Спидола

Грубый и грязный ты мешок,
И впрямь — медведя отродье!
Что ж, буду знать, что в ушах твоих сила!
А я — дочь змеи, гибкая, тонкая,
С острым жалом,
И я всего, всего прекраснее,
Всего, что на земле и в преисподней.
И все на свете мне подвластно.

Лачплесис

Но сон мой тебя прекрасней.
Он — Лаймдоты образ.
К ней лишь одной я стремлюсь неизбежно,
А не к тебе, ты — пламя.

Спидола
(снова озаряется отсветом огня)

Так знай же, дерзновенный,
Что гнев ужасен мой.
Теперь по всей вселенной
Тебе лететь за мной.
За мной, что блещет, как звезда,
И от тебя скользит всегда!

Освещенная гаснущими лучами, Спидола отступает к окну. Девушки за нею. Отблеск пламени постепенно меркнет. На фоне окна, в полной темноте, Спидола озаряется мерцающим светом — подобно видению Лаймдоты.

Ты будешь меня искать,
И если стеснится дыханье,

Взгляни на мое сиянье,
Чтоб страстно меня желать.
Свет мой не знает границ —
Падай скорее ниц!

(Сбрасывает черное покрывало и остается в ослепительном белом наряде.)

Лачплесис

А!

(Закрывает лицо руками.)

Спидола

Спидола жизни, света полна,
Выше лесов мчится она!
Хэй, ведьмы, хэй, ведьмы, хэй!

Лачплесис, защищая глаза рукой, размахивает мечом, срезая светящиеся, колдовские нити. Одна из них прилипает к его мечу. Светлячки, словно огненные искры, сыплются на него с потолка. Лачплесис падает. Спидола исчезает. Золотой луч гаснет.

Девушки-ведьмы
(вскрикивают)

Ай! Ай! Ай!

Снаружи в окна льется темно-красный свет.

Хэй, ведьмы, хэй, ведьмы, хэй!
Хей, скорей, хэй! Хэй!

(Окружают Лачплесиса.)

Первая

На лунный зов
Под вой волков...

Все

Хэй! Хэй!

Вторая
(Лачплесису)

Медведь, в берлогу
Ищи дорогу!

Третья

Будем тебя душить, терзать!

Четвертая

Лаймдота станет напрасно звать.

Пятая

Пыл твой остынет!

Шестая

Сгинешь в пучине!

Седьмая

И бессилье сломит силу!

Восьмая

И возьмет тебя могила!

Девятая

На лунный зов
Под вой волков!..

Все

Ведьмы, хэй!
Ведьмы, хэй!
Ввысь!

Все гаснет. Лачплесис остается лежать на полу.

Занавес

Ввысь!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Потонувший замок Буртниека на дне озера. Обширный зал. Стеклянные стены. Направо — большая, налево — маленькая дверь. Роскошное убранство — оружие, пергаментные свитки. Скамьи, столы, кресла.

Ночь. Зажжены светильники. За стеклянными стенами — движение озера. В воде проплывают обитатели глубин — рыбы, змеи; струятся водоросли.

Спидола

Был замок над озером вверен тебе,
Но ты его утопил в пучине.
Теперь сам хозяин идет сюда
С холодной, коварной Лаймдотой.
Властителя ада ты умолял
Не повергать тебя в пасть дракона,
Оставить в живых, обещая восстать
На Перкона и мудрецов его,
Чтоб людям из тьмы уже не подняться.

Кангар

А к чему ты напомнила? Знаю и сам.
И ты ему тоже служишь...
Но волю твою я готов исполнить.

Спидола

Ты — раб преисподней, не равен мне,
Я лишь себе служу.
Ты мне подчинен.
Тебе закон —
Все, что я скажу.
Уж Буртниек близко, и Лаймдота с ним!

Кангар

Я сам заманил их сюда обманом.

Спидола

Но вслед за ними идет сам Лачплесис.
Он вырвет замок из пасти дракона.
Зови же всех духов ада,
Чтоб, скалы обрушив, закрыли замок,
Чтоб стеной поднялась вода и путь
Сюда преградили дюны!
Ты Ликцепуру служишь, ты раб его,
Ты ползал у ног его с мольбою.

Кангар

Меня ты порочишь!..
Лишь ради тебя я позор несу,
Чтоб мощь и славу тебе добыть.
Я у людей заслужил доверье,
Я всеми признанный вождь народа,
Единственный в мире мудрец и советчик.

Спидола

Известны советы твои! Ха-ха!
Ведь с ними лишь в пекло дорога. Ха-ха!

Кангар

Ну да, всегда я служил лишь тьме,
И к ней людей веду я,
Чтоб ниц они пред тобою пали,
И в этом, поверь, не вижу плохого —
Ведь ночь одолеет робкий проблеск!

Спидола

Искусен ты в оправданьях!

Кангар

Не я, так другой поступит так же...
Ад без меня одержит победу.

Спидола

Как мало, я вижу, себя ты ценишь!
Да, без тебя обойдется ад,
Но коль продался — служи.

Кангар

Да, я унижаюсь, но власть я добуду,—
Не сразу, как ты, но ползком и втайне.
Веду я во тьму, но о том не знают.
Сам Лакцепур меня возвеличит,
Мы царство тьмы с ним воздвигнем в Риге
И всех подчиним понемногу Риму.
И Кокнес готов поехать туда,
Если ты будешь ласковой с ним!

Спидола

Нет, с ним отправится Лаймдота,
А с ней Лачплесис сам.

Кангар

Что, Лаймдота? Нет!

Спидола

Ее заманил ты обманом в замок,
Но с замком вместе исчезнет она.

Кангар

Нет, она мне заменит тебя,
Ведь я же тебе не нужен!
Я знаю, ты грубого ждешь медведя,
Но чем он меня превосходит?
Мы с ним когда-то дружбу водили,
Силы в нем много, но нет ума.
Он, силой гордясь, колдовство отверг
И мир покорить лишь силою хочет.
А я,
Я ради тебя покорился аду.

Спидола

Не ради меня,
А ради денег.

Кангар

Но чем же пленил тебя Лачплесис?
Я всей душой его ненавижу.
Но для тебя я готов на все.

Спидола

К чему мне раб, коль бессилен хозяин?
Ты мне не нужен. Прочь! Уйди!

Кангар

Для тебя я готов на стыд и позор!..
(Пытается приблизиться к Спидоле.)

Спидола

Прочь!

Кангар

Что за надменность?
Грубый медведь над тобою смеется.

Спидола

Раб! Собака! Как смеешь ты...
Сам ты стал посмешищем ада!
Сюда! Эй, черти!

Прибегают семь чертей.

Спидола

Скажите ему, что он аду продался
За золото и за почет глупцов.

Первый черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать:
Родной народ цепями зла сковать,— тьфу!
(Плюет на Кангара.)

Второй черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать:
Сынов народа погубить, предать,— тьфу!
(Плюет тоже.)

Третий черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать:
Что власть и гнет заставит он признать,— тьфу!
(Тоже.)

Четвертый черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать:
Борцов за волю бить, терзать, пытать,— тьфу!
(Тоже.)

Пятый черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать:
Цепями рабства всех людей сковать,— тьфу!
(Тоже.)

Шестой черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать:
Свободный дух везде, во всем попрать,— тьфу!
(Плюет.)

Седьмой черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать:
Живую душу мучить, жечь, ломать,— тьфу!
(Тоже.)

Кангар

Сжалься надо мною!
(Падает на землю, ползет к Спидоле.)

Спидола
(чертям)

Прочь! Прочь!

Черти исчезают.

Спидола
(Кангару)

Вставай!

Кангар
(шипит)

О, сколько злости в тебе!

Спидола

Не шипи — иль спалю тебя в пламени!
Слушай и исполняй!

Кангар хочет уйти.

Куда ты? Постой!
Ничтожный, мерзкий холоп,
Стой! Ты слышишь?
(Прислушиваясь, смотрит в окно.)
Прыгают рыбки и блестят,
Тихо бьется вода о стекло...
Это она — Лаймдота!

Кангар громко хохочет.

Тише!
Кто там такой?
Идет — вода бурлит,
Мечутся в страхе змеи,
Водоросли легли,
Муть поднялась,
Травы ко дну прижались...
Лачплесис!
Поздно уже защищаться...
Зови на битву весь ад! Беги!..
Попал ты, медведь, в западню,
И задушит тебя вода!
Печь топи скорей, холоп!
Уши ему сейчас спалим!

Кангар

А разве в ушах его сила?

Спидола

Калите железо! Несите гроб!
В нем я его заберу... Беги!..
(Смотрит на большую дверь.)

Кангар

Ха! Ха! Ха!

Спидола

Молчи, холоп!
(Опять задерживает его.)

Видишь?
Как лен, ее бесцветны косы,
Глаза светлы и пусты, как озера,—
Так что же с нее он не сводит взора?
И щеки белы у нее, как сметана,
А он их считает красивыми... Странно...
Иль в холоде этом секрет ее власти?
Ни искры огня, ни задора, ни страсти!

Кангар

Идут! Беги!

Спидола

Тише!
(Стоит, погруженная в созерцание.)

Кангар

Ты слышишь — воды стонут!..
Он смутил глубины, затоны.
Раки, угри ползут из тьмы,
Бьют хвостом и дно мутят сомы.
Как страшно мне стало!.. Скорей уйдем!
Видишь, змеи вьются кругом?
И чем так велик он? В нем все — разрушенье,
А он внушает любовь, восхищенье.
Твердый лоб его, знаю,—
Одна скорлупа пустая.
Но подожди! Я найду, где таится
Сила твоя.
Предам тебя! Погублю! Свершится
Все то, чего желаю я.
Скрыться, Спидола, время!

Спидола
(будто просыпаясь, встряхивает черными кудрями)

Видишь, блещут змеи волос,
Пусть же мокнет от слез лен проклятых кос!

Оба поспешно уходят. За стенами замка все пришло в движение. Исчезают чудища. Пауза. Озеро бушует, рыба бьется о стены. Буря.

Входит Лаймдота. Сверкают золотые рыбки. Переливается в легком сиянии вода. При появлении Лачплесиса все окружающее принимает более суровую окраску. Лачплесис задерживается на пороге, рассматривает оружие на стенах, все пышное убранство замка.

Лаймдота

В озере страшно и странно,
Редко рыбка сверкнет.
Свету сквозь полог тумана
Не разбудить этих вод.
(К Лачплесису.)
Зачем, как дитя, глядишь удивленно?
Сама я веду тебя в царство подводное.
Мне жутко... Иль нет из пучины сонной
Пути свободного?
Все самое страшное должен ты знать.

Лачплесис

Лаймдота, трудно мне здесь дышать.
Серы запах льется,
Душно, темно, как в бездонном колодце.

Лаймдота

Приблизься ко мне. Скорей!
Здесь адское пламя пылает.
И ужас мне сердце сжимает...

Лачплесис

Позволь мне защитою быть твоей!
Счастье — в объятьях тебя держать!

Лаймдота

Нет, в этом месте нам счастья не знать!
Древние свитки гласят, что любовь ко мне
Сердце сжигает в злом огне.
Что там горит во мраке густом?

За стеклянной стенкой мелькают две искры.

Лачплесис

Рыбка скользнула, сверкнув хвостом,
Куда ведешь ты, любовь моя?
Что здесь исполнить должен я?

Лаймдота
(борясь с собою)

Мне нужно все тебе рассказать —
Иначе спасения замку нет,
И в нем не воскреснет больше свет.

Так слушай... О, ужас!.. Нет, надо кончать!..
В былое со мной погружался ты,
Его величие видел ты,
И мудрость его усвоил ты.
Она вовек неизменна:
Стать мудрым, пожертвовать жизнью, коль надо,
Путь свету пробить, уничтожить преграды,
Быть сильным, быть смелым, всегда
вдохновенным!..
(Боязливо озирается.)
Смотри, огоньки там опять горят!

Лачплесис

То озера звезды, любовь моя.
Зачем ты меня привела сюда?
Иль тайных врагов скрывает вода?

Лаймдота
(про себя)

Мне страшно...
(К Лачплесису.)
Все сказано. Нет уже слов,
Не сыщешь ты большего у мудрецов,—
Их древние свитки ты понял давно...
И здесь нам проститься с тобой суждено.

Лачплесис

Но как мне уйти? Отыщи мне дело,
Где б силу я мог приложить умело.

Лаймдота

Дела не в силах я дать...
Поздно... Волнуется озера гладь.

Лачплесис

Но ты другому меня учила.
Ты хочешь, чтоб зря пропадала сила?

Лаймдота

Пока могла, я тебя вела,
Сам дальше идти ты должен.
Пусть будет дорога твоя светла!

Лачплесис

И ты победы не хочешь моей?

Лаймдота

Сквозь самое страшное шел бы ты к ней!
Здесь свет впервые увидела я,
И здесь окончится жизнь моя.
Как к свету цветок, я тянулась к тебе.
Без страха теперь отдаюсь я судьбе,—
Быть может, тогда избежишь ты зла.

Лачплесис

Зачем уходить мне? Ты так светла!
О, если б моей ты всегда была!

Лаймдота

Бежим отсюда!
Страх сердце сжимает.
Ты видишь?.. Два пламени нам угрожают.

Искры за окном вспыхивают ярче.

Милый, уйдем, что нам спорить с судьбою!
Замок останется пусть под водою!..

Лачплесис

То запрещаешь, то манишь опять?
Зачем меня увела ты
С собой в этот ад проклятый?
Иль хочешь покоем и счастьем смущать?
Не ты ль мне была путеводной звездой,
Ведущей к свету, в простор голубой?

Лаймдота

Беда угрожает тебе в борьбе —
И больше, чем ты представляешь себе.
Бегут великаны перед тобой,
Ты смело всегда принимаешь бой,
Но здесь ты охвачен будешь тьмой.
Две чаши весов сейчас пред тобою:
Безмятежное счастье — иль смерть героя.
Опасность и муки пройдешь ты в боях,
Тебя пленят у меня на глазах,
Вот меч твой сломанный вижу я,

Из уха крови бежит струя,
Упал ты, не кончив сраженья,
И терпишь вечно мученья,
Гибнешь в воде и в огне...
Беги! Нет, склонись ко мне,
Тебя я прижму к своей груди...
Останься! Нет, уходи!..

Л а ч п л е с и с

Подумай, могу ль я внимать тебе?
Я только крепну душой в борьбе!
Я должен узнать...

Л а й м д о т а

Спасайся, беги!..

Л а ч п л е с и с

Ты никогда еще так не боялась!..
Чем ты пугаешь? Чего испугалась?
Я послан бороться и зло победить.
Молчишь? Я заставлю тебя говорить!
Не призрак ли ты?
Иль отблеск мечты?

Л а й м д о т а

Как злобно блещут огни во тьме.
Им тебя отдаю, хоть и горестно мне.
Смотри —
В пещере, давно замурованной,
(указывает на небольшую дверь)
Запрятан свет заколдованный.
И ждет он веками,
Чтоб стало свободным плененное пламя.
Лишь тот, кто отважен, кто в бой идет,—
Из вечного рабства вырвет народ,
Лишь тот, кто в ночи не погибнет сам,—
Оковы рабства разрубит нам.
Замок света встанет из вод —
И новою жизнью народ заживет.
С зари приходом
И я свою обрету свободу.
Тогда я стану твоей невестой.

Лачплесис

Ну, вот! Теперь мне все известно!
Ты счастье мое старалась скрыть,
В болоте будней меня утопить.
Ты — зла иль добра —
А моею станешь!
Молчи! Уже не обманешь.
Хэй! Где он, противник мой?

Бьют часы.

Лаймдота

А время ведет свой счет...
Полночь бьет!

Лачплесис
(целуя ее)

Пока пробьет двенадцатый час,—
Поцелуй дважды двенадцать раз.
Хэй, не спорь со мной!
(Вторит поцелуями бою часов.)

Лаймдота

Там ключ от свободы... от счастья людей...
О нет! Уходи скорей!

Лачплесис

Туда?
(С мечом в руке бросается к маленькой двери.)

Лаймдота

Ты после полу́ночи
Увидишь его лучи
И опасность кругом!..

Лачплесис

Справлюсь я с нею!

Лаймдота

Но, милый, если тебя одолеют?

Лачплесис

Не падать учен,
А работать мечом! Хэй!

Л а й м д о т а
(дает ему зеркало)

Душа моя в зеркале этом скрыта,
Оно от козней и зла — защита.
Сразят тебя — разобьется оно,
И души наши сольются в одно.

Л а ч п л е с и с

Мы будем вместе через час,
И счастье в замке встретит нас.

Л а й м д о т а

Я ухожу, но буду с тобой,—
Так предначертано нам судьбой,
Адским огнем те глаза горят...
Гады ползут, источают яд...

Уходит. За прозрачными стенами понемногу собираются глубинные чудища.

Л а ч п л е с и с

Невеста моя! Уходи от бед...
Свободы ключ, появись на свет!

Сверкнул ключ. Лачплесис бросается к нему. Поднимается адский шум, ураган. Чудища мечутся во все стороны. Шипенье. Стены раскалены.

Л а ч п л е с и с один. Сбегаются ч е р т и с раскаленными докрасна вилами, крюками и т. п.

Ч е р т и

Крюк калите! Жарьте печь!
Заколоть его и сжечь!
Бей! Режь!
Растянуть на колесе
У него суставы все!
Рви! Ешь!
Грудь порвать ему багром,
Растерзать его живьем!
В пух! В прах!
(Прыгают вокруг Лачплесиса, шипят и скалят зубы.)

Л а ч п л е с и с

Хэй! В прах!
(Раскидывает их одной рукой.)
Эй, галчата, воронята, прочь!

Разве нет чертей сильнее?
С ними биться мне ладнее!

Черти смущены. Давка. Кричат, перебивая друг друга.

Черти

Кто он такой? Кто он такой?
Мы для него лишь вороний рой.
Чуть он дохнет —
Пламя собьет.
Только куснешь —
Кидает в дрожь.
Все нипочем
Ему с мечом.
Валит он нас
Искрами глаз.

Голос Спидолы
(за сценой)

Железным вас бить кнутом,
Спины каленым вам жечь колесом!

Черти

Э-ой! Э-ой!
(Снова бросаются на Лачплесиса.)
Крюк калите! Жарьте печь!
Заколоть его и сжечь!
Бей! Режь!
Растянуть на колесе
У него суставы все!
Рви! Ешь!
Грудь порвать ему багром,
Растерзать его живьем!
В пух! В прах!
Э-ой! Э-ой!

Лачплесис

Э-хэй! Э-хэй!
Биться с вами — потеха,
Лопну я сам от смеха.

Черти

Крепок медведь —
Не одолеть!
Э-ой! Э-ой!

Вдруг исчезают. Все стихло. Искры гаснут. Сверкают только глаза Спидолы. Свет постепенно принимает бледный, прозрачный оттенок. Падают редкие снежинки. Окна покрываются льдом. Трещит мороз.

Лачплесис один. Вкатывается открытый гроб с мертвецом.

Лачплесис

Зачем ты здесь? Кто ты такой?

Мертвец
(загробным голосом)

Хочу тебя забрать с собой!

Лачплесис
(замахиваясь мечом)

Вот получай!

Мертвец

Хочешь не хочешь — мне жизнь отдай!

Мертвец сбрасывает с себя саван, и Лачплесис видит в гробу самого себя.

Лачплесис

Как? Это я? Куда ж идти?

Мертвец

От шерсти с ушей своих откажись —
Без мук и страданий получишь жизнь.

Лачплесис

Но я не страшусь страданий в пути.
Покончено с прошлым. Дорога ясна.

Мертвец

Суров твой путь, а смерть страшна!
Хочешь счастья на многие годы?

«Огонь и ночь». Худ. О. Норитис.

Лачплесис

Хочу лишь себе и другим свободы.
Мне стать преградой не может ночь!
С дороги прочь!

Гроб уходит в землю.

Ключ! Предо мной
Ворота замка открой!

Снова бросается к ключу, ударом меча распахивает дверь. Виден большой дракон. Пламя, вырывающееся из его пасти, освещает сцену. Лачплесис. Дракон. Потом Спидола.

Лачплесис

Э-хэй! Э-хэй!
(Рубит мечом.)

Дракон увертывается. За спиной дракона появляется Спидола. В ее волосы вплелись гадюки, спадая на плечи.

Спидола

Держись, отец! Пали огнем!
Не первый враг на пути твоем!

Лачплесис

Хэй! Хэй!
(Рубит мечом.)

Дракон отскакивает назад.

Спидола

Спидола — вечно сияй!
Лачплесис — погибай!
Пламенем кос я стану жечь —
И на куски разлетится меч.
Косы-змеи, шипите.
Медведя душите!
(Встряхивает волосами, бросает змею на Лачплесиса. Меч его падает на землю.)

Лачплесис
(выхватывает зеркало и поднимает его перед Спидолой)

О злая кудесница!
Что мне змеи?
Гляди скорее!

Спидола исчезает. Лачплесис сшибает мечом корону с головы дракона и вонзает ему в грудь клинок. Дракон издыхает с шипеньем и ревом. Поднимается ураган. Свет гаснет. Снова начинает сиять ключ. Лачплесис берет его. Колени его подгибаются от усталости.

Лачплесис один. Позже — Белые Девы.

Лачплесис

Лаймдота! Лаймдота!..

Голос Спидолы
(издали)

Ха! Ха! Ха! Ха!

Лачплесис

Тьма, растай!
Ключ, открывай!
Свободы замок, из тьмы явись
Туда, где солнце, где неба высь!..
Свет и Счастье — всем, всем!.. Берите!..
Нет больше сил...
(Ложится на обросший мохом и осокой бугорок. Засыпая.)
Лаймдота! Лаймдота!..

Из полутьмы возникают три Белые Девы, облитые ярким сиянием. Они склоняются над Лачплесисом, навевая ему сон белыми покрывалами.

Лачплесис и Белые Девы.

Первая

К нам новый день пришел опять —
Спи же, герой, спи спокойно!

Вторая

Не надо больше слез проливать,
Ты злую силу сумел унять...

Третья

Бой ты провел достойно,
Спи же спокойно!

Первая

Грядущий день встает над тобой...
Спи же, герой, спи спокойно!

Вторая

Твой вечный сон не пришел, герой,
Принес ты нам радость, свет, покой.

Третья

Отважное сердце воина,
Спи спокойно!

Медленно уходят. Появляется Старец Времени. Лачплесис, Старец Времени.

Старец Времени

Тебе навеяли сон мои дочки.
Так спи же, мой сын, спокойно!
Ведь ты одолел проклятую силу
Самого властелина ада!
Ты жертвовал жизнью, себя побеждая,
Свободный, ты всем принес свободу
И замок подводный открыл для солнца,
Чтоб он по земле разлил сиянье!
Пусть в Латвии свет озаряет души,
Пусть радость в ней почувствует каждый,
Пусть горя стоны замрут,
Пусть люди поровну делят счастье,
Пусть будет работа у них и отдых,
Пусть все свободно стремятся к солнцу,
Чтоб мысль и чувство оков не знали!
Растет человек — растет народ
И расцветает, как сад душистый.
Отец народа я. С младенчества
Его в колыбели баюкал я,
Ключ свободы ему я выковал.
Враг одолел — ключ ушел на дно.
Ты поднял свет — продолжай, что начал.
Веками идет борьба со тьмой.
Не уступай ей — и, отступая,
Не налагай оков на свободу.
Крепко мой ключ держи. Коль упустишь,—
Потонет замок, а с ним и ты.
Не поддавайся ни в чем обману,

Не верь, что враг твой тебя сильнее;
Лишь мужеством ты добудешь победу,—
Борись! Борись!
Тебе предстоит великое дело:
Готовить землю для царства света,—
Борись же, борись без отдыха!
(Исчезает. Гаснет и его сияние.)

Лачплесис
(во сне)

Лаймдота! Лаймдота!
Невеста моя! Любовь! Мечта!
Приди скорей, чтоб мне легче было,
Молви: как долго ты спишь, мой милый!
Как нежно здесь голоса поют!
Ведут невесту мою...

Замок света поднимается из озера. На его белых башнях звонят колокола. Постепенно рассветает. Восходит солнце.

Собираются люди Буртниека: воины, крестьяне, женщины, дети.

Хор

Из тьмы зловещей,
Из адских трещин
Заре навстречу
Встал Замок Света;

Разбив оковы,
Из тьмы суровой
Для жизни новой
Встал, в блеск одетый.

Теперь он с нами,
И над сердцами —
Свободы пламень,
Сиянье жизни.

Дыша весною,
Нам жить в покое
Одной семьею
В одной отчизне!

Входят люди и видят спящего Лачплесиса.

Первый

Дракон! Смотрите!..

Второй

С ним рядом спит он.

Третий

Смотри, меч сломан!

Четвертый

И все ж победа!

Мужчины

Слава, Лачплесис, сильный душою!
Из черных глубин, из темноты,
Из бездны рабства поднял ты
Замок Света. Слава герою!
Разил ты чудовищ-мучителей,
Неволи нашей хранителей.
Врага разбил ты в битве кровавой,
Мужам всегда был примером. Слава!

Свадебные гости

Пойте, трубы, славу —
Ду-ду! Ду-ду!
Замок величавый!..
Ду-ду! Ду-ду!

Каблуком, соседи,
Звонко, звонко
Бейте в пол из меди,
Звонко, звонко!
Громче, барабаны!
Рибу, рубу!
Все на пир наш званый!
Рибу, рубу!

Свадебный подарок
Для невесты,
Замок — светел, ярок —
Встал из бездны.

Громче, барабаны!
Рибу, рубу!

Все на пир наш званый!
Рибу, рубу!

Вместе со всеми пришел старый Буртниек.

Лачплесис

Милый отец!

Буртниек

Сын мой отважный,
Ты замок поднял из глубины,
Прекрасной невесты дождался.

Лачплесис

Где Лаймдота? Где Лаймдота?

Буртниек

А разве она не с тобою?
Нигде ее в замке нет.

Лачплесис

Ты сам куда-то укрыл ее!
Замок возьми, но отдай мне Лаймдоту!

Буртниек
(рвет на себе волосы)

Нет ее, нет!

Лачплесис

Обратно в пучину я брошу ключ!
Верните мне Лаймдоту!

Буртниек

Ищите все!
Кокнес, скорей! Дай приказанье!

Голос из толпы

Нет здесь его!
Он скрылся с полночи.

Вбегает мальчик.

Мальчик

Лаймдоту нашу — я сам видал —
На колеснице дракон умчал,
Я ей на помощь бежал сначала,

Но догонять уже сил не стало,
И я вернулся в слезах домой.
Не видеть нам Лаймдоты родной!

Лачплесис

Я должен ее скорей найти,
Хотя бы весь мир встал на пути!
Отец, я иду искать мечту,
Свою отыщу я Лаймдоту!

Занавес

Свою отыщу я Лаймдоту!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вновь основанная Рига на берегу Даугавы.
На переднем плане шатер властительницы Спидолы; большая горница богато убрана в духе древнелатышской варварской пышности, со следами влияния западной культуры XII столетия.

Налево трон Спидолы. По бокам и напротив него кресла военачальников. Посредине большие двери, задернутые красной завесой. Налево — другая дверь, ведущая в покои Спидолы.

Направо вход в помещение для воинов.

Когда открываются главные двери, видны строящаяся Рига и берег Даугавы с причаленными к нему немецкими кораблями и лодками латышей. За рекой — холмы, поросшие дремучими лесами.
Светлый солнечный день.

Спидола стоит у главного входа, занавес которого поднят, и смотрит на берег Даугавы, где собралась большая толпа народа: латыши, ливы — крестьяне, воины, вожди племен. Среди них и немцы — мастера и надсмотрщики. Люди провожают корабли, на которых Каупо и его спутники готовятся отплыть в Неметчину.

Люди

(поют прощальные приветствия, в которых ясно проступают мрачные предчувствия)

— Счастливый вам, братья, путь до Рима!
— Да здравствует Каупо, вождь любимый!
— О, горе нам, горе!
— Пускай дары привезет он нам
— И невредимым вернется сам!
— О, горе нам, горе!
— Пусть братья и сестры вернутся с ним!
— Благословенье пришлет нам Рим!
— О, горе нам, горе!

Спидола

(приказывает опустить занавес над входом в шатер, отходит со смехом)

Братьев, сестер не дождетесь с ним,
И только рабство пошлет вам Рим!
(Ударяет в щит.)

Входит воин.

Все ли готово?

Воин

На палубе Каупо вместе с дружиной.
К тебе, госпожа, вожди направляются.

Спидола

На корабле уже пленники?

Воин

Нет, среди них наводят порядок.
Какой-то женщины речи
В них поднимают дух непокорства.

Спидола

Что слышно о замке?

Воин

(смеясь)

Да ничего... Иль Лачплесис страшен?

Спидола

Страшись за себя, чтоб тебя не забрали!
(Ударяет в щит.)

Входят воины.

Спидола

Сведите на судно!

Воин

Владычица, о, сжалься, сжалься, сжалься!
Здесь у меня жена и дети!

Спидола

Прочь!

Воина уводят.

Входят Кангар и вожди. Пока они собираются и выстраиваются, через открытую дверь доносится прощальная песня и рабочий шум строящейся Риги: стук молотков, возгласы надсмотрщиков, временами крики и стоны. Дверь закрывают.

Кангар

Наших к тебе я привел начальников.
В Рим мы сейчас отправляем Каупо.
Знатные Ригу продали Риму,
Так пусть же они и крепость воздвигнут
От всех врагов — внутри и снаружи.
Они тебе изъявляют покорность,
Жалеют о том, что была вражда
С Римом — другом и покровителем,
И обещание дать готовы,
Что непокорства уже не будет.

Выборные от военачальников

Мы всех виновных тебе назовем,
Карай их своим судом.
За подстрекательство к борьбе
Мы выдали Лаймдоту тебе.
Тех, кто дерзнет роптать,—
Поможем заковать.
Наместнице Рима служить хотим.
Будь госпожою рабам своим!

Спидола
(коротко и презрительно)

Служите, получите плату!

Военачальники

Славься! Славься! Славься!

Один из военачальников

Владычица, пленных сюда ведут.

Голос Лаймдоты
(за сценой)

Слушайте, братья, сестры, внемлите!
Жаркие слезы из глаз струите,—

Чтоб растопилось железо цепей,
Чтóбы оковы распались скорей!

Эхо вдали

О, горе нам, горе!

Спидола приказывает отдернуть занавес. Видно, как ведут на корабли пленных. Среди них Лаймдота в цепях, в изодранной одежде.

Лаймдота

Что же я слышу одни только вздохи?
Или глаза у вас пересохли?
Или вы слез истощили запас?
Долго, века им струиться из глаз!

Эхо

О, горе нам, горе!

Лаймдота

Руки в оковах, свободные прежде,
Пятна крови на светлой одежде,
Цепи гремят от моих шагов.
Братья, познали вы тяжесть оков

Эхо

О, горе нам, горе!

Спидола

Ха-ха-ха! Лаймдота! Вот она —
Словно невеста наряжена!

Лаймдота

Смейся, змея, недолго придется
С могуществом света тебе бороться:
Лачплесис придет — тебя разорвет.
Еще не бежишь,
Но в страхе дрожишь.

Спидола

Жди!
Времени много еще впереди,
Он, разорвавший медведя,— потом
Будет разорван и сам колесом.

Лаймдота

Ты можешь сразить его,— все равно
Сбудется то, что судьбой суждено.
За нами — другие...

Спидола

Ты о рабах?

Лаймдота

О всех угнетенных, о тех, кто в цепях!

Спидола

Ты их зовешь к мятежу, как прежде,
Внушаешь им мужество и надежду,
Чтоб, жизнь за других отдавая свою,
Гибли в бою.
Раб — это раб!

Лаймдота

Смейся, но знай: придет пора —
Станет героем вчерашний раб.

Спидола

Придет пора — и раздавят вас.

Лаймдота

Ненависть нам уснуть не даст.

Спидола

Вам ненависть даст освобожденье?
Иль лучшей у вас и цели нет?

Лаймдота

Нужна нам ненависть для отмщенья,
Всего нам дороже — свободы свет!

Спидола

Ха-ха-ха!

Лаймдота

Слушайте, сестры, слушайте, братья,
Несем на чужбину цепей проклятье.

Идем далеко, но вернемся опять.
Нам надеяться, им — дрожать.

Спидола

Убрать ее! Рот ей зажать!

Пленных уводят. Барабанный бой.

Лаймдота
(сквозь грохот барабанов)

Нам надеяться, им — дрожать!

Эхо

О, горе нам, горе!

Кокнесис
(из толпы отъезжающих)

Прощайте же, прощай, Спидола!
Ради тебя уезжаю я.

Спидола

Мудрости перстень вези с собой,
Ты ласково встречен будешь мной!

Отъезжающие
(украшенные цветами)

Моря переплываем
Мы ради глаз твоих
И бури побеждаем
В лучистом свете их.

Об утес бурун дробя,
Море катит волны.
В час прощальный за тебя
Выпьем кубок полный!

Рим дары тебе пошлет,
В славе будешь скоро,
И тебе преподнесет
Сакту каждый город.

Моря переплываем
Мы ради глаз твоих
И бури побеждаем
В лучистом свете их.

Народ
(издалека)

Пусть сестры и братья вернутся с ним,
Благословенье пришлет нам Рим!
О, горе нам, горе!

Занавес у входа задергивается.

Спидола

Ха! ха! Вы верите им сейчас?
Глупцы! Ведь они обманут вас!
Ха-ха!
(К военачальникам.)
Ступайте! За дело!
(Уходит.)

Военачальники и Кангар.

Военачальники

Скажи нам, чем недовольна она?
Что сделали мы? В чем наша вина?

Кангар

Нет, нет! Только строгими быть вам нужно,—
Пусть люди молчат и работают дружно.
(Уходит.)

Военачальники отдергивают занавес и кричат людям, которые, прервав работу, с грустью смотрят вслед уезжающим.

Военачальники

А ну за работу! Не пялить глаза!
Тот, кто уплыл, не вернется назад!

Голоса

О, горе нам, горе!

Военачальники

Работайте молча. Живей, живей!
Не слушайте больше вздорных речей!

Военачальники уходят. Двое из них задержались. Занавес задергивается.

Первый

Все хорошо. Вот Спидола только...

Второй

Сердится, ведьма! Ну что ж, ничего...

Первый

А изверг, злодей наш — Лачплесис?
Счастью конец,
Как только придет сюда храбрец.

Второй

Но Кангар мудрый человек...

Первый

Среди латышей подобного нет.

Второй

Послушно работают люди на нас.

Первый

Чего нам бояться? Рим нас хранит.

Второй

А Кангар всегда к сильнейшему льнет.

Первый

Станет крепче Восток — откачнется к нему.

Второй

Всех обойти, видно, хочет...

Первый

Ложью!

Снаружи шум.

Люди

Что горит? Что блестит?
Солнца луч!.. Сердце стучит...
Вот он, избавитель!
Смотрите! Смотрите!
Замок он поднял из мрака,
Освободил нас от страха.
Лачплесис, наш друг,
Всех соберет вокруг!

Лачплесис

Где злодеи, скажите?

Л ю д и

В шатре укрылись.
(Отдергивают занавес.)

Л а ч п л е с и с
(военачальникам)

Где он, мой враг?

В т о р о й в о е н а ч а л ь н и к

Кто? Лачплесис? Далеко!

Л а ч п л е с и с

Нет, здесь он. Кангара смерд!
А ну, получай!
(Убивает его.)
Хэй! Все выходите! Я жду.

В о е н а ч а л ь н и к
(за стеной)

Горе! Горе!

Люди оставляют работу, возбужденные, собираются толпой, надсмотрщики кричат.

Л ю д и

Что горит? Что блестит?
Солнца луч!.. Сердце стучит...
Спасет он народ,
Солнце взойдет!

К а н г а р

Что здесь такое? О ужас!
(Пытается бежать.)

Л а ч п л е с и с

Стой! Не вопи!
Успеешь повыть перед смертью.
Куда, негодяй, дел ты Лаймдоту?

К а н г а р

Я? Лаймдоту?
Я невиновен. Не знаю...

Лачплесис
(трясет его)

Ну же!

Кангар

Прости! Ведь другом я был тебе,
Это ее вина,
Спидолы. Вот она!

Лачплесис отталкивает его. Входит Спидола во всем величии.

Спидола

Ты что побиваешь моих людей!
(Кангару.)
Коль жизнь дорога, беги скорей!

Кангар отходит назад.

Лачплесис

Что сделала ты с Лаймдотой моей?

Спидола

Ты все называешь ее своей?
Она тебе всех милей на свете?

Лачплесис

Где Лаймдота? Где?

Спидола

Пусть скажет ветер!
Он в дальние с ней улетел края.
Тебя, мой герой, жалею я.
Ты так велик душою,
Что слабым не место рядом с тобою.
Герой, ты не понят в своей стране.

Лачплесис

Не понят? Кого жалеешь ты?
Жалость твоя непонятна мне.
Где Лаймдота? Где же Лаймдота?

Спидола

Ее не найдешь ты здесь, герой!

Лачплесис

Смеешься, змеиная дочь, надо мной!
Куда девала ты Лаймдоту?
(Выхватывает меч.)

Спидола

Пугай рабов — вроде Кангара,
Тебя не боится Спидола!

Кангар
(выходит из-за угла)

Виною всему она одна,
Колдунья проклятая — Спидола.

Спидола

Слушай, слушай, герой,
Раба, пощаженного тобой!

Кангар

Тебе не раб я, ведьма злобная.
Злодейка — вот кто ты!

Лачплесис

Замолчи!
(Ударяет его.)

Спидола

Великодушен по-царски ты.
(К Кангару.)
Эй, раб, целуй ему ноги!

Кангар
(злобно шипит)

Ему? Да я... Я... Погодите!
Вам вместе не быть никогда!
(Уходит.)

Спидола

Ему страшней всего на свете,
Что мы с тобою вместе.
И прав, конечно, он!
Когда мы вместе, мы всего сильней!

Лачплесис

Ну, ну, довольно....
Куда ты дела Лаймдоту?

Спидола

Нет, спроси, не она ль тебя бросила,
Герой мой несчастный.
Ее на волнах ладья колышет,
Она сейчас блаженством дышит,
К тому она сейчас прильнула,
Кто ей милей всего на свете.

Лачплесис

О, проклятье!
Ты и меча недостойна!
(В гневе бросает щит оземь.)

Спидола

Прочь все уходите! Вот как ты мне страшен!

Все выходят, задергивая занавес входа.

Спидола

Что ж! Бейся с женщиной, ну!
Не веришь ты мне?
Знай же, Кокнес увез ее.

Лачплесис отпрянул.

Он не был таким героем, как ты,
Но он ей куда понятней.
Твое величье поймет лишь равный,
Сильный и вольный ум —
Только я!
Прекрасней я всего на свете,
Всего, что на земле и в преисподней.
(Все нежнее.)
Мы оба — горные вершины,
Поверх лесов мы друг друга видим.
Один и тот же свод небес
Над нами лег.
Одни и те же облака
От нас ничтожество земли укрыли,
Ее существ презренных.
Так пусть красоты неземной покров

Укроет нас от скорбей земных.
Ко мне, о герой мой!
(Развевает над ним свое покрывало.)

Лачплесис
(очнувшись от раздумья)

Какой чудесной веет силой!

Спидола

Я — красота и сила,
Ты — только сила. Так будем вместе,
Ведь путь один нам — совершенство!

Лачплесис

Нет, наши пути различны,
Глаза ты ослепляешь, словно солнце,
Слиты в тебе и жар и холод.
Пестрой сменой красок и звуков
Ты манишь и держишь в вечной тревоге,
Не зная покоя, ведешь в безвестность.
А мне и цель и путь известны.
Ты вся изменчива, я же — вечен.

Спидола
(сперва с иронией, а затем увлекаясь)

Да, я, как солнце, непостоянна,
Горю всегда переливами красок.
Весь мир согреваю моим дыханьем:
И травы земли, и неба лазурь,
И то, что в недрах земли сокрыто.
Я красоты вездесущей солнце.
Даю всему я образ и форму.
И через меня одну все живущее
От века свою сохраняет сущность,
Вновь родясь, совершенствуясь вечно.
Мною красны цветы, зелены травы,
Простой жучок золотисто блещет,
И твои глаза на меня взирают,
Как глубь озер, синевой сверкая,
Светясь изумленно.

Лачплесис

О да, сейчас чудесна ты,
Как волшебство, как греза!

Ты красота... и солнце!
То явь ты, то призрак...

Спидола

Я красота властительная,
Непостоянная, как солнце.
Меняюсь я, но отсвет мой
Неизменным живет от века,
Силе твоей подобный.
Ты без меня ничто, ты — один.

Лачплесис

Ах!

Спидола

Иди же ко мне, будь моим,
Я красота властительная!
(Накрывает его покрывалом, кладет на него руку.)

Лачплесис
(сначала медленно)

Ты красота властительная!
(Все быстрей и быстрей, под конец отрывисто, неудержимо.)
Не слишком ли рано ты властвовать стала!
Царит еще тьма повсюду,
Множится низость, и зло
Нас черными давит руками.
Бесы, драконы и змеи
Душно смердят вокруг.
Насилие губит жизни цвет.
И только чистый сердцем сразить
Может того, кто гнетет и теснит,—
Чтоб легче отныне дышалось.
Ты — красота, но вокруг некрасивое.
Своей красотой ты мерзости служишь.
Смотри же и слушай!

Распахивает занавес: видны строители Риги за работой, слышны их стенанья.

Первый

Возим, катим и роем,
Крепость новую строим.

Второй

Дом из камней воздвигаем,
Будет он нашим? — Не знаем.

Третий

Бьем мы киркою и ломом,
Стены кладем другому.

Четвертый

Над подземельями бьемся,
Сами же в них задохнемся!

Пятый

Рубим мы бревна, рубим,
Сами в подвале жить будем.

Шестой

Бьет по каменьям наш молот.
Терпим и жажду и голод.

Лачплесис
(снова задергивая занавес)

Ты видишь, ты слышишь?
Плечи в крови, вздохи, стенанья...

Спидола
(с иронией)

Некрасивое мне красоту создает.
А Кокнес и Лаймдота
Одной красотой наслаждаются.

Лачплесис

О!.. Я на куски изрублю их!
Где же она? Скажи!
Ведь бой я не кончил с тьмою,
Она погубит и Лаймдоту!
Она добродетель в порок превращает,
От нее и цветы гниением пахнут!

Спидола

Ты Лаймдоту слишком превознес.

Лачплесис

Но только с нею я тьму осилил
И воскресил Замок Света.
Я отыщу ее, где бы ни скрылась —
В море или на Острове Смерти!
(Идет к двери.)

Спидола

Куда пойдешь ты?
К чему искать?
И нужно ль мстить? В ней самой наказанье —
Сама потонет в будничном счастье
И от величия отвернется,
Пойдет, ликуя, своей дорогой.
Ее, как частицу себя, люблю я,
Но, к цели придя, она угаснет.

Лачплесис

Коль любишь, зачем ты нас разлучила?

Спидола

Она — часть меня. А тебе нужно все.
И я — это все.
И судьба у нас общая.
Со мной останься.
Все уже найдено,
Вместе мы будем править миром.
Прекрасней я всего на свете,
Всего, что на земле и в преисподней.

Лачплесис

Один мне путь —
Очистить землю.
Не будет Лаймдоты —
Не будет смысла бороться,
И я обрету покой...

Спидола
(грозно, предостерегающе)

Забудь о нем,
Страшись покоя!
Ты в нем без меня погрязнешь.
Своей не достигнешь цели.

Лачплесис

Ха! Ха! Смешна мне твоя угроза.
Изменчива ты и беспокойна,
А нужно, чтоб шла ты к ясности
И в красоте своей.

Спидола
(предостерегающе, словно что-то предвидя)

И сам меняйся к лучшему, Лачплесис!
(Умоляюще.)
И у меня останься!
(Обнимает его.)

Лачплесис

Хэй! Должен идти я!
(Отталкивает ее.)

Спидола
(меняя тон)

Лачплесис! Лаймдоту ты не найдешь!
Одна я знаю, где путь ее.

Лачплесис

Найду, не уйдет!

Спидола
(гордо и значительно)

Нет, не бежала с ним она.
Моею властью увезена,
Спасая тебя, разлучила я вас.

Лачплесис
(замахиваясь мечом)

Злодейка, ты умрешь сейчас!
(Хочет ударить ее.)

Спидола
(насмешливо)

Умру? Ты хочешь свет погасить?
Я им велела в ладье уплыть,
Печаль и радость делить вдвоем,
Друг друга любить в пути своем.

Л а ч п л е с и с

А!

С п и д о л а
(смеясь)

Умру — она со мной умрет!
Твой меч ее уж не спасет.
Она мне в руки отдана,
Мной околдована она!

Л а ч п л е с и с

Коварная!
Цели достигну в пути.
Должен я Лаймдоту спасти!
Хэй! Хэй!
(Поспешно уходит.)

С п и д о л а
(медленно, в глубоком раздумье)

Меняясь, меняйся лишь к ясности...

З а н а в е с

Меняясь, меняйся лишь к ясности!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Берег моря на Острове Смерти.

С п и д о л а летит по воздуху в колеснице, запряженной белыми лебедями, и опускается на землю из освещенных солнцем облаков. Море спокойное, сверкающее. Легкий ветерок.

С п и д о л а

Ветер над морем ревет,
Тучи он гонит и рвет,—
Там, в тумане,
Блещут просторы вод,
Спидолы тих полет,
Легкий, как дыханье,
Как дыханье.

К а н г а р подъезжает с другой стороны. В его колесницу впряжен дракон, его окружают черные тучи. Море бушует. Воет ветер.

Кангар

Бури над морем вой
Тучи собрал толпой,
Гнева полный,
Тьму и ненастье сулит,
Неба сиянье темнит,
Злые катит волны,
Гнева полный!

Спидола

Зачем гонишь Лачплесиса
На проклятый остров,
Где камнем становятся люди?

Кангар

Ты погубить здесь велела Лаймдоту.
Где Лаймдота — там и Лачплесис.
Одна судьба им, и ветер один.

Спидола

В моей — не твоей! — он власти.
Ветром назад отбрось его!

Кангар

Уж поздно! Он близко,
Не зря же он силой прославлен.
Спаситель других, пусть себя он спасает.

Спидола

Как же может спасти он себя,
Попав на ужасный Остров Смерти?

Кангар

Так пусть умрет — ты ж его ненавидишь!

Спидола

Да, ненавижу, но больше, чем ты!

Кангар

И ты не хочешь, чтоб камнем заснул он?!
А он ведь убил твою мать-колдунью,
Как в замке убил твоего отца!

Спидола

Ах!

Кангар

Убил он трехглавого змея,
Сейчас он бьется с девятиглавым.
Чу! Клики радости слышишь там?
И это не черти ликуют,
Девятиглавого он осилил.
Всегда побеждает!..
И братьев твоих на свете уж нет.
Его никто победить не может!
Тебя как рабыню себе он возьмет.
Но ты бы его могла одолеть
Моею силой!

Спидола

Нет, то не победа, коль раб помогает!
Совсем не равен ты мне по рожденью,
Чужд ты властной породе моей!
Один на свете воин
С ним в поединок вступить достоин —
Только я. Я всего прекрасней,
Что на земле и во тьме преисподней.
О Лачплесис мой,
Пред силой моею склонись, герой!
Плодом красоты владею я.
Мой род сразил ты своей рукою,
Умри, коль не хочешь остаться со мною.
О, Лачплесис!

Кангар

Да, всех ты в мире прекрасней,
И все ж милей ему Лаймдота!
Своей красотой ты его не осилишь,
А я, ничтожный, презренный всеми,
Я всех вас с землей смешаю,
Чтоб вы под пятой моей взмолились!

Спидола

Ха-ха-ха!

(Уезжает на своей колеснице.)

Белые облака исчезают. Все меркнет.

Кангар

Хо! Мало их лютой смерти предать!
Не пасть им героями в смертном бою,
Их душу буднями я убью!
Подобно мне вознесутся в мечтах —
И обратятся в прах!
Туча моя, выше лети,
Кангар отыщет их след в пути!
(Поднимается к небу.)

Черные тучи, провожая его, исчезают. Светлеет.

Входит Лачплесис со своими товарищами, которые несут головы и крылья убитых змеев и драконов, переливающиеся различными красками, и другие трофеи победы.

Лачплесис

Хо! Бой наш был нелегким,
Но пали драконы!
Ликуйте же, друзья мои! Хо! Хо!

Воины

Хо! Хо!
Девять голов он
Мечом срубил.
Скаль же зубы —
Ужалить нет сил!
Хо! Хо!

Лачплесис

Громче пойте, друзья!
Веселья не вижу я
И не могу вздохнуть:
Горе терзает грудь.
Довольно побед на пути,
Нам Лаймдоту надо скорей найти!

Один из воинов

Страшен этот остров проклятый,
Немой тишиной и туманом объятый.
Птицы спят здесь даже днем,
Чуть пошевелят крылом —
И опять объяты сном.
Чужих моряков, что волна принесла,
Лежат превращенные в камень тела,

Не дышат гребни волн,
Не шелестит листок,
И, тревоги душной полн,
На сердце сон налег.
О родина!

Другой воин

Всего здесь вдоволь есть
И золота не счесть,
Обилье нас манит,
Вот только сон томит.
О Лачплесис!
В край родной нас неси.
Лаймдоту мы должны найти,
А нет — на родину нас пусти!

Лачплесис

Меня обступила мгла,
Ну что мне победа дала?
Как ты была права,
О Спидола!
Меня печали душат!
Горе мне давит душу.
Того ль я искал в борьбе?
Где выход, где?
Тебя, мечта моя,
Достиг ли я?
Разве не может здесь меч помочь?
Сгинь, колдовство! Скорее прочь!
(Ударяет мечом, и все вдруг изменяется.)

Откинута завеса тумана. В сияющем бледно-желтом свете видна яблоня с золотыми яблоками. Перед нею прозрачный хрустальный источник.

Воины

А! А! А!
Сколько здесь света
Нам яблоня льет!
В источнике этом солнце поет.
Нас мучит жажда, мы все в крови.
Иди, золотые яблоки рви!

Некоторые воины пьют из колодца и сладко засыпают.

Старшие воины

Стойте, братья!
Может, в ручье заклятье,
Может, отравлена в нем вода?!
Слышите, песня летит сюда?!

Песня
(тихо звучит из яблони)

Пей мою ясность, пей
Из ручья.
В яблоне отсвет лучей,
Жизнь моя!
Кто смело пьет,—
Себя найдет
И встретит новых дней восход.
Грусть его рассеется,
Сердцу легче станет,
Тяжесть горя свеется
Ветерка дыханьем.
Будет он надеяться
Победить страданье —
Миром жизнь овеется,
Осени сияньем.
Он с души сотрет печать
Грусти и томленья.
Таять, никнуть, исчезать —
В этом цель стремленья.
Пей мою ясность, пей
Из ручья.
В яблоне отсвет лучей,
Жизнь моя!
Кто смело пьет,—
Себя найдет
И встретит новых дней восход.

Туман рассеивается. Видны богато накрытые столы, ложа для отдыха. Вокруг столов порхают легкие видения — молодые девушки с гирляндами цветов.

Старые воины

Как сладок отдых!
Окончен труд.
Молчит тревога.
Всё мирно тут.

Молодые

Истома страсти
Сжигает кровь.
Сверкает счастье,
Зовет любовь.

Поющий голос

Кто смело пьет,—
Любовь найдет
И встретит новых дней восход!

Спокойная убаюкивающая музыка. Воины садятся за столы и во время пира тихо засыпают. Юноши склоняются к девушкам и засыпают в их объятиях.

Поющий голос

О, Лачплесис!
Кто смело пьет,—
Себя найдет
И встретит новых дней восход!

Лачплесис

О, голос милый,
Влекущий сердце
С чудесной силой!
Солнце над головой —
Нужен душе покой.

Друг

Вокруг покой и согласье,
Твой краткий отдых похож на счастье.
Сними доспех свой бранный,
Забудь и кровь и раны.
Здесь все так ясно,
И жизнь прекрасна,
Прекрасна!

Поющий голос
(звучит еще нежней)

Лачплесис!
На зов мой отзовись!
По странам прошел ты многим,
Пора отдохнуть с дороги.
Чтоб счастья людям добиться,
Ты шел и устал стремиться.

Достиг ли цели ты,
Своей мечты?
Лачплесис,
На зов мой отзовись!

Лачплесис

Слышу чудесный голос я!
Так власть ее и в этих краях?
О, Спидола!

Голос Спидолы

Прекрасней я всего на свете,
Всего, что на земле и в преисподней!
Всюду мой голос тебе звенел.
И край отдаленного счастья,
И Остров Смерти — для власти,
Для силы моей — не предел.
Пей мою ясность, пей
Из ручья,
В яблоне отсвет лучей,
Жизнь моя!
Кто смело пьет,—
Себя найдет
И встретит новых дней восход!

Лачплесис

Но где же ты? Тебя зову
Сейчас во сне я? Иль наяву?

Спидола

Лишь захочу — и в одно мгновенье
Сон сделаю жизнью, а жизнь — сновиденьем.
Прекрасна будет явь, как сон,
А сон твой — явью станет он.
Пей мою ясность, пей
Из ручья...

Лачплесис

Откуда голос твой? Из ручья?
Явись же взору, прекрасная!..

Спидола

С глаз того, кто пьет,
Пелена спадет,

Ему открывает сон
Скрытое в тьме времен.

Лачплесис

Тех, кто здесь пьет,
Тяжесть гнетет.
На воинов взгляни!
Дремлют они,
Забыв о долге...

Спидола

...Дороге долгой,
Тревогах, волненьях,
Желаньях, стремленьях...
На Острове Смерти в неволе
Одной все покорны доле:
Здесь в забытье погрузиться
И в красоте раствориться.

Лачплесис
(медленно)

Здесь в забытье погрузиться
И в красоте раствориться...

Спидола

Все позабыть сейчас,
Что разделяет нас,
Боль и мечты избыть,
В вечном единстве жить,—
О, Лачплесис!

Лачплесис

Старался тебя избегать я,
Меж нами — вражды проклятье,
И все же смутной мечтою
Я следовал за тобою.
Все, чего жаждет душа моя,
Нашел на Острове Смерти я:
Сон золотой,
Забвенье жизни земной.
Иду! Явись же, о Спидола!

Голос издалека
(медленно, тихо)

Лаймдота!

«Огонь и ночь». Худ. О. Норитис.

Лачплесис

Ты слышишь, Спидола, слышишь ли?

Спидола

Мой Лачплесис!

Лачплесис

Не кончен мой путь,
Я должен вернуть,
Найти и вернуть Лаймдоту!

Спидола

Достигнет ли цели душа твоя?

Лачплесис

Когда станет вольною Латвия,
Достигнута будет цель моя!
О Латвии-Лаймдоте я томлюсь,
О ней слезы лью и к ней стремлюсь.
О, как мне странствия надоели!
Скорее бы мне достигнуть цели!

Спидола

Только счастливая, вольная Латвия?
Не вечная?
И это все?
И Лачплесис
Забудет все свои мечты?
Найдешь все на Острове Смерти ты!
Стремишься ты только к Лаймдоте?
Не дальше — сквозь время к вечности?
Твой путь к концу никогда не придет,—
Ведь я зову тебя только вперед.
В путь, о Лачплесис!

Лачплесис

Хочу я, как ты обещала мне,
Здесь в забытье погрузиться
И в красоте раствориться.

Спидола

Лишь тот, в ком страсти уснуть успели,
Достигнуть может высокой цели!
Но слишком душа твоя разгоралась —

Сломила тебя усталость,
А мог бы опору своей мечте
В моей ты найти красоте.
Счастья там льется свет,
Для духа цепей там нет,
Вечность, взмахнув крылом,
Мчится своим путем.

Лачплесис

Ты разве бессмертна, прекрасная?
К чему ж твоя речь неясная?

Спидола

Я вечная и в бесконечности
Исчезну, достигнув вечности.
Сильнейший лишь может меня победить,
Коль стану сама об этом просить.

Лачплесис

Ты вся загадка, Спидола!

Спидола

Вдвоем мы решим ее смело.
Не ум твой здесь нужен, а дело.
Ведь только властью врага бесконечной
Я становлюсь и свободной и вечной.
Тебя победив, возвышаюсь я,
И к вечности мчится душа моя.

Лачплесис

Доступна ль вечность для меня?
Я вверен року от первого дня.

Спидола

Здесь сам тебя настигает рок,
Ты вечной силы живой поток.

Лачплесис

Судьбы ты знаешь все пути,—
Скажи мне, кто я? Куда идти?

Спидола

От вечности оба мы с тобой,
И листья ветви мы одной.

Вдвоем лишь мы победим в бою,
Лишь сами силу согнем свою.

Лачплесис

Не знаю — вечен я или нет,
Но знать мне вечно счастье побед!

Спидола

Тебя согнет последняя сила,
Тот низкий грех, что земля взрастила.

Лачплесис

Не бойся! Приму я всякий бой.
Глупец, кто посмеет биться со мной!
Пусть с золотом вместо меча стального
Нагрянут враги — я сражу любого.
Мне только бы уши сберечь — и тогда
Мне не страшна никакая беда.
Ха-ха-ха!

Голос издали
(тихо)

Ха-ха-ха!

Спидола

Эй, Лачплесис,
Не смех ли мне послышался?

Лачплесис

Чего ты боишься? Смеялся я.

Спидола

Берегись! Беда стережет тебя!

Лачплесис

Сказала мне Лаймдота давно:
Кто любит — бояться тому суждено.

Спидола

Проклятое имя! Молчи о ней.

Лачплесис

Оно живет в душе моей.

Спидола

Оно замолкнет — и навсегда!
Прекрасней я всего,
Что на земле и во тьме преисподней!
Пей мою ясность, пей
Из ручья,
Любуйся красой моей.
Это — я!
Полюбишь мою красу —
Силу твою спасу.
Пей мою ясность, пей
Из ручья!

Лачплесис

Иду, явись мне, любимая!
(Пьет из родника.)

Спидола во всем блеске своей красоты появляется в яблоне.

Небо и солнце!
Вечная! Ясная!
Страшно мне видеть сияние властное!
Глядеть на тебя не в силах я...
(Падает на колени.)

Спидола
(возникшая из яблони)

Приди же ко мне, любовь моя!
(Целует его.)
Лишь по тебе я сгорала мечтою,
И наши пути сплетены судьбою.
Тебе защитою буду я,
И это мгновенье — награда моя.
Миры сошлись здесь — уста к устам,
Навеки пылать этим счастьем нам.
И вечность раскрылась теперь перед нами —
Ширится, высится страсти пламя!

Лачплесис
(вскакивая)

Стряхнул я усталость тяжких лет,
И словно из недр я вышел на свет.
Родились желанья, зовут за собой,—
Давно уж я силы не ведал такой.

Тебя обожаю, любовь моя,
Коснуться тебя не смею я.

Спидола

Ты мой навеки!
И ты красоту сквозь миры пронесешь,
Герой, сильнейший на свете,—
Сквозь бездны темные
И тьмы бездонные.
Алмазную гору мы рассечем,
Что блещет вдали голубым венцом,
Что блеском собственным вся согрета
И наполняет нас счастьем света.
Стремится страстно к ней человек,
Плененный ее красотой навек.
Все то, что мы любим и что клянем,
Как прах земли мы с себя стряхнем,
И солнце нам светлой короной станет.
И тело оденут лучистые ткани.

Лачплесис

Хэй! Хэй! Иду я!

Спидола

Не все! Постой.
Зовет еще дальше голос мой.
До края света дойдем с тобой,
Где небо сливается с землей.
Где солнца сад, где ворота рая,
Где дочки Солнца, как розы мая,
Где Перкона дети злато куют,
Где Стужи сыны снегами метут.
Где вечером солнце, идя на покой,
Пылая, плывет в ладье золотой.

Лачплесис

Скорей, скорей туда веди!

Спидола

Нет, погоди! Все впереди:
За краем неба, за краем света
Конца нет морю, что мглой одето,
Ни волн, ни ветра, ни дня, ни ночи,—
Последний ужас глядит там в очи.

В груди твоей
Живет ли сердце, что тьмы сильней?
Рви же смелей
Яблоко!

Лачплесис

Там все затмится —
К чему ж туда стремиться?
Там Смерть ждет в тумане.
Зачем ты манишь?

Спидола

Ты смерти земной боишься?
Испив меня, в ней растворишься.

Лачплесис

Но разве ты смерть?

Спидола

Нет, вечность я
И скоро окончу путь бытия.

Лачплесис

Но мир ты лишишь красоты земной.

Спидола

Я ввысь унесу ее с собой.

Лачплесис

Без силы земной твоя красота,
Твои стремленья — одна мечта.

Спидола

Ты — сила земли, о Лачплесис,
На ней ты сильнейший, Лачплесис,
Но в явь превращаю я сновиденья
И снам живое даю воплощенье.
Прекрасна явь твоя, как сон,
Но в жизнь превратится скоро он.

Лачплесис

Я всех сильнее здесь, на земле,
Но я бессилен там, во мгле.

Спидола

Ты полон сил,
Ты, смелый, тот,
Кто все победил,
Кого вечность зовет.
В груди твоей
Отважное сердце — тьмы сильней.
Достигнем мы вечности в этот миг,
Где блещет Спидолы ясный лик.
Рви яблоко,
Жизнь и свет!

Лачплесис

Где ж то, чего так душа ждала?
Дай яблоко смерти мне, Спидола,
Сильней я стал, как от вина,
И силой грудь моя полна.

(Срывает золотое яблоко смерти и откусывает от него: из яблока сыплется зола. Содрогается и, воскликнув «фу!», тихо засыпает на руках у Спидолы.)

Песня Спидолы

Спи, любимый мой,
Полный сил герой,
На груди моей
Все забудь, родной!
Пусть тебя в полет
Вечность унесет,
Пусть в душе твоей
Сила восстает!
Ты пришел к мечте,
К жизни полноте,
Мир души твоей
В вечной красоте!

Пауза.

Душа моя страстная,
Ты волей властною
Достигла ль того,
К чему стремилась всечасно я?
Закон миров, смелая,
Ужель одолела я?!
И власти сияющей

Достигла ль предела я?
Презрев жизнь тленную,
Став совершенною,
Могу ль не полнить я
Красой вселенную?

Песня ликования

Хэй, хэй, э-ой!
Весь мир живой —
Отныне мой,
Ликуй и пой!
Спидола, встань, сверкая,
Скользи над землей, сияя!
Хэй! Хэй!
Прекрасней я всего на свете,
Всего, что на земле и в преисподней!

Голос издалека

Ха! Ха! Ха!
Лаймдота! Где она,
Что в камень здесь превращена?

Появляется Кангар.

Спидола

Как смел ты явиться?

Кангар

За друга я пришел вступиться.

Спидола

Прочь уходи! Довольно обмана!

Кангар

Победой тебе гордиться рано.

Спидола

Ха! Ха!

Кангар

Я тайну твою подслушал...

Спидола

Да,
Предатель подслушивать рад всегда.

Кангар

Героя сразить уж не трудно мне.

Спидола

Попробуй! В моей он теперь стране.
Ха! Ха!
Мир ныне мой!
Ликуй и пой!

Кангар

Послушай-ка, Спидола!
Хочу я, чтоб другом ты мне была.
Пусть спит твой герой глубоким сном —
Забудь о сказочном царстве своем!
Лучше со мною власть дели
В Риге и всюду в Латвии.

Спидола

Свои там вожди.

Кангар

Мы их проведем!
Пусть каждый только зовется вождем,
А власть их мы заберем себе,—
Пусть служат они лишь мне и тебе!

Спидола

Уйди! Надоел мне безмерно ты!

Кангар

Тебя пугают мои мечты?

Спидола

Ты — раб,
И затея твоя презренная.
Мне царством будет вселенная!

Кангар

Ха! Ха! Прекрасная жизнь!
Но берегись!
Пятой растопчу я твой венец,
Мгновенье — и власти твоей конец!

Спидола

Презренный раб! Где тебе?!
Судьба помогает мне в борьбе.
Нет больше греха, чем себе изменить,
А он изменил!.. Я смогла победить!
Я — сила конечная!

Кангар

Ха! Ха! Спидола,
Мудрость тебя подвела.
За Царством Зла — конечный успех,
Предательство — вот сильнейший грех.

Спидола

Предатель! Змея!

Кангар

А кто меня так посмеет назвать,
Когда я победу смогу одержать?!
Тебя растопчет пята моя,
Лаймдота! Лаймдота!
Зовет тебя, Лачплесис, Латвия!
(Ударяет Лачплесиса по спине.)

Лачплесис просыпается, выплевывает кусок яблока, сдувает пепел с губ.

Лачплесис

О! Что со мною?
Лишь в горле застрял кусок —
Мрак стал глубок,
Дух захватило,
Бездна меня закружила.
Сверканье алмазных гор
Увидел издали взор,
Все стало — черным, зеленым, алым,
Чудищ ко мне протянулись жала...

Спидола

А!

Сияние угасает. Свет становится опять бледным.

Лачплесис

Спидола! Спидола!
Что же ее здесь нет,
Что же исчез прекрасный свет?

Кангар

Тебе она яблоко смерти дала,
Но дружба моя от смерти спасла.
Тебе пробудиться я помог,
Отравленный выплюнул ты кусок.
А мог лишиться Лаймдоты!
Ведь колдовством был опутан ты
И сном обманут в этот миг,
Когда ты цели уже достиг.
Невеста здесь, но спит она,
Колдуньей в камень превращена,
И сам заснул бы ты на века,
Когда бы не дружбы моей рука!

Лачплесис

А! А!
Что скажешь, Спидола?

Спидола молчит.

Кангар

А что ей ответить? Все правда тут...
Ударь по ручью — и чары падут.

Лачплесис

Слова я жду твоего!

Кангар

Иль все продолжается колдовство?

Лачплесис
(опустился на колени, но угрожающе поднял меч)

Я все еще слова жду твоего!
Однажды я был уж обманут тобой.
Ее обратила ты в камень немой?

Спидола молчит.

Лачплесис
(вскакивая)

Ну?
(Рубит мечом воду. Из родника брызжет струя крови.)

Голос из родника

Ай! Ай!

Кангар

Мечом поразил ты колдуньи мать,
И Спидолы власти тебе не знать.
Руби! Она с яблоней сгинет тоже —
Всех чудищ ты с ней уничтожишь.

Лачплесис

Спидола!

Голос Спидолы

О, горе, горе мне!
Отрезал ты к вечности путь себе,
Отвага твоя разлетелась дымом,
Ты перестал быть непобедимым.

Кангар

Ну что ж, теперь поноси его —
Твое разрушено колдовство!

Голос Спидолы

Руби, герой!
Бессмертия нам не достичь с тобой.
Нет вечного царства нам на земле,
Оплот красоты, пал ты сам во мгле.
Одной улетать мне к вечности,
Тонуть красотой в бесконечности!
Силы мне равной нет!
Спидола — свет!
Над миром, над солнцем мне скользить,
Светить!

Лачплесис

Да, вечно будешь ты светла.
Вернись же на небо, Спидола!
Я ж — сила земная, и быть с тобой
Могу я лишь на земле родной.
Я в этом мире непобедим.
А там, за ним, я— только дым.

Кангар

Бей же скорей!
Внимать ты не должен ей.

Голос Спидолы

Ах, Лачплесис!
Тебе без меня дорога вниз!
Ты закоснеешь в довольстве своем,
Идти перестанешь вечным путем,
Погрязнешь среди пустых забот,
И жизнь сама с тобой замрет,
Пусть гибнет мой облик земной,—
Пойду с тобою, тебя храня!
Не манит иная власть меня.

Кангар
(издеваясь)

Ему простою служанкой быть,
О небе и воле мечту забыть?
Ха! Ха!
Да ты ль это, Спидола?

Голос Спидолы

Я буду ему еще верней,
Его не отдам я власти твоей!

Кангар

Не я, а Лаймдота власть возьмет!
Бей, Лачплесис,— пусть колдовство падет!
Руби верхушку!

Голос Спидолы

Вот мудрость — она ясна уму,—
Гласит она: свет побеждает тьму.
Герой, я все тебе отдаю:
Себя и небесную власть мою!

Лачплесис

Останься там, Спидола моя,
Тебя недостоин я.

Голос Спидолы

Но без меня
Нет жизни и Латвии.

Лачплесис

Что ж делать? Нужны мне слова твои!

Голос Спидолы

Руби ветвь с краю!
Небесную власть я слагаю.
Где жало змеиное?
Ты стал господином мне!

Кангар

Не ветку руби — вершину прямую,
Не то сохранит она власть земную,—
Руби вершину, руби смелей —
И в мир загробный пошли скорей!

Лачплесис срубает одну из ветвей. Появляется Спидола. Лицо ее печально. У нее гордый вид властительницы, но в глазах сияет нежность, готовность к самопожертвованию.

Лачплесис

О, как ты прекрасна!
Как взор твой сияет ясный!

Спидола

Теперь я Лаймдоту
Сама отдам тебе!
Спидола — свет.
Смерти ей нет!
Камень, расколись,—
Лаймдота, явись!

Лаймдота

Лачплесис! В этот час
Меня ты навеки спас,
От бед спасла нас сила твоя,
Счастливою будет Латвия!
(Обнимает Лачплесиса.)

Спидола

Камень, расколись,
Народ, сбрось чары и проснись!
От сна векового — к обновленью,
От рабского ига — к освобожденью!
Камень, расколись,
Пумпур, певец народный, явись!

Пой Лачплесиса всемогущего,
О прошлом пой и зови в грядущее!

Возвращенные к жизни каменные изваяния начинают шевелиться, вставать. Оживают птицы, вся природа.

Разбуженные

А! А! А!
Сна уходит тень,
Блещет ясный день.
Птичий хор поет
Новых зорь восход.
Лачплесис! Лачплесис!
Чудом ты нас разбудил, герой,
Зло победил ты своей рукой,
Смерть ледяную попрал пятой —
Лачплесис! Лачплесис!

Лачплесис

Мощная Спидола
Нас от беды спасла,
Жертвуя для людей
Властью небесной своей.

Спидола
(отходя в сторону)

Камень, расколись,
Кокнесис, появись!

Кокнесис

Все, чем славен Рим,
Принес я к ногам твоим.
Власть неизменную
Прими над вселенною!

Спидола

О, Кокнес мой!
Я отдала бы весь мир живой
И больше могла бы людям дать —
Да сил бы у них не хватило принять!

Кокнесис

Хоть речи мне не понять твоей,
Тебе я служу, до последних дней.

Спидола

Свой дух я теперь хочу ограничить
И, ограничивая,— возвеличить.
Ясней теперь вижу цель мою...
Враг вторгся в родную Латвию.
Веди ж нас в поход на него, герой,
Иди, о Лачплесис, смело в бой!

Занавес

Иди, о Лачплесис, смело в бой!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Замок Лиелвардиса на берегу Даугавы.

Зал в древнелатышском стиле, украшен предметами роскоши, привезенными с Запада. Всюду — победные трофеи, военная добыча, отнятая у других народов: оружие, ткани, металлические изделия и т. д.

На сцене справа два трона. У стен низкие сидения — для военачальников. Слева тронное кресло для Спидолы, также окруженное низкими сидениями.

Глубина сцены закрыта большой завесой. Когда ее откидывают, видно крыльцо на крутом берегу Даугавы. За ним — широкая гладь реки и Курземский берег Даугавы.

Справа в углу сцены ложе под богатым покрывалом. Рядом низкий стол, на котором кубки с вином и фрукты.

Лачплесис в легком праздничном одеянии возлежит на ложе. Рядом на скамейке Лаймдота, также в богатом домашнем наряде.

Лаймдота

Мое сокровище, отрада глаз,
Зеница ока и души алмаз,
Отныне ты мой и только мой.
Тебя опасностям уж не отдам я —
Зверям, драконам, змеям и немцам.
Окончен бой, в котором Спидола
И Кангар служили твоей победе.
Возляжем с тобой на ложе счастья,
Пускай отдохнут героя руки.
Твои я волосы тихо разглажу,
От страхов всех, наконец, успокоюсь,
От страхов...
(Вздрагивает.)

Лачплесис

Моя голубка, что с тобой?

Лаймдота

Пустое, милый, добрый, благородный,
Навеки мой, судьбою нареченный!
Предчувствие коснулось вдруг меня,
Тревожно мне, не знаю почему.
Ужасно то, что длится все война
И за тебя покоя мне все нет.
(Поднимаясь, нерешительно.)
Врагов ты разбил, сражался достойно,
Так дай им уйти, пусть кончатся войны,
Мирись скорее с немцами, Лачплесис,
Не слушай озлобленной Спидолы.
Война ей для войны нужна,
И вечной злобы она полна.
Боюсь я ее — куда зовет?
К какой неизвестности влечет?

Лачплесис

Голубка, не бойся! Ведь я с тобой
Обрел, наконец, и мир и покой.
Немало прошел я стран чужих,
Но родина сердцу дороже их.
Ведь только в счастье сила растет,
Своих достигая предельных высот.
Пусть счастье и мир будут в Латвии.
Что к чуждой стремиться мне вечности?
Здесь, в Латвии, я уничтожил зло,
И время мне жить для себя пришло.
Достигнуто все. И я судьбой
Доволен.

Лаймдота

О мой повелитель! Любимый мой!
Живи для меня, одень корону.
Народы примут твои законы,
Богатую дань тебе принесут —
Все то, что рождает им щедрый труд,—
Меха, мед, пшеницу, шитье золотое.
Богатством наполним мы эти покои,
Изделья красивые немцы нам

Доставят в Ригу по нашим волнам!
Какие шелка у них и атлас!
Взглянул — оторвать уж не можешь глаз.
Я видела немцев. Они сильны,
И с ними мы в дружбе жить должны.
Ты мир принесешь родной стране,
Богаче будет она вдвойне.
Мой милый, счастье, что мы вдвоем!
Мне кажется все чудесным сном!

Лачплесис
(про себя, мечтательно)

И станет явь прекрасней, чем сон,
И явью прекрасной будет он...

Лаймдота

Всё, милый, сейчас у тебя во власти.

Лачплесис

Ах, нет!

Лаймдота

Ты даришь мне высшее счастье,
И чуду подобен блаженства час.

Лачплесис

Он вечен!

Лаймдота

Не скрылся бы только от нас!

Входит слуга.

Слуга

Там гости!

Лаймдота

Печаль в душе моей.
Опасность грозит нам. Страшись гостей!

Лачплесис

Не бойся, синичка!
(Слуге.)
Но кто же там?

Слуга

Со всех краев приехали к нам.
И ливы, и немцы с подарками,
И Рыцарь Черный с татарами.

Лаймдота

Нет! К ним не ходи!

Лачплесис

Мир нужен им.
А мира и сами мы хотим.
Достигли цели мы своей.
(Слуге.)
Зови же сюда гостей и вождей!
Ты не был ли воином в свой час?

Слуга

Когда-то...

Лачплесис

Как время меняет нас!
Встарь лучше было...

Слуга уходит.

Лаймдота

Идем скорей —
Нам нужно облечься в одежды царей.

Оба уходят.
Входят Спидола и Кангар.

Кангар
(вслед уходящему слуге)

Они предстанут в одежде царей...

Спидола

Что нужно? Пришла я по просьбе твоей...

Кангар

Сюда сейчас весь двор сойдется.
А сердце, скажи, у тебя не бьется
При виде победы Лаймдоты?

Спидола

Довольно! Не слишком ли дерзок ты!

Кангар

Ага! Видно, гордости трудно твоей
Признать, что другая гордость сильней!
Мне тоже...

Спидола

К чему это клонишь ты?

Кангар

Мы все здесь под властью Лаймдоты.

Спидола

Но не я!

Кангар

Тебе не легко сейчас...
За кем ты пойдешь?

Спидола

За ним! У нас
Всегда путь один и судьба одна.
Где он — там и я на все времена.

Кангар

Нет, с Лаймдотой он разделит пути.
Останешься ты ни с чем...

Спидола

Уйди!

Кангар

Но коль тебя покину я,
Над кем же проявится власть твоя?
Остался один я служить тебе
Да Кокнес, покорный своей судьбе.
Рабой ты станешь теперь на годы,
Лишь крохами Лаймдоты будешь жить.
Она — жена. А тебе кем быть?
Такой ли ждала ты свободы?
Где же гордая честью Спидола,
Из первых в могуществе — первая?
Где трон твой, что выше всех вершин?
Зачем ты сошла во тьму долин?

Всегда могучая, ясная,
Звезда прекрасная,
Земле ты и недрам горишь лучом,
Спидола, Спидола!
Но мне ли, червю, говорить о том
Сама все скажи и очнись от сна,
Ты падать так низко не должна.

Спидола
(тихо, угрюмо)

Назад вернуться хотела б я...

Кангар

Где царство твое и страна твоя?

Спидола

Правдивы твои слова —
Ведь я уж не Спидола!
Ветры уж не покорны мне,
Бури шумят одни в вышине,
Несутся своим путем.

Кангар

Лишь я покорен тебе во всем.
К тебе привязанный всей душою,
Твоей околдован я красотою.
Хоть душу терзаешь ты, злая,
Позором меня сжигая,
Плевками оскорбляя,—
Но я люблю все сильней и сильней,
Во всем покорен я власти твоей.
Ты лучше всего, чем жизнь светла,
Хочу, чтоб ты выше всех была,
Лишь стань моею, о Спидола!

Спидола

Ах, Кангар, себя ты любишь сильней,
И страшно мне от любви твоей.

Кангар

Нет, нет, ты одна мне всегда мила!
Не бойся, о бедная Спидола!
Хоть низко теперь ты пасть могла
С тех пор, как Лачплесису помогла,

Хоть люди и ведьмы презрели тебя,—
Я все же тебя не оставлю, любя,
И если стану я королем,
Сидеть будем рядом, на троне одном.

Спидола

Король пока — Лачплесис!

Кангар

Пасть ему дай,
Но пораженья с ним не разделяй,
Он силой твоей утвердил торжество.
Воспрянь же сама, отвернись от него.

Спидола

Уж поздно! Я отдала ему
Всю силу и всю красоту свою.
Я жизнь, пылавшую с давних пор,
Как уголь швырнула в его костер.
Дышал он духом моим, огнем,
И грозная сила крепла в нем
И разрасталась с каждым днем.
Сильнейших сильнее он,
Возвышенных выше он,
Он цельный, он весь из куска одного,
А я вся в раздорах. Что я для него?
Вредить, помогать — ему не могу я,
И, с ветром весенним кочуя,
Лечу я...
Исчезнуть
И умереть,
Без снов, без сознания кануть в смерть!

Кангар

Коль врозь у вас пошли пути,
То ты сама должна уйти.
Не веришь, что Лачплесис может пасть?
Его моя ниспровергнет власть!
За ним шла повсюду месть моя,
И в тайну героя проникнул я.
Ты к власти вернешься своей,
Когда я его лишу ушей.

(Простирает к ней руки, падает на колени. Ждет. Тихо.)

Его я золоту в плен отдам,
Пусть Черный Рыцарь приходит к нам.

Спидола
(вскрикивает)

Черный Рыцарь!

Кангар

Ха-ха-ха!
Ну вот! Ты имя его назвала,—
Героя на гибель ты обрекла.

Спидола

Его не звала я. Все это — ложь!

Кангар

Того, кто героя сразит, зовешь.
Хоть миг, но таила намеренье злое.
Оружие в руки дано мне тобою.
Поверив в любовь мою, ты о том
Забыла, кто стал тебе врагом.
(Смеется.)

Спидола

Ты любишь меня, оттого вдвойне
Способен внушить отвращенье мне.
И ненавидя, героя люблю.
Вы с Черным не справитесь с ним в бою!

Кангар

Ха-ха! Но он будет роком сражен,
Сегодня же рухнет в бездну он.

Спидола

Погубит он сам себя, если путь
Прервав, захочет хоть миг отдохнуть,
Ища не подвига, а тишины.

Кангар

И отдых обретет у Лаймдоты.

Спидола

О нет! Не хочет он отдыха.
В нем смерть! Жива еще Спидола!

Кангар

Ты хочешь лишить его Лаймдоты?
А то, что слуга сказал, помнишь ты?
Сказал он...

Спидола

Уйди же!

Кангар

Пусть будет так!
Но Лачплесис скоро падет во мрак!

Спидола

Ты раньше погибнешь. Рок иль мгла —
Их одолеет Спидола!
Мы всё одолеем вдвоем
И, полные счастья, пойдем...

Кангар

К падению?

Спидола

Нет! К возрождению!
Со смертью уже встречалась я.
Он будет жить — смерть возьмет меня.

Входят воины с победными трофеями, за ними военачальники. Среди них Кокнесис со своей дружиной. Люди Кангара и Спидолы. Первые становятся направо, вторые налево от трона Спидолы. Рядом со Спидолой — Кокнесис и его воины.

Воины

Лачплесис! Лачплесис!
Славой, герой, гордись!
Немцы повержены,
Бурьяном скошенным
В груды брошены.
Чести достойные,
Жизнь славят воины.

Справа из своих покоев выходят Лачплесис и Лаймдота, облаченные в великолепные, шитые золотом одежды. Оба садятся на свои тронные кресла.

Все

Слава, Лачплесис, герой,
Ты победой кончил бой —
Немцы раздавлены.
Вождь наш прославленный,
Первый герой в стране,
Мир дал ты родине!

Лачплесис

Насмерть бились вы, воины,
Великой чести достойны вы!
Сражаясь за дело правое,
Своей вы обязаны славою
Кокнесу, Кангару, Спидоле.
Почтим же в них победителей!

Все

Слава героям нашим,
Недруга одолевшим!

Лачплесис
(Спидоле)

Как туча просторная,
Ты косы раскинула черные,
Ты молнией сечи
Врагам сверкала навстречу,
Грозой была им карающей,
Спидолой побеждающей!

Спидола

Я билась смело
Затем, что хотела
Спасти твое дело.

Лачплесис

Ты, Кокнес, с корнями рвал дубы,
Метал во врага их в пылу борьбы,
И немцы бежали дрожащие,
Видя стволы летящие.

Кокнесис

Мне Спидолы алмаз помог,—
Победы и власти он залог.

Лачплесис

А Кангар с хитростью вышел в бой,
И немцы подумали — это свой!

Кангар

Сражаясь, я знал — возвеличится
Победою наша владычица!
(Берет у своих людей и подает Лаймдоте ожерелье.)

Лаймдота

Служил ты всех преданней нам в бою,
И ты получишь награду свою.

Старый вождь

Выслушай старца в свой черед —
Узнаешь, что думает весь народ.
Окончена, вождь, борьба твоя,
Желает жить в мире Латвия.
Бегут враги побежденные.
Дай отдых народу спасенному,
Король наш, властитель родной земли,
Там немцы о мире просить пришли.
Исполни их просьбу, мир им дай!
Щедр и богат их край.

Спидола

По твоим украшениям вижу я.

Кангар

Ну что ж, такие же будут у всех.

Спидола

Нас хочешь ввести в пресмыкательства грех?

Лаймдота

Вели кончить распри, мой герой,
Дай людям отдых и покой,
Ведь так обещано тобой.

Кангар

Лаймдоте нужен мир — не война.
Сама ведь свобода и мир она.
Победы добились мы на войне —
Пусть все будут вольными в нашей стране.

Лачплесис

Я вечной не хочу войны,
Я мир принес для родной страны.

Вожди

Наш спаситель и герой
Мир принес стране родной!

Лачплесис

Хочу, чтоб в мире мой жил народ,
Чтоб в силе и славе он шел вперед.

Спидола

Мир — наша цель. Но не пробил час —
И солнце покрыто тьмой для нас.
Псов-рыцарей нам пора добить,
Чтоб больше они не могли вредить.
Прогоним немцев с земли родной
И лишь тогда покончим с войной.
Не изгнан наш ворог...

Кангар

Но побежден.
Он гость. Под защитой обычаев он.

Спидола

Тебе что обычай?!

Лачплесис
(Спидоле)

Не спорь больше с ним!
Мы свято обычаи старые чтим.

Спидола

Но немцы нам будут всегда угрожать...

Кангар

Пусть! Лачплесис справится с ними опять.
Пускай-ка попробуют биться с ним,—
Он полчища их развеет, как дым.

Спидола

Не слушай его! Он только льстил.
Еще у нас недостаточно сил.

Кангар
(Лачплесису, льстиво)

Но ты всех сильней!
(Спидоле.)
Ты завидуешь?

Лачплесис

Сильнейший мой враг теперь побежден,
Коль мира просит — стал другом он.
Легко победить, но сделать друзей
Из побежденных врагов — трудней.
Когда же нас дружба свяжет с врагом —
Совместно любую преграду сметем.

Спидола

Как волка дружбой с овцой связать?
В борьбе лишь мы сможем сильнее стать.
В бездействии ржавым становится крюк...

Лаймдота

А много навесишь — сломается вдруг.

Лачплесис

Но я истребил все отродье зла,
Чего еще хочешь ты, Спидола?
Я должен навек покончить с войной.
Мы, все совершив, заслужили покой.

Спидола
(вскакивая)

Нет, хуже смерти покой для души!
Ни мир заключать, ни дремать в тиши
Не дам я. Я все еще Спидола!
Спасу я тебя, как не раз спасала.

Лачплесис

Лачплесис лишь для народа живет —
Пускай же решает сам народ.

Народ и воины
(кричат, перебивая друг друга. Большинство голосов за мир)

Война! Нет, мир! Война!
Нет, мир, мир!

Лачплесис

Хотите мира? Да будет мир!
Зовите гостей сюда на пир!

Входят послы разных народов, купцы и военачальники. Ливы, эсты, русские купцы и рыцари, проходя длинной вереницей мимо Лачплесиса, складывают у трона свои подарки и отходят в сторону. От них отделяется группа послов, которые выходят вперед.

Послы

Привет тебе, о Лачплесис,
Герой великий Латвии!
Тебя сильнее на свете нет,
Ты нас спасаешь от зол и бед.
Медведя ты кулаком убьешь
И пальцем одним коня скуешь.
Тебя признаём мы властителем,
Так будь наших благ хранителем,
В твоих владеньях нам жить позволь,
Товары сюда возить, король!
Пришли мы к тебе с подарками,
Золотом, тканями яркими.

Немец

Дарами украсить чью красоту?
Конечно, прекрасную Лаймдоту!
Замолви слово за нас, как друг,
Пусть мир нам дарует твой супруг!

Лачплесис

Благодарю вас, соседи, за честь.
Вы можете жить спокойно здесь.
Хочу я мира, а не борьбы,
Всем землям счастливой хочу судьбы.

Немец

Спасибо, король, за такие слова,
Давно уже шла между нами молва,
Что ценишь ты мир. Укажи нам кров,
Где можно жить, не боясь врагов.
Здесь Ригу у моря мы возвели,
Богатства несчетные вам привезли.
Оставь этот берег песчаный для нас,
Надежную гавань в бурный час.

Лачплесис

Давно всех спасаем мы и жалеем!
Вы строили Ригу — владейте ею.

Спидола

Нет, Ригу я никому не отдам!
Она лишь для тех, кто трудился сам,
Кто сделал ее великой и сильной,
Кто, строя, здесь пот проливал обильный.
Кто рыл, рубил, забивал устои,
Не зная ни отдыха, ни покоя.
Хозяева Риги — люди труда,
Я им ее отдаю навсегда!

Немец

Они нам служили, а строили мы.
Все это — лишь хитрости Спидолы
(Спидоле.)
Сама разрешила селиться там.

Спидола

Но права владеть не давала вам!

Кангар

Право решать — королю моему:
Принадлежит этот берег ему.
Герой, прими во владение город,
Сам властвуй над ним, чтоб окончить споры!

Лаймдота

Ты, Кангар, прав, как всегда и везде.
Ведь Рига красивее Лиелварде.
Жить будем в Риге.

Спидола

Мы не дадим!
Не все еще можешь назвать ты своим.
Еще мы свободны, права у нас!

Лаймдота

Смотри, как дерзко спорит она!

Кангар

Позволь нам смирить ее, король,
И бросить в темницу ее позволь.

Лачплесис

Хэй! Стоит Спидоле слово сказать —
И меч мой сумеет вас наказать!

Поднимается шум. Спидола и Кокнесис со своими людьми угрожающе выходят вперед. Воины высказывают недовольство. Военачальники и дружины хотят следовать примеру Кангара. Большую часть присутствующих охватывает волнение. Все боятся схватки.

Люди

— Что слышим, боже!..
— За это мы тоже!..
— А нам не угодно!..
— Еще мы свободны!..
— У нас есть права — не в пример рабам...
— На власть восставать непригоже нам...

Дальние голоса

Ригу нашу мы строили сами,
Камни таскали своими руками.

Люди посередине сцены

О боже! Горя близок час!
В какие беды здесь тянут нас!

Лачплесис все время сидит угрюмо. Сначала он удивлен, а потом все глубже уходит в раздумье, как будто стараясь что-то вспомнить или понять.

Лачплесис

Спидола, как ты сказала?
Нельзя... не меняясь... достигнуть цели?..
Изменяйся... изменяйся!..

Спидола
(успокаиваясь, медленно что-то припоминая)

Изменяйся в стремленье к высшему!

Лачплесис
(радостно)

Изменяйся в стремленье к высшему!
Замок поднят из тьмы глубинной,

Но где же вечное солнце свободы?
Где счастье, счастье
Семьи единой,
Слившей народы?

Спидола
(грустно)

Поднимаясь сам, и других поднимай с собою!

Лачплесис
(вспылив, выходит вперед)

Не понял раньше и ныне не в силах понять,
Все сделано! Мир! Покой! О чем же мечтать?
(Ударяет копьем о пол, и все отступают. Снова задумчиво.)
Того ль я добился,
К чему стремился?

Спидола
(совсем тихо, мечтательно)

С глаз того, кто пьет,
Пелена спадет.
Ему открывает сон
Скрытое в тьме времен.
Кто меня пьет,
Себя обретет
И встретит новых дней восход.

Лачплесис
(простодушно, горячо)

Все бы забыть сейчас,
Что разделяет нас,
Скорбь и мечты забыть,
В вечном единстве жить,—
Ко мне, Спидола!
(Быстро идет к ней, целует ее руки, ждет ее объятий.)

Спидола
(печально)

Лачплесис!
Не понял ты слов моих.
Еще конца нет пути,
Еще зову я идти,

«Вей, ветерок!» Худ. О. Абелите.

Еще не понял ты сущности —
Себя ты должен перерасти!

Лачплесис
(восклицает радостно)

Хэй! Хэй! Что спорить нам с тобой?
Коль будет нужно — пойду и в бой.
Что сомневаться в том?!
Жизнь во мне бьет ключом.
Зачем сердиться, Лаймдота?
Ведь это наша Спидола!
(Берет Лаймдоту за руки и подводит к Спидоле. Обе горделивы и сдержанны.)
В день мира мы сошлись с друзьями,
Пусть же все празднуют с нами!
Несите чаши!
Мы их осушим за счастье наше.
Садитесь за стол скорей,—
И бывших врагов зову, и друзей!

Немец

А Рига?

Лачплесис

Спидола скажет вам.

Спидола

Поселиться я разрешаю там.

Входят слуги, расставляют столы, обносят кубками всех присутствующих. В сопровождении герольдов появляются новые гости. Входят женщины. За полуприподнятой завесой виден народ, среди которого также разносят угощенье.

Застольная песня

В кубках пенится вино,
Сердце радости полно.
Хэй! Хэй! Хэй!
Выпей и налей!
Гром замирает —
Конец всем грозам.
День расцветает
Подобно розам.
Радостно песнь запевайте,
Пейте и вновь наливайте!

Сбылись мечтанья,
Пой, ликованье!
Хэй, хэйя, хэй!
Хэй, хэйя, хэй!
Дружной семьею
Счастье покоя,
Землю родную
Славим, пируя.
Кокле настройте,
Пейте и пойте!
Хэй, хэйя, хэй!

Молодежь начинает игры и состязания.

Отвяжем меч,
Кальчуги с плеч!
Как диск, станем щит метать,
Мечами колосья жать,
Доспехи детям дарить,
Горох на щитах сушить.
Хэй, хэйя, хэй!
В кубках пенится вино,
Сердце радости полно.
Выпей и вновь налей,
Хэй, хэйя, хэй!

За завесой раздается тихий стон: «О, горе нам, горе!...»
Все прислушиваются.

Лачплесис

Чьи это стоны?
На пир зовите обойденных!
(Приказывает откинуть завесу.)

Даугава блестит на солнце, но над горизонтом черные тучи.

Далекие голоса

В земле мы, глубоко,
И выйти нет сил.
Мы прокляты роком,
Где ты, спаси!
Из недр мы взываем,
О свете мечтаем.
О, горе нам, горе!

Лачплесис
(выходит на порог)

Кто они? Кто зовет?
Кто смел со мной разлучить народ?

Вожди

— То Даугавы стон...
— То далекий гром...
— Пусть их не видит он...
— Скройся в дворце своем!

Спидола
(боязливо, тихо)

Все изменяй и сам изменяйся!

Далекие голоса

Из слез наших — Даугавы воды,
Ждем мы веками свободы.

Лачплесис
(возвращаясь)

Кто же мне скажет, чьи это стоны?
Позвать на пир обойденных!

Входит Черный Рыцарь, слепец в очень богатом наряде. Его ведет мальчик.

Спидола
(вскрикивает)

А!

Лаймдота стоит как вкопанная. Кубок падает у нее из рук. Лачплесис, только теперь обернувшийся, видит Рыцаря.

Кангар

Один из тех обойденных.

Лаймдота

Зачем?! Разве он приглашенный?

Лачплесис

Он гость. Для любого — свободный вход.

Черному Рыцарю подают вино и яства. Он не дотрагивается до них.

Лаймдота

Ах, Лачплесис! Горе он несет!

Кангар

Хэй! Начинайте веселый пляс!
Сюда, молодежь! Поглядим на вас.

Гости опять сели. Пляска. Молодые воины вызывают друг друга на состязание в борьбе.

Кангар

И нам ведь неплохо тряхнуть стариной.
Пусть кто-нибудь выйдет на смелый бой!

Выходит немец-силач огромного роста и побеждает нескольких латышей.

Немецкий посол

Зачем, латыши, вы так хвастались?
Один богатырь у вас — Лачплесис.

Кокнесис и вожди

Хэй! Хэй!

Кангар

Да, равного ты не найдешь в бою.

Черный Рыцарь

Но только в вашем ничтожном краю.

Шум среди воинов.

Кангар

Противника равного он не знал.

Черный Рыцарь

Затем, что встречи с ним не искал.

Лачплесис
(ударяя мечом о пол)

Хэй!

Спидола и Лаймдота пытаются удержать его.

Кангар

Лачплесис вызов не встретит отказом.

Черный Рыцарь

Достойных борцов не встречал он ни разу.
А если он встретит? Боясь судьбы,
Быть может, откажется от борьбы?

Кокнесис, остальные вожди и их дружины испускают злобные крики.

Кангар

Насмешка?

Черный Рыцарь

Ну что же, со мной принимаешь бой?
Никто не решался биться со мной!

Лачплесис медленно поднимается с трона, но по знаку Спидолы снова садится.

Лаймдота

Ты гость нам, а с гостем не борются.

Черный Рыцарь

Еще угощенья не тронул я.
К чему же лукавая речь твоя?

Лачплесис
(пытается освободиться из объятий Лаймдоты)

Пусти! Уж терпеть не хватает сил.

Спидола

Король ты! Нельзя, чтоб ты в бой вступил.
Молчи, пришлец из страны чужой,
Ты дерзок безмерно! Король пред тобой!

Черный Рыцарь

Ах, вот как! А мне сказали — герой!..
Геройство ты скрыл под пурпурный наряд,
И женщины здесь за тебя говорят.

Лачплесис сбрасывает пурпурную мантию, откладывает в сторону золоченый меч-скипетр.

Кокнесис

Позволь — и его я тотчас убью.
Коль честь защищать ты не хочешь свою.

Шум голосов перекатывается волнами. Беспокойство людей растет.

Черный Рыцарь

Ты жар загребаешь чужой рукой.
Я справлюсь со всеми — не только с тобой!

Шум растет, доходя до крайнего предела. Все встают, кричат.

Народ

Месть! Убей его, как собаку!
Он поносит весь наш народ!

Лачплесис вырывается из рук Лаймдоты и, выйдя на середину помещения, туже затягивает пояс. Спидола преграждает ему путь.

Кангар

Завесу долой! Шире место у входа!
Не стерпит герой оскорбленья народа.
Он битв избегал, но терпеть нет сил —
И прежней отваги воскрес в нем пыл.

Кокнесис
(Кангару)

Молчи!

Лачплесис

А ну, выходи! Хэй!

Спидола

Лачплесис, стой!
А достоин тебя противник твой?

Лачплесис

Кто ты?

Черный Рыцарь

Татарин я из степей.
Весь мир под копытами наших коней.
Тебя, латышей твоих растопчу
И в Замке Света свет погашу!
(Поднимает золотой меч.)

Общее волнение.

Далекие голоса

О, горе нам, горе!

Лачплесис

Вот ада последняя сила! Скорей
Дай меч! Ведь грешно не сразиться с ней!
Я думал, что все уже сделано мной.
Покой — это смерть! Принимаю бой!

Спидола

Ловушка! Тогда победишь в борьбе,
Когда отступишь. Иль гибель тебе.
Твой рок — слепец с золотым мечом.
С тобой и с народом он борется злом!

Далекие голоса
(ближе)

О, горе нам, горе!

Черный Рыцарь
(Спидоле)

Тебе не удастся его спасти,
Обоим вам от судьбы не уйти.

Спидола

Сломлю я судьбу и тебя, злодей,
Коль Лачплесис станет духом сильней.

Черный Рыцарь

Бессильна ты против рока и зла.

Спидола

Я все еще ясная Спидола!
(К Лачплесису.)
Возвысься над этим, Лачплесис. В битве ли подвиг твой?
Твой высший подвиг — жизнь для народа, не смерть!
Гибель твоя неволю ему принесет,
Коварством враг на битву зовет,
Если погибнешь — погибнет и твой народ.
Будь сильным и горделивым.
Что толку в смелых порывах?!
И самый слабый там устоит,
Где ты, сильнейший, будешь убит.

Кангар

Боишься биться с силой ада?
Паси тогда овечье стадо
С любовницею. Латышский народ
Другого властителя изберет.

Шум, одобрение.

Спидола

Предатель! Свой замысел выболтал.
На гибель героя выманил.
Умри же!

Кокнесис

Не пачкай меч кровью псиной,
Издохнет змей и от дубины!
(Убивает Кангара и вытирает дубину.)

Кангар
(умирая)

Я вечен. Вот вам мое колдовство!
(К Спидоле.)
Еще не настало твое торжество!
(Плюет на пол.)

Кто-то из военачальников слизывает плевок, вбирая в себя таким образом волшебную силу Кангара.

Вожди

О, горе! Этот убит, а противник живой!..

Лачплесис

Не много ли чести собаке такой!

Спидола

Как подло довел он тебя до гнева!

Лачплесис

Я сам наказал бы за злое дело,
Но стала ты на моем пути.
Ты думаешь, гибель в бою я найду?
Уже умирал я и думал, что цель далека.
Не смерть мне страшна.
Но тяжко, что путь мой не завершен.
Я вижу, что року я обречен.
И все же иду я!

Спидола

Совершенствуясь, ты одолеешь рок.

Лачплесис

Но в совершенстве себя я теряю, а я весь цельный.
Ты, в вечность маня, меня надломила.
Созревая, ядро скорлупу разорвало.
Треснул панцирь надежный.
Сомненья в душе, не верю себе,
Хочу я борьбы, чтоб снова в себя поверить
И снова стать цельным.
Велела ты с немцами биться мне —
Зачем же сейчас нельзя?

Спидола

Тот бой был разумным, там мог победить ты,
А здесь — падешь!

Лачплесис

Мой долг — исполнять, что судьбой назначено,
Идти лишь вперед, не сворачивать.
Тогда погибала целая рать —
Теперь же мне одному умирать.

Спидола

Дороже ты многих... Всех!

Лачплесис

«Я всех дороже» — так скажет каждый,
Пускай я сильнейший — народ сильнее.

Спидола

О нет, о нет!

Лачплесис

Жизнь народа, столетья живущего, все же важнее
Недолгой жизни любого на свете героя.
Умру я — другие придут, чтоб закончить дело.

Спидола

Умрешь ты — погибнет и Латвия!

Лачплесис

Но если она падет, это значит — у ней
Не было силы такой, чтоб сама устояла.
Можно ль связать ей судьбу лишь с моею
судьбой?
Разве мне вечно жить на милой земле
латышской?
Будут у ней и свои времена невзгод.
Ты ее и веди, ты сильна и разумна,
Ты способна видеть грядущее.

Спидола

Я знаю, столетия будет чтить
Народ твое дорогое имя.
Путем справедливым пойдут герои
Без хитрых блужданий ума и сердца,
В одно грядущее взор устремив.
Они одиноки уже не будут,
Им силы подарит родной народ,
И узкие стены одной страны
Их не замкнут. Все страны вместе
Вступят с силами ада в бой,
И побежден будет Черный слепец!

Лачплесис

Хэй! Хэй! Мы одержим победу. Хэй!

Далекие голоса
(вместе со стоном Даугавы, еще ближе)

О, горе нам, горе!

Лаймдота, лежавшая в обмороке, очнулась и умоляюще падает к ногам Лачплесиса.

Лаймдота

Не бейся! Не надо! Что станет со мною?

Лачплесис

Лаймдота, ты мне дарована Счастьем,—
Тебе оставляю сердце.
Спидола, будь ей защитою, правя страной,
Тебе остаются мой дух и душа.

Спидола

Что власть мне! Могу ли я жить без тебя?
Я отреклась от неба, так что мне земля?
Не изменились мы — и не срослись.
Единой судьбою, единым путем
Могли бы весь мир покорить мы вдвоем!

Голоса
(стон все еще нарастает)

— О, горе нам, горе!
— О, горе нам, горе!

Лачплесис
(свободно, громко)

Довольно стенаний! Хэй! Хэй!
Свобода, цельность, вновь во мне.
Окрепнул мой дух, душа в огне.
Хэй!
Ко мне, слепой!
Я вижу — тебе не терпится в бой.

Черный Рыцарь

Иди и пади!
Что б ни случилось — тьма победит!

Голоса

Нет! Бессилье сломит силу,
И возьмет тебя могила!
О, горе нам, горе!

Лаймдота
(сокрушенная, подавленная)

Бессильна я... Был ты силой моей,
Ты сердце свое вложил мне в грудь.
В беде мне оно озаряет путь.
Тебе помогу я, любимый.
Предсказано, что на глазах моих
Умрешь ты. Но я закрою их —
И станешь ты неодолимым.
Иди, мой герой!
И смерть разлучить нас не сможет с тобой!
(Обнимает его, потом опускается наземь у трона, пряча лицо в подушки.)

Черный Рыцарь

Ха! Ха! Ха!

Голоса
(совсем близко)

О, горе нам, горе!

Начинается единоборство Лачплесиса и Черного Рыцаря. Лачплесис разрубает щит противника. Всеобщий крик.
Лаймдота встает, но отводит взор от поединка. Черный Рыцарь отсекает ухо Лачплесиса. Крики зрителей.

Лачплесис

Ключ от Замка Света! Скорее ключ!
(Берет ключ с золотой подушки; он заржавел, не блестит.)
Он весь заржавел...
Иль гибель — мой удел?
Нет сил у меня расти,
Но будущему — цвести!

Черный Рыцарь перерубает ключ, который падает на землю, сияя ярким светом.

Спидола

Спидолы свет, гори!
Силу врага отведи!
Меч, по алмазу скользи!
(Заслоняет собой Лачплесиса.)

Черный Рыцарь замахивается мечом, но не может нанести удара. Крики народа.

Лаймдота
(вскрикнув в испуге, спешит к Лачплесису)

О Лачплесис,— жизнь моя!
Не выдержу я мученья...

Спидола на крик Лаймдоты поворачивается к ней, опускает руку с алмазом.

Черный Рыцарь
(изловчась, отсекает Лачплесису другое ухо)

Вот и второе срезал я!
Нет для тебя спасенья!

Лачплесис крепко обхватывает Рыцаря. В разгаре борьбы они оба рушатся с высокого обрыва.

Спидола

Не кончился бой, длиться борьбе!
О Лачплесис, помощь несу тебе!
(Бросается в бездну, где продолжается борьба.)

Голоса

О, горе нам, горе!

Занавес

ПРОЛОГ

Вей, ветерок, гони челнок,
Уноси нас в Курземе...

Вот сумрачно приманчивые звуки,
Которых нет милей во всей вселенной.
Они мне долго душу волновали.
Где ветерок тот, что, однажды взвеяв,
На родину понес бы наши лодки?
Безбрежно море, дуновенье слабо.
Мы ждем, когда помчит нас свежий ветер,
Он нам обещан, но еще не сбылся,
Как не сбылись посулы курземчанки.
Мы песнями тоску свою смягчаем.
Стань, песня, лодкой, а напевом — ветер!
Собратья скорби, вместе в лодку сядем
И уплывем на родину в мечтаньях.
Меня призвали вы — и я явился,
И буря веет, и ладья помчалась
По Да́угаве воздушной, морем звуков.
Я радуюсь, что вспомнили меня вы,
Что вы меня почтили приглашеньем
На празднество великое сегодня.
Вы вспомнили, что в молодости вашим
Товарищем я был в одном отряде,
Что на чужбине брел, не унывая.
Я радуюсь, но горечь жалит сердце:

Ведь вы, как я, изгнанники такие ж,
Вы так же на чужбине; оттого мне
Сильней, чем радость, горечь полнит парус.
Сильна боль сердца, но еще сильнее
Позор молчанья о сердечной боли.
Что мне ответить? Чем ту боль измерить?
Припомните ж о том, что душу давит,—
О Даугаве любимой, об отчизне.
О том, что было раньше, о сиротке,
О предках наших, в прошлое ушедших,
В наследство нам свои оставив души,
Звучащие в напевах многих песен
Сильней, чем соловьиный лес от трелей.
В них дух отцов, он нашей жизнью движет,
Их труд работа наша продолжает
И новый мир готовить помогает.
. . . . . .
. . . . . .
Вот маленькой мелодии отрывок:
«Вей, вей, ветерок, гони челнок!»
И древнего напева голос нежный
Возобновит забытые виденья,
Напомнит притчу, смысл ее подскажет:
Увидите вы милую сиротку,
Что воплотила лучшее на свете,
Всю нежность, красоту и благородство,
Готовность приносить всем людям счастье,
Высокое достоинство сиротки,
Отдавшей сердце гордое надежде!
И юноша, сиротки покоритель,
Встал из-за Даугавы белокипучей,—
Как новый день, что блещет на восходе,
Сиянием денницу затмевая.
То молодой земли встающей сила,
Что все вокруг себя перемещает
И, небосвод и звезды опрокинув,
Уничтожает то, к чему стремится,—
И красоту и собственное счастье.
Но сын страну угасшую вздымает
И к новым горизонтам переносит,
Сам вместе с ней чудесно обновляясь
Для юного грядущего людского.

ЛИЦА:

Улдыс.	Орта.
Барба.	Циепа.
Зана.	Гатынь.
Анда.	Работники.
Мать.	Батрачки.
Дыдзис.	Соседки.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Мукомольня. Направо дверь. Прямо против зрителей дверь, снаружи заколоченная. Направо в стене задвижное окошко. По правую и левую стороны ручные жернова. В левом углу на полу просеянная мука. Мукомольня темная, горит только воткнутая в стену лучина.
Раннее утро. Со двора слышен вой ветра.

Когда потом раскрывают заколоченные двери, видна Даугава.

Налево на ручной мельнице мелет З а н а, девушка лет двадцати, и Б а р б а, лет семнадцати. На мельнице справа мелет А н д а, лет восемнадцати, и батрачка О р т а, лет пятидесяти. В левом углу просеивает муку приживалка Ц и е п а, лет тридцати.

З а н а
(поет)

Я стирала, полоскала,
Берег Даугавы широк,
Подплывал ко мне щучонок,
С головы сорвал венок.

Другие девушки тихо подпевают.

О р т а
(смеясь)

Петухи каких соседей
Вас подняли до зари?
Еще сон мне не доснился —
А уж Зана за помол.

Ц и е п а
(льстивым голосом)

Распевает мукомолка,
Как синичка меж ветвей.

О р т а

Нет, она жужжит, как пчелка,
Не боясь, что ветер свищет,
Налетая на нее.

З а н а

Этот ветер нам помощник,
Дождь сбирает, лодки гонит.
(Запевает.)
Полоскала я, стирала,
Берег Даугавы широк.

Ц и е п а

Как по серебру ты ходишь,
Так звенит твой голосок.

З а н а

Что дивитесь вы, сестрицы?
Жернова мне вторят в лад.
Тяжкий жернов кружит песня,
Облаком летит мука.

О р т а

Жернов рад в мучице белой
Развалиться и поспать.
Не мечтаешь ли поспать ты
С женихом пшенично-белым?

З а н а

Вам насмешка, а мне — песня.

А н д а

Пой, покуда твое время,
Пой, пока жених далеко.

Ц и е п а

В глазках Заны засверкало,
Словно кот глядит на сало!

З а н а

Ха-ха-ха!.. Вот чепуха!..
На пирог мелись, мука!

О р т а

Для тебя помол — богатство,
Серебром мука мерцает.
Мне ж вся прибыль от помола
В том, что косы серебрятся.

Б а р б а

Не ворчи с зари, сестрица.

О р т а

Надоело мне работать;
У меня все косы взмокли,
А на Зане ни росинки.

А н д а

Туго мельнице придется,
Если Орта мукомолка!

О р т а
(в сторону Анды)

И ты тоже только жернов
Крутишь, как хвостом котенок!

Анда умолкает; умолкают и другие девушки; сильнее завыл ветер. Справа входит м а т ь с мешком зерна.

М а т ь

Бог на помощь, мукомолки,
Весел утренний помол.
(Подшучивая, ставит мешок.)
Если так вам петь и дальше,
То зерна у вас не хватит!

З а н а

Полно, матушка, хватает
Нам и зерен здесь и песен,
Мы и устали не знаем.

Ц и е п а

Те, кто пашет,— те устали,
Хоть соху тянули кони.
Мукомолки ж не устали
Жернова крутить руками.

Орта к Циепе
(дразня ее)

Да тебе устать ведь трудно:
Мельница твоя мякину
Языком, что жернов, мелет.

Мать

У болтушки плох помол,
Малой меры стоит он,
А за твой помол я, Орта,
Мерой щедрой заплачу.
Мелко смелешь да просеешь —
Все пойдет на пироги!

Орта

Кого в гости звать собралась?

Анда
(весело восклицает, обнимая мать)

Сваты будут! Сваты едут!
Ой, ты, маменька родная!

Мать
(отстраняясь)

Не твои еще, вертунья!
Здравствуй, Зана!
(Обнимает и целует Зану.)
Мне пора!
Гатынь завтракать покличет.
(Уходит.)

Те же без матери.

Анда
(обнимая Зану)

Ах ты, Занушка, сестренка!
Вот уже ты и невеста!
Кто ж со мной разделит радость?
У меня и друга нету.

Зана
(смеясь)

Будет лишек — дам тебе.

О р т а
(Зане)

Вот — ни с кем не поделившись,
Уж с дружком договорилась.

Ц и е п а

Доверяют не болтливым.

О р т а
(перебивая ее)

Тем, кто сплетничать привычен!

А н д а

Если честь хранит девица
И в хозяйстве мастерица —
Ей ничей совет не нужен.

О р т а
(Зане)

Где слюбились, сговорились?

З а н а
(смеется)

Где? На ярмарке минувшей,
На широком берегу.
(Напевая.)
Подплывал ко мне щучонок,
С головы сорвал венок.

А н д а

Ну и радость! Ну и праздник!
Нынче будет день веселья!

Сквозь вой ветра слышны тихие звуки свирели.

О р т а

Кто играет-распевает?
Не скворца ль пригнало ветром?

Б а р б а

Это Гатынь на свирели.
Видно, снова занедужил.
Ему ветер щемит сердце,
Он его игрою лечит.

Анда

Гатынь вновь на дудке стонет.
Всех сватов он распугает,—
Мало, что ли, ветра стонов?

Зана
(поет)

Возьми, братец, свой челночек,
Догони ты мой веночек.

Ветер усиливается.

Циепа

Вот так ветер! Дверь срывает!

Зана

Мою песню обрывает!

Орта
(смеется)

Не тужи — жених вновь свяжет.

Ветер разносит муку по мукомольне.

Циепа

С потолка — мука метелью!

Анда
(смеясь)

Расстилай-ка полотенце,
Пироги спасай, Циепа,
Женихам на угощенье!

Зана

Успокойся, ветра мать,
На сухом суку присядь!

Орта

Нет, не ветра мать, а гром
Из-за Даугавы к нам едет.
Это ветра сын — гребец,
Ищет счастья молодец.

Зана

Сохрани ты, боже, тех,
Кто по Даугаве плывет!

Анда
(хлопая в ладоши)

Бог поможет им! А ветер
Полон дом сватов нагонит.

Слышен удар грома и сильный порыв ветра; вслед за тем — треск ломаемого дерева. Девушки вскрикивают, перестают молоть. Сквозь щели закрытых дверей виден свет.

Зана
(подбегает к стене, отодвигает окошечко и смотрит на Даугаву)

Господи! Клокочут волны,
Даугавушка взволновалась.

Барба
(восклицает, подбежав к закрытым дверям и глядя в щель)

Ах, беда какая! Ветром
Мою елочку сломало!
Не видать теперь ей счастья!

Циепа

Эта все гребца жалеет,
Та — свою жалеет елку,
Третья шутит, не жалея.

Анда
(перебивая ее)

Третью счастье пожалеет!

Орта

Три иволги дождь пророчат,
Три девушки парней кличут.
Та — «приди», а та — «он близко»,
Третья в тайне сердце держит.
Запоем сначала славу
Той, чье сердце не раскрылось.

Барба

Что ты, Ортушка, смеешься?
Чем я нынче провинилась?

Орта

Ведь твоя сломалась елка,—
Где ж укрыться недотроге,
Когда сваты понаедут?

Барба

Кто ж ко мне пойдет болотом,
Когда есть к другим дорожки?

Орта

В песне сказано: сиротке
Долго не носить веночек.

Зана

Ортушка, болтаешь зря ты.
Барбинька парней страшится,
Глаз на них не поднимает.

Циепа

Сердце скромницы — как уголь:
Ветерок подует — вспыхнет.

Анда

Пепел только укрывает
Жар горячего сердечка.

Барба

Что ты, Анда! У меня
О таком и мыслей нету!

Орта

Тот, кто по сердцу придется,
Живо жаром сердце спалит.

Барба

Ой, да что ж вы говорите!
Я уж в Даугаву скорее,
В стаю мелких рыбок прыгну!

Орта

Ох ты, девка-недотрога!
Смерть не кличь, в свой срок нагрянет.
Муж не волк, тебя не съест он.

Барба

Кто же маму сжил со свету?

О р т а

Разве все мужья такие,
Что в корчме проводят время?

Ц и е п а

Что хлопочешь ты о Барбе?
С ней давно помолвлен Гатынь.

О р т а

Зря смеешься над калекой!
Сироту к сиротке тянет.

А н д а

Тише! Гатынь ковыляет:
Топу-топ, топу-топ!
(Показывает, как Гатынь хромает.)

Девушки смеются. Маленькая пауза. За дверью слышны шаги и нерешительное топтанье.

Ц и е п а

Где ж он есть, казак-наездник?

А н д а

Скакуна на привязь ставит.

Девушки смеются.

О р т а
(зовет строго)

Ну, входи, чего там мнешься?

Г о л о с
(за дверью)

Завтракать!

Девушки смеются.

Б а р б а

Ведь он стыдится.
(Зовет.)
Гатынь, открывай, не бойся.

Г а т ы н ь приоткрывает дверь. Это юноша лет восемнадцати, неуклюжий, хромой, с болезненным лицом, маленького роста, говорит боязливо.

Г а т ы н ь

Мне мать велела, чтоб я позвал вас на завтрак.

Циепа

Что ты гордишься! Войди без чванства на мукомольню. Прикрой и двери. Так.

Гатынь входит и закрывает дверь.

Орта

Скажи, сынок, всем доброго утра да бог на помощь.

Кто «бог помощь» не сказал,
Черта носит за плечами.

Гатынь

С добрым утром! Бог на помощь!

Анда

И тебе бог на помощь! Мы тебе подмога тоже: даем твоим коням подсыпку.

Девушки смеются. Гатынь смущается и идет к двери.

Циепа

Обожди же! Расскажи хоть, что тебе сказать велели?

Гатынь
(останавливается)

Чтобы шли вы завтракать.

Анда

Ну, побудь немного с нами. Мы ведь девки не дурнушки. Повесели нас, не гнушайся.

Орта

Ах, ну что ты! Ты ведь знаешь —
Он не боек на язык.
Поиграй нам на свирели —
Ты так жалобно играешь.
Надо нам помол закончить.

Гатынь
(показывая рукой)

Там идут, поют.
(Хочет уйти.)

Орта

Где? Не слышу.

Циепа

Ну постой. Скажи — неужто здесь никто тебе не по вкусу?

Гатынь

По вкусу.

Зана

Кто ж тебе по сердцу? Может, я?

Гатынь

Все.

Зана

Ишь ты, все! Разве Циепа одинакова со мною?

Гатынь

Ты красивей.

Циепа

Значит, я тебе не нравлюсь! Или стара тебе в невесты?

Анда

Но ведь я молода. Что же, или я не нравлюсь тоже?

Гатынь

Ты смеешься надо мной.

Анда

Лучше ль плакать над тобою?

Зана

Что вы с мальчика возьмете?
У него уж есть невеста.
Как понравиться мы можем?

Гатынь бежит в сторону двери.

Анда

(преграждает ему путь, обхватив его)

Не пущу. Скажи, откройся,
Барба, что ль, твоя невеста?
Что ты там в рукав запрятал?

Гатынь роняет маленькую лопаточку для муки. Анда поднимает ее.

Вот лопаточка-игрушка. Гладенько обстругана. Хорошо муку сгребать. Для кого она? Отдай мне.

Г а т ы н ь
(очень тихо)

Нет, нельзя.

А н д а

Отдай. Смеяться перестану над тобой!

Г а т ы н ь
(так же)

Это Байбиньке,— ей больше всех приходится молоть.
(Бросает лопаточку и убегает.)

Т е ж е без Гатыня. Громкий смех. Б а р б а, застыдившись, сильнее вертит жернова. О р т а поднимает лопаточку. Издали доносятся звуки песни.

З а н а

Перестаньте вы смеяться!
Чу! Поют: «Вей, ветерок!»

Ц и е п а

Вот бы дудочник был нужен!

А н д а

Ветер воет, ветви стонут,
Не могу расслышать пенья.

З а н а

Я-то эту песню знаю!

Ц и е п а
(прерывая ее)

В сердце песня отдается.
Верно, путь к тебе направил
Ястребок с попутным ветром.

За сценой слышатся г о л о с а поющих — они еще далеко, но уже можно разобрать слова.

Г о л о с
(поет)

Сам себе нашел невесту,
Без родителей сосватал!

З а н а
(восклицает встревоженно)

Это он, ей-богу, он! —
Мой жених явился сватать!
(Перестает молоть.)

А н д а
(Зане, тоже перестав молоть)

Брось теперь молоть, сестрица,
И беги принарядиться.
Там поют — я слышу — двое,—
Наряжусь и я с тобою.
Тебе счастье привалило —
Заодно и мне, быть может.

Ц и е п а
(бросает работу)

Ой, и я за вами тоже:
Подмести полы почище
И песком посыпать белым.

О р т а

Что ж ты, Занушка, молчала,
Что сегодня будут сваты?
Я бы двери в нашем доме
Приукрасила цветами.

Г о л о с а
(ближе)

Свадьбу весело справляем,
Трое суток пьем-гуляем!

З а н а

Живо, живо! Счастье близко!
(Барбе.)
Ах, сестрица, поработай
За меня — в долгу не буду.
(Целует ее.)

Б а р б а
(Зане, продолжая молоть)

Ну, беги!

О р т а
(смеется)

Целует Барбу,
Жениха воображая.

Зана, Анда и Циепа собираются уходить.

За закрытой дверью слышатся тихие г о л о с а.

Г о л о с
(за дверью, громко)

Добрый день! Добрые люди,
Двери странникам откройте!

Ц и е п а

Ой-ой-ой! Упало сердце.

З а н а
(подойдя к двери)

Что за странники такие,
Что стучатся не в ворота?

Г о л о с
(за дверью)

Мест не знаем, заблудились.

Ц и е п а

Жернов пляшет, крыша скачет,
Под шумок зачем крадетесь?

А н д а

Вы хотите мукомолок
В челн снести и увезти!

Г о л о с
(за дверью)

Я их только в щелку видел.
Та, что гибче и стройней,
Той и быть моей невестой.

З а н а

Кизи, Кизи, вор девичий!
В дом бежим скорей, сестрицы!

А н д а

Домовой муку украл бы,
Дверь открыть лишь не умеет.

Девушки убегают. Циепа вместе с ними.
Слышно, как скребутся за заколоченной дверью и пытаются проникнуть внутрь.

Г о л о с
(за дверью)

Дверь откройте, буря мчится!

О р т а

Что ты рвешься в двери, парень?
Нету здесь твоей невесты.
Поклонись поди хозяйке,
Заплати ей полной мерой.

Г о л о с
(за дверью)

Сам себе нашел невесту,
Без родителей сосватал!

О р т а

Ты не сладил сам с собой,
В дверь уперся, как слепой!

Г о л о с

Что ты, дверца, не пускаешь?
Вей же, ветер! Дверцу — с петель!
Бери, ястреб, куропатку!

О р т а

Горе мое! Дверь трещит!
Что долбишь ты двери, дятел?

Дверь внезапно распахивается настежь. Открывается вид на Даугаву и на видземский берег. Быстро входит У л д ы с, он ловит убегающую Б а р б у.

У л д ы с

Хоронись — не хоронись,
Все равно моею станешь!

Б а р б а
(вскрикивает)

Орта, Орта! Ой, спасай!

О р т а
(Улдысу)

Сорванец, медведь, бродяга!
Что ты девушку хватаешь?

У л д ы с
(Барбе)

Дайся в руки мне, девица,
Рассмотреть тебя хочу я,
Ты светла или чернява?
Или косы серебрятся?

Б а р б а

Я не Зана, что ж смотреть-то?
Не твоя же я невеста!

У л д ы с

Как тебя узнать мне точно?
Я тебя вдали лишь видел.
Корюшка или плотичка —
У обеих светлы спинки.
Дай себя увидеть ближе —
Погляжу, моя ты, нет ли?

Б а р б а

Не нужны твои мне сказки.
Не твоя я — мне известно.

У л д ы с

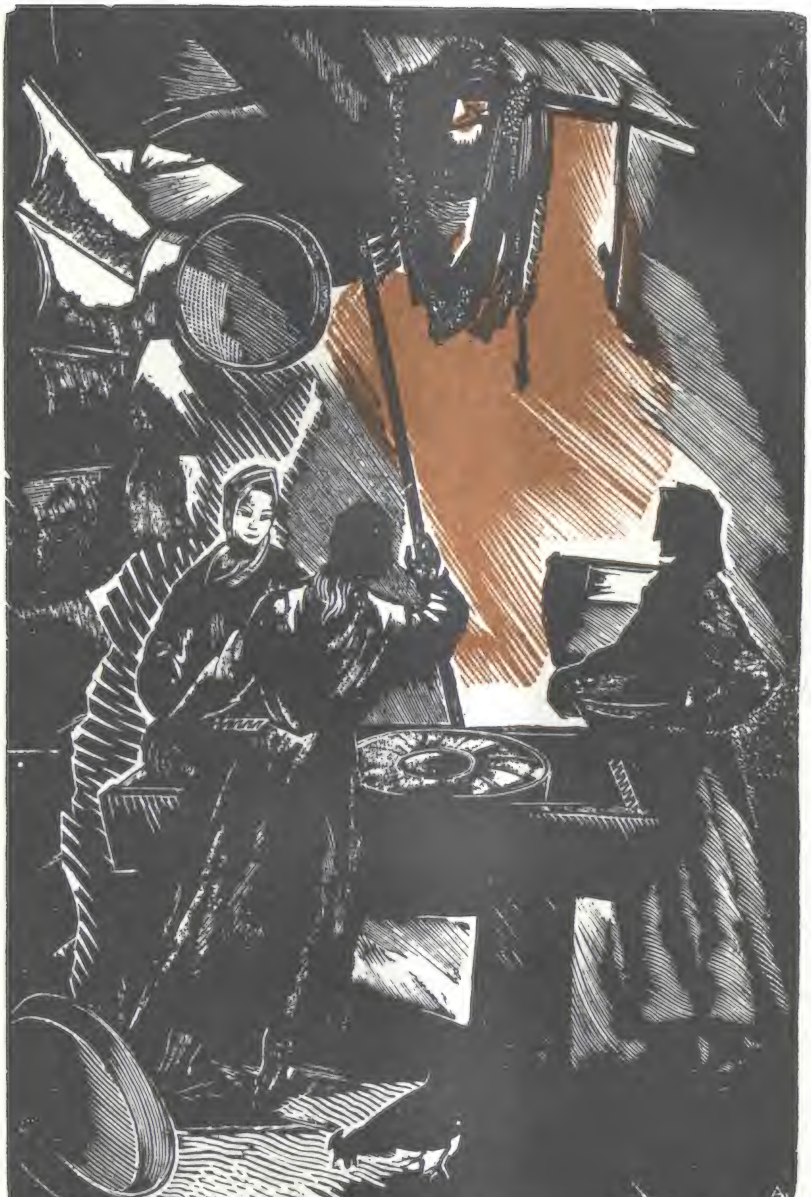
От муки ты побелела,
Глазки синие — подснежник.
И у Заны так синеют,
В поцелуях утопая.

Б а р б а

Ой, беда! На помощь, Орта!

О р т а

Уходи, копченый угорь,
Остроносый непоседа!
Вот возьму от мельни ручку,
Загоню тебя под жернов.



«Вей, ветерок!» Худ. О. Абелите.

У л д ы с
(Орте)

Ну и злющая ж ты теща!
Что слова горохом сыплешь?

О р т а

Поищи другую тещу
Ты, бездельник, вор девичий!

У л д ы с

Что кричишь ты, что долбишь ты?
Рот как мельничная ступа,
Стал пестом язык твой, что ли?
(Тащит Барбу в сторону двери.)
Айда, белая кувшинка,
По волнам с тобою прыгать!

Б а р б а

Отпусти ты, не пойду я!
(Закрывает голову.)

У л д ы с

Что ты рвешься? Глазки прячешь?
Ведь они синее, чем
Волны Даугавушки синей,
Щечки ж белизной сверкают,
Будто гребни пенных волн!

Б а р б а

Ой, пусти!

У л д ы с

А ты сначала
Поцелуй за взлом дверей,
Поцелуй за путь опасный
В лодке — Даугавой ненастной!

О р т а

Ах, злодей, нашел чем хвастать!
Как пестом по шее тресну,
Так и вспухнет за плечами,
Что и в гроб не уместишься.

Улдыс целует Барбу, несмотря на ее сопротивление.

Барба
(вскрикивает в внезапном испуге)

Ай!

Улдыс
(тоже испуганно)

Что с тобой? Что кричишь ты?

Орта

Что ты, парень, с нею сделал?

Барба

Ай, ты выпил! — Твои губы...

Улдыс
(смеется)

Губы? — Что, вторично хочешь?

Барба, которая тщетно пыталась вырваться из рук Улдыса, внезапно наклоняется и кусает его руку.

(Отпускает ее руку, смеется.)
Вона! Палец укусила!
Ласочка, а не девчурка,
Станешь ты моей невестой —
Оберну тебя вкруг пальца.

Барба
(отбежав к двери, укоризненно)

Никогда твоей не буду,
Обернешь меня вкруг пальца!
Дуболап пустоголовый!
Рот твой...

Улдыс

Что?

Барба

Отравой пахнет.

Улдыс

Что ты, девушка, взъярилась?

Барба

Поищи свою ты Зану,
По тебе она тоскует.
(Убегает.)

Те же без Барбы.

Улдыс

Что случилось?

Орта

Пьешь зачем ты?

Улдыс

Кто в убытке?

Орта

Ей противно.

Голос
(за сценой)

Улдыс, Улдыс, где ты бродишь?

Те же. Входит Зана.

Зана

Что за крик тут раздавался?
Отчего Байбиня мчалась?
Улдыс, милый...
(Увидев Орту, умолкает.)

Орта

Ну, пора мне.
(Уходит.)

Зана

Улдыс, Улдыс! В бурю эту
Через Даугаву поплыл ты!
Что ж стоишь? — Целуй скорее!
Да спеши меня посватать.
Мать хлопочет.— Что ж ты медлишь?
Торопись!

Занавес

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Двор. Направо хозяйские окна и дверь, рядом окна и дверь к работникам. У стены скамейки. Налево клеть, хлев, сарай. Между постройками вид на далекую излучину Даугавы.

Улдыс. Дыдзис. Мать. Орта. Циепа.

Мать

Кто такие? Что за люди
По двору чужому ходят?

Дыдзис

Здравствуй, добрая хозяйка!
Мы — проезжие. С дороги
Завернули отдохнуть.

Улдыс

Добрый день — большим и малым,
Всему дому и хозяйству!

Мать

А какой же вы дорогой
Шли к нам, гости дорогие?

Циепа

Где коней вы привязали?
Напоить их, верно, надо,
Накормить зерном отборным.

Мать

Доносилось много шуму:
Псы бесились, люди злились,
Ветер выл, трещали ветви,
Одного мы не слыхали —
Чтобы кони близко ржали.

Улдыс

На конях мы не скакали,
А от Краславы на лодках
Всю дорогу прокачались.

Мать

Вот так путники, глядите!
Тот верхом сюда добрался,
Этот — в лодке, вишь, качался!

Орта

Под личиною проезжих —
Женокрады налетели.
Мать, считай своих голубок —
Столько ль будет, как уедут?

Мать

Кто вы? Для чего явились?
Что вы здесь найти хотите?

Дыдзис

Ищем телочку мы всюду —
След привел на этот хутор.

Мать

Вот и слышу я, что в мельне
Песни девушек умолкли.

Орта

Не слепой ли этот путник?
Телок ищет в мукомольне.

Улдыс

Нам нужны те мукомолки,
Что муку для телки мелют,
А была бы мукомолка —
Не сбежала бы и телка.

Дыдзис

И не плакал бы парнишка.

Мать

Здесь такой и не бывало,
Во дворе другом ищите.

Улдыс

Весла мокрые держал я —
У меня замерзли руки.
Та, что варежки мне вяжет,—
В вашей прячется светлице.

Орта

Все цветет, теплынь такая,
У тебя же мерзнут руки.

Улдыс

Только ты не расцветаешь,
Холод сердца руки студит.

Мать

Где ты взял, осока, право
Сватать дочку-клеверочку?
Шапки бархатной не видно,
Сапожков блестящих нету.

Дыдзис

Что нам бархатные шапки,
Блеск нарядных сапожков?
Наши лодки ходят в Ригу
И не то еще привозят.

Мать

Вон ведь вы гребцы какие!
Для чего вам мукомолки?
Не пахать вам и не сеять,
Ячменя и жита нету.

Дыдзис

Ветер пашет, бог нам сеет
Серебро на Даугаве.
Лучше плыть на легкой лодке,
Чем потеть на трудной пашне.

Улдыс

Дай мне дочку-мукомолку!
Сеет Даугава мне злато,
Да еще с таким излишком,
Что не гнусь за серебришком!

Мать
(грустно)

Быстро Даугава несется
И на дно иного тянет.
Там и барское богатство,
Там и материно чадо.

Улдыс

Челн мой ясеневый, прочный
Ярко золотом украшен.
Мать стремительного ветра
Раздувает белый парус.

Соткан ею он из пены,
На основе камышовой,
А невесту я добуду —
Из цветов построю лодку!

А н д а приоткрывает дверь горницы, за ее спиной видны другие д е в у ш к и.

А н д а
(тихо)

Ах ты, Даугава родная,
Ах, красавец ты, даугавец!

У л д ы с
(девушкам)

Ну, иди, садись, красотка,—
В клеть мою доставит лодка!
Там, за Даугавой, белеют
Сребролистые березы,
Там, за Даугавою, ивы
С золотистыми цветками!

Девушки, шутя, выталкивают Анду из горницы во двор. Анда приодета.

У л д ы с

Чаша полная дом этот,
Весь черемухой осыпан!

А н д а

Хорошо б венок украсить
Золотыми лепестками!

Ц и е п а

Золотые лепесточки —
Золотистым косам впору.

О р т а
(Анде)

Еще больше добродетель
Златокудрым подобает.

Из дверей выходит нарядная З а н а.

О р т а

О, еще явился кто-то!

З а н а

Это я — и я готова
Выйти замуж за даугавца.

М а т ь
(Зане)

Доченька моя! О боже!
Ты зачем во двор выходишь?
И о чем ты речь заводишь?

З а н а

Жизнь на Даугаве чудесна —
Вот о чем я говорю.
Там зимою мчатся сани,
А челнок цветочный летом.

У л д ы с

Саночки скользят со скрипом,
А челнок плывет со смехом.

З а н а

И поет невеста, сидя
С удалым гребцом в обнимку.

М а т ь

Замолчите, как не стыдно?
Сами так и рвутся замуж.
Вы до ночи ль были в поле,
До рассвета ли мололи?

О р т а
(матери)

Нет, заботливая мать
Дочерей оберегала:
Сирота за двух молола.

Ц и е п а

У хорошей — всем неплохо.

З а н а

Наша мать добрее всех.

О р т а

Бережет своих дочурок.

Дыдзис

Долго ль сможешь уберечь их,
Если сват нацелит око?
Сладкой речью сват опасен!

Улдыс

От корней цветет орешник
Ярко-красными цветами.
Красной девице приятно
Предложить от сердца руку.

Мать

Молодой, красивый парень,
Разговор ведет искусно.
(Дыдзису.)
И второй жених пригожий.

Дыдзис

Да, и мне нужна невеста.
(Глядя на Анду.)
Не уйдем мы прочь, покуда
Куропаток не поймаем.

Анда

Добрый молодец задумал
Нас поймать, едва увидев.
Разве я покорный птенчик,
Чтоб меня снимали с ветки?

Улдыс
(матери)

Перед важным господином
Куньей шапки не снимаю,
А ломаю шапку только
Перед матерью невесты.
(Он и Дыдзис кланяются матери.)

Циепа
(Улдысу)

Мать невест, что трясогузка,
Башмачки на ней из воска.

Д ы д з и с

Я веселый, краснощекий,
В куньей шапке, и узором
Сапоги мои расшиты.

У л д ы с

Кушаком богатым трижды
Я обвит, как дуб зеленый.
Кафтан — из цветов бобовых,
Шапка — из цветов гороха,
И спадает, перегнувшись,
С этой шапки шелк зеленый.

Ц и е п а

Стройный молодой дубочек
Перед солнышком склонился.

У л д ы с
(матери, указывая на дочерей)

В синем небе друг за дружкой
Звезды яркие несутся.
Дай одну мне — хватит света
У тебя еще для ночи.

Д ы д з и с

Мне вторую дай, а третья
За двоих работать будет.

У л д ы с

Мать невест, ты всех добрее.
Пополам давай разделим:
Я цветник тебе оставлю,
Ты позволь сорвать мне розу.

М а т ь

Ловко зяблика синица
Желудями обманула,
А жених мать не обманет
Хитроумными речами.

У л д ы с

Тяжело мне было в гору
Против солнца подниматься.

Тяжело просить мне было,
Сердце матери растрогать.
Ты зайди скорее, солнце,
Не пари над лесом долго.
Коль давать — отдай невесту,
Не вводи в соблазн гребца ты,
Да́угавчанин — волн хозяин!

Мать
(испуганно)

О мой боже! Волн хозяин!

Орта

Женокрады, женокрады!

Мать

Взором ястреба ты глянешь —
Куропатки в страхе никнут.
И к губам твоим цветущим
Пчелы тянутся за медом.
Шелк речей твоих зеленый
Словно сетью рыбу ловит.
Рыболов, тебя боюсь я,
Черных глаз мне страшен омут.
Дочерей умчать ты хочешь,
Как, мрачнея черным оком,
Ночью Даугава уносит
Души милые навеки!

Улдыс

Мать невест, напрасно тужишь.
Пред тобой в долгу не буду:
Есть за Даугавою липа —
Долг она тебе заплатит.

Мать

Уходи, шутник, отсюда!
Дочерей тебе не дам я.

Улдыс

А мы силушкой отнимем.

Мать

А мы спрячем в закромах!
Прячьтесь, девушки, спасайтесь!

У л д ы с

Кого схватим — наша будет.

Девушки — Зана и Анда — убегают.

У л д ы с

А ты, хитрая наседка,
Ты скажи мне напоследок:
Дашь ночлег, постель раскроешь
Чтобы с дочкой спать твоей?

М а т ь

Брось об этом думать, парень!

У л д ы с

Если ты не дашь мне дочку,
Целый бунт мы тут устроим!
Я на Даугаву тебя
В лодке вывезу, качая!
Плачь, кричи — качать я буду,
Пока дочь не обещаешь!

М а т ь

Забулдыга ты кабацкий,
Как такому дочь отдам я?

У л д ы с

Ну, не эту — дай другую,
Ту, что спряталася в доме.

М а т ь

Для чего еще другие,
Если этих уж избыток?
Не такому ветерочку
Алый мак у нас развеять.

О р т а

Растоптать репейник надо,
Чтоб не рос он на дороге.

У л д ы с

Падай наземь, кунья шапка,
И лежи, пока толкую
С гордой матерью невест!

С сердцем бросает шапку на землю, Дыдзис немного погодя поднимает ее.

Дыдзис

Шпоры белые на что мне,
От сапог что пользы черных?

Орта

Медной цепью опоясан,
На дно Даугавы иди!

Улдыс

Боже, волка ослепи,
Дай медведю нос щербатый,
Мать невест на четвереньках
Ты заставь, о боже, ползать,
На полóк она залезет —
Пусть не будет в бане пара!

Дыдзис
(Улдысу)

Ну и гордая же теща!
Чем ее теперь задобрить?

Улдыс

Все слова летят на ветер,
Опадают, как цветочки.
Принеси вина из лодки,
Чтобы маменьку задобрить!

Улдыс и Дыдзис уходят.

Орта

Коли небо потемнело —
Значит, быть росе на поле.
Коли сваты заявились —
Значит, пиво пить хозяйке!

Мать

И зубастый же он парень!

Орта

Заговаривают зубы
Ловко людям торгаши.

Мать

Добывают барыши!

О р т а
(матери)

Ушли уже, не слышно их. А этот не из тех ли Радзениеков, из больших Яни, что на самом берегу реки? Они ведь славятся своим богатством.

Ц и е п а
(матери)

Счастье-то какое! И он приехал за доченькой твоей! Надо его принять получше.

О р т а

Сумела же доченька твоя жениха сыскать, без всякого спросу.

М а т ь

Примем, примем! И для него ведь счастье — взять жену из хорошей семьи.

Ц и е п а

Господи, да он тебе все рученьки да ноженьки расцелует. А все-таки Андыне он больше пара.

О р т а

Кому он пара — это мы увидим. Говорят, что он большой пьяница. Один раз в Брасле всю корчму досуха вышил. Что легко достается, легко и спускается.

М а т ь

А у Дыдзиса будто десять коров, три коня.

Ц и е п а

Оба будто скупают товары, возят в Ригу, оттуда снова везут. Деньги лопатой загребают.

Крадучись и подслушивая, входит А н д а.

М а т ь

Знаем, парни говорили
Про усадьбы там за Даугавой.

О р т а

Дом богат, а где хозяин?
То он в Креславе, то в Риге,
А хозяйка в уголочке
Все сидит и горько плачет.

Анда

Я-то уж и не всплакнула б,
Я б гуляла и смеялась,
В рижском платье красовалась.

Входит Зана.

Зана

Нет, он мой! Нет, он мой!

Анда

На меня смотрел он тоже.

Зана

Молодой — на всех и смотрит.

Анда

Что ж тебе руки не дал он?
Не тебя просил у мамы?

Зана

Постеснялся.

Анда

Не стыдлив он.
Что за Барбой увивался?

Зана

Барба, Барба! Это верно,
Поцелуй не мне достался!

Циепа

Да тебе такой не нужен,
Дыдзис — тот тебе под пару.

Зана

Тебе — да, а мне — нет.

Мать

Двор у Дыдзиса и деньги,
У него спокойный разум.
Улдыс — бешеный сын ветра,
Что весной деревья ломит.

Зана

У вдовца рука что камень,
Тяжелее его денег.

Мать

Кошелек тяжелый может
Эту руку легкой сделать.
Кулаки и у пьянчуги —
Из-за этого ль откажешь?
Пойдем, Орта, пойдем, Циепа,
Присмотреть за угощеньем.

Циепа

Придержать обоих надо.
Мы б и третьего женили.
Женихов богатых мало,
Где найдешь теперь такого?

Орта

Где же есть невесты краше?

Мать, Орта и Циепа уходят.

Зана

Что, сестрица, ты сказала?
Он посматривал на Барбу?

Анда

Да, сестра.

Зана

Он чуть коснулся
Губ моих,— когда вбежала
Я обратно в мельню. Барба
Удрала оттуда мигом!

Анда

Позовем ее, расспросим.
Барба, Барба!

Зана

Ладно, ладно!
Барба ведь еще девчонка,
Женихи ей и не снятся.

Анда

А как Улдыс? В женихи
Своего отдай мне Улда...

Зана

Не отдам я! Не отдам я!
Никому! Никому!

Анда

Возьми Дыдзиса. У Дыдза
Пояс шелковый, узором
Сапоги его расшиты.

Зана

Не возьмет меня мой Улдыс —
Я совсем не выйду замуж.

Анда

А я выйду за любого!
Больше в девках не останусь,
Хоть на цепь меня прикуйте!

Входит Барба, одетая по-будничному.

Барба

Что, сестрица, меня звали?

Анда

Что ж ты прячешься от сватов?
Ишь как щеки раскраснелись —
Не тайком ли целовалась?

Барба

Что ты, Анда? Ах, как стыдно!

Зана

Ты осталась в мукомольне,
Как ушли мы наряжаться?

Анда

Улдыс в двери там вломился,
Ты ж заигрывать осталась.

Зана

Век прошел, пока исчезла.

Барба

За тебя меня он принял.
Я сказала — не пускал он.
Укусила ему палец,
Вырвалась и убежала.

Зана

Он тебя поцеловал?

Барба

Я сейчас же побежала
Щеки мылом отмывать!

Зана

Ну, теперь не появляйся.
Пусть они тебя не видят
В этих будничных отрепьях.

Барба

На него взглянуть мне страшно.

Анда

И не для твоих он взглядов!
Уберись и схоронись,
Не позорь себя, тихоня!

Входит Орта.

Орта

Идут эти, удирайте.

Зана и Анда устремляются в дверь.

Орта и Барба одни, говорят тихо и быстро.

Орта

Где же спрячешься ты, Байба?
Женихи искать идут.

Барба

В лес уйду.

Орта

Не уходи.
Лучше в хлев тебя запрячу.
Нравится тебе гребец?

Барба

Страшно мне, такой он быстрый.

Орта

В глазах угли, в сердце пламя,
Голова в сиянье солнца.

Барба

И смотреть я не могу.

Орта

Неужели так противно?

Барба

Я одно смогла приметить:
На кафтане у него
Нету пуговицы справа.
Я б ее пришила, право,—
Так мне парня жалко стало!

Орта

Ах, заботливое сердце!
Ты и мне ведь помогала,
Время мне помочь тебе.
Ну, иди сюда!

Барба уходит в пристройку.

Орта. Входит, озираясь, Циепа.

Орта

Куда ж ты?

Циепа

Что, идут уже?

Орта

Послушай.

Голос
(поет)

...Свадьбу весело справляем,
Трое суток пьем-гуляем...

Циепа

Замухрышку ближе спрячь!
Не найдет ее жених —
Нам подарочков не будет.

Орта

Он нашел уже, не бойся.
(Уходит.)

Циепа одна, немного погодя выходит Барба.

Циепа

Где же я свою-то спрячу?
(Барбе.)
Ты куда?

Барба

Пусти, пусти же!
(Убегает)

Циепа, потом Анда.

Циепа
(тихо)

Живо, Анда!

Анда

Куда лезть?
Где б нашли меня скорее?

Циепа

А пшеницы мерка будет?
Будут молоко и пиво?

Анда

Будут, только поскорей!

Циепа

Орта спрятала тут Байбу,
А девчонка убежала.
Вот она им и укажет
Вместо Байбы — на тебя!

А н д а

Вот так штука! Это ловко.
Разозлю я эту Орту,
Чтоб от злости посинела.

Ц и е п а

Посинела-почернела,
А гостинцы я возьму.
Кого хочешь — Дыдза, что ли?

А н д а

Улдыса,— толстяк не заяц,
Никуда не убежит.
(Уходит в пристройку.)

Входят У л д ы с и Д ы д з и с с кувшинами и кружками.

У л д ы с
(поет)

Свадьбу весело справляем,
Трое суток пьем-гуляем!

Д ы д з и с

Тише! Пойдем девушек искать. Видно, недалеко спрятались. Свою Занушку ты сразу же найдешь.

У л д ы с

Ах, Занушку!

Д ы д з и с

Ясно. Как она сказала:
«Это я — и я готова
Выйти замуж за даугавца!»
И сама шла к тебе навстречу. Да и кто же за тебя не пойдет, за такого знатного молодца.

У л д ы с

Мне такая не по нраву,
Что сама на шею виснет.

Д ы д з и с

Но она же давно с тобой сговорена.

Улдыс

Давно, давно! Начинает уже забываться. Но старуха не показывает всех дочерей. У нее три, а здесь только две.

Дыдзис

Ну и бойкая та, вторая девчонка! Язычок острый, как у гадюки! А бежит, как белка лесная! Жаль только, что на одного тебя глаза пялит.

Улдыс

А где же третья?

Дыдзис

Какая тебе еще третья? Если бы я не поехал с тобой, я поймал бы ту белочку. Мой шелковый кушак ей очень нравится.

Улдыс

Что ты все о своем поешь!

Дыдзис

Ну, а тебе она разве не нравится?

Улдыс

Девчонка хорошенькая: раза три поцеловать и отпустить. Ты лучше достань мне ту, что глаза прячет. Все руки мне разодрала, когда я хотел ее поцеловать.

Дыдзис

Та, что была в мукомольне? Да ты ж ее совсем не видел, там темно было. К тому же она сиротка. Она убежала и глаз не кажет потому, что ей и надеть нечего. Кто такую возьмет?

Улдыс

Все равно! Я хочу ее видеть, она мне позарез нужна. Ты должен ее найти. Пойдем искать.

Вей, вей, ветерок, гони челнок!

Входят мать, Орта, Циепа и работники.

Мать

Слышим: ветер к нам пригнал
Лодку с дальними гостями.

Улдыс

Привезли мы сладкой водки,
Чтоб посвататься к красотке!

Дыдзис

Дашь или не дашь невесту —
Угощайся сладким зельем!

Орта

Глянь на денежного парня,
Что о золоте не тужит!

Улдыс

Люди добрые, налейте ж,
В Риге много — хватит всем!
Мать, налей себе послаще —
Ты взамен мне дашь невесту.
Дочерей ты всех покажешь —
Чтоб мы выбрали по вкусу.

Мать
(пьет)

Угощаешь вином сладким —
За вино ли дочь отдам я?
Мои дочки, как цветочки,
Как росинки на веночке.

Улдыс

Дам вина еще послаще,
Как медовое сердечко.

Мать
(пьет)

Всех уже я показала —
Выбирай, кого захочешь.
Только ты ищи получше —
Все они в лесу дремучем.

Улдыс

Ничего, мы их разыщем.

Первый работник

Мы поможем поискать.

Второй работник

Лишь поставь побольше водки!

Орта

И мы тоже.

Циепа

И мы тоже,—
Пирога лишь не забудь.

Улдыс

С головой в вине утонем!

Дыдзис

Мать, а ты прикинь получше,
Что сватам заезжим надо.
Стол накрой из крепкой липы,
Ставь послаще угощенье.

Циепа
(показывая)

Ищи только!

Орта

Ищи только!
А кого ей тут искать?

Циепа
(тихо, иронически Орте)

Он нашел уже, не бойся!

Улдыс и Дыдзис ищут девушек, открывая и закрывая двери пристроек. Раскрыв дверь хлева, из убежища выходит Анда.

Улдыс

Золотой ты окунечек,
В речке прыгаешь, сверкая.

Орта
(Анде)

Как, ты здесь? А где же Байба?

Анда

К белкам в гости убежала.

Улдыс

А, есть Байба? — Где же Байба?

Анда

Коль нашел — еще что ищешь?

Орта

Я найду — наверняка.
(Уходит.)

Улдыс

Ну, ищите! Все ищите!

Анда

Байба — я. Чего ж ты ищешь?

Улдыс

Ты? Глаза мне покажи.

Анда

Загляни на дно колодца.

Улдыс

Байба очи б опустила —
Только силою взглянул бы.
Ну, ищите! Все ищите!

Анда

Поищу я вам, еще бы!
Не найдете вы находку.

Дыдзис

Будь ты Байба, будь ты Анда —
Садись первой на скамейку.
Счастье с краю выбирает.

Анда
(глядя на Дыдзиса)

В толстячке ль таится счастье?
(Садится на скамью.)

Поиски продолжаются. Работники вводят Зану.

Первый работник

Вот красавицу нашли мы —
В Риге нет такой, наверно!

Второй работник

Башмаки белее снега
И из красных роз веночек.

Мать

Я платок ей повязала
С серебристой бахромою.

Улдыс

С чем сравню твою красу?
Лишь с черемухой цветущей!

Циепа

Добрый молодец дал время
Наряжаться сколько надо.
Юбку пышную надеть,
Шелковым платком покрыться...

Улдыс

Словно алый маков цвет
Посреди ржаного поля.

Анда

Как развесистая липа
Рядом с вязом низкорослым!

Улдыс

Еще солнышко не встало —
Ветви верхние зарделись.
Не целована невеста —
А уже пылают щечки.

Зана

Я все утро пред тобою
То краснела, то бледнела,—
Наконец-то ты заметил!

Улдыс

Не видал, когда искал,
А теперь слепит глаза мне.

Сядь сюда — посередине.
Здесь свой взор остановлю я,
Что вокруг искал напрасно.

Анда

И блуждал по мукомольне.

Первый работник

Сват, еще искать прикажешь?

Второй работник

Или мы нашли невесту
И она тебе по вкусу?

Улдыс

Я одной еще не видел,—
Где малютка-мукомолка?

Циепа

Погляжу,— где бродит Орта?
(Уходит.)

Те же без Циепы.

Зана
(Улдысу)

Все мололи в мукомольне.

Мать
(Улдысу)

Привести еще кого?

Улдыс

Пусть, луна, с тобою вместе
Звезды-дочери все выйдут,—
Покажи ты их рассвету.
Что лишь этих показала?

Мать

Ну, тогда знакомься, парень,
С самой лучшей мукомолкой.

Первый работник

Славным хлопцам — славных девок.

Второй работник

Самых славных приведем.
(Уходят.)

Те же без работников.

Мать

Сядь теперь, жених, на место.

Дыдзис

Будем пить вино и пиво,
Чтобы время скоротать.

Мать

Хлеб ржаной ты наш отведай,
Пирогов пшеничных белых.

Улдыс

Раньше должен я увидеть
Ту, что мелет и печет.

Анда

В этом сладком пироге
Часть и нашего помола.

Улдыс

Своего помола долю
Отломи — я съем остаток,
Отверни одну щеку —
Я другую поцелую.

Входит первый работник и вводит Циепу, накрытую платком.

Первый работник
(Улдысу)

Парень, вот тебе она —
Маленькая мукомолка.

Анда

Можешь ей расцеловать
Не одну, а обе щечки.

Мать

Подойдет тебе она?

Улдыс снимает платок с Циепы, все смеются.

Улдыс
(матери)

Ах ты, матушка-хитрюга,
Не обманешь ты меня.
(Циепе.)
Хорошо, возьму с собою,
Чтоб сварить ее на мыло.

Все смеются. Циепа, застыдившись, убегает.
Входит второй работник, ведя телочку.

Второй работник

Вот еще, да маловата.
(Дыдзису.)
Тебе, может, пригодится?

Все смеются.

Дыдзис

Да не телочка ли это?

Мать
(Дыдзису)

Ты же телку сам искал,
Говорил — сюда бежала.

Анда

Может, парни, хватит этих?
Или лучше нас они?

Первый работник
(Улдысу)

Можем новых привести,
Получив за прежних плату.

Улдыс
(работникам)

Пей вино, в расчете будем.
Ну, а эту усадите
В ряд с невестами другими —
Пусть все видят, кто у тещи.

Улдыс и Дыдзис смеются. Работники уходят.
Входят Циепа и работник; они ведут Гатыня.

Циепа
(держа Гатыня за руку)

Вот последняя еще,
Если я не пригодилась.

Гатынь

Братцы, братцы, отпустите!
Лихо мне, горе мне!

Дыдзис

Это что еще за девка?
Волос короток, в порточках
И кричит, как тот козленок.

Циепа

Мы платок ему повяжем
И в девицу превратим.

Анда

Вам девиц ведь не хватает.

Гатынь

Ой, беда мне, ой, беда!

Мать

Гатынь, что же ты ревешь?

Циепа

Ты козленок, или режут?

Гатынь

Ой, беда! На помощь, Орта!

Мать

Пошутить хотят и только.

Входит Орта.

Орта

Что тут делают с тобой?

Мать

Пошутить хотели только,
Чтобы время скоротать.

О р т а

А зачем дразнить мальчонку?

У л д ы с

Байба где? Кто эта Байба?

О р т а

Не смогла уговорить.
На ней рваная юбчонка
И заношенный платочек.

А н д а

Твоя Байба не явилась —
Гата взяли мы взамен.

Ц и е п а

И была бы девка девкой,
Да нельзя надеть платочек.

О р т а
(Циепе)

Уходи ты, зубоскалка.

Г а т ы н ь

Орта, Орта, ой, беда!

Вбегает испуганная Б а р б а.

Б а р б а

Гатынь, что с тобой, дружочек?

Г а т ы н ь

Они мне... и молвить стыдно...

О р т а
(Барбе)

Повязать хотят платок,
Чтоб показывать как девку.

Б а р б а

Батюшки мои! Да что вы!
Разве можно насмехаться?

У л д ы с
(ескакивая)

Кто такая? Кто такая?

Д ы д з и с
(Улдысу, усаживая его на место)

Погоди, потеха будет.

Р а б о т н и к
(Барбе)

Что мешаешь веселиться?

Б а р б а

Жаль его мне.

Р а б о т н и к

Вишь, ей жалко!

А н д а
(Барбе)

Ишь заступница нашлась!

Б а р б а
(работникам)

Отпустите, дорогие!

Д ы д з и с

Не пускай, давайте юбку.

У л д ы с

Голос, кажется, я слышал.
(Обращаясь к Зане.)
Кто это?

З а н а

Не приставай.

М а т ь
(Улдысу)

По душе тебе служанка
Больше, чем мои невесты?

Анда
(Барбе)

Уходи-ка, здесь не кухня.
Женихи сюда пришли.
Может, хочешь показаться?

Циепа

Что тебе от парня нужно?
Тоже хочешь жениха?

Барба

Гатынь, ну, бежим скорее.

Орта

А ты, Байба, здесь останься.

Улдыс
(восклицая)

Это Байба? Это Байба!
(Матери.)
Вот где, теща, третья дочка,
Мукомолочка твоя,
Что ты скрыла от меня.

Мать
(Улдысу)

Не моя то, молодец,
А сестры моей, приемыш.

Улдыс

Байба, стой! Не отпускайте!

Орта

Оставайся ж, Байбалыня!

Мать

Пусть пойдет переодеться,
Чтоб хозяйку не срамить.

Улдыс

Я возьму ее такою,
Как сюда она явилась,—
В бедной, латаной юбчонке,
Босиком, простоволосой.

Барба
(Гатыню)

Ой, бежим!

Орта
(держит ее)

Не отпущу.

Дыдзис
(Улдысу)

Уймись, Улдыс, перестань!
Ты лица ее не видел,
Ее голоса не слышал,
В голове твоей хмельной
Бродит рижское вино.

Улдыс
(встает)

Кружит голову не хмелем!
Я пойду в лицо ей глянуть
Голосок послушать сладкий

Зана
(усаживая его обратно)

Улдыс, стой, не шути!
Пусть не дышит стужей ветер
На того, кто без одежи,
Пусть того не обижают,
Кто остался сиротою.

Улдыс

То не шутки, а желанье
Увидать при свете солнца
Ту, что в полутьме приметил.

Зана

А зачем смотреть на Байбу,
Если я твоя невеста?
Землю вытоптала ямкой,
Разговор ведя с тобою.

Улдыс

Ты мила мне, но увидеть
Ту, что прячется, хочу я.

Мать
(Улдысу)

Не позорь и честным будь
С честной девушкою, парень.

Анда

Не пугай, мать, молодца,
Я скажу — ведь он не знает.
Брось напрасные надежды:
Есть другой жених у Барбы.

Улдыс

Что, стрекозочка, ты мелешь?

Циепа
(Улдысу, указывая на Гатыня)

Гатынь, Гатынь!

Работники

Ясно, Гатынь!

Барба

Замолчите! Ох, не лгите!

Орта

Что вы, дурни, намололи?
Вам смешки, а девке слезы.

Анда

Правда, правда! Попытайтесь
Повязать ему платочек,—
Разве Барба разрешит?

Дыдзис

Пробуй! Юбку надевайте!

Работники хотят повязать Гатыню платочек, Гатынь отбегает и сопротивляется.

Барба
(работникам)

Ох, не мучайте! Пустите!

Орта
(работникам)

Бросьте вы!

Мать

Хватайте смело!

Гатынь

Ой, спасите! Ой, спасите!

Анда
(дразня Гатыня)

Нареченная, спаси!

Барба

Гатынь! Ох, иди сюда!
Давай, голову я спрячу.

Гатынь прячет голову в ее руках.

Анда

Вот как жениха спасают!
Вот! Ты любишь его, Барба?

Барба

Да, люблю! Чего смеетесь?

Улдыс

Право, славная девчонка!

Мать

А ты, Гатынь, возьмешь Барбу?

Гатынь

Возьму.

Мать

Ну, тогда целуйтесь.

Улдыс
(встает и подходит к Барбе)

Подожди, меня возьми!
Погляди-ка, вишь какой я.
Дай мне сладкий поцелуй —
Сладкий дам взамен напиток
Не в горбом согнутом кубке.

Барба

Ты хоть хваток, да не сладок,—
С горьким пойлом кубок твой!

У л д ы с
(пытается заглянуть ей в лицо)

Покажись, какая ты?
(Барба отворачивается.)

О р т а

Байбинька!

У л д ы с
(берет кубок и предлагает его Барбе)

Возьми, отведай.

Б а р б а

Гатынь, ну, идем со мной!

У л д ы с

На, пусть выпьет и жених!

Дает кубок Гатыню и при этом нарочно обливает его. Барба выбивает кубок из рук Улдыса так, что все вино выливается.

Б а р б а

Пропади твой смех, негодный,
Пересмешник, забулдыга!

У л д ы с

Ах ты, шустрая девчонка!
Отомщу тебе за это.

Барба убегает и держит за собой дверь.

У л д ы с
(Барбе, находящейся за дверью)

Я схвачу тебя сегодня ж,
Стисну сильными руками
И сорву с очей платок.

О р т а
(успокаивая Улдыса)

Ох, сынок, девчонке стыдно ж.

У л д ы с
(угрожающе, в сторону Барбы)

Смех мой кончится, а слезы
У тебя дождем польются.

Гром прокатится по небу
В час, когда тебя помчу я
Через Даугаву, по бурным
Черным волнам на закате.

Занавес

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Большая комната на хозяйской половине. Направо дверь в сторону кухни. В задней стене — дверь и окна в сад. Стол, скамьи вдоль стен. Дверь в сад открыта настежь.

Гатынь

(один, играет на дудке в саду у двери, затем поет веселую, шуточную песню)

Дети, видеть поспешите,
Что в избе за шум и гром!
То сверчок жену из бани
Важно в горницу повел.
Блоха прыгает за сваху,
Бал в запечном уголке,
Сам сверчок в льняной сорочке,
Блоха — в шелковом платке!

Входит из сада Барба, у двери.

Гатынь

Иди, Барба, слово молвлю.
Все заснули, пообедав,
Не услышит нас никто.

Барба

Что ты, Гатынь, разыгрался,
Словно сойка по весне?
У меня ж тоскует сердце,
Словно осенью голубка.

Гатынь

Не печалься, Байбалыня,
Видишь пару голубей —
Вместе с ними улетим мы
Над лесами, над полями
До восточных рубежей.

Барба

Ты в мечтах паришь высоко —
Мы ж в болоте остаемся
И прихода ночи ждем.

Гатынь

Горем ты не разгорайся,
В Даугаву его швырни!

Барба

В Даугаву? А вот с нее-то
Ветром горе и наносит,
До краев наполнив лодку.

Гатынь

Байба, дай твое мне горе,
Со своим его развею.

Барба

Что ты стал таким веселым?
Раньше ж выл осенним ветром,
Иволгой кричал печальной.

Гатынь

Ты словечком подбодрила.

Барба

Да каким же?

Гатынь

«Милый Гатынь».

Барба

Так всегда тебя зову я.

Гатынь

С той поры, как мать нас вместе
На судьбу соединила.

Барба

Ах ты, Гатынь, что ты мелешь?
Над тобой смеялись люди,
Громко ты кричал с испугу,—

Я тогда и заступилась.
Что ж, ты рад людским насмешкам?

Гатынь

Что людские мне насмешки?
Через дырочки свирели
Я их выдую из сердца.
Страха нет, кричать не стану,—
Ласка сердце обновила.
Мать навек нас обручила.

Барба

Сам ты на смех нас выводишь.

Гатынь
Или ты меня не любишь?

Барба

Люблю, Гатынь: ты так слаб!
А ты бредишь: обручила.
Замуж я вовек не выйду.

Гатынь

Мы с тобой жених с невестой,
Подтверди то поцелуем.

Барба

Все же ты нескромный малый!
Я добра, а ты балуешь.
Ухожу, тебя я брошу.

Гатынь

Нет, Байбиня, нет, не надо.
В мыслях нет моих плохого.

Барба

Мне пора.

Гатынь

Постой! Останься!
Лишь приблизь свое дыханье,
Прикоснись губами к дудке,
О тебе пускай звенит.
Скажешь «нет» — отнимешь душу,
Без души умолкнет дудка.

Барба

Нет, дохну я всею грудью,
Целиком отдам я душу.

Гатынь

Горе мне, не уходи!
Ты меня не любишь, Байба!

Барба

Да люблю, но будь хорошим.

Гатынь

Только видеть твои глазки,
Только слышать голосочек —
На всю жизнь того мне хватит.
Разлучить нас хочет, видно,
Ветер, с Даугавы летящий.

Барба

Улдыс мужем мне не будет.

Гатынь

Байбинька, моя родная,
Убежим тогда отсюда.
Парой голубков взовьемся,
Крепко за руки схватившись.
Все уснули, не заметят.

Барба

Ну, куда бежать мы сможем —
Твои ножки как былинки.

Гатынь

Не зови меня калекой,
От других я это слышу.

Барба

Что ты, Гатынь, бог с тобою,
Ты в дороге притомишься.

Гатынь

Один раз только споткнешься —
Вечно люди хаять будут.

Ты ж сама бежать хотела,
Испугавшись женихов.

Барба

Тогда сердце было гордо —
С гордой елочкою вровень,
Ветром сломанной сегодня.

Гатынь

От ломающего ветра
Укрываться надо, Байба!

Барба

Побежишь ли против ветра?

Гатынь

Стой, идут! Бежим отсюда!
(Оба поспешно уходят в сад.)

Справа, со стороны кухни, входят Улдыс и Дыдзис.

Дыдзис

Брось же ты, наконец, бегать и прыгать вокруг да около по углам и задворкам, по рощам, полям и оврагам! Что ты не унимаешься, гоняешься за этой белкой? Никогда так ни за одной не гонялся. Зря ты сбиваешь пятки, когда здесь же и перепелки и куропатки носятся перед глазами, в руки тебе сами просятся. Что ты в нее так влюбился?

Улдыс

Я ее добуду! Влюбился или не влюбился, а ей не оставить меня в дураках. Я ей покажу, как меня, Улдыса, дразнить. Дай промочить горло!

Дыдзис

Хватит тебе промачивать! Опомнись, ведь тебя ждут на помолвку мать и Зана.

Улдыс

Черт бы забрал все помолвки! Мало ли у матерей дочек? Я этой девчонке хочу поддать пару, чтоб у ней глаза защипало!

Дыдзис

Ой, не пей, ума не пропивай! Сделаешь еще какую-нибудь глупость. Мать уж и так хмурится, на тебя косо поглядывает, а у твоей Заны глаза мокры. Ведь она все же с достатком.

У л д ы с

Ступай ты ее утешать!

Д ы д з и с

Да, ступай утешать! Она мне чуть зенки не выцарапала, такими словами обложила, что никогда не слыхивал от маменькиной дочки при сватовстве. Мне уж Анда больше подходяща.

У л д ы с

Ишь ты, какая Зана! Молодчина, занозистая девчонка! Так и следует.

Д ы д з и с

Ну, уж не всегда так и следует. Больно она длиннорука! А Анда только хохотушка.

У л д ы с

Ведь за меня мать ту прочит. Я ее тебе уступаю. Ну, постой только ты, скромница! И глаз не поднимает; я тебе подниму не только глаза! Что ей в этом пастушонке? Нянчится с ним, как с младенцем.

Д ы д з и с

Есть на что кидаться,— что девчонке ты с первого раза не приглянулся, что у нее другой на примете.

У л д ы с

Что ты городишь? Другой на примете? Этот сосунок, хромоножка? Нет, она не глупышка.

Д ы д з и с

Смерь у девчонок разум: у одной его больше, у другой меньше. Почему вот я для них плох? Где тут разум? Одна Анда со смекалкой. Но я помалкиваю, а ты как взбесился, оттого что тебе одна в руки не дается. Может, и вправду эта хитрюга тебя околдовала?

У л д ы с

Я ей покажу!

Д ы д з и с

Да ты и впрямь не влюбился ли в нее?

У л д ы с

А, пустомеля! Мне ее доконать надо. В тебе того понятья нет.

Д ы д з и с

Ну, на нет так и суда нет. Тогда уступи ее мне: хоть и сирота, а все же приданое-то дадут кой-какое.

У л д ы с

Катись, дурак! Ты уже пропил разум. Ах ты, проклятая!

Д ы д з и с

Вишь, как его разбирает!

Входит О р т а.

О р т а

Ну, ты, брат, пьянчуга-парень!
Что ты по полям-то бегал?
Хмель развеять захотел?

У л д ы с

Эх, карга, да что ты знаешь?

О р т а

Уж поболее тебя.
Что ты бродишь без рассудка?
Я б сказала...

У л д ы с

Молви! — Выпей!

О р т а

Выпить, только то и знаешь.

У л д ы с

Ну, не пей: мне больше будет.

О р т а

Мне-то пить — вред невелик,
Ты ж чем больше пьешь — тем дальше
Отгоняешь ту, что ищешь.

У л д ы с

Приведи ее. Вот деньги.

Д ы д з и с

Покупать? — Мне здесь не место.
(Уходит.)

У л д ы с, О р т а.

О р т а

Брать деньгами, рвать насильно —
То лишь плут базарный может.
Лаской действуй, умоляй.

У л д ы с

Мне молить ее? Девчонку!
Выносить ее насмешки?

О р т а

Вишь, гордец какой нашелся!

У л д ы с

Что к ней льнет калека этот?

О р т а

Взрослый — мальчика боится!

У л д ы с

Что дудит он вечно в дудку?
От жужжанья уши вспухли.

О р т а

Вишь, как зверь пошел кидаться!
Пожалеть сироток надо.
Стыдно, статный даугавчанин!
Тебе лестно нанизать
Девок бусами на нитку,
А того понять не можешь,
Чтоб склонить девицу лаской.

У л д ы с

На репье колючки остры.

О р т а

Сгоряча хватать не надо,
Прикоснися к стеблю нежно.
Девке лестно быть просимой,
Того более — сиротке.
Жениху три года ездить,
Приручать к себе сиротку.

У л д ы с

Что творит со мной девчонка,—
Людям скажешь — не поверят.

О р т а

Что девчушка может сделать?
Дубу чем вредит пчела?

У л д ы с

Ну, разделаюсь я с нею!

О р т а

Не хвались, идя на рать.
Пить бросай, будь поскромней.

У л д ы с

Ладно, ладно!

О р т а

Ожидай же.
(Уходит.)

У л д ы с
(один)

Ах, девчонка, волчий корень,
Горькая полынь-травинка.
Как ее зрачки сверкнули
Под надвинутым платочком,
Под холщовым покрывалом!
Словно денежка блеснула
Под луною на полянке.
Словно белочка на липу
Ускакала, хвост задравши,
Как в орех, впилась мне в палец!
Ах, добыть бы ту звездинку,
С неба все б другие звезды
Сбросить в Даугаву, как мусор.

Входит З а н а со стороны горницы.

З а н а

Улдыс, любый, где ты был?
Сбилась с ног, тебя искавши.
То в полях ты, то в лесу
Невесть где!

Улдыс

Да что с того?

Зана

Брось же шутки,— мать сердита.

Улдыс

Пусть; мне шутится сегодня.

Зана

Тебе шутки, а мне слезы,
Все к помолвке ведь готово,
Варят, жарят целый день;
Мать торопит обрученье,
А жених бежит в леса.

Улдыс

Захотел — бегу. Есть время.
Ты-то ведь не убежишь.

Зана

Вишь, какой! Бежит за дикой,
А ручная — подождет.

Улдыс

Может, ты за Дыдза выйдешь?

Зана

Ах, бессовестный ты, Улдыс!

Улдыс

Мать тебя ему ведь прочит.

Зана

Ты, должно быть, ссоры ждешь.
Ах, мне сердце боль гнетет.
Разве я того не вижу,
На кого ты загляделся?

Улдыс

Ты в уме? Я загляделся
На служанку-малолетку!

Зана

В самом деле, Улдыс, любый?

Улдыс

Как бы мог я заглядеться?
Я и глаз ее не видел.

Зана

Что в глазах ее увидишь?
Так, девчонка как мышонок.
Как она хозяйкой станет?
Прячется от глаз людских.
В землю бы кротом зарылась,
Чтоб никто ее не видел.

Улдыс

Я-то до нее дороюсь.

Зана

Милый, не гонись за ней.
Разве мы не миловались
Эти долгие денечки?

Улдыс

Ты люба мне, ты мила мне.

Зана

Так идем же обручаться!
Вот уж нас и Анда ищет.
Не круши мне сердце, Улдыс,
Обуздай свой нрав горячий.

Улдыс

Сокрушить хочу я ту,
Кто мой нрав не уважает.

Анда еще за сценой.

Анда

Зана, ау! Зана, ау!
Скоро будет обрученье!
(Входя.)
А, жених-то первый здесь!
Значит, пир не за горами.

Ну, пока целуйтесь тайно,
Скоро будете при всех.

З а н а

Ты зачем сюда примчалась?

А н д а

Да целуйтесь,— отвернусь.

Зана хочет обнять Улдыса, тот отстраняется.

З а н а

Что, стесняешься?

У л д ы с

Постой.

А н д а

Что ты, парень, заробел?
Хватать Барбу не боялся!

У л д ы с

Тебя тоже не боюсь.
(Ловит ее.)

А н д а

Не поймал бы, да не буду
Я бежать от жениха,—
У тебя под мышкой спрячусь!
(Подбегает сама к нему под руку.)

З а н а

Это, Анда, мой шалаш!

А н д а

Твой он, верно, но — гляди,
Ты упустишь — я займу,
Лишь тихоне б не достался,
Той вовек не уступлю я.

У л д ы с

Той зачем же не уступишь?

А н д а

Тебе — Барба, Дыдзис — Зане,
Ну а мне-то кто жених?

Зана

Улдыс, Барбу не словивши,
Говорит, что сам не хочет.

Улдыс

Я-то сам ее добуду,
Рассчитаюсь с недотрогой.

Анда

Мы с сестрой тебе поможем.
Ишь, куда гордячка метит —
Даугавчанина прельщает!

Улдыс

Кто прельщает? Удирает.

Анда

Ах ты, парень длинноногий!
Разум короток, как волос.
Удирает — завлекая.

Зана

Милый, брось ее!

Улдыс

Уж ладно!

Анда

Гатынь есть, другого ищет.

Улдыс

Что ей Гатынь, то лишь в шутку.

Анда

В шутку? Над тобой смеются.

Улдыс

Надо мною? Ах, девчонка!

Анда

Нрав ее тебе открою,
Покажу ее уловки.
Под платочком глазки скрыты,—

Ты сорви с нее платок —
В них стыда и не увидишь.

З а н а

Что ты? Славная она ведь.
Что ты хочешь с нею сделать?

А н д а

Как же, славная! А хочет
Женихов отбить у нас!

З а н а
(Улдысу)

Милый, милый, нет, не надо!

Входит О р т а со стороны сада.

О р т а

Вот где девушки укрылись,
Когда всем хлопот по горло.
Дочки к суженому обе,
Словно мох к стволу, прильнули.

З а н а

Орта, ах, постой минутку!
Разве мать уже звала?

О р т а

Мать зовет — кому услышать?
Парня ж слышат и без зова.

А н д а

Ты пришла ведь не из кухни.
Разве мать тебя послала?

О р т а

Скажет мать тебе сама.
Поспешай скорей, сорока,
Прикуси язык свой острый.

А н д а

Твоему трещать чтоб вволю!

З а н а

Идем, Анда!

Анда
(Орте)

Иди с ней.

Орта

Я приду сейчас, идите.

Анда

Как сорока улетела —
Так ворона и за дело!

Орта

Раз сорока стрекотала,
Чтоб на ней женился сокол.
Длинен хвост, коротки крылья,
С ним лететь она не в силах!

Анда

А пискун-цыпленок в силах?

Улдыс
(Орте)

Где же Дыдзис? — За вином
Пусть идет он для помолвки.

Зана и Анда уходят.

Улдыс и Орта.

Орта

Я повсюду обыскала.

Улдыс

Где же Барба?

Орта

Ягод ищет.

Улдыс

К ней идем.

Орта

Не торопись!
Убежит, тебя увидя.

Спрячься ты, а я покличу,
Чтобы ягоды несла.
(Зовет.)
Байбинь, отзовись, ау!

Голос Барбы

Здесь я! Ягоды сбираю.

Орта

Сколько ягод насбирала,
Все ты их неси сюда —
Женихам на угощенье.

Голос Барбы

Есть там кто?

Орта

Неси скорей!
Спят еще.

Голос Барбы

Сейчас иду!

Орта уходит.

Улдыс. Входит Барба.

Улдыс

Барба, где ж ты запропала?
Счастье мне тебя послало!

Барба

Кто тут? Орта говорила,
Будто нет здесь никого!

Улдыс

Не пугайся, это я ведь,
Улдыс: не дичись, красотка!

Барба

Батюшки мои!
(Роняет корзинку с ягодами.)

У л д ы с

Синичка!
Ягодки все растеряла.
(Барба хочет бежать.)
Ну, куда бежишь? Останься.
Матери что скажешь? Сестрам?
Что заигрывала с парнем?

Б а р б а

Ой, где Орта?

У л д ы с

Сам могу я
Ягоды помочь собрать.
Молви хоть одно словечко!

Б а р б а

Не хочу, я крикну. Гатынь!

У л д ы с

Крикни Гата, а я Анду.

Б а р б а

Не зови — смеяться станет.

У л д ы с

А мне Гат твой не по нраву.

Б а р б а

Ох, беда!

У л д ы с

На что он здесь?
У тебя о нем лишь речи.
Лучше рядышком пройдемся,
Полюбовно сговоримся.

Б а р б а

Сговорился ты ведь с Заной?

У л д ы с

Разве я тебе не нравлюсь?
Не стройней ли я дубочка?

Не румяны, что ли, щеки?
Что бежишь ты, как от волка,
Когда свататься хочу я?

Барба

Что тебе я за невеста?
Ты хозяйской дочки ищешь.
Кто сочтет все звезды в небе,
Кто все корни, что дороги
Перевили, сосчитает,
Тот и будет мне жених.

Улдыс

Я их все пересчитаю.
Звезды — ягоды, пол — небо,
Я считаю, подбирая!

Барба

Ах, смекалистый ты парень!

Улдыс

Лишь сейчас я приглянулся?
Орта молвила — давно.

Барба

Орта молвила? Ой, горе!
От стыда куда я скроюсь?

(Хочет бежать к дверям в сторону кухни, но, одумавшись, бежит в сторону сада.)

Улдыс

Не беги! Я Анду кликну.
Что ж, могу теперь я сватать?

Барба

Не шути со мною, парень,
Я ведь девушка-сиротка.

Улдыс

Сиротинка — счастья дочь.

Барба

Я хочу побыть в девицах,
Чтобы розы не повяли

На моих девичьих щечках.
А на слезы будет время.

У л д ы с

Дай тех роз мне цвет увидеть.
(Хочет снять с нее головной платочек.)

Б а р б а

Лишь тому на них глядеть,
Кто мне в пахари наймется,—
Сыну матери батрацкой.

У л д ы с

Я богат — порок ли это?

Б а р б а

Я боюсь богатства.
(Идет прочь.)

У л д ы с

Стой же!

Б а р б а
(строптиво)

Ягоды теперь в кошелке,
Можешь трижды кликать Анду!

У л д ы с

Ах, девчонка-недотрога,
Выйдешь замуж? Иль не выйдешь?

Б а р б а
(смеется)

Даже если б обтянули
Шелком всю мою светелку
И меня осеребрили,—
Все равно не выйду замуж!

У л д ы с

Что ж ты хочешь?

Барба хочет уйти.

Стой, рассыплю!

Барба

Что рассыпать ты собрался?

Улдыс

Опрокину вновь кошелку.
Что ты хочешь?

Барба

Страшен мне ты.

Улдыс

Чем же страшен?

Барба

Пьешь зачем?

Улдыс

Брошу, коль тебе противно.
Силу пробуя, хмелел я.

Барба

Страшно от твоей мне силы.
Зану ты возьми иль Анду,
Мне ж синичка прозвенела:
Кто за Даугаву уедет,
Тот столкнет тебя в пучину.

Улдыс

Что синица за гадалка:
Нагадать себе не может,
Стоит ястребу ударить —
Только перья разлетятся.
Ты упряма, я упрямый.
О тебе молва, лукавой,
Что глаза, смеясь, ты прячешь,
Надо мною издеваясь.
Вот твой сбор!
(Высыпает ягоды.)

Барба

Ой, Гатынь, ой!

У л д ы с

Анда, Зана, все сюда!
Все спешите на потеху!

У дверей в сад показывается Г а т ы н ь, но исчезает, когда входит О р т а со стороны сада.

О р т а
(Барбе, задерживая ее)

Что с тобой? Куда спешишь?

Б а р б а
(полуплача)

Не держи, пусти меня,
Ты мне горе причинила.

О р т а

Девушка, да что с тобою?

Б а р б а

Ты зачем меня звала?
Говорила — никого нет.

О р т а

Я ж тебе добра желала,
Дурочка, чего ж ты плачешь?

У л д ы с

Одурачила — и в слезы!

Б а р б а

Я не плачу — пропустите.

О р т а
(Улдысу)

Я свела вас — миловаться,
Вы же принялись за ссору.
Кто ж тут ягоды рассыпал?
Отчитает мать за это,—
Ах ты, Байба, баловница!

Б а р б а

Что ты мелешь? — Дай дорогу!

Входит, боязливо подкравшись к садовой двери, Г а т ы н ь.

Г а т ы н ь
(тихо)

Байба, уходи, не слушай!
Вишь, до слез тебя доводят.

Б а р б а

Что пришел?

Г а т ы н ь

Сама звала же.

Б а р б а

Сбери ягоды в кошелку.

О р т а
(Гатыню)

Ты еще тут? Прочь отсюда!

Гатынь уходит.

О р т а

Постой, Байба.
(Улдысу, держа Барбу за руку.)
Сам виновен.
Испугал ее напором.

У л д ы с

Виноват: тебя я слушал,
За обманщицей погнался,
Что с другим уж сговорилась.

О р т а

Что за вздор ты, парень, мелешь?
Что не сватаешь по чести?

У л д ы с

Что нечестно отказала?
Забулдыгой обругала,
Барышей тебя лишила!

О р т а

Что болтаешь? Чем кичишься?
Что у вас произошло?
(Барбе.)
Что ты здесь понатворила?

Улдыс

Я уж сам поразузнаю,
Что такое ваши тайны,
Что за укрыванье глазок?
Чтоб меня отшила девка,
Что пришлася мне по нраву?!
Волею или неволей
Станешь ты моей невестой!

Орта

Неразумный ты пьянчуга!
Как ты злом добро осилишь,
Ласку грубостью добудешь?

Улдыс
(зовет)

Зана, Анда, эй, скорей!

Входят Зана и Анда.

Улдыс

Глянь, девицы, на потеху!

Анда

Мы идем, родные дочки,
А за нами четверть водки!

Улдыс

Ну-ка, девушки, за свадьбу!
Я беру себе невесту.

Анда

Эй, сюда, добрые люди!
Барба, в круг!

Барба

Я не желаю.

Анда

Кто нашкодил — не играет.
Скрытно, может, здесь играла
Пол весь ягодами убран!

Входят Дыдзис, мать и люди.

Дыдзис

Расступись! Дорогу дай!
Четверть водки я несу.
(Несет бутыль.)

Анда

Мать, мы свадьбу тут сыграем.

Мать

Что ж играть-то свадьбу в шутку?
Время вправду свадьбу править.
Люди добрые, входите,
Сладкого вина попейте,
Молодых повеличайте!

Барба собирается уходить.

Барба, стой, не уходи,
Молодых поздравить надо.
(Зане.)
Становись же, дочка, рядом
С женихом своим плечистым.

Зана
(тихо Улдысу)

Брось же хоть теперь-то шутки.

Улдыс

Мне еще шутить охота,
Пока холост, пока молод,—
С недотрогой рассчитаюсь.

Анда
(матери)

Матушка, дай посмеяться,
Пока косы под венками.
Ты сама веселье любишь.
Смех лишь хитрым не по нраву.

Мать

Что же, разве вас удержишь?

Анда

Дыдзис будет вроде дружки,
А я буду вроде сватьи.

Улдыс

Сговори же мне невесту.

Анда

Кого сватать?

Улдыс

Кто спесива!

Дыдзис
(тихо Улдысу)

Не шути — ведь сирота!

Улдыс

Сам увидишь — ладно будет.
(Барбе громко.)
Стань со мною!

Анда

Барба, стань!

Барба
(отталкивая руку Анды, Улдысу)

Я с тобой хотела ладом.
Ну, так слушай ты, пьянчуга!
Смел ты был шутить со мною,
Знал, что некому вступиться.

Улдыс

Да не шутка это вовсе,
Вправду стань моей невестой.

Барба

Что ж тогда шутил ты злобно?

Улдыс

Ты ж меня не пожелала!
Доброй волей иль неволей
Я добыть тебя поклялся!

Зана

Улдыс! Улдыс! Шутишь, что ли?

У л д ы с

Да пусти меня! Отстань ты!

З а н а

Не отстану, не отстану!
Ты мне сердце надрываешь!

У л д ы с

Дыдзис, успокой ей сердце!

Д ы д з и с

Не горюй, не плачь, голубка!

М а т ь

Что ты, Зана?

А н д а

Успокойся!

Б а р б а
(Улдысу)

Прочь ты!
(Зане, приближаясь к ней.)
Занушка, не плачь!

У л д ы с
(Барбе)

Будь моею! Обними,
Если молвить слов не хочешь!

Б а р б а
(вскрикивая)

Ох, беда мне!

Входит Г а т ы н ь, стоявший за дверью.

Г а т ы н ь
(вскрикивает)

Байбинь, ой!

У л д ы с

Что за крик?

А н д а

Ты погляди!

У л д ы с
(Барбе)

Вон, явился твой заступник,
Он не даст тебя в обиду.

Ц и е п а
(Гатыню)

Что приполз?

О р т а
(так же)

Чего приплелся?

А н д а
(так же)

А кому ж свиней пасти?

М а т ь

Перестаньте вы!

Д ы д з и с

Вот смех-то!

У л д ы с

Да не в шутку, а взаправду —
Будь моей, целуй скорее,
Скинь девичье покрывало!

Г а т ы н ь

Отпусти!

О р т а

Да замолчишь ли?

А н д а
(Улдысу)

Рви платок, гляди в глаза ей —
Недотроге, что в обнимку
С Гатынем своим лежала!

Б а р б а

Боже мой! Какие сплетни...

Л ю д и

Срам какой пред всем народом!

О р т а

Ах, наветчица ты, Анда!

М а т ь

Что коришь ты, Орта, Анду?

О р т а

Да какой жених — калека?

Г а т ы н ь

Да, то правда! Мы слюбились,
Барба мне теперь невеста,
Не позволю...

Л ю д и

Ха-ха-ха!

Б а р б а

Ты с ума сошел?

Г а т ы н ь

А что же?
На тебя ведь нападают.

Л ю д и

Ха-ха-ха! Ну и срамница!

А н д а

Скромницей она ходила,
Глаз своих не поднимала,—
Вдруг на двух поднять сумела!

У л д ы с

Вон оно!

Ц и е п а

Я ж говорила!

У л д ы с

Ха-ха-ха! Вот так тихоня!

Анда
(Улдысу)

Покрывало рви — подержим!
(Хочет схватить Барбу и держать.)

Циепа

Ха-ха-ха! Снимай — подержим!

Барба
(вырвавшись от женщин)

Стыдно, стыдно, даугавчанин!

Улдыс
(женщинам)

Отлетайте прочь, вороны!
(Барбе.)
Стыд — не стыд, тебя добьюсь я!
(Глядя на нее.)
Роднички синеют глазок,
А под ними роз цветенье.
(Насильно обнимает ее и хочет поцеловать.)

Барба закрывается платочком и отталкивает Улдыса.

Люди

Ха-ха-ха!

Улдыс, смеясь, опять приближается к Барбе.

Барба
(жалобно)

Ой, ты в гроб меня загонишь!
Маменька, услышь меня ты!

Улдыс
(смеясь)

Нет, тебя гоню я в лодку!

Люди смеются.

Барба
(гордо выпрямившись, негодующе Улдысу)

Руки прочь, насильник лютый!
Хватит слез! Довольно просьб!
Я сама себе защита:
Если ты бесстыжий, парень,—

Я стыдом тебя покрою,
Я сама сорву платок,
Ты глаза мои увидишь,
И прочтешь ты в них презренье!
(Сама срывает головной девичий убор.)

Л ю д и
(удивленно)

Ох, ты! Ох, ты! Вот так так!

О р т а

Детка, детка! Что с тобою?

Барба вскрикивает и падает без чувств. Улдыс ее подхватывает.

Г а т ы н ь

Прочь поди! Лесной зверюга!
(Бьет Улдыса.)

Л ю д и

Ох ты, боже! Ну и горе!

У л д ы с
(Гатыню)

Стой ты! Барбу поддержите...

Л ю д и

Ох, неладно! Вот беда-то!

Улдыс хочет передать бесчувственную Барбу Орте, которая быстро подошла к нему, а сам хочет броситься на Гатыня.

О р т а

Что мне делать? Плохо с Байбой!
Взор померк! Не держат ноги!
(Улдысу.)
Мало, бык, тебе несчастья?
Затолкать мальчонку хочешь?
(Опуская Барбу к себе на колени.)
Деточка моя родная,
Что с тобой мы натворили!

У л д ы с
(пересилив себя, Гатыню)

Бей меня, смельчак-парнюга,

Заслужил я это, верно.
(Наклоняясь к Барбе.)
Недотрога, недотрога!

Орта
(вздохнув)

Глазки, глазки приоткрыла!

Занавес

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

Сад, деревья и кусты, надломленная ель. Вид на Даугаву закрыт деревьями. Циепа, Орта. Соседки.

Циепа

Барба, Барба, ау!

Соседки

Разве теперь докличешься?

Орта

Байбочка, Байбинь, о боже!

Циепа

Ах ты, боже, ах, батюшки! Стыд-то какой! Вот что приходится нам терпеть из-за этой Барбы.

Одна из соседок

Господи спаси и помилуй! Слыхано ли где, чтобы девушка была такой, как она?

Вторая соседка

Сама выставилась перед женихами напоказ — на глазах у всех!

Орта

Поносите теперь, оговаривайте! Теперь ваш черед сплетничать: говорить хорошее вы же не мастерицы!

Циепа

Вот, ты же еще и виновата! Не защищай позор — тогда Орта тебе правду выложит. Постыдилась бы, Орта, все-таки говорить такое гостям.

Соседка

Не к лицу тебе это, Орта: мы бы лучше с тобой обошлись. А ты что? Позор остается позором, что там ни говори! Только сама себе напортишь.

Циепа

Чем себе Орта может напортить? Она же во всем помогала этой девчонке,— разве мы не знаем, как?

Орта

Рассказывай, рассказывай! Что же я плохого наделала? Что я этого ребенка люблю?

Циепа

Я-то при чем? Что мне рассказывать? Сама все знаешь.

Соседка

Я тут и не была, а слышала — страшное дело, сама оголилась!

Циепа

Как же, платок весь, как есть, с себя скинула!

Соседка

Так перед сватами и вытрющивалась! Раскрылась, как на сенокосе!

Вторая соседка

Что ты, сестрица,— как на сенокосе! Оголилась, оголилась, как в бане! Ха-ха-ха! Выпивши была.

Орта

Ложь, ложь, ложь!

Циепа

Сама молодчику на шею бросалась! Или это, может, тоже тебе вранье?

Орта

Гадючий язык, гадючий язык! Гадюка околеет от твоего укуса!

Циепа

Помолчала бы лучше, лучше не ругайся. А то я тебе такое скажу, что сразу замолчишь.

Орта

Что ты можешь мне сказать, косоглазая ты, вертихвостка этакая, голова поклонная!

(Идет прочь.)

Соседка

Ну и смешные же люди! Что за речи! Этакой Барбе сквозь землю провалиться надо со стыда!

Вторая соседка

Надо прямо в Даугаву броситься!

Орта

(снова вернулась)

Типун вам на язык за такие разговоры! Захлебнулись бы ваши глотки той водой даугавской!

(Уходит.)

Циепа

Вот уж сварливая баба! Что с нее возьмешь? Сама ведь сводила Барбу с женихом. И даугавчанин тот тоже хорош. Только слава, что герой,— а пообещал жениться на такой девчонке, у которой все приданое — мыши да тараканы, ни отца, ни матери, как есть подкидыш, невесть где подобранный.

Соседка

Вот тебе и сирота горемычная, вишь, какие дела творит. Своим же позором себе жениха выуживает.

Циепа

И с другими парнями крутит. Да в кого же она уродилась? У ребенка — ребенок! Но и сказать про это нельзя,— еще Орта услышит. Как раз обругает за правду. А от хозяйкиной-то дочки, Заны-то, жених отказался. А ведь давно на нее метил. Поди, дознайся, как было: тайком ведь встречались. Теперь ее насмех поднимают. Но уж и лентяйка эта Зана, мягкотелая, жиром заплыла. Теперь сама мать со злости не знает, куда кинуться. Под землю бы эту Барбу заткнула, кабы не жаль было потерять даровую работницу. Работает-то она ведь за одни харчи. Лошадь скорей загнать можно, чем эту Барбу.

Соседка

Вишь ты как! Да тише ты, никак сама сюда идет?

Входит мать.

Мать

Что стоите да сплетничаете? Нашлась побродяжка эта?

Циепа

За что ж, милушка-матушка, нас бранишь? Есть другие ведь кого бранить надо. А мы и не про то вовсе, мы ведь понимаем, что обида сердце твое затопила. Слух до всех соседей дошел, никто уняться не может,— смеются да бранятся. Вот какая девчонка, стоило из жалости подбирать.

Мать

Змею на своей груди пригрела. Вот мне за это и награда.

Циепа

Таковы эти люди: еще и помогают злодеям, учат как да что, сводят их бойким языком.

Мать

Куда это Орта запропастилась? *(Зовет.)* Орта, Орта!

Голос Орты
(отзывается)

Ау!

Циепа

Знает кошка, чье сало съела: боится твоего правого гнева. Только сейчас была, а как почуяла, что ты идешь, сразу ушла.

Мать

Пусть же и уходит — тут ей не место.

Входит Орта.

Орта

Ну, чего?

Мать
(повторяя)

«Ну, чего!» Ишь ты! Коли ты ее сейчас же не добудешь, эту Барбу, и не уговоришь отказаться от даугавца, тогда ты сама можешь уходить отсюда.

Орта

Барба же сама его не хочет.

Мать

Не хочет, не хочет! Разве я знаю ваши затеи? Тогда скажи даугавцу, пусть сам Барбу оставит.

Орта

Скажи ветру, пусть не пригоняет лодку даугавца!

Мать

Ты их свела, ты и разлучи. Иначе сама уходи.

Орта

Как разлучить тех, кого счастье свело?

Мать

Ну, тогда иди к этому счастью своему, здесь тебе не житье.

Орта

(начинает плакать)

Ой, горе, ой, беда! Полвека прожила — служила тебе, а теперь ты выгоняешь меня?

Мать

Как сама знаешь: делай, как говорю, или уходи!

Орта

Не могу сделать, как ты говоришь, нехорошо так. Лучше я тогда сама уйду.

(Уходит.)

Циепа

А кому останутся те лишние грядочки? Она ведь их не может с собой унести. Ты должна плохих наказывать, а хороших награждать. *(Соседкам.)* Верно?

Соседки

Верно, верно!

Мать

Ладно, ладно, увидим!

Входят Анда и Зана.

Анда

Мать, мать! Где ты ходишь?
Все девчонку эту ищут —

А куда деваться ей?
Скоро явится наверно,
Чтоб за косы оттаскали! —
Лучше потчевать гостей!

З а н а
(ластится к матери)

Мама, милая мамуся!

А н д а

Как ребенок, к маме льнет.

М а т ь
(Анде)

Что ты? Горе-то какое!

А н д а

К жениху вот так бы льнула —
Он сговорчивей бы стал.

З а н а

Стыд и срам! Куда мне деться?

М а т ь

Полно! Что теперь поможет?
Рассуждать толково надо.
Я тебя не дам в обиду.

З а н а

Страшный день, зловещий день!
Прямо в Даугаву я брошусь.

А н д а

Прямо в руки даугавцу.

М а т ь
(Зане)

Что ты, дочка, зря болтаешь?
Не срами хоть ты меня!
(Соседкам.)
Ну, а вы чего стоите,
Тешась горюшком чужим?

Соседки

Мы пришли тебя утешить,
Коли так — уйдем отсюда.
(Уходят.)

Мать, Циепа, Зана, Анда.

Мать

Пойдем, Занушка, домой.
Успокойся, приоденься,
Нежно с ним поговори.

Циепа

Трудно робкому ребенку
Подойти с медовым словом —
Надо быть сверчком речистым.

Зана

Анда пусть поговорит.

Анда

Для себя я ведь стараюсь.
Я-то своего добьюсь!

Циепа

Может, мне пойти, голубка?

Анда

Дыдзис лучше всех сумеет
Улдыса уговорить.
(Зовет.)
Дыдзис, слышь, поди сюда!

Мать

И упрям же даугавец —
Словно сам Стабураг.
Лучше взяться нам за Барбу,
Как лозу ее согнуть.

Анда

Засадить ее в гусятник
На три дня и на три ночи,
А сказать, что утонула.

Входит Дыдзис, опечаленный и подвыпивший.

Дыдзис

Ну, миляги, выручайте,
Сладить с Улдом не могу я!

Мать

Дельно с ним поговори,
Упроси, красавец, друга,
Чтоб меня не опозорил
Он отказом непристойным.

Анда

Пусть берет он нашу Зану,
Только ты уговори!

Дыдзис

Как же я уговорю,
Если он не отвечает?
Лишь бормочет что-то под нос.
Я к нему с вином любимым —
Он кафтан мой окатил!
Сам я только накачался
Так, что ноги подкосились.
Улдыс бредит, что отныне
В рот и капли не возьмет.
Как мне быть и что мне делать
С собутыльником любезным?
К черту Барбу, к черту Зану!
Вы, девчата, загубили
Наилучшего даугавца!
(Плачет.)

Мать

Вот вам и помощник наш!

Дыдзис

Что один я буду делать?
Пропаду я, как в тумане!

Анда

Окрутись — не пропадешь.

Дыдзис

Окрутиться — утопиться.
Впереди — один туман.

А н д а

Буду я поводырем!
(Берет его под руку и уводит.)

Д ы д з и с

Как без Улдыса жениться?

Оба уходят.

М а т ь

Анда верно говорила:
Барбу надо в хлев упрятать,
Не давать ни пить, ни есть,—
Посговорчивее станет.

З а н а

Увезти ее подальше!

М а т ь

К жениху уйдет украдкой.

З а н а

Слово даст — не убежит,
Сердце доброе у Барбы.

М а т ь

Лучше в хлев да под замок,
Не откажется — подохнет.

Все уходят.
Сцена остается пустой, слышно, как Гатынь тихо наигрывает:
«Солнышко зайти спешило...»
Оглядываясь, выходит Б а р б а.

Б а р б а

Голоса людские смолкли,
Только Гатынь все дудит.
Голоса должны все смолкнуть,
Все глаза должны закрыться,
Лишь тогда я успокоюсь.
Жалят очи, режут речи
Мое бедное сердечко.
(Останавливается у ели.)
Я к тебе пришла поплакать,
Моя сломанная елка!

Мы с тобой одно и то же —
Нас обеих он сломал,
Ветер утренний, жестокий.
Души в чаше лепестковой
Мы несли ему навстречу,—
Грубо он схватил ту чашу,
Возмутились наши души.
(Прислушиваясь.)
Что ты, дудочка, поешь?
«Солнышко зайти спешило,
Я в тени одна осталась».
(Отворачиваясь.)
Толк какой от слов старинных?
Песни древние не лечат.
Ноет сердце, сохнет рот,
Стыд огнем мне душу жжет,
Я покрылась бы платочком,
Да платок, что сорван силой,
Вновь покрыть уже не может.
(Отходя от ели.)
Тороплюсь — не догоню я,
Все зову — не дозовусь,—
Расступись же ты, землица,
Спрячь меня ты — невеличку!
(Опускается на землю. Слышатся тихие шаги.
Поднимается.)
Кто идет? Глаза людские.
Елка, скрой меня за ветвью.
(Прячется за ель.)

Входит Гатынь.

Гатынь

Байбинька, моя родная!
Голосочек я твой слышал —
Зяблика среди скворцов.

Барба
(за елью)

Не гляди, не подходи!
Как глаза твои выносят
Вид позора моего?

Гатынь

Я могу, я выношу,
Я и сам ведь опозорен
Еще в чреве материнском.
Я калекою родился,
Рос сироткой — и меня
Ты одна не презирала.
Ты добра, чиста, как пена
Белой Даугавы бурлящей,
И ясна, как луч восхода,
Что сияет на росинках.
Нет, тебя не опозоришь —
Можно только лишь обидеть:
Ястреб ранит куропатку,
Волк лесной терзает серну,—
Тебе нечего стыдиться,
От него бежать лишь можешь
С ненавистью и презреньем.

Барба
(выходит из-за ели)

Ненавидеть не могу я.

Гатынь

Ты не можешь ненавидеть
Ненавистного такого?

Барба
(снова прячется)

Ах, прекрасен ранний ветер,
Хоть сломал мою он елку.

Гатынь

В злой красе опасность скрыта,
Ты ж добро в красе скрываешь.

Барба

Что я доброго свершила?
Моя власть и моя сила,
Словно блестки, разлетелись.
Власть — у утреннего ветра!

Гатынь

Любишь ты его еще?

Барба

Он на самом дне сердечка,
Словно ясный родничок,
Что течет по дну долины.

Гатынь

Горе мне, куда пойду я?
Голубь не взлетит один.

Барба

Гатынь, милый мой, хороший!
(Выходит.)

Гатынь

Не я люб, не я хорош.
В сердце у тебя лишь злоба.
Так у тетерева зобик
Полон острыми кремнями.

Барба

Нет, в твоем прекрасном сердце
Лишь березовые почки.

Гатынь

Сам урод — такое ж сердце.
Что краса твоя скрывает?
Раз его ты любишь, значит,
Ты раскрылась добровольно,
Чтоб его заполучить!

Барба

Гатынь, ох! И ты со злыми
Языками заодно?
(Уходит за ель.)

Гатынь

За него ты все же выйдешь?

Барба

Ах, нет, нет! Ни за кого!
Мне никто не даст приюта,
Только сломанная елка.
(Другим голосом.)

Есть еще душа живая
У тебя — в твоей свирели:
Прикоснешься — запоет!

Г а т ы н ь

Сгинул голос у свирели
Без дыханья твоего —
Не звучать, не петь ей больше.

Б а р б а
(снова выходит из-за ели)

Пусть споет мне на прощанье.
Вот тебе мое дыханье,
Чтобы голос ей вернуть!
(Целует его в голову.)

Г а т ы н ь

Байбинька!

Б а р б а

Ступай!

Г а т ы н ь

С тобою!
Запоет весь мир тогда!

Б а р б а

Нет, один!.. Всему конец...

Гатынь идет прочь.

Входит О р т а.

О р т а

Что, опять вдвоем сидите,
Укрываясь под елкой?
Будет, вы уже не дети,
Расставайтесь, бросьте игры.
Пора, Барба, тебе замуж!

Б а р б а

Мы уж, Ортушка, расстались!

О р т а

Пора, Гат, тебе на пашню,
Насвистелся в пастухах!

Г а т ы н ь

Верно, Орта, насвистелся,
Больше дудке не свистеть!
(Уходит.)

Б а р б а и О р т а.

О р т а

Славно, славно, Байбалыня,
Что ты бросила забавы:
Ждет тебя твой нареченный
С нетерпеньем и тоскою.

Б а р б а

Как идти за человека,
Что меня так обесчестил?
Глаз поднять я не могу.

О р т а

Твоя вина — нрав горячий.

Б а р б а

Говорят, таких, как я,
В гроб кладут с позором вместе.
Час придет — в могилу лягу
Без вины и без позора.
Пусть тогда в глаза мне смотрят.

О р т а

Нет, не делай так, дочурка.
Помириться нужно с парнем.
Зол язык, да сердце мягко.
Так скажу, что ты идешь?

Б а р б а

Что торопишь ты? Мне страшно,
Слова молвить не могу.

О р т а

Тороплю — кончай сегодня ж,
Чтоб беда не приключилась.

Б а р б а

Не спеши. Или жених
Воз добра тебе сулит?

У кого подружек много,
Тот жену любить не будет.
Бросил Зану — меня бросит.

О р т а

Говоришь, а что — не знаешь.
Не жених добро сулит мне,
А сулят другие лихо:
Говорят, чтоб запретила
Я тебе идти за Улда.

Б а р б а

Не сердись, родная Орта!

О р т а

Сердце ноет за тебя,
И тебе грозят они же:
Не откажешься от Улда —
Заморят, загонят в землю.
Как мне это пережить?

Б а р б а

Что ж ты, Орта, хочешь сделать?

Г о л о с У л д ы с а

Байба, Байба!

О р т а

Он зовет!
Ты пойдешь?

Б а р б а

Я не могу.

О р т а

Мне тогда уйти придется.

Б а р б а

Ты уходишь? Стой, не надо.

О р т а

Я приду еще — проститься.
(Уходит.)
Барба прячется.
Входит У л д ы с.

У л д ы с
(один)

Байба! Байба! Где же ты?
Выйди, скромница, не прячься.
Видишь, пить я перестал
И зову тебя тихонько —
Отзовись, моя голубка!

Входит З а н а.

З а н а

Здесь я, здесь я, милый Улдыс!
Ищешь, а меня не видишь.
Зла к тебе я не питаю
И сама иду навстречу.
Вспомнив дни былого счастья —
День несчастья забываю.

У л д ы с

Уходи отсюда, Зана!
Дней былых теперь не помню —
День один мне все затмил!

З а н а

Поцелуи наши помню —
Разве ты не помнишь их?

У л д ы с

Их затмил один, который
Еще мною не получен.

З а н а

Ты за что меня унизил?

У л д ы с

Нет, любовь былую нашу
Не унизил, а забыл я.

З а н а

Но тебя хочу я, Улдыс!
Для тебя наряд надела.

У л д ы с

Я не вижу тех нарядов —
Новым солнцем ослеплен я.

З а н а

Пусть погаснут те два солнца,
Ослепившие тебя,
Чтоб меня ты снова видел.

У л д ы с

Будь слепым я, будь я зрячим —
Не хочу тебя я видеть.

З а н а

Пусть, но я хочу, мне надо:
Если взор не светит твой,
Угасаю я, как вечер.

У л д ы с

Взор скользит, тебя не видя.

З а н а

Пожалеешь ты об этом:
До краев глаза наполнив,
Хлынут слезы у тебя.
Как меня теперь не видишь —
Точно так же не увидишь
Ты ее ни днем, ни ночью!
(Уходит.)

У л д ы с один.

У л д ы с

Выйди, лапушка, не прячься,
Дай твои глаза увидеть!
Здесь ты, здесь ты — я ведь знаю,
От меня тебе не скрыться.
Выйди, выйди — на руках я
Унесу тебя отсюда,
Словно ягодки — слезинки
С твоих глазок соберу я.
Веток слышу я шуршанье —
В нем твое дыханье слышу.
(Прислушивается.)
Не томи меня, послушай,
Выходи, коли велю!
Я тебя заставлю силой,
Если ты добром не выйдешь!
(Раздвигает ветки.)

Ты вздохнула? Я услышал.
Ну, иди же, не упрямься,
Белого лица не прячь ты,
Как цветок свой белый корень.
(Сердясь.)
Выйди! Землю всю взорву я!
Если спрячешься ты в землю —
Из земли тебя я вырву!
Ты на дерево взберешься —
Под корень его срублю я!
Скрыться в звездах ты захочешь —
Я рассыплю все созвездья!

Голос Барбы

Ох!

Улдыс

Что ты стонешь? Что с тобой?
Не пойдешь — я обломаю
Кос твоих златые стрелы!

Голос Барбы

Не пойду к тебе — мне страшно.

Улдыс

Я свалюсь тогда на месте,
Разрублю свои колени,
Вырою себе могилу,—
Упадешь и ты в нее!

Голос Барбы

Ох ты, горе мое, горе!

Улдыс
(после небольшой паузы)

Оставайся, уйду к Зане,
Пока губы не остыли.

Улдыс. Входит Барба.

Барба

Страшно, Улдыс, мне,— но вот я.

Улдыс

Радость! Мой денек счастливый!
Как ты медлила, манила,
Словно утренний цветочек!
Подниму тебя я к солнцу,
В золотое кресло сядешь!

Барба

Удалец, меня не трогай —
Ты осыплешь лепесточки,—
Я ношу еще венок!

Улдыс

Ты душиста, словно мята,
Тайным цветом расцвела ты.
От меня не прячься больше —
Закачаемся с тобою
Мы по Даугаве сребристой.

Барба

Улдыс, сердце — точно камень.

Улдыс
(поет)

Вей, вей, ветерок, гони челнок!

Барба

Улдыс, страшен мне тот ветер:
Елочку мою сломал он.

Улдыс

Ты печалилась о елке —
А теперь я твой печальник.

Барба

Ах, печальник мой! Кору
Ты содрал с меня, как с елки.
Разве сможет ель расти?

Улдыс

Перевяжем и залечим.

Барба

Как обвяжешь? Чем залечишь?
Сердцевина сохнуть будет.

Улдыс

Ростки будут, будет праздник!
(Берет ее на руки.)
Зана, мать! Сюда идите!
(Поет.)
Сам себе нашел невесту,
Без родителей сосватал!

Зана
(еще за сценой)

Улдыс мой, я здесь, иду!
Знала я, что позовешь ты,
Что меня ты так не бросишь!

Входят Зана, мать, Циепа.

Зана

Ай, что это? Что несешь ты?

Мать

Это Барба.

Циепа

Вот дела-то!

Мать

Снова в обморок упала?

Улдыс

Вот она, моя невеста!
Мать, отдай мне эту дочку!

Мать

Шельма, шельма ты, молодчик!
Плут базарный, перевозчик!
Ты меня покрыл позором,
Ты над дочкой надсмеялся!

Улдыс

Мать, я дом твой прославляю
Его утренней звездою!

З а н а

Горе, горе!

Ц и е п а

Не плачь, Зана!

М а т ь
(Барбе)

Нет, вечерняя звезда,—
Спать сама спешит скорее.

Б а р б а
(соскакивая с рук Улдыса на землю)

Мать, не надо, пожалей,
Не хули меня напрасно.
Я всегда была покорна
И венок носила с честью.

У л д ы с

Не противься, мать красавиц,
Дай безвинную сиротку!

З а н а

Если, мать, ты выдашь Барбу,
Я не вынесу позора.

М а т ь

Чтобы я дала мужлану
Осмеять свою дочурку?
Нет, с пустыми ты руками
Вспять за Даугаву отчалишь!

У л д ы с

Не уйду я так отсюда.

З а н а

С горя я в могилу лягу.

У л д ы с

Зана, милая, не надо.
Я найду тебе красавца —
В каждой горсти по поместью!

З а н а

Смейся, смейся ты, насмешник!
Ты не знал того, что есть,
Ты не ведаешь, что будет!

М а т ь

Доченька!

Ц и е п а

Родная Зана!

З а н а

В Даугаву из-за позора
Кинусь с берега крутого!

Б а р б а

Что ты, Занушка, сестрица?
(Хочет ее обнять.)

З а н а

Не сестра ты, не касайся!

Б а р б а
(целуя руку матери)

Ты не гневайся, мамуся,
Я за Улдыса не выйду.
(Улдысу.)
Ты с другою был помолвлен —
Не хочу ее я горя!

У л д ы с

Выйдешь ты или не выйдешь —
Завладел уж я тобою!

Б а р б а

Нет, на мне еще веночек!

У л д ы с

Я снимаю твой венок!
(Срывает с нее венок и подвешивает к своему поясу.)

Барба

Ой, беда! Куда пойду я?
(Убегает в сторону.)

Входит Орта — принарядившись, с узелком в руке.

Улдыс
(Барбе)

Как — куда? Со мною вместе!

Орта

Байба, не беги, не бойся!
Не уйти тебе от счастья.
Пусть оно идет вперед,
Огонек в руке несет,
Чтобы вдруг не угодили
Ножки в лужицу слезинок.

Барба

Ортушка, куда собралась?
(Подбегает к Орте; замечает, что она принарядилась.)
Почему ты нарядилась?

Мать
(Орте)

Ты зачем явилась, сводня?
Дело рук своих увидеть?
Вышло все, как ты хотела:
Обесчещено семейство,
Опозорена невеста.

Орта

Сталось так, как полагалось!
Счастье — верная вещунья.

Мать

Уходи, чтобы и духа
Твоего тут не бывало!

Циепа

Псов натравят на тебя.

Орта

Ты и будешь той собакой:
Лижешь — значит, можешь лаять.

Ухожу.
(Кланяясь матери.)
Спасибо, мать,
За полвека работенки,
За косьбу, за молотьбу,
Да за то, что измывалась,
Пот стереть не позволяла!
Я сестре твоей служила,
Ее доченьку взрастила,
Нынче замуж выдаю.

Мать

За обман — плачу обманом:
Ни гроша ты не получишь!

Орта

За живот я век трудилась —
Лишь живот беру с собою.
(Барбе, Улдысу и людям.)
Ну, прощай, моя дочурка,
Прощай, парень,— береги же
Свой золотенький цветочек!
Люди добрые, прощайте!

Барба

Орта, Ортушка, скитаться
Ты идешь из-за меня!
Я иду с тобой!

Улдыс

Останься!

Мать
(Орте)

Живо, живо!

Орта

Ухожу я.

Барба
(Улдысу)

Ты возьми ее.

Улдыс

Возьму.

Орта

Службы больше мне не надо.
(Уходит.)

Те же без Орты.

Барба

Мать, не нужно Орту гнать,
Вырывать не надо липу —
Ветви старые засохнут.
По моей вине погибнет.

Мать

Вон, печальница, отсюда!
Все вы вместе столковались,
Чтоб унизить жизнь мою,—
Я сама вас всех унижу!
(Улдысу.)
Ты, молодчик, думал хитро
Завладеть моей служанкой,—
Я запру ее в коровник
Так, что света не увидит.

Улдыс

Кто отнять ее сумеет?
(Берет Барбу на руки.)

Мать
(Барбе)

Ты паскуда, потаскуха!
Трижды тридевять проклятий
Я обрушу на тебя,
Околеешь — брошу падаль,
Но и волк глотать не станет!

Циепа

Ах ты, горе! Вот проклятье!

Барба
(умоляюще)

Плоть свою не проклинай,—
Я твоей сестры кровинка,

А сестра твоя погибла
От твоих проклятий страшных.

Мать

Пусть все ваше семя сгинет!

Улдыс
(обнимая Барбу)

Мать воронья!

Циепа

Ястребенок!

Зана

Куропаток похититель,
Вор девичьей чести, слушай!
Я крепилась в ожиданье:
Не кладешь предел позору,
Не отступишься от Барбы?

Улдыс

Стыдно мне сиротку бросить.

Зана

Ненавистницу жалеет!
Станет жалости достойной:
Я сейчас глаза ей вырву!
(Набрасывается на Барбу.)

Барба

Зана, Зана! Ай, мне страшно!

Улдыс

Дочь воронья, острый коготь!
Твое сердце ворон вырвет!

Зана

Лучше ворон уж, чем ты.
Пусть меня изгложут рыбы,
Это лучше, чем мышонок!
Улдыс, Улдыс!
(Берет Улдыса за руку, тянет к себе; тот сторонится.)

Улдыс

Уходи!

Зана

Горе, горе, день несчастный,
Уложи меня в пучину!
(Убегает.)

Те же без Заны.

Мать

Занушка! Скорей, Циепа!
Душегуб, злодей, убийца!
Уноси змею отсюда,
Уноси убийцы кличку!

Улдыс
(взяв Барбу на колени)

Сам себе нашел невесту,
Без родителей сосватал!

Мать

Не бывать тебе счастливым
Без родительского слова!
(Уходит с Циепой.)

Барба
(вырывается из рук Улдыса)

Горе, горе! Зана! Зана!

Улдыс

Здесь останься!

Барба

Нет, пусти!
Не могу я быть твоею —
Из-за нас с тобой три жизни
Пропадают, погибают!

Улдыс

Что держу — то уцелеет!

Барба

Ушел Гатынь, ушла Орта,
Зана в Даугаве теперь!

Лучше мне самой навеки
Лечь в холодную постельку.

У л д ы с

В брачной будешь ты постели.
Дай тебя я унесу!
(Поднимает и несет ее.)

Б а р б а

Погоди еще немного;
Я сперва оденусь к свадьбе,
А потом мы поплывем!
(Уходит.)

У л д ы с

С песней Даугавой промчимся
По цветам багряной пены!
(Поет.)
Вей, вей, ветерок, гони челнок!
Уноси нас в Видземе!
Свадьбу весело справляем —
Трое суток пьем-гуляем!
Лиго! Лиго!

З а н а в е с

П Я Т О Е Д Е Й С Т В И Е

Песчаный берег Даугавы. В камыше стоит привязанная лодка. На берегу сложены дрова и расставлены рыбацкие принадлежности.
Выше — кустарник и деревья.

В глубине сцены виден видземский берег Даугавы. Вечереет.

М а т ь, З а н а, А н д а, Ц и е п а. Зана сидит на берегу, обхватив голову руками, вокруг нее мать, сестра и работница.

М а т ь
(говорит тихо)

Что ты здесь сидишь, дочурка?
Вечереет — жуть кругом.
С Даугавы ползет туман,
За туманом — водяные.

З а н а
(медленно)

Здесь одну меня оставьте!

Ц и е п а
(так же)

Как тебе здесь быть одной?
Водяной тебя утащит.

А н д а

Я с тобой, сестра, останусь.
Дам совет тебе полезный:
Я вон с Дыдзом живо за день
Сговорилась, обручилась.

З а н а
(медленно)

Где твой Дыдзис?

А н д а

Спит в постели.
А проснется — мужем станет.

З а н а

Мой проснется — прочь подастся.

Прибегает Б а р б а.

Б а р б а

Зана, Зана! Где ты, Зана?!

М а т ь

Что примчалась?

А н д а

Лодочница!

Ц и е п а

Проверяет свою лодку,
В Видземе мечтает ехать!

М а т ь

Над бедой пришла смеяться?

Барба

Нет,— Занушку успокоить!
(К Зане, обнимая ее.)
Зана, слушай, что скажу!

Зана

Что ты скажешь? Убирайся!
(Отталкивает Барбу.)
Вновь дорогу переходишь,
Чтоб гребцу я не досталась,
Как сберется он домой.

Барба

Не гони, скажу словечко.

Зана

Что еще?

Барба

Тебе одной лишь.

Зана

Уходите!

Мать

Что ж, шепчитесь!
(Уходит вместе с Андой и Циепой.)

Зана и Барба. Издали слышно, как Гатынь играет на свирели.

Барба

Жалко мне тебя, сестрица.
Сердце горестью томит.
Я не стану на дороге.
Горе в Даугаву забросить —
Лучше, чем самой бросаться.

Зана

Хоть мешай, хоть помогай —
В Даугаве не утону я,
Не отдам тебе его я.

Б а р б а

Ты не поняла, сестрица,—
Ведь его я уступаю.
(Начинает тихо плакать.)

З а н а
(вдруг радостно)

Ты его мне уступаешь?
Ах, роднуша, Байбалыня!
(Обнимает ее.)

Б а р б а
(тихо)

Забирай! Держи сильнее!

З а н а
(весело)

Заберу!
(Снова грустно.)
Да как возьмешь?
Он ведь сам меня не хочет.

Б а р б а
(с некоторой гордостью)

Без меня — с тобой поладит.
Вы ведь раньше сговорились.

З а н а
(весело, потом опять грустно)

Да, но,— Байба, как же ты?

Б а р б а

Ну, с собою я управлюсь.
(С иронией.)
Много ль места для мышонка?

З а н а
(целует ее)

Ах ты, прелесть, ах, добрушка!
Ты иди к золовке нашей.
У нее служанкой будешь!

Барба
(с сдержанной гордостью и достоинством)

Широко земли поместье,
А владенья моря — шире.
Там простор дождю и ветру,
Мало ль места человеку?
Дождь под почвой исчезает,
Ветер за море уходит.

Зана

Ты когда же нас покинешь?

Барба

В эту ночь, чтоб не хватились.

Зана

Я сберу тебе в дорогу
Три лепешки на сметане,
Что готовились для свадьбы.

Барба

Не заботься, люди встретят,
Мать-земля меня накормит,
Жажду Даугава прогонит.

Зана
(совершенно успокоенная, вскакивает)

Ах ты, радость! Вот так радость!
Больше здесь сидеть не буду.
Не сиди и ты — пойдем.

Барба
(садясь)

Я останусь. Мне не вредно.

Зана

Нет, не надо! Плохо здесь.
Словно жернов омут кружит,
Черный взор вращает свой,
Зерна жрет и пеной брызжет,—
Я б как зернышко пропала
В черном жернова круженье,
Как муку б меня смолол он,
На съеденье рыбам кинув.
(Отходя прочь от Даугавы и ведя с собой Барбу.)

Жутко! Ноги подкосились.
А теперь опять окрепли.
Убежим скорей, сестрица.

Барба

Не могу — должна остаться.
Твоему сказать ведь надо,
Чтоб к тебе вернулся сватать.

Зана

Ах, добрушка,— ах, милушка!

Барба

Поспешай же!

Зана, поцеловав Барбу, уходит.

Барба одна.

Барба

Вот одна я.
Опускайся ж, милый сумрак,
Опускай же легкий полог,
Алый занавес заката
С золотистой бахромою,
С черной траурной каймою!
Пусть никто меня не видит,
Ни одна душа не встретит.
Пусть любимый не узнает.
Я глаза свои зажмурю,—
И они чтоб не видали,
Что задумала я сделать.
(Приближается к берегу.)
Ты, шептун-камыш, не дрогни,
Ветерку не передай,
Ты, волна-неугомонка,
Вечерку не разболтай.
(Дотрагивается до лодки.)
Щучка Даугавы, челночек,
Тихо стой меж камышей.
Я в тебя тихонько сяду,
Как садится сокол мой.
Весла с медной рукоятью,
Словно щучьи плавники.

Я возьму вас тихо в руки,
Как берет вас сокол мой.
(Садится в лодку, берет весла.)
Точно милому на плечи,
Я на весла руки вскину,
На скамье сижу я в лодке,
Точно на его коленях.
На руки меня он взял,
Убаюкавши в объятьях,
Словно чайку над волною.
(Покачивается в лодке, вдруг.)
Боже, что хочу я сделать?
Ну, теперь твоя навек,
Мой любимый, мой желанный!
Ох ты, Даугавы хозяин,
Волн владыка — водяной,
Тело я к тебе обрушу,
С ним возьми себе и душу!

Стемнело. Свирель зазвучала громче и стихла. Входит У л д ы с.

У л д ы с

Кто в моей маячит лодке?
Или рыбка заблудилась?
Или звездочка скатилась?

Б а р б а
(испуганно вскакивает)

Охти мне! Зачем пришел?
Подглядел зачем, подслушал
То, что мглой вечерней скрыто?

У л д ы с
(лихо)

То, что мглой вечерней скрыто,
Ветер утром открывает.

Б а р б а
(задета, печально)

Мгла вечерняя несет
Драгоценную награду:
Пропадает под покровом
Темноты — позор открытый.

У л д ы с

Что я взял — то не отнимут,
Что нашел — не пропадет.
Я открыл, что было скрыто,
Непокорную осилил.

Б а р б а
(в испуге вскрикивает)

Ох!

У л д ы с
(продолжает лихо)

Ты нашлась, ты отыскалась,
Счастья мать тебя сама
Ко мне в лодку посадила,
Сама в руки мне вручила,—
И за Даугаву помчим мы!
(Приближается к лодке.)

Б а р б а
(в страхе)

Погоди! Не приближайся!
Не порви то, что тебе
Счастье робкое соткало
На станке заката тихом!

Слышна свирель.

У л д ы с

Если мне, чего ж не взять?

Б а р б а
(так же)

Не неволь, будь терпеливым,—
Смирным быть ведь обещался.
Как свирель играет тихо!
Разреши еще послушать
Мне в последний хоть разочек!

У л д ы с
(более резко)

Пусть свирель тиха, зато
Ветер с Даугавы порывист.
Ты моя, в моей ты лодке.

Барба
(тоже более резко)

Пусть твоя, чего ж ты хочешь?

Улдыс

Если любишь — поцелуй!
Мне нельзя — сама приблизься!

Барба
(опять боязливо)

Ах, не смейся, жутко мне!
Водяной на Даугаве
Смех твой эхом повторяет.

Улдыс

Не скупись на поцелуй:
Не в твоем ли голоске
Эхо той свирели слышно?

Барба

Мой веночек дай обратно!

Улдыс

Подойди, возьми сама!

Барба

Ну, тогда зажмурь глаза,
Чтоб не видеть, как краснею,
И меня не тронь руками!
(Выпрыгивает из лодки и приближается к Улдысу.)

Улдыс
(протягивает ей веночек, отвязав его от пояса)

Вот, бери венок девичий!

Барба медленно приближается, вся трепеща.

Ах ты, белая березка,
Вся трепещешь от испуга.—
Да не бойся, я не трону!

Барба, подойдя, отходит, но потом опять возвращается.

Убегает, как от солнца
Зорька, в море опускаясь,
Чтоб лучи не отыскали!

Барба

(подойдя к Улдысу, заложившему руки за спину, касается губами его щеки, потом вдруг)

Ой!

Улдыс

Ах ты, ветерок рассветный
У меня мимо щеки
Словно пчелка пролетела,
Крылышком прощекотала.

Вдруг слышен высокий, резкий звук свирели. Звук обрывается. Улдыс схватывает Барбу и целует; она вскрикивает и убегает в лодку.

В сумерках выходит Гатынь.

Гатынь

Ох! Что шкодишь ты, даугавец?
Девушку не обижай!

Улдыс

Ты здесь что? Тебе что надо?

Барба

Ах, то Гатынь!
(Гатыню.)
Отойди!

Гатынь

Крик твой издали услышал,
Поспешал к тебе на помощь.

Улдыс

В полдень хорошо шутить,
В полночь шуточкам не место.
Для гребца свободен берег,
Прочь с дороги, лягушонок!
(Набрасывается на Гатыня и валит его на землю.)

Гатынь

Ох, пропал я! Байбалыня!

Барба
(вскрикивает)

Что ты делаешь, даугавец!
(Выбегает из лодки и бежит к Гатыню.)

Улдыс

В лодке будь! Куда ты мчишься?
Лодку в воду оттолкну я,
Увезу домой с собою!

Барба

Гатынь, Гатынь, что с тобою?
(Остается, наклонившись над Гатынем.)

Прибегают Зана, мать, Анда и Циепа.

Зана

Улдыс, Улдыс!

Анда

Барбин голос услыхали,—
Почему орет девчонка?

Циепа

Словно резали, вскричала!

Мать
(подходя)

Кто кричал здесь? Что случилось?

Зана

Улдыс, любый, ты ведь мой.
Байбалыня — с глаз долой!
(Боязливо приближается к Улдысу.)

Анда

Что ж вопит? Уйти не хочет?

Циепа

Кошку сгонишь ли с постели?

Мать
(Улдысу)

Где же Барба подевалась?
Скрылась? — Парень, отвечай!

Улдыс мрачно молчит.

Циепа

Стой, кто здесь на бережку?
Вишь, как ладно пригорнулись.

Анда
(подходит к Барбе)

Барба, ты здесь? Кто с тобой?
(Трогает ее за плечо.)

Барба

Отойди! Не тронь меня!

Анда
(взглянув на лежащего)

Это ж Гатынь, хромоножка!

Мать

Что случилось? Отвечайте!
Или все вы онемели?

Циепа

Хороши дела тут были,
Что язык все прикусили!
Доброе — язык не вяжет.

Входит Дыдзис, еще слегка под хмельком

Дыдзис

Улдыс, эй! Куда ты делся?
Друг сердечный! Отъезжаешь?
Погоди! С тобой я вместе!

Анда

Он туда же! Оставайся.

Дыдзис

Я еще не обвенчался —
Куда хочу, туда еду.

Анда

Лишь попробуй! Ты же клялся?

Дыдзис

Клялся, клялся — пьян напился!

Анда

Пьяным клялся — трезвым помни!

Д ы д з и с
(приближаясь к Улдысу)

Улдыс милый, брат бутылки,
Объясни хоть ты словечком,
Что мне делать-то с собою!

У л д ы с
(отталкивая его)

Прочь ты! Девичье охвостье!
Обвяжи башку платочком!

Д ы д з и с

Вот-те здрасьте! Вишь каков!
Ты скажи хоть полсловечка,
В Даугаву готов я прыгнуть!

А н д а

Прыгай знай под одеяло,
Храпом все похмелье выдуй.

Д ы д з и с

Улдыс! Как ты поступаешь?
Для того я ради пил-то?
Ты в хмелю мне не помог,
Я без толку здесь погибну!

У л д ы с

Иди к черту!

А н д а

Нет, ко мне!

Д ы д з и с

Вместе едем.

У л д ы с

Прочь пошел!

Дыдзис целует Улдыса, и Анда его уводит.

У л д ы с
(резко)

Байба, встань! В путь пора!
Даугава оделась тьмою.

Барба
(медленно поднимается)

Ночь черна, чернеют волны,
Черную дорожку стелют.

Мать
(Улдысу)

Скройся в ночь, сова ночная,
Бела дня вам не увидеть!

Зана
(восклицая)

Боже мой! Улдыс мой!
Ты с собой ее везешь?

Циепа

Зря ты, Зана, доверяла,
Обманула тебя Барба,
Жениха вконец отбила!

Барба

Зана, я не обманула.
Ты всего еще не знаешь.
Поцелуй меня.

Зана

Уйди!

Барба

Ухожу я далеко —
А сестричка отвернулась.
Верно, мне других сестричек
Отыскать — сереброкожих!

Улдыс
(Барбе еще раз)

Время в путь! Веет ветер!

Входит Орта.

Орта

Байба, Байба, уезжаешь
И со мной не попрощалась?

У л д ы с
(Орте)

В лодку сядь! Поедешь с нами!

Б а р б а

Орта, истинная мать.
Проводить не отказалась.
(Обнимает ее.)
Вот тебе мое объятье,
Что отвергнула сестрица.

О р т а

Байба, детка дорогая!
Ты в свою семью поедешь,
В Даугаву все беды кинешь.
Счастья мать ладьею правит,
Добрый путь тебе укажет.

Б а р б а

Добрый путь она укажет...
Ты еще прощайся, Орта,—
Гатынь на песке лежит.

О р т а
(спешит к Гатыню)

Охти мне, он неживой!

М а т ь
(тоже подходит)

Неживой он? Ой, скажите?

Ц и е п а
(подходит)

Верно, он зашелся, обмер.
С ним случаются припадки.
(Трогая лоб Гатыня.)
Тепленький, не сокрушайся.

О р т а

Улдыс, что ты натворил?

У л д ы с

Что добыл, то и мое,
Взял, что в жизни причиталось.

Утро — светится росою,
Даугава — под ветром плещет.
Встань, цветок мой, Байбалыня,
В мою лодку смело прыгни!

Барба

Встану, встану, прыгну, прыгну!

Улдыс
(ликуя)

Эй, Даугавушка родная,
Вей, вей, ветерок, гони челнок,
Уноси нас в Видземе!

Барба
(остановившись у лодки)

Вот свое беру я тоже,
Долю милую у жизни!
(Вдруг обнимает Улдыса.)
Не отдам — моим ты будешь.
(Вбегает в лодку, снимает с головы веночек и бросает его в Даугаву.)
Вот тебе венок девичий,
Вот и я сама.— Прощайте!
(Бросается в Даугаву.)

Все
(перепуганные и растерянные, перебивают друг друга восклицаниями)

Ох ты! Ах! Спасай! Спасите!

Улдыс
(вскрикнув)

Байбинь, что ж меня бросаешь?
(Кидается за ней в реку.)

Все
(наперебой)

— Стой! — Куда? — Скорей! На помощь!
— Барба скрылась! — Он за нею!
— Кто бы это мог подумать?
— Господи, какие страсти!
— Тащит, тащит! Отыскал!

Улдыс вносит утопленницу и кладет на берегу. Подходят работники с горящими лучинами и Анда.

О р т а

Детка, девонька-сиротка,
Вот свою семью нашла ты.

А н д а

Дыдзис спит. Что тут стряслось?
(Увидев Барбу.)
Милая моя сестра!

З а н а
(Барбе)

Ты куда ушла, голубка!

М а т ь
(наклоняясь над ней)

Без словечка, без движенья!
Сердце горем надорвалось!
(К работникам.)
Ну, беритесь, в дом несите!

У л д ы с
(который все время стоял мрачный, отталкивает людей от Барбы)

Прочь! Она моей осталась.
(Опускается на колени.)
Байбинька, пугливый птенчик!
От меня не убежишь ты,
Я возьму тебя с собою!
(Поднимает Барбу и вносит в лодку.)
Вей, вей, ветерок, гони челнок,
Уноси нас в лодке в море,
В светлые морские дали!

З а н а в е с

ПРИМЕЧАНИЯ

На русском языке выходили следующие собрания сочинений и избранные произведения латышского народного поэта Яна Райниса:

Избранные сочинения. М—Л., «Академия», 1935.

Избранные произведения. «Библиотека поэта». М., «Советский писатель», 1953.

Собрание сочинений в трех томах. Рига, Латгосиздат, 1954.

Сочинения в двух томах. М., Гослитиздат, 1955.

В настоящее издание в отличие от предыдущих включены только те стихотворные сборники, которые были составлены самим поэтом, ибо Райнис рассматривал их как органическое целое и над композицией сборников работал не меньше, чем над созданием произведений. Составитель этого издания руководствовался стремлением сохранить композиционное своеобразие авторских сборников. Наиболее сложная из них — книга «Конец и начало» дается в полном объеме.

В издание включены две пьесы Райниса — «Огонь и ночь» и «Вей, ветерок!». Они считаются наиболее яркими творческими достижениями Райниса как в идейном, так и в художественном смысле.

Главное внимание в примечаниях уделяется не истории и библиографии отдельных стихотворений, а истории и судьбе целых сборников и книг поэта.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДАЛЕКИЕ ОТЗВУКИ В СИНЕМ ВЕЧЕРЕ

Впервые книга вышла в Риге 17 июня 1903 года. До настоящего времени выдержала пятнадцать изданий на латышском языке. В 1973 году была издана в Риге на русском языке в переводе Г. Горского.

Сделав тщательный отбор из всего написанного, Райнис поместил в этом сборнике стихотворения, создававшиеся им в течение почти двадцати-

летнего периода, начиная с гимназических лет и кончая теми произведениями, которые были созданы в последний год пребывания поэта в Слободском. Даты написания отдельных стихотворений точно не известны — Райнис начал датировать произведения только после 1905 года.

К созданию «Далеких отзвуков» как книги Райнис приступил в 1901—1902 годах. К этому времени относится планировка некоторых разделов и большое количество замечаний по поводу того, какой характер должны носить стихотворения, включенные в предполагаемый сборник:

«Зрелые, мужественные стихи,— не галерея жизни юноши,— стихи, как пасмурная погода, с духотой, какая бывает перед грозой, с молниями; поэзия, исполненная сдержанной силы, подчас чувства отвращения, усиленного недовольством этой духотой, ощущением стесненности собственных сил...» Сам поэт и его исследователи указывают на следующие, включенные в настоящее избранное стихотворения, как на сочиненные в гимназические годы: первые шесть строф «Королевны» и «Крестьянин». В студенческие годы, предположительно, были написаны стихотворения «Юности» (I вариант), «Он это знал», «Зерна под жерновами», «Обыватель», «Глубочайшие думы», «Вечность» (написано, вероятно, в Вильнюсе).

Во время пребывания в Швейцарии Райнисом создано в 1893 году стихотворение «Человек и боль». В бытность редактором «Диенас лапа» — «Легко пророчить и гадать...» и целый ряд эпиграмм и сатирических стихотворений: «Благодетель», «Практические советы», «Почтенный гражданин», «Бывший друг», «Пессимист», «Суровая душа» (напечатана в 1895).

Довольно большое количество стихотворений было отобрано поэтом из числа написанных в тюремный период: «Любящие отечество», «Первые вестники», «Слова», «Предгрозье», «Стоны моря», «Заходит солнце...». В разделах «Ночные тени» и «Золотая дымка» помещены: «Места нет», «Грезы весны», «Теплится жизнь», «Наши дни», «Вечное ожидание», «Теплая волна дыханья», «Измятый цветок», «Синеватые искры», «Золотая дымка». В тюрьме были созданы также первые варианты стихотворений «В горную высь», «Блудный сын» и «Длинный путь».

Прочие стихотворения, помещенные в этом издании, были написаны во Пскове и Слободской ссылке: «Вдали, за сотни сотен миль...», «По зимним, снежным...», «Сам», «Равнодушные», «Былое», «Размышления в ночь накануне Нового года», «Лик земли роса покрыла», «Светлое счастье», «Вечерний покой», «В кольце тумана», «Сердцу тяжко», «Перед бурей», «Под зеленою сенью», «За матовой вуалью», «Мир был пустыней», «Моя тоска», «Звучащее пламя», «Последний луч», «Единственная звезда», «Золотистые листья», «Старые недуги», «Сломанные сосны», «Вперед!», «Элегия», «Весенние дни», «Fiat justitia», «День Страшного суда», «На пороге вечности», «Песня нищих».

По замыслу автора, книга должна была представлять его психологическую и субъективную поэзию. У Райниса есть запись: «Поэзия, как всякое искусство, прежде всего должна воздействовать на чувства, а не только лишь на сознание (Толстой). Вся лирика субъективна».

В составлении сборника активное участие принимала жена Райниса, поэтесса Аспазия. О том, как возникло такое своеобразное название книги, поэтесса рассказывала в своих воспоминаниях:

«Вечер был чудесный (имеются в виду окрестности Слободского.— *С. В.*). По небу скользили синие облака. Такие бывают только здесь, в условиях своеобразного здешнего климата. Эти облака окрашивали в синий цвет самый вечер. К тому же вечер был тих, спокоен, а воздух чист, прозрачен и восхитительно звучен. Всякий звук слышен был далеко-далеко, и так же далеко отдавался в гулком воздухе всякий отзвук. Мне пришло на ум, соединив все особенности этого вечера, передать их в названии книги: «Далекие отзвуки в синем вечере». Да и синий цвет я считала символом надежды, а надежда нам тогда была очень нужна: мы сами и все наше общество надеялись на лучшее, светлое будущее. Такое название звучало многозначительно и точно».

Цензура книгу почти не тронула. В этом большая заслуга друга Райниса известного латышского писателя Рудольфа Блаумана, который был лично знаком с цензором Ремикисом. Имея на него влияние, Блауман сумел отстоять целый ряд стихотворений. В результате такого заступничества из сборника было выброшено всего лишь одно стихотворение и несколько отдельных строк, а стихотворение «Мартовские дни» получило иное название — «Весенние дни». Упоминание месяца, связанного с покушениями на представителей самодержавия, вызвало настороженность царской цензуры. Позже цензору пришлось писать длинное объяснение в Главное управление по делам печати, и он был вынужден сам защищать «подозрительные» стихи от обвинений представителя Видземского губернатора. Ремикис в своем объяснении доказывал, что часть стихотворений сборника представляет собой символические описания природы, а часть — разрабатывает библейские темы и носит сугубо нравоучительный характер.

Прогрессивная общественность встретила книгу Райниса с восторгом — стихи переписывали от руки, читали на вечерах и в рабочих кружках, учили наизусть.

«Эта книга явилась отзвуком благороднейших идей своей эпохи, да и сама она — целая эпоха в латышской культурной жизни»,— писал в 1910 году Андрей Упит.

Многие стихотворения «Далеких отзвуков» привлекли внимание выдающихся латышских композиторов. Эмиль Дарзинь написал музыку к «Сломанным соснам» и Эмиль Мелнгайлис к «Былому». Они стали самыми популярными в народе хоровыми песнями, исполняющимися на всех больших концертах и Праздниках песни.

ПОСЕВЫ БУРИ

Вторая книга стихотворений Райниса — «Посевы бури» трижды выходила в 1905 году. Первое издание было осуществлено в мае под названием «Звучание времени». В качестве приложения его начала выпускать «Петер-

бургас авизес» («Петербургская газета»). После опубликования первых двух разделов, печатание прекратилось. Как свидетельствуют материалы райнисовского архива, поэт еще до середины года продолжал дополнять книгу, перестраивать ее композицию. Второе издание книги — уже под названием «Посевы бури» — появилось в октябре 1905 года. В конце года, вероятно, вышло третье — роскошное издание. Оба они были осуществлены книгоиздателем Янисом Озолом, революционером, который вскоре стал жертвой карательной экспедиции.

Из стихотворений, написанных в Слободском, в книгу вошли немногие. Из них в настоящее избранное включены следующие: «Зеленая власть весны», «Опустошенная душа», «Большие глаза», «Клейменные смертью», «Зимнее предвечерье», «Китайские жрецы». Остальные появились уже после возвращения на родину, в период с весны 1903 по весну 1905 года. Сам Райнис, вспоминая время создания «Посевов бури», назвал эту книгу поэзией «революционного предчувствия», когда уже «созрел революционный момент и все дышали прекрасным предчувствием и готовились к великому 1905 году».

Современные исследователи творчества Райниса считают, что в 1903, 1904 годах были написаны следующие стихотворения «Посевов бури»: «Ледяная крепость севера», «Грустная береза», «Дрожащее сердце», «Идет молодое племя», «Тюремные стены», «Стань твердой, мысль!» (I вариант), «Первые жертвы». Однако большая часть вошедших в книгу стихотворений появилась в начале событий Пятого года, весной. Так в разделы — «Под весенним громом», «Призыв» — были помещены «Солнце землю пахало...», «Воющий ветер», «Мехи ветров», «После долгого сна», «Так не останется!», «Вестница-синичка», «Выходите!», «Дети сумерек», «Единым путем», «К морю». К ним полностью относится характеристика, данная Райнисом сборнику в 1925 году: «Больше всего тогда меня поразили взморье и ранняя весна, и картины моря и весенние пейзажи, и мысли обо всем этом проникают всюду, заполоняют стихи».

В 1905 году написаны также стихотворения «Честный либерал», «Далекие отзвуки», «Что ж сеятель тужит?», «Время героев», «Мелькающие огни», «Нарыв», «Что бы ни было», «Новое время», «Через край», «В вечном созвучии», «Могилы наших героев», «Отряд смерти» и «Все-таки».

17 октября 1905 года, продумывая общий характер и композиционный принцип «Посевов бури», Райнис сделал интересные заметки:

«Одно стихотворение составляет суть всего сборника, его душу. Оно все оживляет, все делает понятным, оно и пафос делает пригодным, придает ему естественность звучания: в вечном созвучии ничто мне не может помешать. Весь сборник постигается именно благодаря этому главному чувству. Кто способен понять его, у того оно тоже есть. Это чувство увлекает за собой».

Глубокая внутренняя гармония, чувство общности с человечеством и мирозданием, присущие стихотворению «В вечном созвучии», действительно позволяют считать его некой духовной квинтэссенцией сборника «Посевы бури» — «Песни о мужах и оружии» — самого героического и самого свет-

лого поэтического сборника Райниса, о котором многие годы спустя поэт писал:

«Когда я перечитываю свои старые стихотворения, то удивляюсь, сколь весел и до бесшабашности радостен их дух. Мне теперь остается только удивляться, до чего может человек быть радостным; но быть таким — его долг».

На латышском языке «Посевы бури» издавались тринадцать раз.

ТИХАЯ КНИГА

Впервые книга вышла летом 1909 года в Петербурге. На латышском языке выдержала десять изданий. Ей Райнис предпослал весьма примечательное предисловие:

«Посылая вам, мои друзья, свою книжку, я отдаю на волю ветра ее разрозненные листки: многие ли из них попадут в ваши руки, не знаю! А сколько в тех, что попадут к вам, будет вымаранных и выдранных мест? Быть может, от всех моих дум, чувств и переживаний останутся лишь ничего не говорящие черточки и длинные ряды многоточий, точно следы слез? А может, и этих следов не останется — и только близкие мне по духу люди уловят меж редких строк заключавшийся в них когда-то смысл?»

Но случилось гораздо худшее. Хотя цензор Ремикис и разрешил книгу к печати, по приказу Главного управления по делам печати весь ее тираж был конфискован. В донесении прокурору Судебной палаты от 24 июня 1909 года упомянуты многие стихотворения, в которых автор «выражает сочувствие рабочему классу, выступающему против существующего порядка» и призывает к восстанию («Путь к новому», «О величье», «Новое зданье», «Опять ночь» и др.). Судебная палата вынесла постановление: книгу уничтожить, «разорвав ее на клочки»,— что и было сделано. Уцелели только 200 экземпляров, которые удалось припрятать типографским рабочим.

В начале 1911 года «Тихая книга» вышла в Риге во второй раз под названием «Ветром подхваченные листки». Поэт в известной мере изменил композицию книги и отказался от стихотворений, вызвавших конфискацию. Однако предисловие, к которому поэт сделал небольшую приписку, четко и определенно свидетельствует о том, что дух борьбы и упорство поэта не сломлены:

«Год тому назад я предсказывал это, и вот осторожно, на цыпочках, предостерегающе воздев руки, на меня наступает умеренность, не переставая нашептывать: «Вот видишь, что я тебе говорила? Так нельзя. Прошло то время, настали будни!» Она злорадно показывает мне разорванные листки с песнями, развеянные ветром, разодранную книжку, сломанные сосны, она говорит, что даже время боязливо затаилось в норе.

Несмотря на всю мою скорбь, я невольно усмехаюсь. Разве это время спряталось в нору? Конечно, нет, не время — трусость. Время не может вместиться ни в какие норы. Оно возвышается там, на вершине горы, открытое всем ветрам. Оно вращает свое огромное колесо, от этого-то и разлетаются

разорванные листки. Разве вы не замечаете, как колесо преодолевает мертвую точку? Как медленно и неуклонно будни преображаются в праздник? Пусть ветер развеивает разорванные листки, пусть немногие из них вы подберете, все равно они свидетельствуют о прошлом и торжестве будущего».

Под названием «Ветром подхваченные листки» в 1914 году одно за другим выходит третье и четвертое издания сборника. В полном объеме «Тихая книга» вышла только после возвращения поэта на родину в 1921 году. Книге также было предпослано предисловие, касающееся истории ее создания, а также восстановлен текст первого издания.

В основном над «Тихой книгой» Райнис работал в течение 1907 и 1908 года, параллельно шла работа над «эмигрантскими песнями» — над сборниками «Те, которые не забывают» и «Конец и начало». По существу эти три книги образуют единое целое. Это повесть о борце и мыслителе, искавшем смысл жизни в период наступления жесточайшей реакции, в годы эмиграции искавшем «великую родину». Мыслителе, пытающемся понять, каково призвание человека и его место в беспредельном и постоянно меняющемся мире, в эволюции Вселенной.

Названия книг и окончательная форма прояснялись постепенно, но неуклонно, каждый сборник вроде бы созревал, как созревает плод, но после него оставались еще пребывавшие в стадии становления неоформившиеся остатки, которые продолжали наметившиеся темы в новом аспекте.

Мысль об «обвинительных песнях» в записях Райниса появилась уже в 1906 году. Первый сборник задуманного цикла мог бы называться «Книгой упорства» или «Все-таки». Такие названия мелькали в этих записях. 30 мая 1907 года на страницах райнисовских записок встречается настоящее название сборника:

«...нужно признать, что одна битва проиграна. Хотели взять штурмом, а вот снова упорная, длительная осада, обучение новых полков, их организация для того, чтобы идти на великий штурм.

Тихая книга

Стихи в книге с черными страницами из Р.»

В декабре 1907 года поэт неоднократно предавался размышлениям над композицией и характером нового сборника, о чем свидетельствуют записи, относящиеся к этому времени.

«Мы не забудем пролитую драгоценную кровь, кровь, которую вы даже отцам и матерям погибших не позволили вычерпать. Мы сохраним ее в песнях и рассказах, если и это запретят, то в душе народной»,— писал Райнис 17 декабря. Запись от 23 декабря: «Мысли — I сб⟨орнику⟩ следует придать мрачный колорит: черные страницы. (Нужно концы всех нитей свести воедино, чтобы дольше двух мес⟨яцев⟩ работа не затянулась.)»

По поводу содержания книги сделана запись от 20 марта 1908 года:

«Детям, будущим поколениям предназначается эта книга. Пусть знают, как было, как должно быть.

Когда поднимутся они, поднимется ввысь пламя этих песен, зажгутся иные песни, и всегда будет таковой душа человечества, сущность прогресса — борьба.

Я проникаю все глубже в землю, к человеческим корням».

Из произведений, написанных на родине, в книгу включены только несколько.

1904 — «Трудно было после битвы солнцу».

1905 — «Великий покой», «Воля мира», «Время — прочь в закат!..» (окончено в 1907), «Восход».

1906 — «Пылинка и время», «Мать Земля потрясена виденьем...», «Руки» (начато в 1903); заключительное стихотворение, эпилог — «На гору теперь меня снесите...».

1907 — «Ржавая цвель», «Бедный брат», «Невыразимая», «Ранний путь», «Легендарные люди» (первые девять строк написаны в 1905 году, под названием «Из песен судного дня», последние — 15 января 1907 года); «Соглашатели», «Пляска смерти», «Умеренному», «О тишине», «Источники силы», «Patet janua, exi» (варианты названий — «Отвращение к жизни», «Самоубийце»), «Колючка», «Сталь», «Опять ночь», «О будущем», «Кровавая баня».

1908 — «На черных страницах книги...» (первые две строфы были написаны еще в 1907), «Песня сестрицы», «Челн усопших», «Удивительный язык», «Партия порядка», «Современная интеллигенция», «Твердое убеждение», «Старые истины», «Путь к новому», «О горечи», «О мелочах», «О величье», «Но» и «все же!», «Слева», «Берега Даугавы», «Детские уста», «Готовность», «Счастливые юноши» (начато в 1906), «Великий свет».

Не выяснена датировка стихотворений: «Наши дни», «Благодетель народа», «Новое зданье», «Каменный дом».

В полном объеме на русском языке сборник в переводах Г. Горского вышел в Риге в 1965 году.

ТЕ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАБЫВАЮТ

Первое и второе издание было осуществлено в 1911 году в Риге. Всего на латышском языке сборник выходил шесть раз.

Над книгой Райнис начал работать в 1906 году. В то время она упоминалась в дневнике, и всех записях и заметках как «Песни эмигранта» и «Эмигранты». Образ эмигранта в лирике Райниса становится образом продолжателя борьбы, носителя социал-демократических идей в особенно тяжелых и сложных исторических условиях — в период усиливающейся реакции. Эта книга отклоняет всякие идейные компромиссы, вселяет надежду на новую революционную вспышку.

«31.10.06.

Эмигранты. Но мы никогда не сможем забыть, простить и примириться. Вы там, на родине, свыклись, колеблетесь, склонились,— но мы никогда не смиримся, ибо нам нечего терять, мы не можем отступать назад.

В заключение книги будут самые резкие песни. Мы ожидаем второй волны. Если вы отступите, упустите время, настанет процветание промышленности, и тогда волна будет слабой, если нет,— будет сильнее, но обязательно будет. Она, эта волна, и нас принесет домой».

Трагедия борца-эмигранта, изгнанника, его боль за страдающую родину определяют настроение сборника. Именно эта особенность сообщает всем произведениям характер, противоположный «весенним песням» «Посевов бури».

«Полуживые, отверженные, мы умерли наполовину, можем умереть и целиком, полжизни мы отдали, отдадим и всю. Если те герои умирали внезапной смертью, то мы можем умирать даже годы от тоски по родине,— так медленно сохнет дерево. Когда бы только знать, что вырастут новые...» — писал Райнис в заметках от 19 марта 1907 года по поводу этого стихотворного сборника. Заглавие «Те, которые не забывают» появилось в дневнике в конце 1907 года, затем следовала запись: «Я ищу любви, человечности, героизма, то есть того, что отсутствует в обыденщине; ищу человека без окультуренности, без покрова будничности, в его первозданной красоте, естественности, доброго и благородного...» (2.11.07).

Однако пока еще окончательная идея и композиция сборника не определились. В черновиках уже можно нащупать намечающиеся тематические линии, которые ведут к следующим сборникам. Довольно определенно ощущаются мотивы, характерные для «Пяти эскизных тетрадей Дагды» (книга «Домой»). В этом смысле интерес представляет страничка с записью, сделанной 17 ноября 1907 года, в которой в одном неразмотанном клубке связаны темы и сборника «Те, которые не забывают» и книги «Домой»:

«Via dolorosa»[1]. Терновой ветвью обвита лира. Путь Дагды. Поэтические строки преобразуются в форму новеллы. Жизнь одного эмигранта — без цели. Чайки осенью. Путь без цели. Журавли в полете.

Можно было бы и так: 1) песни о судьбе всех эмигрантов и изгнанников, 2) вообще судьба эмиграции, так же как и судьба чужеземных эмигрантов.

Возможно привнесение чужого языка, motti [2], потому что ведь страна чужая. Может быть, мое первое возвращение из изгнания. По ту сторону жизни — труда, родины, отчизны. Без отчизны».

В сборнике особенно акцентируется момент перехода от маленькой, заброшенной, далекой родины к великой родине, к человечеству, от прежних, в силу временем и обстоятельств ограниченных идей к большим, интернациональным идеям, проблемам, касающимся всего мира в ходе исторического развития. «Мы не одиноки, всюду братья (с. д.) [3]. В безмолвии готовятся. Привет изгнанникам. (С севера и юга, из Азии и Европы тянутся друг к другу

---

[1] «Путь скорби» *(итал.)*.
[2] Девизы, изречения *(итал.)*.
[3] Социал-демократы.

над отчизной наши руки, она заключена у каждого из нас в мыслях, мечтах и проектах.) Скорбь повсюду, но все-таки и сила... Вселять в своих домашних дух уверенности, пусть тоже не забывают. Семена идей приходят извне, от чужеземцев». На другом листке наброски: «Бродят мысли о великой отчизне. Отечество стало тесно, как Гулливеру. Скитаюсь по миру, ищу товарищей». Весь сборник создан как полемика с теми, кто забывает, с ренегатами и проповедниками «чистого», «модерного» искусства. Особенно это явствует из предисловия к первому изданию:

«...Уймитесь, строки, я должен кое-что сказать моим друзьям-читателям на родине, должен извиниться перед ними, что книга не получилась такой, какой требует время и, возможно, сами они, потому что просвещенный писатель обязан откликаться на «злободневные» вопросы ее, le dernier cri, так сказать — последний крик моды, а я предлагаю их вниманию то, что было давным-давно, пять столетий, то есть я хотел сказать — пять лет тому назад.

Оно одно, оно любило; оно не в силах позабыть; его не в силах позабыть; оно одно, одно...— Что же вы насмехаетесь надо мной, строки? Да, сердце позабыть не в силах, но разве поэтому оно — одно? — И все-таки сердце там, где вновь возрождается веселье; но за пределами родины его не видать; множество сердец разбросано на громадной пустыне, подобно красным ягодам на пустынном осеннем болоте. Все они полны любви и позабыть не в силах, они молча страдают и, быть может, страдают несравненно сильнее, нежели то сердце, которое умерло бы, если бы не высказало чужой боли, которая и его боль тоже. А тысячи сердец на родине, которые боль связывает с будущим, разве могут они позабыть, могут перестать любить?

Многие могут забыть; многих можно забыть; друг может забыть друга, брат —брата, даже более того — мать — дитя, человек может забыть долг, и это — не предел,— родина может забыть самое себя, сынов своих, будущность своего — все разом. Даже железо изнашивается, а ведь человеческий мозг — не железо, однако железо, если его закалить — превращается в сталь.

Были и будут всегда те, которые не забывают. Они — живая история, которая закаляет память. Если забудет о своей будущности родина, они не забудут — они живое будущее, которое закаляет волю. Они есть и будут теми, кого родина изгоняет, ибо они носители духовного начала, еще недостигнутого их родиной, но без которого нет у родины будущности. Они те, кто, лишившись отечества, обретает весь мир, жертвуя собой — они обретают себя в человечестве...

Я не хочу никого ни огорчать, ни пугать этой книгой. Она тихая, тише «Тихой». Это — книга отверженных, осиротелых, измученных героев. Это — осенняя песня о прошлом, и только тем связана она с настоящим, что в ней будут жить и боль, и изгнание, и, возможно, воспоминания, хотя и надоели они всем, как затянувшаяся забастовка.

Я кончил,— всю мою тревогу, всю горечь и сострадание излил я в книгах, в душе остались только твердая и ясная воля. И об этой книге я могу уже теперь говорить, как о чем-то отстраненном, независимо от меня существующем. Я упомянул, что она не такая, какой требует от писателя время. Но вы и без долгих объяснений поймете, что она подобна ветви, с которой безжалостная рука оборвала самые зеленые листья... А в этой книжке, напротив, каждое стихотворение — лишь частица осенней песни, затяжной, как осенний ветер. Стихотворения здесь — лишь части целого, их общность, единство имеет гораздо большее значение, чем части порознь; это не случайное собрание стихотворений — это живой организм, как драма, роман, симфония, как куст жасмина. Охватить и показать эпоху и чувства людей — вот к чему стремилась эта книга, не анализировать чувства, а создать их синтез в живом воплощении фантазии».

Как говорил Райнис в 1925 году, многие стихотворения сборника написаны им в Кастаньоле и во время путешествия в горах кантона Тичино, поэтому так много в книге горных пейзажей. Из стихотворений, написанных в Слободской период, в избранное вошли «Одна ночь» и «Три дня». Несколько стихотворений были начаты в ссылке и закончены в эмиграции — «Родине» (первая строфа написана в 1902, остальные — в 1907), «Дым машины» (первые две строфы в 1899, последние — 1910). В 1903-м начато стихотворение «Никогда», закончено в 1906-м.

1904 — «Веселья», «Закрытая дверь», «Что я знаю».

1905 — «Из окна вагона» (возможно, когда покидал родину), «Песня уходящей девушки» (окончено в 1906), «Руками жесткими ласкать...», «Первые плотники» (первый вариант), «Чуть вспомним о прошлом» (первые две строфы в 1905, окончено в 1910), «На старом месте» (окончено в 1909).

Из стихотворений, помещенных в настоящем издании, в период эмиграции написаны следующие:

1906 — «Una barca», «Наш вопрос», «Сильное поколение», «Первое и последнее слово», «Горы и душа», «Путь героя»,

1907 — «Скиталец и гора», «Далекие окна», «Горы, поля и долины», «Солнце так сверкает...», «Берег озера седого...», «Гвоздика», «Пастушонок», «Капельки росы», «У яблони», «Тает с запахом цветов», «Вьюнок», «Несущие гроб», «Животворный свет», «Жизнь в переплавку» (окончено в 1910), «Все и один», «Дума горы», «Брат мой», «Два залетных голубка», «Сквозь лес».

1908 — «Одиночка», «Боль и надежда», «Пути песенки».

1909 — «Песня покинутой девушки» (окончено в 1910), «Памяти друзей», «Смерть народа» (окончено в 1910), «Кукушка» и «Лесной голубь» (окончены в 1910).

1910 — «Птица, листья и дождь», «Затерявшийся в мире», «Чужая девушка», «Опавшие листья», «Юных дней моих земля» (стихотворение посвящено Латгалии, где прошли дни юности поэта, в латышском издании приводится и второй вариант того же стихотворения, но написанного на латгальском наречии, потому что, как говорил Райнис, «ее (Латгалии.— *Ред.*) сердеч-

ных людей и их мягкий говор хотелось помянуть хотя бы в бледном стихотворном отражении»), «Минутное видение», «Мчался, мчался и умчался ветерок...», «Прощание с товарищем, которого похоронили на чужбине», «Текучая вода», «Ночные видения», «Рыбари», «Искатели», «Большая родина», «Перекличка», «Вглядись вглубь!». Стихотворение «Знающие», «Литовская песня» и «Из эстонских песен» не имеют дат.

КОНЕЦ И НАЧАЛО

Впервые книга вышла в конце 1912 года в Петербурге. До настоящего времени на латышском языке она издавалась семь раз, на русский полностью переведена В. Елизаровой и издана в 1972 году в Риге.

В предисловии к изданию 1925 года Райнис писал:

«Большая часть стихотворений написана в Кастаньоле и во время неоднократных поездок по Швейцарии и Италии в период с 1910 по 1912 год. Но в книгу вошло немало стихотворений, которые связаны с иными временами, иными местами, иными, старыми чувствами, которые не хотели угасать. Я обнаруживаю здесь даже стихи, рожденные на далеком старом севере — принадлежащие ко времени первой ссылки: северный озноб не покидал меня и на теплом юге. А один из приступов лихорадки, самый свирепый из пережитых мною с детских лет, не оставлял меня и в зрелые годы и находил отражение в «лихорадочных» снах. Вина моя и судьба моя — отчего рожден я на севере, в то время как по природе своей южанин?! Уж не совмещаю ли все это в себе? И кажется мне, будто раздирают меня на части.

Я позволю себе говорить об этом потому, что здесь, в этой книге, представлены произведения очень интимного и очень личного свойства. Никаких примечаний к ним, в сущности, и не требуется, ибо все, что вы захотите узнать, в этом сборнике высказано. До сих пор

Случалось очень часто,
О боли забывал,
Борьбе, труду, надеждам
Все силы отдавал.

(*Перевод Л. Осиповой*)

Зато в детстве и юности я достаточно в себе покопался,— хватит с избытком и на зрелые годы. К 1910 году «дело», которому я отдавал все силы, перестало существовать, я оказался больше не нужен и мог вернуться к своим занятиям, теперь сердце получило право встретиться с самим собой... Я пропел свою песню, но она вдруг оказалась — зимней. Недавно отзвучала моя осенняя песня, а очень давно — весенняя — одной только летней песни никогда у меня не было — ни прежде, ни теперь».

В «Конец и начало» помещены стихотворения, написанные в 1901 году, однако над составлением «III сборника» поэт всерьез начал думать только в 1907 году, тогда же в заметках и дневниковых записях появился первый воз-

можный вариант названия книги — «Лунный сад». В отличие от «острых» стихотворений и «эмигрантских песен» Райнис говорит о ровном, спокойном характере сборника, «сосредоточенности, тихости, безыскусности».

«Размышления о поэтич⟨еском⟩ сборн⟨ике⟩ «Л⟨унный⟩ сад». Чувство одиночест⟨ва⟩ и надежда его превозмочь, затем люб⟨овь⟩ и револ⟨юция⟩, когда все люди равны. Чувство единства, слияния с природой; с животными разговаривать, как с людьми. Чувство усталости, как после тяжелой опасной болезни. Желание отказаться ото всего мира...» (7.II.07)

Но эта книга возникла не только как результат желания передохнуть, но и как результат стремления к интенсивному духовному поиску, поиску равновесия, которого настойчиво искал человек в начале двадцатого столетия между собой и миром, неразделимой частью которого он себя осознавал и пытался понять и освоить все то новое, значительное и ценное, что давала ему цивилизация, культура. В 1907 году 13 ноября в черновых набросках поэт писал:

«Новая жизнь: развитая техника, философия, тонкие чувства, я мечтаю о них и жажду всеми силами души, всю свою жизнь,— но я боюсь, достанет ли сил их перенести, всяческие тонкости ощущать, пропасть всего знать, справляться со всем тем беспокойством, которое принесет с собой техника, все внимание переключить на последнюю, все в себя вобрать, переварить и победить. Самому нужно перемениться, чтобы все это можно было одолеть».

Этим отношением к вопросам развития цивилизации и объясняется то обстоятельство, что над целым рядом стихотворений, в которых затронуты эти проблемы, Райнис работал в течение нескольких лет. Так, например, первые наброски стихотворения «Конец и начало», которым он завершил сборник, появились уже в 1904 году, сделаны они были, может быть, даже в Слободском, но работа над стихотворением продолжалась до 10 августа 1912 года. Уже рядом с первыми черновыми набросками стихотворных строф сформулирована такая философская задача: «Вокруг тайна, разум и фантазия хотят ее постигнуть. Наука доходит до незримого мирового порога, от нее волнение и расстройство еще более увеличивается». В заметках, относящихся к 1908 году, философская нагрузка поэзии еще больше увеличивается: «Нужно сделать еще две строфы. Крик: где конец? вернуться к самому себе, чтобы возродиться через посредство мысли, которая все способна преобразовать — от причин до следствий, когда конец становится началом».

Подобная философская задача выдвигается также в стихотворении «Страдание», основная мысль которого набросана в прозе 13 мая 1908 года (само произведение написано в том же году 4 октября):

«Не исчезает ни один атом, ни одно усилие, ни одно движение, в том числе и психическое. Все страдания накапливаются. Превозмочь их можно не путем забвения, не путем самообмана, а только путем присоединения к страданиям всех людей, уяснив причины их породившие и постигнув средства избавления. Всякое страдание — признак и выражение разлада, несоот-

ветствия. Не смиряться должно перед страданием, а находить причины его и возможности устранить».

Райнис предполагал собрать в сборнике воедино и объединить главные линии ранее написанных стихотворений, этические, эстетические, философские мысли, чтобы затем можно было следовать дальше в поисках содержания поэзии и ее формы.

«...новая этика, эстетика, прекрасное в деятельности, движении, глубине и силе. Законченный набросок стихотворения. Формально совершенен. От всего процесса работы чувствую удовлетворение. «Созревшее яблоко»,— пишет поэт в своих заметках от 15 августа 1919 года.

Книга посвящена пролетариату. Это подчеркнуто в написанном 28 июля 1912 года стихотворении, открывающем сборник «Тебе, класс основной!», и заметках о предполагаемых темах и характере сборника. Рабочему классу необходимо как глубокое понимание жизни и значения личности, так и искусства. «Именно рабочему люду необходимо прекрасное, так же, как необходимо оно и борцам. Борьба должна быть прекрасной и справедливой, тогда только ее ценят борцы, только в таком случае можно победить»,— писал Райнис 10 декабря 1907 года. «Только у трудового народа может быть борьба и мир, труд и отдых. Кто не трудится, не созидает, у того их нет, у того вечный непокой, того одолевают скука, сомнение, леность».

Интересны в этом отношении записи Райниса от 28 июля 1912 года, в которых поэт сопоставляет «Конец и начало» с «Далекими отзвуками в синем вечере» и указывает на особенности, которые объединяют оба эти сборника, и на различие между ними: «Этот поэтический ⟨III⟩ сборник перекликается с «Дал⟨екими⟩ отзв⟨уками⟩». Там личность ищет и обретает себя в революции. Здесь — исходит из революции, социализма, человеческой свободы, отделяет себя и обретает себя и человечество — в космосе и свободе...»

Как видно по датировкам, сделанным поэтом в рукописях, над отдельными стихотворениями он работал тщательно и долго — редактировал, улучшал и писал новые, взамен прежних, строфы, оставлял и снова возвращался. Работа подчас продолжалась в течение нескольких лет.

В 1901 году Райнис приступил к работе над стихотворениями «У вечерней реки» (окончено в 1909) и «Танец земли» (первоначальное название «Долина слез»; окончено в 1909).

1902 — начато «Пламя привета» (окончено в 1908), «Постоянство дней» (окончено в 1907), «Раньше времени»; начато стихотворение «Всесильный», работа над которым продолжалась почти до конца 1903 года, перерабатывалось и редактировалось в 1910 и 1912 годах. В 1903 году в рукописи сделана следующая запись: «Прошлое стоит всечасно за спиной, но оно есть такое будущее, оно хочет быть всем — быть судьбой, пусть я ее продукт, но я не хочу этого. Хочу быть самим собой. Хочу бороться против судьбы». (Варианты названий: «Образ», «Великан», «Судьба» и др.)

1903 — «Одинокая сосна», «Биение сердца», «Детенышу Солнца», «Это счастье».

1904 — «Долг прошлого» (дописывалось в 1906, 1908, 1909 годах), «Тяжесть», «Чудо тихого дня», «Полуденный отдых косаря», «Разбитая чаша» (окончено в 1910), «Поздняя гостья (первые две строфы 1904, следующие две — 1908, последние — 1912), «Дерево в чистом поле», «Ночь на горе» (первые две строфы — 1904, третья — 1906, четыре последующие — 1912), «Конец и начало» (работал долго, начато в 1904 году, возможно, ранее — в Слободском; дописывал, дорабатывал в 1908, 1909 годах, закончил 10 августа 1912 г.).

1905 — «День-деньской» (окончил в 1906), «Бедная бабочка», «Мальчик и солнце», «Нелюбимый» (окончено в 1909, первоначальные названия — «Сироте», «Младший брат»), «Оставленный в болоте» (закончено в 1907), «Пески моря», «Море страданий», «Милые слова» (доработано в 1908), «Сумрак» (окончено в 1908), «Падающие звезды» (продолжал работать в 1908 году, окончил в 1909), «Поэт неба» (окончено в 1908), «Пчелиный рой» (редактировалось в 1908).

1906 — «Кокле ветра» (варианты названий — «Тихая звезда», «Кроткая звезда»), «Играющее на струнах» (окончено в 1912), «Полдень», «Мое озеро», «Давняя знакомая», «Душистая мечта» (окончено в 1912), «Залог вечности» (окончено в 1912, первоначальное название «Росток жизни»), «Трон солнца», «На той стороне» (первоначальный вариант — «Повседневность», «Отвлечение от повседневности»), «По кругу» (окончено в 1912), «За тенями», «Воплощенная душа» (первая строфа написана в 1906, остальные — в 1910), «Три приметы».

1907 — «Крик нырка», «Роса и ягоды», «Слова оврага», «Вишня и луг» (окончено в 1912), «Алмаз» (первоначальное название «Тебе», «Твое сердце»), «Под кипарисом», «Сухая сосна», «Охапка зелени» (окончено в 1909), «Этот день» (последние две строфы — в 1909), «Дорогой гость» (последняя строфа — в 1908, первоначальное название — «Гость грядущего»), «Тайна» (писалось также в 1908, 1909 годах), «Колыбель» (окончено в 1910).

1908 — «Salve!» (доработано 9 сентября 1912 года), «Val orba» (окончено 16 августа 1912 года) «Единственный друг», «Цельный человек», «Мои враги», «Мои друзья», «Сам», «Голос и отголосок», «Плески моря», «Со временем», «Погост сердца», «Страдание», «Ночная роса», «Утешение», «Сон в лихорадке» (окончено в 1909), «Немой дом» (первоначальное название «Дом без души»), «Молодые кони» (окончено в 1910), «Создатель», «Нетленность», «Странник» (окончено в 1912).

1909 — «За черными рядами строк...» (окончено в 1912), «Зачинщик непокоя», «Qui si sana», «Моросит...» (окончено в 1910), «Чаша с драгоценностями», «Долина солнца», «В лодке», «Жажда» (окончено в 1912), «В поздний полдень», «Щедрая рука», «Свет» (окончено в 1912), «Отсвет» (окончено в 1912), «С утра» (окончено в 1912), «Розочка» (окончено в 1912), «Fiammetta», «Колючки смеха», «Танец без шагов» (окончено в 1912), первоначальные варианты — «Воздушные круги», «Воздушный танец», «Подруга и друг», «Сто пожеланий», «Твои глаза», «Вопросы девушки» (окончено в 1912), «Солнце на ладонях»,

«Сиротливая скала» (окончено в 1912), «Лучшая школа», «Ночи моря» (первоначальный вариант — «Умеренный»), «Живая жизнь» (первоначальное название — «Толпа», «Настоящая жизнь»), «Взаймы» (окончено в 1910), «Юному другу» (окончено в 1910, подзаголовок в рукописи «Поэтам»), «Пролетарий-атлант» (первоначальное название — «Народу», «Несущий»), «Вопрос» (окончено в 1910, первоначальное название «Большой вес»), «Стебельки травы», «Несправедливость», «Молодые сестры», «Медленное жало», «Игра», «Созревшее яблоко», «Чирик! Чирик!» (первоначальное название «На конце ветки»), «Pietà», «Три смерти и жизнь», «Логово волка», «Два смеха», «Притоки», «Когда ...», «Мост», «Черная вода» (окончено в 1910 году, первоначальное название «Чуждый мир»), «Закон», «Счастье ветра», «Одиночество», «Березовые сережки» (окончено в 1910), «Когда ночь», «Несомкнутое кольцо», «Порог», «Росток» (редактировал в 1910 году, первоначальное название «Одинокому другу»), «Живой», «Вели и души», «Природа и душа», «Цели существа» (первая строфа написана в 1909, вторая — в 1912), «Страхи существа» (окончено в 1912).

1910 — «Лето», «Озеро ночью», «Весенним утром», «Вместе», «Я все решил заранее», «Еще весна была вначале», «Спутница», «У окна» (окончено в 1912 году), «Дающему», «Актеон», «Труд и радость», «Притихшая ветвь», «Скрипач и забвение» (окончено в 1912), «Ленивый ученик» (окончено в 1912), «Старая колыбельная» (окончено в 1912), «Отчалившая лодка», «Холодная ночь», «Здесь и там», «Расту, ища лесов прикосновенья...» (окончено в 1912), «Зеленое вино», «Под деревом», «Заколосившееся поле», «За воротами», «Моя радость».

1911 — «Долгожданное письмо» (окончено в 1912), «Genoveva», «Случайный миг».

1912 — «Тебе, класс основной!», «От снов несбыточных...», «Змеиные ягоды», «Сотни лет», «Втайне», «Жизни существа», «Старые боли».

Не известны даты стихотворений; «Я слышу издалека...», «Одиночество мира», «Бесстрастие», «Один атом» (первоначальные названия — «Большой круг», «Атом»).

AVE SOL!

Впервые поэма «Ave sol!» («Здравствуй, солнце!») была издана в Риге в 1910 году. С того времени на латышском языке поэма выходила десять раз, а также неоднократно включалась в избранные произведения Райниса на русском языке. Отдельной книгой на русском языке выходила в рижских изданиях — 1950 год в переводе Н. Павлович, 1967-й — в переводе В. Елизаровой.

По свидетельству самого поэта, он начал поэму еще во время Слободской ссылки. Тогда были созданы первые песни и дано первоначальное название «Песнь о солнце». Работу возобновил только в эмиграции. С набросками нового произведения Райнис начал работать в Швейцарии. 5 июля 1906 го-

да, намечая план заключительной части поэмы, поэт писал: «Песнь солнца кончается с наступлением грозы, которая тоже — результат труда солнца. После чего — тихо серебрится свет, а воздух свеж и полон озона».

В 1906 году Райнис закончил главы «Ранний восход» и «Праздник жизни». Пролог поэмы был написан в марте — апреле 1907 года, а заключительная глава — «Поздний закат» — в мае — июне 1908 года. Первые фрагменты поэмы были опубликованы в журнале «Аусеклис» под названием «В лучах солнца». Окончательное название поэма получила в Кастаньоле во время одного народного празднества, когда, по словам Райниса, он «вспомнил давно позабытое латинское приветствие».

На страницах рукописи находим ссылки на древнеегипетские, вавилонские, греческие, итальянские гимны и песни, посвященные солнцу. На отдельных страницах рукописи поэмы Райнисом сделаны записи латышских народных дайн о солнце-матери, солнце, жалеющем сирот, дарующем жизнь и красоту. Солнце в творчестве Райниса — источник великих жизненных сил, оказывающих влияние на развитие природы, общественной жизни, человеческой сущности.

«Солнце созидает все силы Земли, пробуждает ее внутреннюю дремлющую энергию, оплодотворяет все зародыши, которые существуют в земном лоне, создает семена, все взращивает, побуждает к самостоятельной жизнедеятельности»,— писал поэт в одном из черновых набросков поэмы. В других заметках подобного характера солнце у Райниса является символом, который выражает диалектические преобразования как в человеческом мышлении, так и общественной жизни.

«Духовное солнце — обновление жизни, преобразование ее, созидание новой культуры — идеальный дух, соц⟨иализм⟩, который является гуманизмом, он, как солнце, побуждает к новой жизни, заставляет пахать, сеять, цвести и плодоносить».

Записи на страницах рукописи поэмы свидетельствуют о том, что Райнис отождествлял восход солнца и приход весны с революцией:

«Революция — расцвет в смене исторических эпох; револ⟨юция⟩ — самый быстрый и наиболее глубокий процесс разв⟨ития⟩. Высш⟨ий⟩ принцип: вечное движение».

Райнис неоднократно говорит о вере в солнце, как о глубоко научной вере в развитие жизни, в безграничность вселенной и в прекрасное. Взвешивая и отбирая всевозможные варианты заключительной части поэмы, Райнис останавливается не на задуманной поначалу картине «после грозы», а дает величественно прекрасное изображение солнца в беспредельном космическом потоке, во всеобъемлющем единстве вселенной.

«В конце поэмы солнце утверждает духовное начало, власть духа над самим собой, отворяет ему все небеса, доверяет самое интимное, свою глубинную суть, как близкому другу, как любимому существу, перед которым открывается до конца, оно выворачивает себя наизнанку, желая сделаться его достойным. Солнце показывает, что само оно не всесильно, что само зависимо,

само такая же песчинка, как «я», оно велико только благодаря тому, что утверждает все окружающее его, растрачивает себя, отдавая в мировое пространство тепло и силу, открывает всем глаза, сливается со всеми, стремится достигнуть высот и помогает это сделать другим, чтобы вместе вырваться к центральному солнцу, захватить всю вселенную и осветить ее».

Воздавая хвалу животворящей и бесстрашной силе солнца, поэт раскрывает в поэме свой нравственный идеал, который он надеется увидеть осуществленным в обществе будущего.

«...Солнце разрешает все проблемы, маленькое «я» примиряет с огромным мирозданием, готово на добровольную гибель во имя всех. Солнце само все делает, делайте и вы то же самое, изменяйте свою собственную судьбу, природа только делает вид — природа расточительна, оберегайте, щадите индивидуальность, боритесь все вместе против природы и смерти. Живите на солнце, довольно думать, сидя в темных углах».

И, наконец, поэма является полемикой с теми, кто рассматривал поражение революции Пятого года как свидетельство того, что всякая предпринимаемая борьба обречена. «Револ(юция) окончательно не побеждает никогда, а только продвигает вперед»,— делает Райнис запись и добавляет, что как год сменяется годом, так на смену одной революции приходит другая. В неопубликованном варианте поэмы Райнис высказывается еще конкретнее, нежели в опубликованном — цензор вычеркнул из тринадцатой песни главы «Праздник жизни» образ пробужденного революцией трудового народа.

ПЯТЬ ЭСКИЗНЫХ ТЕТРАДЕЙ ДАГДЫ

Замысел «Романа о Дагде» возник в швейцарской эмиграции и там же начал постепенно осуществляться. В 1920 году Райнис возвратился на родину с тремя новыми поэтическими сборниками, которые сразу же были выпущены в свет издательством А. Гулбиса — порознь — «Addio bella!», «Вещание змеи», «Домой» — и вместе в однотомнике под названием «Три круга». «Серебристый свет», вышедший в 1922 году, Райнис наименовал второй частью тетрадей Дагды, а после выхода в свет в 1925 году книги «Дочь луны», старая разбивка сборников была отвергнута, и собрание произведений получило окончательное название — «Пять эскизных тетрадей Дагды».

«Дочь луны» — последний сборник стихотворений, не считая детских, вышедший при жизни поэта.

В предисловии к первому изданию 1925 года всех пяти книг одновременно поэт писал:

«...Теперь единство книги подчеркивается тем, что это — роман Дагды. Единство поначалу ощущалось, как единство внутреннее, как история Дагды, которая свершается во взаимоотношениях его души с внешним миром. Форма романа была избрана не сразу. Стихотворения возникали сами

по себе, как из земли растет трава — без искусственного отбора со стороны садовника. В стихотворениях, будто на страницах дневника, выражались последовательность душевных переживаний. Порой они нечаянно переплетались, чтобы снова разбрестись, развивать то, что уже было сказано, дальше. Наконец, когда представилась возможность оглянуться на пройденный путь, оказалось, что написан роман о жизни одного человека, создано органически единое творение.

Автор должен принести извинения за подобную форму романа, ибо он совершенно отошел от общепринятого для такого рода произведений. «Пять эскизных тетрадей Дагды» правильнее было бы назвать романом становления, потому что читатель имеет возможность проследить за всеми этапами этого становления. Не плохо было бы подогнать этот роман под рубрику «роман в стихах», но и это не годится. «Роман в стихах» отображает обстоятельства и события, связанные с местом и временем, отображает эпически — точно так же, как и роман в прозе; здесь же напротив, душа выражает себя непосредственно в стихотворениях и отбрасывает какое бы то ни было изложение событий в стихотворениях; не медлительный и непрерывный эпический поток, а отдельные, особо выделенные моменты».

ADDIO BELLA!

Первое издание книги было осуществлено в 1920 году. Выходила в свет на латышском языке всего четыре раза.

В книгу автор включил стихотворения, написанные в период с 1907 по 1920 год, но вплотную к работе Райнис приступает в 1916 году, когда окончательно принимает решение относительно идейной направленности сборника, его основных проблемах. В первоначальных черновых набросках сборник фигурирует под названиями — «На юге», «Солнечный замок», «Зеленый замок». 26 декабря 1917 года Райнис набросал обстоятельный план сборника, хотя еще не была найдена основная конфликтная ситуация этой своеобразной новеллы.

«На юге» представляет собой поэтические новеллы. Весь материал подается в форме дневниковых записей и песенных фрагментов. Поэт-революционер, эмигрант, погибает на чужбине. Что удерживает его от возвращения на родину?.. Любовь? Болезнь? Природа? Если так, тогда он был бы плохим революционером».

К окончательной концепции трагедии Дагды Райнис приходит в 1925 году, когда эскизы уже завершены полностью: первая книга — интимного звучания рассказывает о любви эмигранта Дагды к итальянской девушке Оливии, являющейся олицетворением народа Италии:

«Его привлекает удивительная, прекрасная природа Италии, красивые, приветливые итальянцы; любовь к Оливии заполняет его душевную пустоту, разрушает одиночество и заставляет приобщиться к европейской жизни;

его судьбу нужно отобразить в нескольких этапах; Оливия умирает, его связи с жизнью обрываются».

«Addio bella!» звучит как изъявление любви и признательности поэта к Швейцарии, за ту доброту, которую проявила эта страна к эмигрантам в тяжелые годы изгнания.

Райнис использует стихотворные формы итальянской поэзии, а также народные песни: часто вставляет между стихотворениями топонимические наименования, которые призваны дать представление о скитаниях Дагды по живописной гористой стране, о местах, связанных с Оливией. Все это особенно ярко воспроизводит итальянский колорит. Через отношение Дагды к Италии Райнис высказывает собственное отношение к Швейцарии, своей «второй родине».

Время написания стихотворений подчас очень трудно установить, как вообще трудно установить границы между отдельными стихотворениями, обнаружить, где кончается одно и начинается другое. Местами одно поэтическое настроение или тема переданы в строках и строфах, писавшихся в разное время и в течение нескольких лет и только позже сложившихся воедино.

Из стихотворений, написанных еще в 1905 году, как созвучное настроению, взято открывающее сборник стихотворение «Темно, тревожно...» (первоначальный вариант названия «После оконченного труда»).

В 1906 году написано стихотворение «Платана могучие корни».

1907 — «Monte Generoso», II стих; 1909 — I и IV; 1910 — VI; 1912 — III; 1920 — V.

«Мне бы в трудную минуту...», 1907 — II стих; 1910 — III; 1920 —I; «Ты держишь в маленькой руке...» (окончено в 1920), «Дым черный медленно средь гор...» (дорабатывалось в 1908, 1910, 1916, 1918 годах), «Так долго, медленно...», «Ряды друзей моих...», «Мне думалось,— туче ползти и ползти...» (окончено в 1920).

1908 — «Как утро начинать с тяжелым сердцем...» (окончено в 1912), «Ночью гром проходит прямо мимо дома...».

1909 — «A rivederci!» (окончено в 1920), «Развалины опутал плющ густой».

1910 — «Fior di Maggio», «Ты видишь, padre...».

1912 — «Воды полуживой...», «La rabbia» (окончено в 1920).

1913 — «Пустынь сомнений мне никак не покорить...».

1917 — «Вчера казалось мне обидно...».

1918 — «Золотая пыль на пепле». Заключительный афоризм написан еще в 1912 году.

1919 — «По ночам тоскуют звезды...».

1920 — «Когда проходит мимо красавица...», «О чем поют итальянские парни», «Одно только солнце восходит...», «Как луг зовет!», «Оливия...». Неизвестны даты написания стихотворений «На забытый мотив» (первая публикация в 1904), «Всей красоты источник...».

ВЕЩАНИЕ ЗМЕИ

Впервые книга вышла в свет в 1920 году. Издавалась на латышском языке четыре раза.

Замысел родился еще в годы эмиграции, существовал параллельно в философских раздумьях «Конца и начала», только в «Вещании змеи» акцентируются чисто личные проблемы индивида (одиночество, счастье, любовь).

В этой книге особенно сильно ощущается беспокойство поэта по поводу того, что в эмиграции он оторван от практической деятельности, от борьбы, от людей, которые его понимают и которым он необходим, неудовлетворенность прожитой жизнью. Жизнь уже клонится к закату, однако ему не удалось осуществить всех многочисленных замыслов и надежд. Рождается целый ряд стихотворений, глубоко прочувствованных, откровенных, очень личных, которые Райнис, однако, никогда не рассматривал как малозначительные. Индивид, по мнению поэта, даже в самых своих интимных чувствах и переживаниях родствен прочим индивидам, открывая свою душу, он и другим помогает понять самих себя.

«Грущу и предаюсь созерцанию, работа не движется, из того, что предполагал сделать, сделано мало, хотя эта самая грусть — тоже мой труд, самые страдания — моя маленькая борьба, сама беспомощность — моя сила, только воля без работы — не сила, наблюдая самого себя, наблюдаю всю вселенную, когда, находясь у себя, нахожусь у вас, отдавая себя, отдаю вам вас самих. Ища прекрасное, ищу себя и вас, и вселенную, и народ, и труд, и будущее»,— писал Райнис в своих заметках от 11 сентября 1909 года, которые позже были включены в материалы, относящиеся к сборнику «Вещание змеи».

В тяжелом внутреннем кризисе Дагды, наступившем после потери Оливии, Райнису видится самый подходящий материал, вокруг которого он группирует стихотворения о том, как одиночка ищет смысл жизни и приходит к последовательным, жизнеутверждающим выводам. «Новая философия здесь вся внутри. Эволюция происходит через сомнения»,— писал поэт в своих заметках от 17 июня 1916 года.

Внутреннему развитию этого поэтического сборника способствует диалог между лирическим героем и его безымянным собеседником, диалог, который ведется со всевозрастающей откровенностью, которая выхватывает личность из ее индивидуалистической скорлупы, помогает найти место в человеческой общности.

«...Почему у меня нет права жить? Почему меня преследует жизнь? — Нет, не о тебе речь. Не ради своего собственного блага ты рожден. Ты частица жизни и помимо своей воли. И когда ты восстаешь против жизни, это значит, что ты восстаешь против своего отца. Ты должен быть отцом, стражем жизни, ты должен оберегать ее...»

Во всем сборнике ощущается страстное желание одолеть влияние прежней прожитой несчастливой жизни. В черновых набросках явственно обозна-

чается тема, которая на склоне лет поэта преобладает в его лирике — мысль о возрождении, о начале новой жизни с новыми силами. Так, например, 4 мая 1916 года поэт писал:

«Нужно, чтобы наступила вторая молодость, которая могла бы все исследовать и восполнить. Но не может у меня у одного наступить вторая молодость — я слишком прочно сросся со всеми. Значит, все должны снова стать молодыми». В основе этого сборника лежит вера в победу трудового народа. 11 августа 1917 года в заметках к сборнику Райнис пишет следующее: «Спасение принесет основной класс. Не говорить специально, а только упомянуть в общих чертах».

Образ змеи с древних времен — символ смерти и жизни, поэтому такое название сборника, который непосредственно касается этих важных извечных проблем, кажется Райнису наиболее приемлемым.

В книгу включено одно стихотворение, написанное еще в 1901 году — «Бегство» (окончено 8 мая 1916 года).

1905 — «Это было так давно», «Тысяча плетей».

1907 — «Злая звезда» (окончено в 1916).

1908 — «Аромат поляны» (окончено в 1910).

1909 — «Милые улыбки» (писалось в 1911, 1916 годах), «Внешний мир» (окончено в 1918), «Холод мира» (окончено в 1918), «У преддверья земли» (окончено в 1916).

1910 — «Друзья ребенка» (окончено в 1916), «Старый ларь» (окончено в 1916), «Ворота» (окончено в 1916), «Страж жизни» (окончено в 1916).

1916 — «Детское горе» (писалось в 1917, 1918 годах), «Всежелающее», «Сады», «Осень», «Мне дано право на большое счастье», «Хватит уже отбывать барщину» (окончено в 1920), «Защитник» (окончено в 1917), «Стой, беглец!» (окончено в 1920), «Поток», «Великие круги» (окончено в 1917, первоначальное название «Главная философия»), «Дух-преобразователь» (окончено в 1920), «С той стороны», «Не только жить...» (окончено в 1917), «Вторая молодость».

1918 — «Глаза змеи», «Неперестраданное» (окончено в 1920), «Опять открываю крышку».

1920 — стихи, написанные главным образом в мае и июне (после возвращения на родину). «Я к солнцу поднялся...», «Верней товарища душа моя не знает...», «Против смерти», «Где змея укусила», «Ожидающееся чудо», «Сито звезд», «Что такое змея», «Отвратительное бремя», «Слова».

ДОМОЙ

Впервые книга издана в 1920 году. Всего на латышском языке издавалась четыре раза.

Впервые идея создать книгу стихотворений на тему «домой» появилась у Райниса по возвращении из Слободской ссылки. Одиннадцать стихотворе-

ний с таким названием были опубликованы в 1903 году в «Ежемесячнике Домашнего Гостя». В эмиграции появился также ряд стихотворений на тему «домой». Очевидно, эти стихи были вызваны расставанием с родиной в момент, когда поэт проезжал места, где родился, известно, что именно из этих мест, через Польшу, с помощью друзей Райнис отправился в эмиграцию.

В самом начале работы над сборником «Те, которые не забывают» Райнис также предполагал дать цикл «Из дому», однако основной замысел так широко разросся, что не вместил этот цикл в «Песни эмигранта». К темам возвращения на родину и воспоминаний детства теперь добавляется тема второй ссылки, присоединяются тяжелые переживания в годы эмиграции, усугубленные переживаниями, связанными с первой мировой войной, и мыслью, что возвращение на родину в период великого подъема 1905 года — всего лишь только сновидение ссыльного между двумя путями, ссылками — между той, что была, и той, что будет.

Этот мотив четко определился в набросках к сборнику от 7 февраля 1918 года: «Следовательно, содержание — возвращение домой, но уже в средине пути и в особенности в его конце — предвидение того, что придется снова и окончательно покинуть родину. На другом листке следующие слова: «Из дому — ритмич⟨еская⟩ проза, но с разнообразной рифмой; во всем четкий формализм (т. е. четкая форма.— *С. В.*). Символы: отъезд, пароход, железная дорога, радуга». Чувства: воспоминания детства. Природа: смена картин, панорама, дождь, радуга».

Окончательно план сборника определился только 10 марта 1919 года, когда появились разделы — «Домой», «Единственная картина», «Красное сновидение», «Мимо дома», «Бегущий». Однако изрядная часть стихотворений еще не готова — например, стихотворения раздела «Красное сновидение», которому придавалось особое идейное значение. Большая часть стихотворений была написана только в 1920 году. Среди материалов сборника сохранилась написанная рукой Аспазии записка, образно передающая настроения и переживания, которые определили общую тональность раздела: «Утренняя заря нового столетия своим алым потоком уже залила все духовные горизонты. Всюду пробуждение, всюду бодрое движение пробужденных от сна и приступающих к труду во имя будущего людей. Великий пахарь — общественная жизнь, гонит свой могучий исполинский плуг по миру и переворачивает нижние слои наверх, чтобы они приблизились к солнечному свету и смогли бы развернуть свои жизненные и плодотворные возможности».

В настоящем издании из книги «Домой» публикуются следующие стихотворения:

1903 — «Облачко, тая...», II часть стихотворения «Глянь, красота какая...», «Глянь на Волгу!», «Красота и даль, даль, даль», «Рассвет, рассвет!..», «Из города идешь ты в город...», а также до 1904 года написанное стихотворение «Дорога без конца».

1906 — «Неожиданно замерло сердце...», «Холм Фелькерзама», «Дом», «Озеро», «Застенок», «Мимо», «Нас обидели».

1907 — «Вот она, золотая Казань!».

1908 — «Уж ночь — мне страшно...», II часть стихотворения «Вот солнце, жизнь дарящее...».

1910 — «Вспыхнул ты...» (со вторым названием «Жизнь вселенной»).

1919 — «Домой! Домой!», «Сад», «Дочь луны», «Ты, поезд, увозишь меня...», «Внезапно просыпаюсь от толчка...», «Из стужи в холод...», «Жаворонок», «Новое».

1920 — «Огонь закручен в ночи инфернальной...», «Дым черный мне дорогу застилает...», «Поезд опять несется...», «Где покой?», «Жизнь — движение», «Мечта», «Убегающий».

Время написания стихотворений «На щедром солнышке погрейся...», «Церковь и кладбище», «Опять озеро» неизвестно.

СЕРЕБРИСТЫЙ СВЕТ

Впервые книга была опубликована в 1922 году. Отдельным изданием на латышском языке выходила трижды.

В основном написана поэтом в 1920—1921 годах, сразу же по возвращении в Латвию. Однако идея создания возникла еще в эмиграции. Дав сборнику подзаголовок «Фата-морганой года моей родины», Райнис, с одной стороны, подчеркивал отразившиеся в книге чувства волнения и счастья, которые были вызваны возвращением из эмиграции, но с другой — чувства разочарования и горечи, которые вызывались неразрешимыми противоречиями в жизни буржуазной Латвии. В книге отчетливо звучат два мотива: радость Дагды, возвратившегося домой, и боль, оттого что родина все еще не свободна. В значительной мере сборник и композиционным построением, и идейным звучанием напоминает первую эскизную тетрадь Дагды. Снова носительницей гуманизма, идеала светлого будущего, символом духовной силы родины и красоты избирается женщина. В одной из записей от 15 мая 1921 года Райнис прямо указывает: «Я искал разные символы, в преданиях, в истории, тут — в женщине. А также в самом себе».

В тяжелой послевоенный период, отмеченный безудержной тягой буржуазии к обогащению, коррупцией, спадом общественной жизни, Райнис в своем творчестве провозглашал этические идеалы, «веру в солнце», веру — в женщину-мать, хранительницу жизни и красоты. В заметках, относящихся к «Серебристому свету», от 29 марта 1921 года Райнис сформулировал основную его идею:

«Хвала всесозидающему солнцу, да пребудет так всегда. Вера в солнце. Новое понимание любви... Женщина и надежда. Женщина в новой роли. Полноценный человек, который, будучи в отчаянном положении, все-таки побеждает. Пусть пора расцвета не останется без плодов».

В настоящее избранное включены следующие стихотворения:

1909 — «Тогда цветы...», «В долине все цветет, все зеленеет», «Окутан солнца золотою сенью», «Две звезды».

1915 — «Одна звезда».

1917 — «Как за лесом, за горою...».

1918 — I часть стихотворения «Сегодня воздух с морем перемешан...» (II часть — 1921 год).

1919 — «Смеешься ты...».

1920 — «Ни одна загадка не разгадана...», «Утро только занялось...», «Летает ворон с чайкой белой», «Мотылек золотой, как тебя не любить?..», «Не чудо ль на столе моем...», «Тяжелые ты веки опустила...», «Вновь на борьбу», «Ходят люди мимо дома», «Все счастье в жизни женщины мне дали...», «Сквозь смертный сон...».

1921 — «Вы — родина и жизнь...», «Так робко сыплет редкий снег...», «Волны плещутся бурливо...», «Лишь боль мне юным сердце сохранила...», «Вишневой косточке», «Я всех любил вас равною любовью...» (первоначальное название «Любовные размышления»), «Я голубем вернулся раньше срока...», «Осыпались цветы в одно мгновенье...», «Целуй меня, как я тебя целую...», «Я ухожу... какое испытанье!..», «Смети весь мир...».

ДОЧЬ ЛУНЫ

Впервые книга была издана в 1925 году. Отдельным изданием на латышском языке выходила дважды.

Над этим сборником Райнис интенсивно работал в 1923—1924 годах. В значительной мере здесь слышны те же мотивы, что и в «Серебристом свете». Так 25 мая 1924 года Райнис делает запись:

«Великая хвала... женственности, альтруизму, добросердечию, искренности. Красота, любовь, доброе сердце». В этой книге показаны чувства любви более сложные по своим оттенкам, тут уже имеют место противоречия между лирическим героем и его возлюбленной. Четко проводится мысль, что любовь не может разрешить всех сомнений, страданий и дать полноту жизни. В своих записях от 20 марта 1923 года поэт обращает внимание на обстоятельство, что книга «Дочь луны» будет отличаться довольно суровым колоритом: «...Только никакой веселости, ничего солнечного. Восхваление ночи».

30 июня он писал:

«Новеллы перемежаются афоризмами о любви, письмами и репликами в стихах. Возникло недоверие к тебе, следовательно, тебе нельзя верить. Оба не верят, любовь искусственная. Прекрасна и она, но настоящая ведь та, которая желанна. Все кончается расставаньем».

В нескольких набросках Райнис обосновывает необходимость расставания Дагды и Синиары, Дагда уходит прочь из родных мест, которые удручают его своей духовной узостью, ограниченностью и несбыточностью идеалов.

2 июля 1924 года он записывает: «Она освобождает его и уходит сама первая, взяв на себя все жертвы, и эту тоже. Они силятся доказать, что они могут идти вместе, потому что тогда острее решаются кризисные вопросы. Нет окончательного отречения от мира. Не приняв помощи от женщины, он идет на испыт⟨ания⟩. Когда бы пошел сразу же после «Серебр⟨истого⟩ света», тогда не узнал, что есть и мощные позитивные силы, воззрения, тогда пессимизм был бы ошибочен. Кризис в нем самом: нужно принести в жертву свое и ее счастье, чтобы понять самого себя и ее».

25 января 1925 года, когда составление сборника близилось к завершению, эта мысль была еще раз подчеркнута: «Не из-за ненависти... Не по своей вине, не из-за Оливии,— нет, он хочет разобраться в самом себе, все обдумать, прийти в себя, познать весь мир и более всего себя самого, отсюда найденный выход — бежать, чтобы возвратиться».

В сборнике немного стихотворений, относящихся к периоду эмиграции:

1909 — «Неумолкающий стон», «Ухожу к себе» (окончено в 1923).

1910 — «Истерзанный стон».

1912 — «Ломается судьба».

1922 — «Ночь, луна и звезды», «Имя мечты», «Душа без цветов».

В 1923 году создано самое большое количество стихотворений — «Воздушные грезы», «Пена», «Разрывающийся волосок», «Ты смеешь», «Первое письмо», «Воск в руке», «Третья жизнь», «Сказочная горошина», «Смертная девочка», «Неумирающая память», «Вновь зазеленевшие осенние листья», (начато в 1915) «Оливия», «Девочка луны в лодке», «Жизнь», «Слово любви», «Ладья луны», «Опьяненный луной», «Астры», «Случайность», «Нежные поцелуи», «Не умеешь любить», «Серебристое мерцанье», «Высь», «Когда приходит осень», «Безучастная красота природы», «Улыбки луны», «Связанное время», «Ночь об этом молчит», «Что такое ночь», «Беседа», «Слезы».

1924 — «Трепет клена», «Дорога в страну счастья». «Зажатое сердце», «Цветок тени», «Внезапное лето», «Где ты сам?», «Рука с перстнем».

1925 — «Прячу глаза от луны», «Путь журавлей», «Отражение», «Прощание» (impavidum ferient ruinae — изречение Горация).

Не известны даты стихотворений «Золотые капли», «Легкость и камень», «На зов любви отзовись», «Цепкий плющ».

ПЬЕСЫ

ОГОНЬ И НОЧЬ

Книжное издание драмы было осуществлено в 1918 году. Всего на латышском языке издавалась 15 раз. На русском языке была издана в 1920 году в переводе Й. Грунта, затем была переведена А. Муратовым, Вс. Рождественским. Включалась в ряд изданий избранных произведений Райниса на рус-

ском языке. Отдельной книгой в переводе Вс. Рождественского вышла в 1953 году в Латгосиздате, Рига.

К работе над пьесой Райнис приступил летом 1903 года по возвращении из Слободской ссылки. Осенью 1904 года «Старое сказание в новом звучании» было окончено. Внешним поводом создания драмы явился объявленный конкурс на оперное либретто. Материалом для драмы послужил эпос Андрея Пумпура «Лачплесис», в основу которого в свою очередь были положены народные сказания о борьбе с немецкими завоевателями в XIII столетии в Латвии.

Райнис использовал давно возникшую идею — показать жизнь в диалектическом развитии. Изобразить героев, которые являются носителями как движущих, так и тормозящих начал жизни в различные исторические эпохи. В 1908 году в письме критику Я. Янкаву Райнис, объясняя особенности своей драмы, писал: «Я хочу изобразить идеи в полный рост, в их развитии, диалектически (так они еще больше совпадают с человеком как носителем символа), подобно тому, как Маркс первый изобразил и пытался понять общество диалектически; этому я придаю большое значение, это я нахожу неосознанно, на ощупь, в собственном произведении».

К толкованию символики драмы Райнис обращался неоднократно.

Подробно о расшифровке символов Райнис говорил в письме к тому же критику Янкаву, от 12 августа 1908 года: «Лаймдота — идеал известного типа развития, меняющийся в каждом круге развития. Вместе с его достижением устанавливается мир и удовлетворенность... Конечно, на каждом этапе развития Лаймдота иная, но тенденция ее движения все та же... Спидола — противодействующая сила, которая ищет идеала выше, чем Лаймдота. Борьба Спидолы и Лаймдоты идет за идеал следующего круга развития... Лачплесис — рабочая сила на всех этапах развития, кажется, что он идет назад, в прежний круг, однако, нет — в более высокий».

В том же письме к Янкаву Райнис говорит, что прежде всего он намерен показать в пьесе «неугасающее чувство борьбы», что пьеса должна вызывать у читателя стремление к героизму; читатель должен понять, что и от него требуется самопожертвование, может быть, еще большее, ибо борьба только начинается. «Борьба, героизм, стремление к свободе — у меня есть все, именно исходя из этого следует понимать мою поэзию, а не идти путем научных объяснений и обоснований, которые без героической воли остаются не имеющим никакой ценности вздором... Психологически эта воля не существует без слабостей, потому что мне нужно было изобразить Лачплесиса».

Неоднократно Райнис говорил и о конкретном содержании символики «Огня и ночи»: «Если желаете иметь материальное воплощение, субстрат Лачплесиса, думайте о пролетариате». Разумеется, это не следует понимать буквалистски. «Спидола — воплощение культуры, искусства; Лаймдота — свободной, счастливой Латвии». Однако меняются исторические этапы, меняется и конкретная расшифровка символов. Поэт сам допускал несколько трактовок образов, в частности, Лачплесиса, Спидолы.

Так, в заметках от 3 ноября 1916 года он писал:

«Лачплесис — строитель, Спидола — мятежник», а в записках от 24 марта 1911 года сказано следующее: «Все объяснения Огня и Ночи, хотя подчас они противоречат одно другому, являются правильными и мне по душе, потому что символ или человек (символ самого себя) уже внутренне так устроен, что объединяет в себе противоречия природы вообще, которые в противном случае остались бы разъединенными и непостижимыми. Сущность жизни в единстве». В 1908 году Райнис подчеркивал: у поэтического творения «должна быть своя собственная органическая связь с независимой жизнью, с поэтом все обстоит так, как это бывает с отцом, который не в состоянии определить сущности сына».

В заметках к пьесе «Огонь и ночь» от 10 мая 1911 года Райнис дает подробное изложение взглядов, касающихся взаимоотношений и взаимозависимости Лачплесиса и Спидолы — человека и символа:

«Лачплесис повинуется цели, своим идеалам, Спидола только себе непосредственно, ее идеалы в потоке жизни — только собственное отражение. Она преодолевает оцепенелость Лачплесиса, видя в ней безжизненность. Но в конце концов будет побеждена Лачплесисом, ибо увидит, что этот идеал не вне Лачплесиса, не цель, а самая жизнь Лачплесиса. Идеал внутри нас есть наиболее яркое отражение нашей жизни, он определяет направление этой жизни, ее смысл. Оставаться верным идеалу, значит, оставаться верным самому себе. Идеал — душа жизни».

Появление драмы «Огонь и ночь» стало одной из ярчайших страниц истории латышского искусства и общественной жизни. Читатели познакомились с произведением в «Ежемесячнике Домашнего Гостя». В 1909 году к постановке пьесы приступил Новый Рижский театр. Однако, чтобы воссоздать драму во всем ее великолепии и полноте, театру потребовались огромные средства, которых у него не было. Театральная администрация обратилась в различные общества и к частным лицам за ссудой. В короткое время необходимая денежная сумма была собрана. Сохранились подписи пожертвователей, среди них — рабочие-металлисты, портовые рабочие, швеи и другие. Пьеса делала невиданные сборы. В 1914 году театр отметил сотую постановку «Огня и ночи». Заключительные слова Спидолы, обращенные к Лачплесису: «Твой путь к концу никогда не придет,— ведь я зову тебя только вперед!» — всякий раз звучали призывом к борьбе. В годы советской власти драма была впервые поставлена в 1947 году Государственным Художественным театром.

По мотивам райнисовской драмы композитор Янис Медынь создал оперу «Огонь и ночь».

ВЕЙ, ВЕТЕРОК!

Первое книжное издание пьесы было осуществлено в конце 1913 года. На латышском языке издавалась десять раз. Переведена на русский, немецкий, литовский, украинский, белорусский языки. «Вей, ветерок!» шел почти

во всех крупных латышских театрах, выдержал множество постановок на самодеятельной сцене. С 1947 года, то есть с момента гастрольной поездки Художественного театра им. Райниса в Москву, шел на сценах более ста советских театров.

Впервые идея написать такую пьесу появляется на страницах заметок Райниса в 1910 году. Речь идет о создании пьесы под названием «Лодочник». В статье «Жизнь и творчество», написанной в качестве предисловия к изданию пьесы в 1925 году, Райнис писал о смысле и задачах этого произведения: «Нужно обрести покой и избавиться от этих скорбных звуков родины, которые так упорно сопутствуют тем, которые находятся за ее пределами. Когда все существо насыщено этим чувством, рвущимся наружу, тогда нужен лишь небольшой толчок, побуждение извне, чтобы это чувство излилось в произведении и нашло бы себе выражение; но толчок этот необходим, ибо в противном случае чувство может и не излиться, прокиснуть».

Желание написать такое произведение вызвало письмо с родины — демократическое латышское благотворительное общество в Петербурге просило Райниса прислать для него пьесу к 35-летнему творческому юбилею. Письмо Райнис получил в октябре 1912 года, 2 и 3 марта 1913 года набросал план всех действий пьесы и с небольшими перерывами окончил работу к 27 августа. Премьера состоялась в Петербурге 6 октября 1913 года.

Черновых набросков и так называемых «творческих размышлений» по поводу пьесы весьма немного. Однако характерно, что в дневниковых записях поэта, относящихся ко времени работы над ней, имеется немало замечаний по поводу той огромной роли, которую играет любовь в формировании нового, духовно богатого, нравственно высокого человека, об огромной ее роли в становлении гармонической личности, о любви как животворной и воспитательной силе. Много и серьезно изучал Райнис народные песни, особенно песни о сиротской доле, в которых с предельной четкостью воплотились этические идеалы народа — добросердечие, самоотверженность, его представления о добре и зле.

«Хочу показать горожанам красоту и прелесть народных песен, которые они начали забывать», — писал поэт, имея в виду «Вей, ветерок!», в 1914 году режиссеру Фелиците Эртнер. И, однако, образы-персонажи этого райнисовского произведения перекликаются с персонажами мировой литературы. В рукописных заметках упоминается эстонский эпос «Калевипоэг», древнеиндийский драматург Калидаса, драма М. Халбе «Юность». В предисловии к изданию 1925 года есть такие слова:

«Помнится, моделью Байбини мне послужила картина одного сербского живописца; приходила на ум также сербская песня о робкой жене Азан-аги и ее трагедии; припоминались также рассказы о том, какими в прежние времена были чувствительными и стыдливыми наши латышские девушки».

Саулцерите Виесе

СОДЕРЖАНИЕ

Саулцерите Виесе. **Жизнь и творчество** Яна Райниса. *Перевод с латышского Л. Осиповой* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДАЛЕКИЕ ОТЗВУКИ В СИНЕМ ВЕЧЕРЕ

«...Вдали, за сотни сотен миль...» *Перевод Г. Горского* 25
«По зимним, снежным...» *Перевод Ал. Ревича* 25

За туманным окном

Человек и боль. *Перевод Г. Горского* 27
Зерна под жерновами. *Перевод Г. Горского* 27
Глубочайшие думы. *Перевод В. Брюсова* 27
Сам. *Перевод С. Липкина* 28
Суровая душа. *Перевод Ал. Ревича* 28
Блудный сын. *Перевод В. Бугаевского* 28

Смрадный воздух

Благодетель. *Перевод Ал. Ревича* 29
Практические советы. *Перевод Ал. Ревича* 29
Почтенный гражданин. *Перевод Г. Горского* 29
Песня нищих. *Перевод Г. Горского* 30
Бывший друг. *Перевод Ю. Абызова* 30
Пессимист. *Перевод Г. Горского* 31
Обыватель. *Перевод Ал. Ревича* 31
Любящие отечество. *Перевод Ал. Ревича* 32
Равнодушные. *Перевод Ал. Ревича* 32
Первые вестники. *Перевод Ал. Ревича* 33

На трехцветном солнышке

Былое. *Перевод Ал. Ревича* 33
Королевна. *Перевод В. Брюсова* 34
Крестьянин. *Перевод Ал. Ревича* 35
«Легко пророчить и гадать...» *Перевод Г. Горского* 35
Песня фабричной девушки. *Перевод Ал. Ревича* 35
Он это знал. *Перевод Г. Горского* 36
Размышления в ночь накануне нового века. *Перевод В. Бугаевского* 37
Слова. *Перевод Г. Горского* 42

Под темно-зелеными крыльями одиночества

Лик земли роса покрыла. *Перевод Г. Горского* 42
Светлое счастье. *Перевод Г. Горского* 43
Вечерний покой. *Перевод В. Брюсова* 43
Вечность. *Перевод В. Шефнера* 43
В кольце тумана. *Перевод Г. Горского* 44
Сердцу тяжко. *Перевод Г. Горского* 44
Стоны моря. *Перевод Вс. Рождественского* 45
Перед бурей. *Перевод Г. Горского* 45
Поздний вечер. *Перевод Ал. Ревича* 45
Предгрозье. *Перевод Ал. Ревича* 46

Ночные тени

Места нет. *Перевод Г. Горского* 47
Грезы весны. *Перевод Г. Горского* 47
Теплится жизнь. *Перевод В. Бугаевского* 47
В горную высь. *Перевод В. Бугаевского* 48
Наши дни. *Перевод Г. Горского* 48
На пороге вечности. *Перевод Г. Горского* 48

Золотая дымка

Вечное ожидание. *Перевод Г. Горского* 49
Под зеленою сенью. *Перевод Ал. Ревича* 49
Теплая волна дыханья. *Перевод Г. Горского* 50
Измятый цветок. *Перевод Г. Горского* 50
Синеватые искры. *Перевод Г. Горского* 50
За матовой вуалью. *Перевод Г. Горского* 51
Золотая дымка. *Перевод Г. Горского* 52
Мир был пустыней. *Перевод Ал. Ревича* 52
Моя тоска. *Перевод Г. Горского* 53

Канун весны

Звучащее пламя. *Перевод В. Брюсова* 53
Последний луч. *Перевод Ал. Ревича* 54
Единственная звезда. *Перевод Ал. Ревича* 56
Юности. *Перевод В. Бугаевского* 56
Золотистые листья. *Перевод С. Липкина* 57
Старые недуги. *Перевод В. Брюсова* 58
Сломанные сосны. *Перевод Ал. Ревича* 58
Вперед! *Перевод Ал. Ревича* 59
Элегия *(Памяти юноши). Перевод В. Бугаевского* 59
Заходит солнце... *Перевод Ал. Ревича* 60
Весенние дни. *Перевод Ал. Ревича* 60
Fiat justitia. *Перевод Г. Горского* 61
День Страшного суда. *Перевод Г. Горского* 64

Эпилог

Длинный путь. *Перевод В. Брюсова* 66

ПОСЕВЫ БУРИ

Весенняя песня

«Жребий брошен...» *Перевод Е. Великановой* 67
«Солнце землю пахало...» *Перевод В. Елизаровой* 67

Под весенним громом

Воющий ветер. *Перевод С. Липкина.* 67
Ледяная крепость севера. *Перевод Д. Виноградова* 68
Мехи ветра. *Перевод Т. Спендиаровой* 69
После долгого сна. *Перевод Л. Хаустова* 70
Так не останется! *Перевод С. Липкина* 70
Зеленая власть весны. *Перевод А. Глобы* 71

Призыв

Вестница-синичка. *Перевод Ю. Абызова* 71
Выходите! *Перевод А. Островского* 72
Дети сумерек. *Перевод Е. Великановой* 73
Грустная береза. *Перевод В. Елизаровой* 73
Дрожащее сердце. *Перевод Е. Великановой* 74
Опустошенная душа. *Перевод Т. Спендиаровой* 74
Большие глаза. *Перевод Вс. Рождественского* 74
Единым путем. *Перевод Ю. Абызова* 75
К морю! *Перевод Т. Спендиаровой* 75

Настежь ворота!

Клейменные смертью. *Перевод Е. Великановой* 76
Честный либерал. *Перевод Д. Виноградова* 76
Далекие отзвуки. *Перевод Вс. Рождественского* 77
Что ж сеятель тужит? *Перевод Ю. Абызова* 78
Зимнее подвечерье. *Перевод В. Елизаровой* 78
Время героев. *Перевод Б. Томашевского* 79

Мелькающие огни

Мелькающие огни. *Перевод Е. Великановой* 79
Китайские жрецы. *Перевод Б. Томашевского* 80
Нарыв. *Перевод Е. Великановой* 81
Что бы ни было. *Перевод Е. Полонской* 81
Новое время. *Перевод Д. Виноградова* 82
Через край. *Перевод Д. Виноградова* 82
Идет молодое племя... *Перевод Ю. Абызова* 83
В вечном созвучии. *Перевод Вс. Рождественского* 83

В красном свете

Тюремные стены. *Перевод Т. Спендиаровой* 84
Стань твердой, мысль! *Перевод В. Брюсова* 85
Первые жертвы. *Перевод Н. Павлович* 85
Могилы наших героев. *Перевод В. Елизаровой* 86
Отряд смерти. *Перевод Т. Спендиаровой* 86
Все-таки. *Перевод Вл. Невского* 87

ТИХАЯ КНИГА

«Перед новым боем...» *Перевод Г. Горского* 89
«На черных страницах книги...» *Перевод Ю. Нейман* 89

День усопших

Песня сестрицы. *Перевод Ю. Нейман* 90
Ржавая цвель. *Перевод Ю. Нейман* 91
Бедный брат *(Романс). Перевод М. Замаховской* 91
Невыразимая. *Перевод Г. Горского* 92
Красная нить. *Перевод Г. Горского* 93
Челн усопших *(Баркарола Даугавы). Перевод Г. Горского* 93

Северное сияние

Ранний путь. *Перевод Ю. Нейман* 94
Пылинка и время. *Перевод Г. Горского* 94

Великий покой. *Перевод Г. Горского* 94
Удивительный язык. *Перевод Ю. Нейман* 95
Легендарные люди. *Перевод Ю. Абызова* 96

Солнечные сумерки

«Трудно было после битвы солнцу...» *Перевод Г. Горского* 98

Переходное время

Наши дни. *Перевод Г. Горского* 99
Партия порядка. *Перевод Ю. Нейман* 100
Соглашатели. *Перевод Ю. Нейман* 100
Пляска смерти. *Перевод Ю. Нейман* 102
Современная интеллигенция. *Перевод Г. Горского* 102
Умеренному. *Перевод В. Брюсова* 103
Благодетель народа. *Перевод Г. Горского* 103
Твердое убеждение. *Перевод Г. Горского* 103
Старые истины. *Перевод Г. Горского* 103

Слова

Путь к новому. *Перевод Ю. Абызова* 104
О горечи. *Перевод Ю. Абызова* 104
О тишине. *Перевод Г. Горского* 104
О будущем. *Перевод Ю. Абызова* 105
О мелочах. *Перевод Ю. Нейман* 105
О величье. *Перевод Ю. Нейман* 105
«Но» и «все же!». *Перевод Ю. Абызова* 106
Источники силы. *Перевод Ю. Нейман* 106
Воля мира. *Перевод Г. Горского* 106
Patet janua, exi! *Перевод В. Брюсова* 107
Слева. *Перевод Ю. Нейман* 107

Грезы земли

«Мать Земля потрясена виденьем...» *Перевод Г. Горского* 107

День трудовой

«Время — прочь в закат!..» *Перевод Г. Горского* 109
Восход. *Перевод Ю. Нейман* 109
Новое зданье. *Перевод Ю. Нейман* 109
Колючка. *Перевод Г. Горского* 110
Сталь. *Перевод Ю. Нейман* 110
Каменный дом. *Перевод Г. Горского* 111
Опять ночь. *Перевод В. Брюсова.* 111
Берега Даугавы. *Перевод Г. Горского* 111
Сердце женщины. *Перевод Г. Горского* 112

Детские уста. *Перевод Вл. Невского* 113
Руки. *Перевод С. Шервинского* 113
К будущему. *Перевод Г. Горского* 115
Кровавая баня. *Перевод Ю. Нейман* 116
Счастливые юноши. *Перевод Вл. Невского* 116
Готовность. *Перевод Ю. Нейман* 119
Великий свет. *Перевод В. Бугаевского* 119

Павший в битве

«На гору теперь меня снесите...» *Перевод Вл. Невского* 120

ТЕ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАБЫВАЮТ

Осенняя песня

Веселья. *Перевод С. Липкина* 123

Прощание

Одна ночь. *Перевод С. Липкина* 124
Птица, листья и дождь. *Перевод Л. Осиповой* 124
Из окна вагона. *Перевод С. Липкина* 124
Опавшие листья. *Перевод С. Липкина* 125
Закрытая дверь. *Перевод С. Липкина* 125
Осенний закат. *Перевод Д. Самойлова* 126

А может быть?

Una barca. *Перевод Д. Самойлова.* 126
Затерявшийся в мире *(Песня деревенского мальчика на чужбине). Перевод Д. Виноградова* 127
Чужая девушка. *Перевод Д. Виноградова* 127
Далекие окна. *Перевод Д. Самойлова* 128

Пыль

«Горы, поля и долины...» *Перевод Л. Осиповой* 128
«Солнце так сверкает...» *Перевод С. Липкина* 129
«Берег озера седого...» *Перевод Л. Осиповой* 129

Фата-моргана

Гвоздика. *Перевод Д. Самойлова* 130
Пастушонок. *Перевод Л. Осиповой* 130
Капельки росы. *Перевод Д. Самойлова* 130
Литовская песня. *Перевод Д. Самойлова* 131
Из эстонских песен. *Перевод Д. Самойлова* 132
Юных дней моих земля. *Перевод Н. Асанова* 132
Минутное видение. *Перевод Вл. Невского* 133

Путь без дороги

«Мчался, мчался и умчался ветерок...» *Перевод С. Липкина* 134
Песня уходящей девушки. *Перевод Д. Самойлова* 134
Руками жесткими ласкать... *Перевод Л. Осиповой* 134
У яблони. *Перевод М. Замаховской* 135
Песня покинутой девушки. *Перевод Ю. Абызова* 135
Тает с запахом цветов. *Перевод Л. Осиповой.* 136
Памяти друзей. *Перевод Вл. Невского* 136
Прощание с товарищем, которого похоронили на чужбине. *Перевод Д. Виноградова* 136
Нет сил терпеть. *Перевод А. Ахматовой* 137
Наш вопрос. *Перевод С. Липкина* 137
Три дня. *Перевод А. Ахматовой* 137
Текучая вода. *Перевод Вл. Невского* 138
Вьюнок. *Перевод Вс. Рождественского* 139
Дым машины *(Воспоминания мальчика). Перевод С. Липкина* 140
Ночные видения. *Перевод Д. Виноградова* 141

Заоблачные цели

Родине. *Перевод Д. Самойлова* 141
Сильное поколение. *Перевод А. Ахматовой* 143
Первые плотники. *Перевод В. Шефнера* 143
Чуть вспомним о прошлом. *Перевод Ю. Абызова* 144
Несущие гроб. *Перевод Ю. Петрова* 144
Первое и последнее слово. *Перевод Ю. Абызова* 145
Знающие. *Перевод С. Липкина* 145
Путь героя. *Перевод Ю. Абызова* 145
Животворный свет. *Перевод Вл. Невского* 146
Одиночка. *Перевод Д. Самойлова* 146
На старом месте. *Перевод А. Островского* 146
Что я знаю. *Перевод Д. Самойлова* 146
Смерть народа. *Перевод Ю. Петрова* 147
Боль и надежда. *Перевод Д. Самойлова* 148
«То ль под осень жаворонки...» *Перевод Д. Самойлова* 148
Рыбари. *Перевод Н. Манухиной* 148
Искатели. *Перевод С. Липкина* 149
Большая родина. *Перевод Ю. Петрова* 149
Жизнь в переплавку. *Перевод Ю. Абызова* 151
Перекличка. *Перевод А. Глобы* 153
Все и один. *Перевод Ю. Абызова* 154

На вершине горы

Горы и душа. *Перевод Ю. Абызова* 156
Скиталец и гора. *Перевод Д. Самойлова* 156
Дума горы. *Перевод Д. Самойлова* 156
Брат мой. *Перевод Д. Самойлова* 157
Два залетных голубка. *Перевод Ю. Петрова* 157
Кукушка. *Перевод Л. Осиповой* 158
Лесной голубь. *Перевод Л. Осиповой* 158
Пути песенки. *Перевод Ю. Петрова* 159
Сквозь лес. *Перевод Д. Самойлова* 160
Никогда. *Перевод Д. Самойлова* 160

КОНЕЦ И НАЧАЛО

Зимняя песня

Тебе, класс основной! *Перевод В. Елизаровой* 161
«Проснувшись, я узнал...» *Перевод В. Елизаровой* 161
«Я слышу издалека...» *Перевод В. Елизаровой* 161
«За черными рядами строк...» *Перевод В. Елизаровой* 162
«От снов несбыточных...» *Перевод В. Елизаровой* 162
«Поет негромко ветра...» *Перевод В. Елизаровой* 163
Крик нырка. *Перевод В. Елизаровой* 163
Роса и ягоды. *Перевод В. Елизаровой* 164
Одинокая сосна. *Перевод В. Елизаровой* 164
Зачинщик непокоя. *Перевод В. Елизаровой* 164
Кокле ветра. *Перевод В. Елизаровой* 165
Долг прошлого. *Перевод В. Елизаровой* 165
Биение сердца. *Перевод В. Брюсова* 166
Тяжесть. *Перевод В. Елизаровой* 166
«Расту, ища лесов...» *Перевод В. Елизаровой* 167
Лето. *Перевод В. Елизаровой* 167
Salve! *Перевод А. Ахматовой* 167
Qui si sana. *Перевод В. Елизаровой* 168
Слова оврага. *Перевод В. Елизаровой* 168
Играющее на струнах. *Перевод В. Елизаровой* 168
Моросит... *Перевод С. Шервинского* 169
Чаша с драгоценностями. *Перевод А. Ахматовой* 169
Полдень. *Перевод М. Голодного* 169
Мое озеро. *Перевод В. Елизаровой* 170
Детенышу солнца. *Перевод В. Елизаровой* 170
Долина солнца. *Перевод В. Елизаровой* 170
Val orba. *Перевод В. Бугаевского* 171
В лодке. *Перевод М. Замаховской* 171

Чудо тихого дня. *Перевод В. Елизаровой* 171
Жажда. *Перевод Л. Осиповой* 172
В поздний полдень. *Перевод В. Елизаровой* 172
Озеро ночью. *Перевод В. Елизаровой* 173
«И соловей зовет меня...» *Перевод В. Елизаровой* 173
Вишня и луг. *Перевод Г. Шенгели* 173
Щедрая рука. *Перевод А. Ахматовой* 173
Единственный друг. *Перевод В. Елизаровой* 174
Весенним утром. *Перевод В. Елизаровой* 174
Давняя знакомая. *Перевод В. Елизаровой* 174
Душистая мечта. *Перевод В. Елизаровой* 175
День-деньской. *Перевод В. Елизаровой* 175
Бедная бабочка. *Перевод В. Елизаровой* 176
Вместе. *Перевод В. Елизаровой* 176
Свет. *Перевод В. Елизаровой* 176
Отсвет. *Перевод В. Елизаровой* 177
Я все решил заранее. *Перевод В. Тушновой* 177
С утра. *Перевод В. Елизаровой* 178
Долгожданное письмо. *Перевод В. Елизаровой* 178
Розочка *(Песня девушки)*. *Перевод В. Елизаровой* 178
Fiammetta. *Перевод С. Шервинского* 179
Мальчик и солнце. *Перевод В. Елизаровой* 180
Еще весна была вначале. *Перевод А. Ахматовой* 181
Колючки смеха. *Перевод В. Елизаровой* 181
Танец без шагов. *Перевод В. Елизаровой* 181
Полуденный отдых косаря. *Перевод В. Елизаровой* 182
Подруга и друг. *Перевод В. Елизаровой* 182
Сто пожеланий. *Перевод В. Елизаровой* 183
Это счастье. *Перевод В. Елизаровой* 183
Твои глаза. *Перевод В. Елизаровой* 183
Пламя привета. *Перевод С. Шервинского* 184
Вопросы девушки. *Перевод В. Елизаровой* 184
Спутница. *Перевод В. Елизаровой* 185
У окна. *Перевод В. Елизаровой* 185
Солнце на ладонях. *Перевод В. Елизаровой* 185
Сиротливая скала. *Перевод В. Елизаровой* 185
Залог вечности. *Перевод В. Елизаровой* 186
«И буря мне трубит...» *Перевод В. Елизаровой* 186
Цельный человек. *Перевод В. Елизаровой* 186
Мои враги. *Перевод В. Брюсова* 187
Мои друзья. *Перевод В. Брюсова* 187
Лучшая школа. *Перевод В. Елизаровой* 187
Дающему. *Перевод В. Елизаровой* 187
Нелюбимый. *Перевод В. Елизаровой* 188

Оставленный в болоте. *Перевод В. Елизаровой* 188
Актеон. *Перевод В. Елизаровой* 188
Сам. *Перевод В. Елизаровой* 188
Пески моря. *Перевод В. Елизаровой* 189
Плески моря. *Перевод В. Елизаровой* 190
Ночи моря. *Перевод В. Елизаровой* 190
Голос и отголосок. *Перевод В. Елизаровой* 190
Труд и радость. *Перевод В. Елизаровой* 191
Живая жизнь. *Перевод В. Елизаровой* 191
Разбитая чаша. *Перевод В. Елизаровой* 191
Взаймы. *Перевод В. Елизаровой* 192
Юному другу. *Перевод В. Елизаровой* 192
Алмаз. *Перевод Г. Шенгели* 192
Пролетарий-атлант. *Перевод В. Елизаровой* 192
Вопрос. *Перевод В. Елизаровой* 193
«Но близок мне голубки голос...» *Перевод В. Елизаровой* 193
Постоянство дней. *Перевод Л. Осиповой* 193
Под кипарисом. *Перевод Л. Осиповой* 194
Сухая сосна. *Перевод В. Елизаровой* 195
Стебельки травы. *Перевод В. Елизаровой* 195
Несправедливость. *Перевод В. Елизаровой* 195
Молодые сестры. *Перевод В. Елизаровой* 196
Genoveva. *Перевод В. Елизаровой* 196
Охапка зелени. *Перевод С. Шервинского* 196
Со временем. *Перевод В. Елизаровой* 198
Погост сердца. *Перевод В. Елизаровой* 198
Страдание. *Перевод В. Елизаровой* 199
Море страданий. *Перевод В. Елизаровой* 199
У вечерней реки. *Перевод В. Елизаровой* 200
Милые слова. *Перевод В. Елизаровой* 200
Случайный миг. *Перевод В. Елизаровой* 201
Медленное жало. *Перевод В. Елизаровой* 201
«Но затаился в страхе...» *Перевод В. Елизаровой* 201
Сумрак. *Перевод Л. Осиповой* 202
Раньше времени. *Перевод В. Елизаровой* 202
Игра. *Перевод В. Елизаровой* 203
Трон солнца. *Перевод В. Елизаровой* 203
Притихшая ветвь. *Перевод В. Елизаровой* 204
Созревшее яблоко. *Перевод В. Елизаровой* 204
Чирик! Чирик! *Перевод В. Корчагина* 204
Pietà! *Перевод В. Елизаровой* 205
Скрипач и забвение. *Перевод В. Елизаровой* 205
Падающие звезды. *Перевод В. Елизаровой* 206
Три смерти и жизнь. *Перевод В. Елизаровой* 207

Логово волка. *Перевод В. Елизаровой* 207
Ночная роса. *Перевод В. Елизаровой* 207
Утешение. *Перевод В. Елизаровой* 208
Змеиные ягоды. *Перевод В. Елизаровой* 208
Два смеха. *Перевод В. Елизаровой* 208
Притоки. *Перевод В. Елизаровой* 209
Когда ... *Перевод В. Тушновой* 209
На той стороне. *Перевод В. Елизаровой* 209
Сон в лихорадке. *Перевод В. Елизаровой* 210
Ленивый ученик. *Перевод В. Елизаровой* 210
Мост. *Перевод В. Елизаровой* 211
Старая колыбельная. *Перевод В. Елизаровой* 211
Этот день. *Перевод В. Елизаровой* 212
Отчалившая лодка. *Перевод В. Елизаровой* 212
«И все-таки то не конец...» *Перевод В. Елизаровой* 213
Поздняя гостья. *Перевод В. Елизаровой* 213
По кругу. *Перевод В. Елизаровой* 214
Черная вода. *Перевод В. Елизаровой* 214
Сотни лет. *Перевод В. Елизаровой* 214
Втайне. *Перевод В. Елизаровой* 215
Закон. *Перевод В. Елизаровой* 215
Счастье ветра. *Перевод В. Елизаровой* 215
За тенями. *Перевод В. Елизаровой* 216
Бесстрастие. *Перевод В. Елизаровой* 216
Немой дом. *Перевод В. Елизаровой* 217
Холодная ночь. *Перевод В. Елизаровой* 217
Дерево в чистом поле. *Перевод В. Елизаровой* 217
Одиночество. *Перевод В. Елизаровой* 218
Здесь и там. *Перевод В. Елизаровой* 218
Березовые сережки. *Перевод В. Елизаровой* 219
Когда ночь. *Перевод В. Тушновой* 219
Ночь на горе. *Перевод В. Елизаровой* 219
«Расту...» *Перевод В. Елизаровой* 221
Зеленое вино. *Перевод В. Елизаровой* 221
Под деревом. *Перевод С. Шервинского* 222
Молодые кони. *Перевод В. Елизаровой* 222
Дорогой гость. *Перевод В. Елизаровой* 222
Несомкнутое кольцо. *Перевод В. Тушновой* 223
Воплощенная душа. *Перевод В. Елизаровой* 223
Порог. *Перевод В. Елизаровой* 223
Росток. *Перевод В. Елизаровой* 224
Создатель. *Перевод В. Елизаровой* 224
Живой. *Перевод В. Елизаровой* 224
Нетленность. *Перевод В. Елизаровой* 225

Поэт неба. *Перевод В. Елизаровой* 225
Заколосившееся поле. *Перевод С. Липкина* 226
Три приметы. *Перевод А. Ахматовой* 226
Странник. *Перевод Л. Осиповой* 226
Пчелиный рой. *Перевод В. Елизаровой* 228
За воротами. *Перевод В. Елизаровой* 229
«Расту, расту, опять расту...» *Перевод В. Елизаровой* 229
Один атом. *Перевод В. Елизаровой* 229
Моя радость. *Перевод В. Елизаровой* 231
Тайна. *Перевод В. Елизаровой* 231
Танец земли. *Перевод В. Елизаровой* 232
Вели и души. *Перевод В. Елизаровой* 233
Природа и душа. *Перевод В. Елизаровой* 233
Одиночество мира. *Перевод В. Елизаровой* 234
Цели существа. *Перевод В. Елизаровой* 235
Жизни существа. *Перевод В. Елизаровой* 236
Страхи существа. *Перевод В. Елизаровой* 236
Старые боли. *Перевод В. Елизаровой* 236
Всесильный. *Перевод В. Елизаровой* 237
Колыбель. *Перевод В. Елизаровой* 240
Конец и начало. *Перевод М. Зенкевича* 240

AVE SOL!

Поэма

Перевод В. Елизаровой 245

ПЯТЬ ЭСКИЗНЫХ ТЕТРАДЕЙ ДАГДЫ

Роман в стихотворениях

Пролог в прозе. *Перевод Л. Осиповой* 269

Addio bella!

Первая тетрадь

«Темно, тревожно...» *Перевод О. Ивинской* 271
«Воды полуживой...» *Перевод О. Ивинской* 271
Fior di maggio. *Перевод С. Шервинского* 272
О чем поют итальянские парни. *Перевод С. Шервинского* 272
«Ты видишь, padre...» *Перевод О. Ивинской* 273
«Когда проходит мимо красавица...» *Перевод С. Шервинского* 274
«A rivederci!..» *Перевод О. Ивинской* 274
«По ночам тоскуют звезды...» *Перевод С. Шервинского* 274
«Как утро начинать с тяжелым сердцем...» *Перевод О. Ивинской* . . . 274
«Развалины опутал плющ густой...» *Перевод О. Ивинской* 275

«Ах, жизни груз не смог тащить бы...» *Перевод О. Ивинской* 275
«Пустынь сомнений мне никак не покорить...» *Перевод О. Ивинской* 275
La rabbia. *Перевод О. Ивинской* 275
«Ночью гром проходит прямо мимо дома...» *Перевод О. Ивинской* . 276
На забытый мотив. *Перевод С. Шервинского* 276
Золотая пыль на пепле. *Перевод О. Ивинской* 276
«Большой была любовь...» *Перевод О. Ивинской* 277
Monte Generoso. *Перевод С. Шервинского* 277
«Вчера казалось мне обидно...» *Перевод О. Ивинской* 277
«Платана могучие корни...» *Перевод О. Ивинской* 277
«Одно только солнце восходит...» *Перевод О. Ивинской* 278
«Мне бы в трудную минуту...» *Перевод О. Ивинской* 278
«Ты держишь в маленькой руке...» *Перевод О. Ивинской* 279
«Как луг зовет!..» *Перевод О. Ивинской* 279
«Всей красоты источник...» *Перевод С. Шервинского* 279
«Оливия...» *Перевод С. Шервинского* 279
«Дым черный медленно средь гор...» *Перевод О. Ивинской* 280
Гора тишины. *Перевод О. Ивинской* 281
«Черен взор небесный...» *Перевод О. Ивинской* 281
«Так долго, медленно...» *Перевод О. Ивинской* 281
«Ряды друзей моих...» *Перевод О. Ивинской* 282
«Мне думалось — туче ползти и ползти...» *Перевод О. Ивинской* . . 282

Вещание змеи

Вторая тетрадь

«Я к солнцу поднялся...» *Перевод О. Ивинской* 283
«Верней товарища душа моя не знает...» *Перевод О. Ивинской* 283
Это было так давно. *Перевод А. Ахматовой* 284
Аромат поляны. *Перевод А. Ахматовой* 284
Тысяча плетей. *Перевод О. Ивинской* 284
Друзья ребенка. *Перевод А. Ахматовой* 285
Детское горе. *Перевод А. Ахматовой* 285
Бегство. *Перевод А. Ахматовой* 285
Злая звезда. *Перевод О. Ивинской* 286
Старый ларь. *Перевод А. Ахматовой* 286
Глаза змеи. *Перевод О. Ивинской* 286
Всежелающее. *Перевод О. Ивинской* 287
Ворота. *Перевод О. Ивинской* 287
Сады. *Перевод О. Ивинской* 287
Милые улыбки. *Перевод О. Ивинской* 288
Внешний мир. *Перевод О. Ивинской* 288
Осень. *Перевод А. Ахматовой* 288
Мне дано право на большое счастье. *Перевод О. Ивинской* 288
Холод мира. *Перевод О. Ивинской* 289

Хватит уже отбывать барщину. *Перевод О. Ивинской* 289
Против смерти. *Перевод О. Ивинской* 289
Защитник. *Перевод А. Ахматовой* 289
У преддверья земли. *Перевод А. Ахматовой* 290
Стой, беглец! *Перевод А. Ахматовой* 290
Страж жизни. *Перевод В. Бугаевского* 290
Поток. *Перевод А. Ахматовой* 290
Великие круги. *Перевод А. Ахматовой* 291
Дух-преобразователь. *Перевод О. Ивинской* 291
Жизнь — движение. *Перевод А. Ахматовой* 291
С той стороны. *Перевод А. Ахматовой* 291
Перемол. *Перевод О. Ивинской* 292
Неперестраданное. *Перевод А. Ахматовой* 292
Где змея укусила. *Перевод О. Ивинской* 292
Ожидающееся чудо. *Перевод О. Ивинской* 292
Сито звезд. *Перевод А. Ахматовой* 293
Что такое змея. *Перевод О. Ивинской* 293
Отвратительное бремя. *Перевод О. Ивинской* 293
Слова. *Перевод О. Ивинской* 293
Опять открываю крышку. *Перевод О. Ивинской* 294
Не только жить. *Перевод А. Ахматовой* 294
Вторая молодость. *Перевод А. Ахматовой* 294

Домой

Сновидение ссыльного между двумя путями

Третья тетрадь

Домой! Домой! *Перевод В. Бугаевского* 294
«Облачко, тая...» *Перевод В. Бугаевского* 295
«Глянь, красота какая...» *Перевод Ю. Абызова* 295
Глянь на Волгу! *Перевод Л. Осиповой* 296
Красота и даль, даль, даль. *Перевод В. Бугаевского* 296
Вот она, золотая Казань! *Перевод Л. Осиповой* 297
«Уж ночь — мне страшно...» *Перевод Л. Осиповой* 297
«Рассвет, рассвет!..» *Перевод В. Бугаевского* 297
«На щедром солнышке погрейся...» *Перевод Л. Осиповой* 298
«Вот солнце, жизнь дарящее...» *Перевод В. Бугаевского* 299
«Из города идешь ты в город...» *Перевод Л. Осиповой* 299

Единственная картина

«Неожиданно замерло сердце...» *Перевод Л. Осиповой* 300
Озеро. *Перевод Л. Осиповой* 300
Холм Фелькерзама. *Перевод Л. Осиповой* 300
Дочь луны. *Перевод Л. Осиповой* 302

Церковь и кладбище. *Перевод Л. Осиповой* 302
Дом. *Перевод О. Ивинской* 302
Застенок. *Перевод О. Ивинской* 303
Сад. *Перевод О. Ивинской* 304
Опять озеро. *Перевод О. Ивинской* 304
«Ты, поезд, увозишь меня...» *Перевод О. Ивинской* 304

Красное сновидение

«Огонь закручен в ночи инфернальной...» *Перевод О. Ивинской* . . . 305
«Дым черный мне дорогу застилает...» *Перевод О. Ивинской* 305

Мимо дома

«Внезапно просыпаюсь от толчка...» *Перевод О. Ивинской* 306
«Из стужи в холод...» *Перевод Д. Виноградова* 307
Мимо. *Перевод Д. Виноградова* 307
Нас обидели. *Перевод Д. Виноградова* 308
Дорога без конца. *Перевод Д. Виноградова* 308
Жаворонок. *Перевод В. Бугаевского* 309

Бегущий

«Поезд опять несется...» *Перевод Д. Виноградова* 309
Где покой? *Перевод В. Бугаевского* 309
«Вспыхнул ты...» *Перевод Д. Виноградова* 310
Новое. *Перевод Д. Виноградова* 310
Мечта. *Перевод В. Бугаевского* 311
Убегающий. *Перевод Д. Виноградова* 312

Серебристый свет

Фата-моргана года моей родины

Четвертая тетрадь

«Вы — родина и жизнь...» *Перевод К. Арсеневой* 313
«Ни одна загадка не разгадана...» *Перевод Л. Осиповой* 313
«Тогда цветы...» *Перевод К. Арсеневой* 313
В долине все цветет, все зеленеет. *Перевод Л. Осиповой* 314
Окутан солнца золотою сенью. *Перевод Л. Осиповой* 314
«Смеешься ты...» *Перевод Л. Осиповой* 315
«Как за лесом, за горою...» *Перевод Л. Осиповой* 315
«Утро только занялось...» *Перевод К. Арсеневой* 315
Летает ворон с чайкой белой. *Перевод Л. Осиповой* 316
Одна звезда. *Перевод Л. Осиповой* 316
Две звезды. *Перевод Л. Осиповой* 316
«Так робко сыплет редкий снег...» *Перевод М. Зенкевич* 316
«Мотылек золотой, как тебя не любить?..» *Перевод Л. Осиповой* . . . 317

«Волны плещутся бурливо...» *Перевод Л. Осиповой* 317
«Не чудо ль на столе моем...» *Перевод В. Алатырцева* 317
«Тяжелые ты веки опустила...» *Перевод Л. Осиповой* 318
«Лишь боль мне юным сердце сохранила...» *Перевод Л. Хвостенко* . . 318
Вишневой косточке. *Перевод Л. Хвостенко* 318
Вновь на борьбу. *Перевод В. Бугаевского* 319
«Я всех любил вас равною любовью...» *Перевод А. Штейнберга* . . . 319
«Я голубем вернулся раньше срока...» *Перевод Д. Виноградова* . . . 319
«Сегодня воздух с морем перемешан...» *Перевод Д. Виноградова* . . . 320
«Осыпались цветы в одно мгновенье...» *Перевод Д. Виноградова* . . . 320
«Ходят люди мимо дома...» *Перевод Д. Виноградова* 321
«Целуй меня, как я тебя целую...» *Перевод Д. Виноградова* 321
«Я ухожу... Какое испытанье!» *Перевод К. Арсеневой* 321
«Всё счастье в жизни женщины мне дали...» *Перевод Д. Виноградова* 322
«Смети весь мир...» *Перевод Д. Виноградова* 322
«Сквозь смертный сон...» *Перевод Д. Виноградова* 322

Дочь луны

Повесть

Пятая тетрадь

«Однажды Джуанг-Джоу...» *Перевод Л. Осиповой* 323
Ночь, луна и звезды. *Перевод А. Тарковского* 323
Имя мечты. *Перевод С. Липкина* 323
Воздушные грезы. *Перевод С. Липкина* 323
Пена. *Перевод С. Липкина* 324
Разрывающийся волосок. *Перевод С. Липкина* 324
«Любимая, судьбой нам суждено...» *Перевод В. Инбер* 324
Ты смеешь. *Перевод С. Липкина* 325
Первое письмо. *Перевод А. Тарковского* 325
Золотые капли. *Перевод А. Тарковского* 325
Воск в руке. *Перевод С. Липкина* 326
Третья жизнь. *Перевод С. Липкина* 326
Сказочная горошина. *Перевод А. Тарковского* 326
Смертная девочка. *Перевод С. Липкина* 327
Цепкий плющ. *Перевод С. Липкина* 327
Неумирающая память. *Перевод Н. Манухиной* 327
Вновь зазеленевшие осенние листья. *Перевод С. Липкина* 327
Оливия. *Перевод С. Липкина* 328
Девочка луны в лодке. *Перевод С. Липкина* 328
Душа без цветов. *Перевод А. Тарковского* 329
Жизнь. *Перевод С. Липкина* 329
Прячу глаза от луны. *Перевод С. Липкина* 329
Слово любви. *Перевод А. Тарковского* 330

Трепет клена. *Перевод С. Липкина* 330
Ладья луны. *Перевод С. Липкина* 330
Дорога в страну счастья. *Перевод С. Липкина* 331
Опьяненный луной. *Перевод С. Липкина* 332
Астры. *Перевод С. Липкина* 332
Зажатое сердце. *Перевод С. Липкина* 332
Случайность. *Перевод С. Липкина* 333
Цветок тени. *Перевод С. Липкина* 333
Нежные поцелуи. *Перевод С. Липкина* 334
Не умеешь любить. *Перевод С. Липкина* 334
Внезапное лето. *Перевод А. Тарковского* 334
Легкость и камень. *Перевод С. Липкина* 335
На зов любви отзовись. *Перевод А. Тарковского* 335
Серебристое мерцание. *Перевод С. Липкина* 335
Высь. *Перевод С. Липкина* 336
Когда приходит осень. *Перевод С. Липкина* 336
Путь журавлей. *Перевод С. Липкина* 336
Безучастная красота природы. *Перевод С. Липкина* 337
Улыбки луны. *Перевод Ю. Петрова* 337
Связанное время. *Перевод С. Липкина* 338
Отражение. *Перевод Ю. Петрова* 338
Истерзанный стон. *Перевод Ю. Петрова* 339
Неумолкающий стон. *Перевод С. Липкина* 339
Ломается судьба. *Перевод А. Тарковского* 339
Ухожу к себе. *Перевод Ю. Петрова* 340
Где ты сам? *Перевод Ю. Петрова* 340
Ночь об этом молчит. *Перевод Ю. Петрова* 341
Что такое ночь? *Перевод Ю. Петрова* 341
Беседа. *Перевод Ю. Петрова* 342
Слезы. *Перевод С. Липкина* 343
Прощание. *Перевод Е. Великановой* 343
Рука с перстнем. *Перевод А. Тарковского* 344

ПЬЕСЫ

Огонь и ночь *(Старое сказание в новом звучании). Перевод Вс. Рождественского* 347
Вей, ветерок! *(Народная песня в пяти действиях) Перевод Н. Асеева* 462

Примечания *С. Виесе. Перевод с латышского Л. Осиповой* . . . 595

На суперобложке:

на 1-й стр. «Райнис и его образы». Худ. Г. Вилк.
на 4-й стр. «Вей, ветерок!» Худ. Г. Вилк.

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ТРЕТЬЯ
Том 173

Ян Райнис

СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ

*

Редактор Ю. Розенблюм
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Ю. Коннов
Технический редактор
Л. Титова
Корректор
Л. Коншина

*

Сдано в набор 4/X 1975 г. Подписано в печать 10/II 1976 г. Бум. типогр. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 40 печ. л. 37,32 усл. печ. л. 29,343+1 вкл.+6 нак.=30,06 уч.-изд. л. Тираж 303 000. Заказ 3438. Цена 1 р. 69 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28